

Андрэ НОРТОН

ГАРАН
ВЕЧНЫЙ

АНДРЕ НОРТОН

ГАРАН
ВЕЧНЫЙ

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

том пятый

*Кристалл с грифоном
Год единорога
Гаран вечный*

романы

Издательство «Зеленоградская книга»
Зеленоград
1993г.

**ББК 84. 7 США
Н49**

Нортон Андрэ

Гаран вечный. / Перевод с английского.

**Зеленоград: Издательство «Зеленоградская книга»,
1992г. — 416 стр. «С» — 5.**

**В пятом томе собрания сочинений Андрэ Нортон
представлены продолжение сериала «Колдовской мир» и
повесть «Гаран вечный».**

Н $\frac{4701000\ 000 - 09}{480\ (03) - 92}$ Без объявления

**ББК 84. 7 США
ISBN 5 — 86314 — 010 — 0**

© Издательство «Зеленоградская книга», 1992г.

© Перевод — «Амбер Лтд», 1992г.

© Перевод «Гаран вечный» — Несмеловой Н. Н., 1992г.

КРИСТАЛЛ С ГРИФОНОМ

Начало приключений Керована, лорда-наследника Ульмсдейла в Верхнем Халлаке.

Родился я дважды проклятым. Во-первых, моим отцом был Ульрук, лорд Ульмсдейла на севере, и о нашем роде рассказывали ужасные истории. Моим дедом был Ульм, который привел свой народ в эту северную долину, разогнал морских разбойников, основавших Ульмпорт, и ограбил одно из зданий Прежних, забрав оттуда сокровище. Все знали, что это не простая драгоценность, так как она светилась в темноте. После этого грабежа не только Ульм, но и все те, кто был с ним в том набеге, чем-то заболели и многие из них умерли.

К моменту моего рождения мой отец уже достиг среднего возраста. До моей матери у него были две жены и дети от них, но эти дети или умирали при рождении или же покидали этот мир в раннем детстве. Это были слабые и болезненные создания, но отец поклялся своей матери иметь наследника, и поэтому предпочел мою мать своей второй жене, когда ему показалось, что он уже никогда не дожидется от нее сына.

Род моей матери тоже наложил на меня проклятие. Ее звали леди Тифана, дочь Фортала из Пальтендейла, расположенного дальше на северо-западе. Когда наш народ пришел в эти края, то нас предупредили, что здесь еще остались Прежние, которые выглядят не совсем так, как наши люди. Они вступали в связь с пограничными жителями и в результате на свет появлялись те, кто были людьми лишь наполовину.

Но мой отец страстно хотел иметь наследника. Леди Тифана недавно овдовела, к тому же имела здорового и крепкого двухлетнего ребенка. Звали его Хлимер. Мой отец не стал слушать разные слухи о кровосмешении с чужой расой и с полным уважением относился к леди. Насколько я знаю, она тоже желала соединиться с моим отцом, не обращая внимания на то проклятие, которое лежало на нашем семействе за похищение сокровища Прежних.

Мое рождение произошло раньше срока и при странных обстоятельствах. Моя мать направлялась в Святилище Гуппоры, чтобы принести ей дары и попросить сына и легкие роды. Но после дня пути у нее неожиданно начались схватки.

Там не было никакого пристанища, и к тому же надвигалась буря. Поэтому ей и всей свите пришлось укрыться в том месте, которого люди обычно избегали — в одном из странных и внушающих страх строений, что остались от Превжних, владевших этими долинами задолго до того, как сюда пришли люди с юга.

Это строение было в прекрасном состоянии, как и все строения, созданные неизвестным народом. Казалось, что Превжние использовали заклинания, чтобы скреплять каменные плиты между собой, и их строения настолько успешно сопротивлялись времени и погоде, что даже создавалось впечатление, будто их покинули только вчера. Никто не мог сказать, для чего служили эти строения. На их внутренних стенах виднелись изображения мужчин и женщин, точнее тех, кто выглядел, как мужчины и женщины.

Роды были очень трудными, и женщины опасались за жизнь моей матери. А когда я родился, все они единодушно пожелали, что лучше бы я никогда не появлялся на свет. Когда мать увидела меня, она вскрикнула и потеряла сознание. И еще несколько недель после этого была не в себе.

Я был не таким, как другие дети. На ногах у меня не было пальцев, они скорее напоминали копыта, маленькие, раздвоенные, покрытые роговой оболочкой, как ногти на пальцах. Брови над глазами располагались наклонно, а сами глаза были янтарного цвета, какого никогда не бывает у людей. Поэтому каждому с первого взгляда было件нятно, что на меня наложено проклятие, хотя я был крепче и сильнее всех моих несчастных братьев и сестер, родившихся до меня. Но я не заболел и не умер. Напротив, я рос и становился все сильнее и сильнее.

Но моя мать не желала видеть меня. Она заявила, что демоны подменили ее дитя еще во чреве, а когда ей принесли меня, впадала в такое состояние, что все начинали бояться за ее рассудок. Вскоре она объявила, что у нее нет детей, кроме Хлимера и, позднее, моей сестры Лизаны — прекрасной маленькой девочки без малейших отклонений от нормы. И в ней моя мать находила утешение.

Что касается меня, то я не жил в Ульмсдейле. Меня отослали на воспитание одному из лесников. Однако, хотя моя мать и отказалась от меня, отец все же навещал меня изред-

ка, правда не представлял никому из родственников. Он дал мне имя Керован. Это имя носил известный воин нашего рода. Отец следил за тем, чтобы меня обучали владению оружием. Для этого он прислал ко мне Яго, одного из бедных дворян, который долго служил моему отцу, пока падение с горы не лишило его возможности более служить и выполнять свои обязанности.

Яго был настоящим воином. Он был не только мастером боевых искусств, которым можно обучить любого юношу с сильным телом и острыми глазами, но и мастером более тонкого искусства повелевать — искусства полководца. Отслужив отцу, он был вынужден в результате увечья вести совсем иную жизнь. Теперь он заставлял работать свой мозг, как раньше заставлял работать свое сильное тело. Нередко, просыпаясь ночью, я заставлял его над куском гладкой коры, на котором он вырезал ножом планы сражений и четким почерком выписывал свои соображения по вопросам ведения войны и осады крепостей.

Яго путешествовал больше, чем любой другой житель нашей долины. Местные жители за всю свою жизнь отходили от места своего рождения не дальше, чем за три-четыре долины. Он же в юности плыл по морям с салкарами, опасными морскими грабителями, и бывал в таких полулегендарных землях, как Карстен, Ализон, Эсткарп... Правда, о последней стране он говорил очень мало и становился беспокойнее, когда я приставал к нему, прося рассказать об Эсткарпе поподробнее. Все, что он мне рассказал, это то, что заклинания и колдовство там также обычны, как у нас колосья на полях, что все женщины там колдуньи и держатся отдельно от мужчин, и что каждый должен ходить там осторожно, с оглядкой, и держать язык за зубами.

Я всегда вспоминал Яго с теплом и любовью. Он видел во мне просто юношу, а не монстра. Рядом с ним я забывал, что отличаюсь от остальных людей, и был доволен жизнью.

Итак, Яго учил меня искусству войны, вернее тому, что должен был знать о войне наследник. Тогда он еще не знал, что такое настоящая война, и называл войной распрю между соперничающими лордами или же сражения с бандами преступников из Пустыни. Зимний голод и холод заставляли их нападать на нас, грабить наши амбары и захватывать

теплые дома и холмы. Но оказалось, что война — вещь гораздо более серьёзная и страшная. Оказалось, что это не игра по заранее разработанным и тщательно соблюдаемым правилам, вроде игр на доске, которыми у нас развлекаются долгими зимними вечерами.

Но если Яго обучал меня искусству войны, то Мудрый Человек Вайемен Ривал показал мне, что существуют другие пути жизни в мире. У нас всегда считалось, что только женщина может постичь искусство исцеления тела и духа, и Ривал казался своим соотечественникам таким же странным, как и я. Жажда знаний была у него также сильна, как у голодающего стремление добыть кусок хлеба. Иногда он уходил за травами, и не только в ближайшие леса, но даже в Пустыню. Возвращался он оттуда с огромным мешком за плечами, которому позавидовал бы любой странствующий торговец. Он был родственником Главного Лесничего и мог бродить по лесам без соблюдения каких-либо формальностей. Люди с опаской смотрели на Ривала, но когда заболело животное или человек мучился от неизвестной болезни, то всегда просили прийти именно его.

Ривал хорошо знал все травы — и те, что были известны почти всем в долине, и те, что не были известны никому. Он знал о травах все и почти каждый фермер, желающий получить приличный урожай, звал его к себе на поле и просил совета. Но он знал жизнь не только растений. Животные или птицы, нуждающиеся в помощи, приходили и прилетали к нему сами, и он терпеливо лечил их, пока они не выздоравливали.

Этого было вполне достаточно, чтобы все люди старались держаться от него подальше. К тому же все хорошо знали, что он посещает места Прежних и пытается постичь их тайны, которых наши люди боялись даже касаться. Да, наши люди боялись его, но именно это и привлекало меня.

Я был почти как все дети: хорошо слышал, что говорят обо мне без меня, слышал рассказы о моем рождении, о том проклятии, которое лежит на роде Ульма, о том, что в роду моей матери вполне возможно примешана кровь чужой расы. Доказательства и тому, и другому были заключены во мне. Мне было достаточно посмотреть в отполированный щит Яго, как в зеркало, чтобы увидеть себя.

И я направился к Ривалу, внешне гордый и независимый, но испытывающий в душе странный трепет. Он стоял на коленях перед растением с длинными, острыми, тонкими листьями, похожими на копья. Ривал не смотрел на меня, когда я приближался, но заговорил так, будто провел со мной в компании целое утро.

— Язык Дракона, как называют его Мудрые Женщины, — у него был мягкий и слегка вибрирующий голос. — Говорят, что он великолепно заживает раны, как будто зализывает их языком. Посмотрим, посмотрим... Но ведь ты пришёл сюда не для того, чтобы беседовать о растениях, не так ли, Керован?

— Конечно. Люди говорят, что ты знаешь о Прежних.

Он сел на пятки и взглянул мне прямо в глаза.

— Не так уж много. Мы можем смотреть, щупать, изучать... но их могущество... Его не поймать в сеть или в западню. Можно лишь пробовать тут и там, может что и получится. Знали они очень много, намного больше, чем мы. А мы не можем даже понять, почему они отсюда ушли, когда пришел первый из наших людей — наш предок. Мы их не прогоняли, нет. Их крепости, замки, их Святилища уже были пусты. Они ушли задолго до появления людей и понять, почему это произошло, весьма сложная задача. На это можно потратить всю жизнь и не узнать даже десятой доли.

На его загорелом лице я увидел то же самое оживление, что видел у Яго, когда он показывал хитроумный выпад мечом, или объяснял, как устроить западню. Ривал изучающе смотрел на меня.

— Что ты ищешь у Прежних? — осведомился он.

— Знания... знания, почему я не такой, как все люди... — я замолчал. Моя гордость не позволяла сказать мне вслух то, что я слышал от других.

Ривал кивнул.

— Знания должен добиваться каждый человек, а знания о себе — тем более. Но я могу не все... Я не могу дать тебе такого знания. Идем...

Он поднялся и направился в свою хижину стелющимся шагом лесного жителя. Не задавая вопросов, я пошел за ним. Так я попал в сказочный дом Ривала.

Замерев на пороге, я не мог даже двинуться, а мог лишь

смотреть на то, что находилось в доме. Я никогда не видел столько вещей, и каждая притягивала мой взор и каждую мне хотелось рассмотреть повнимательнее. В корзинах и гнездах сидели звери и птицы, которые смотрели на меня яркими глазами. Они, казалось, чувствовали себя в безопасности и не собирались прятаться. В шкафах и на полках стояли горшочки, лежали мешочки с тряпками неизвестного предназначения и мешочки с травами и корнями, валялись осколки каких-то сооружений, собранные, по всей видимости, в строениях Прежних.

В комнате стояла кровать и два стула, расположенные рядом с очагом. Все говорило о том, что главное назначение этой комнаты — служить складом, а не жилищем. Ривал стоял посреди комнаты, уперев руки в бедра и что-то отыскивая на полках пытливым взглядом.

Я понюхал воздух. Здесь была смесь тысячи запахов. Аромат трав смешивался с запахами зверей и пищи, варившейся в котелке над огнем, и это нельзя было назвать нечистым, неприятным, отвратительным запахом.

— Ты ищешь Прежних, тогда взгляни сюда! — Ривал показал на один из шкафов.

Я прошел между двумя корзинами с какими-то мохнатыми зверюшками и подошел поближе, чтобы разглядеть то, что он хотел мне показать. Здесь я увидел россыпь каких-то кусочков и две фигурки, сложенные из обломков и склеенные Ривалом. В фигурках не хватало частей, но уже можно было разобрать, что это такое.

Может, среди Прежних существовали разнообразные живые существа, а может такие существа возникли лишь в воображении скульптора — никто не мог утверждать этого наверняка.

Одна из фигурок изображала крылатую женщину, к сожалению, без головы, и человека самого обыкновенного вида, за исключением того, что на его лбу росли витые рога. Но лицо у человека было благородное, серьезное, как у настоящего полноправного лорда. Там же находилась фигурка кого-то с перепончатыми руками и ногами — вероятно, обитателя морских глубин. Еще была маленькая фигурка женщины с такими длинными волосами, что они закрывали ее всю, как плащ. Эти фигурки Ривал постарался восстановить, хотя бы

частично. Чуть сбоку лежали фрагменты — голова с короной, но без глаз и носа, тонкая рука с кольцами на пальцах. И рука и кольца были сделаны из одного и того же материала, названия которому я не знал.

Я не стал трогать их, а только стоял и смотрел. Во мне разгоралось страстное желание узнать побольше об этом народе. Теперь я понимал сжигающую Ривала страсть к поискам, его терпеливые попытки восстановить разбитые фигурки, чтобы воочию увидеть то, что создали Препредные...

Ривал тоже стал моим учителем. Я ходил с ним по местам, которых избегали другие люди. Мы искали, обсуждали, делали предположения, надеясь, что когда-нибудь обнаружим ключ, который откроет дверь в прошлое или хотя бы даст возможность заглянуть туда.

Мой отец посещал меня раз в месяц, и когда мне исполнилось десять лет, впервые заговорил со мной серьезно. Мне было ясно, что его что-то беспокоит, когда он заговорил со мной. Но я не удивился его откровенности, так как он всегда разговаривал со мной не как с ребенком, а как с человеком, который все понимает. В этот раз он был утрюм и, вероятно, хотел поговорить со мной о чем-то важном.

— Ты мой единственный сын, — начал он, и было заметно, что он с трудом подбирает слова. — И ты единственный полноправный наследник моего трона в Ульме, — затем он надолго замолчал, и я не прерывал цепочку его мыслей, которые, как я знал, теснились в его мозгу. — Но есть и такие, кто считает иначе...

— Да, есть и такие, — повторил я без всяких интонаций, как бы подтверждая факт.

Отец нахмурился.

— Тебе кто-нибудь говорил об этом?

— Никто. Я сам додумался.

Он еще больше посуровел.

— Ты пришел в этот раз к правильному заключению. Я взял Хлимера под свое покровительство, так как его мать стала хозяйкой Ульма. Но он не имеет права быть поднятым на щите к трону после моей смерти. Трон принадлежит тебе. Но они заставляют меня сделать так, чтобы Лизана обручилась с Роджером, твоим кузеном.

Я сразу понял, что он хочет сказать, но хотел услышать это напрямик. Поэтому я без колебаний спросил его:

— И Роджер унаследует Ульмсдейл по праву жены?

Рука отца потянулася к рукояти меча и стиснула его. Он поднялся и стал расхаживать взад и вперед, твердо ставя ноги на землю, словно готовясь к отражению нападения.

— Это противоречит законам, но они жужжат и жужжат об этом день и ночь, так что я почти оглох в собственном доме.

Я понял, что «они» — это моя мать, которая не считает меня сыном, но я молчал, внимательно глядя на отца, и он продолжал:

— Поэтому я хочу женить тебя, Керован. По этой женитьбе, женитьбе наследника, все поймут, что я полностью признаю твои права крови и клана. Через десять дней Плон едет в Икринт с предложением обручения. Там живет очень красивая девушка по имени Джойсан. Она на два года моложе тебя, что очень подходит для брака. Когда ты будешь женат, никто уже не посмеет отодвинуть тебя в сторону от престола, хотя твоя невеста и не придет к тебе до Года Огненного Тролля.

Я быстро прикинул в уме — значит восемь лет. Это хорошо. Свадьба не имела для меня большого значения, хотя отец считал ее делом особой важности. Я подумал, но не отважился спросить, скажут ли девушке или ее родственникам, кого ей прочтат в мужья? Но в глубине души я боялся этой встречи с ней. Однако я был еще мальчиком и все это казалось мне настолько далеким, что об этом можно было не думать. Может ещё ничего и не получится, тогда и свадьбы не будет.

Я не видел Плона, который уехал с этим поручением. Ведь он уехал из Ульма, где я никогда не бывал. А через два месяца появился отец, уже не такой несчастный и озабоченный, как раньше. Он сказал, что Плон вернулся и я обручен с невестой, которой я никогда не видел и, возможно, не увижу до дня свадьбы.

Время шло и я, поглощенный занятиями, совершенно не думал о будущей жене. Теперь я проводил много времени с Ривалом в поисках тайн Прежних. Хотя я был поручен попечению Яго, он не возражал против моих походов с Ривалом. Они были старыми друзьями, несмотря на то, что они разительно отличались друг от друга по мыслям и действиям.

Годы шли, и мой воспитатель уже не мог противостоять мне в поединках на мечах или топорах. Но в стрельбе из лука

он оставался таким же искусным, как и был. Он продолжал вычерчивать карты и разрабатывать планы сражений, и я по-прежнему уважал его, хотя и не видел в таких занятиях особой для себя пользы. Я не желал обижать старика и внимательно выслушивал его наставления. Впоследствии эти знания не раз спасали меня. Он также, как и раньше, без устали обучал меня ратному делу.

А Ривал, казалось, совсем не старился. Он легко ходил по лесам, преодолевая огромные расстояния с удивительной скоростью. Я так и не достиг его уровня знаний растений, но зато отлично понимал мир птиц и животных. Я перестал охотиться ради развлечения, и находил удовлетворение в том, что дикие животные не боятся меня.

Но самое приятное для меня заключалось в посещении мест, связанных с Прежними. Ривал проникал все дальше и дальше в Пустыню, стараясь обнаружить что-нибудь, сохранившееся от Прежних. Самым большим его желанием, как он мне поведал, было найти какие-нибудь книги или свитки.

Я был обручен в Год Змеи, Брызжущей Ядом. Близилось моё совершеннолетие, и меня всё чаще стали посещать мысли о моей будущей жене. В доме Лесника было два мальчика моих лет, но они так и не стали моими друзьями. Не только общественное положение разделяло нас, но я и сам не старался сблизиться с ними — ведь во мне было что-то нечеловеческое и это не позволяло мне приобрести друзей. Я подарил дружбу только двоим — Яго, который был достаточно стар, чтобы быть моим отцом, и Ривалу, который мог бы быть моим старшим братом, и иногда мне этого очень хотелось.

Однажды дети Лесника направились на осеннюю ярмарку. Они разделились, повязали ленты на камзолы и со смехом поехали в Ульм, громко обсуждая предстоящие приключения.

Это сильно задело меня и я подумал, что, когда леди Джойсан увидит меня, то испытает такое же потрясение, какое испытала и моя мать. Вдруг она отвернется от меня с отвращением?

По ночам меня начали мучать кошмары, и Ривал, наконец, с сердечностью поинтересовался, какая болезнь насела

на меня. И я рассказал ему правду обо всех своих сомнениях, отчаянно надеясь, что он успокоит меня и скажет, что я вижу чудовищ там, где их нет, и что мне нечего бояться, но здравый смысл подсказывал мне, что впереди меня поджидает разочарование, катастрофа.

Ривал не стал успокаивать меня. Он долго молчал, глядя на руки, которые только что пытались восстановить разбитую фигурку, а теперь спокойно лежали на столе.

— Мы всегда говорили друг другу только правду, Керован. Я тебя хорошо знаю и в спутники выбрал бы только тебя. Но разве я могу обещать, что приведу тебя к счастью? — он помолчал. — Когда-то я шел по дороге, ведущей к свадьбе, и некоторое время даже был счастлив. Но если твои отличия от других на виду, то мои отличия находятся внутри. Да, они у меня есть, и я не такой, как другие. И та, с которой я должен был разделить Чашу и Огонь, увидела эти отличия и встревожилась.

— И ты никогда не был женат? — воскликнул я.

— Не был... Но в моей жизни есть другое!

— Что же? — быстро спросил я.

— Это! — И он развел руки, как бы показывая, что находилось в его доме.

Значит, у меня будет так же. Я был обручен, так как этого требовали обычаи и спокойствие отца. То, что я слышал о браках, заключавшихся лордами, не сулило мне огромного счастья. Наследники и лорды женились, чтобы увеличить свои поместья за счет приданного невест, чтобы продолжить линию своего рода. Если впоследствии приходили любовь и уважение, то приходило и счастье в дом. Но так бывало редко.

— Может быть у тебя это получится, — проговорил Ривал. — Есть одно дело, о котором я давно размышляю. Может быть, пришла пора взяться за него.

— Идти по Дороге! — я вскочил на ноги, как будто собираясь тут же пуститься в путь, чтобы открыть тайну, ведь Дорога действительно была тайной.

Мы набрели на неё во время скитаний по Пустыне. Один вид ее заставил бы сгореть со стыда наших строителей дорог. Ведь наши дороги представляли собой протоптанные кривые тропы, пригодные лишь для передвижения верхом.

Дорога, на которую мы наткнулись, была выложена тща-

тельно подогнанными каменными плитами. В ее начале не было ничего, что могло бы объяснить, зачем она сделана. Она начиналась посреди Пустыни, примерно в полудне пути от дома Ривала. Дорога вела прямо в Пустыню — широкая, прямая и местами засыпанная желтым песком. Дойти до ее конца было нашим давним желанием. И вот мы отправляемся в путь. Это полностью вытеснило мысли о Джойсан. Теперь она была для меня всего лишь звуком, именем, и встреча с ней должна была состояться через долгие годы, а путешествие начнётся прямо сейчас.

Я ни перед кем не отчитывался в своих действиях, кроме Яго, а он в это время года ездил в Ульм, чтобы встретиться со своими товарищами по оружию и доложить отцу, как обстоят здесь дела. Поэтому я был полностью свободен и мог делать, что хочу. А хотел я сейчас пойти по Дороге.

Начало приключений Джойсан, девушки из Икринта в Итдэйле, Верхний Халлак

Я, Джойсан из Икринта, была помолвлена в Год Змеи, Брызжущей Ядом. Вообще-то этот год был неподходящим для новых начинаний, но мой дядя, лорд Пиарт, обратился за советом к даме Лорлиас из монастыря Норстатт, которая настолько хорошо понимала язык звезд, что к ней приезжали за консультацией даже издалека. Она трижды читала звезды и заявила, что мой брак совершенно необходим для моего же счастья. Сам факт бракосочетания меня не волновал, хотя он и послужил причиной долгих и утомительных церемоний. Под конец я настолько устала, что чуть не расплакалась.

Когда человеку восемь лет, то ему невозможно вникнуть в думы и тревоги, которые владеют окружающими его взрослыми людьми. Свое обручение я воспринимала как яркое и пышное представление, но не могла понять в нем своей роли.

Помню, что я была разодета и украшена жемчугом и драгоценностями. Однако все мое внимание было занято тем, чтобы выполнять суровые приказы дамы Мат и ничего не запачкать. Платье на мне было голубое, хотя мне никогда не нравился этот цвет. Я больше любила цвета, богатые

оттенками, например, цвет осенних листьев. Но голубой — это цвет невесты, и я была вынуждена надеть это платье.

Моего жениха на свадьбе не было и он не выпил со мной Чашу Жизни и не зажег Свечу Дома. На его месте был человек такой же суровый, как и мой дядя. Он показался мне очень старым, так как его борода уже была подернута серебром. На его руке я помню ужасный шрам, и я очень испугалась, когда он взял меня за руку во время церемонии. В другой руке он держал огромный боевой топор, символизирующий моего настоящего жениха, который должен соединить мою судьбу со своей. Правда, моему жениху нужно было прожить еще, по крайней мере, лет шесть, прежде чем он сможет поднять такой топор.

— Лорд Керован и Леди Джойсан! — прокричали гости и обнажили свои клинки. Их лезвия зловеще засверкали в свете факелов. Гости поклялись доказывать в будущем законность этого обручения даже с помощью оружия. От страшного шума у меня заболела голова. Возбуждение прошло и я дожидалась конца празднества, как во сне.

Старый лорд Плон, представлявший на свадьбе моего жениха, ел со мной из одного блюда. И хотя он спрашивал меня, что я желаю из тех кушаний, что находились на столе, я настолько боялась его, что не могла произнести двух слов, а его выбор блюд совершенно не совпадал с моим. Мой желудок отчаянно протестовал против насилия и меня едва не стошнило.

Чуть позже женщины уложили меня в одной ночной сорочке на громадную кровать с балдахином. Мужчины, во главе с моим дядей, принесли этот ужасный топор и положили его рядом со мной, как будто это действительно был мой жених. Такова была моя помолвка. Потом она уже не казалась мне такой странной, просто это было еще одно действие, непонятное ребенку. И только топор, который был моим партнером по брачному ложу, являлся предвестником того, что придет не только ко мне, но и ко всей нашей стране, к моему дому, Верхнему Халлаку.

После отъезда лорда Плона жизнь возвратилась в прежнюю колею. По обычаю я должна была продолжать жить под родительским кровом, пока не достигну определенного возраста и мой лорд не призовет меня к себе. Но незначитель-

ные изменения все же произошли. На больших празднествах я теперь сидела по левую сторону от дяди и ко мне обращались, называя титулом — Леди Ульмсдейла. На моей праздничной одежде теперь был не один герб, герб моего дома, а два, разделенные центральной золотой лентой. Слева был изображен прыгающий Грифон Ульмсдейла, а справа — Сломанный Меч Харба, знаменитого воина, который был основателем нашего рода в Верхнем Халлаке и прославил его, когда победил сломанным мечом ужасного Дракона Пустыни Ирр.

В мои именины, как только погода позволяла пуститься в дорогу, приходили подарки от лорда Керована с приветствиями и поздравлениями. Но сам Керован как бы не существовал для меня во плоти и крови.

С тех пор, как умерла жена моего дяди, он поручил управление замком Икринт своей сестре, даме Мат. Она занялась и моим воспитанием. Вот этому, этому и этому необходимо научиться, чтобы я была отличной хозяйкой, когда войду в дом своего мужа. Заданий становилось все больше и больше, и они становились все труднее, по мере того, как я росла. Иногда у меня возникало желание никогда не слышать об Ульмсдейле, о наследнике, и никогда не выходить замуж. Но от дамы Мат, и от её чувства долга, я ускользнуть не могла.

Я совсем не помнила жену дяди. У него почему-то не было наследника и за годы, прошедшие со дня смерти жены, он так и не женился. Я иногда думала, что он не осмеливался хоть немного принизить значение дамы Мат. То, что она умела управлять замком и приносила мир и покой всем, кто жил под ее управлением, никто не мог отрицать. Все в замке было в полнейшем порядке. В юности я никак не могла поверить, что леди Мат тоже была когда-то девушкой, и что она была помолвлена, также как и я — с помощью топора — с лордом из южных долин. Но прежде, чем она стала его настоящей женой, пришла весть, что он скончался от тяжелой болезни. Никто не знал в какой степени она переживала эту потерю. После того, как миновало время траура, она удалилась в Женский Монастырь в Норстатте, основанный для успокоения женских душ. Но до того, как она приняла суровые обеты, произошла смерть супруги брата, и она вернулась в мир, чтобы исполнять обязанности домоправительницы в Икринте.

Она всегда носила скромную строгую одежду и дважды в год путешествовала в Норсдейл на поклонение, а когда я подросла, она стала брать с собой и меня. Вопрос о наследнике дяди всё ещё не был решен, так как он до сих пор не объявил его. У него была ещё младшая сестра, которая была замужем и имела сына с дочкой, но сын был наследником своего отца, и дядя не мог назвать его своим наследником. Я была дочерью его младшего брата, но так как была девочкой, то не могла наследовать Икринт — разве что по его завещанию, которого он еще не оглашал. Мое приданое было достаточным, чтобы привлечь хорошего мужа, и дядя мог, если бы захотел, нет — это даже было его долгом, объявить наследником моего мужа.

Я думаю, что дама Мат хотела бы видеть меня в монастыре. Она желала, чтобы моя свадьба никогда не состоялась. И по правде говоря, наши поездки в Норсдейл мне нравились. Мой ум был пытлив от рождения и это привлекло ко мне внимание аббатисы Мальвины. Она была стара и очень мудра. Поговорив со мной, она предоставила мне право заниматься в монастырской библиотеке, в шкафах которой хранились громадные сокровища — свитки с записями о путешествиях, о войнах, о прошлом. Эти истории очаровывали меня.

Но больше всего меня увлекали упоминания о Прежних, которые правили этой страной до того, как наш народ пришёл на север. Я хорошо знала, что эти упоминания дошли до нас в отрывочной и искаженной форме, так как Прежние ушли отсюда до того, как пришли первые люди. Наши предки вошли в контакт только с отдельными оставшимися представителями Прежних, которые, возможно, были оставлены для того, чтобы запутать наше представление о них.

Некоторые из них представляли зло, они были врагами людей, как тот демон, которого прикончил Харб. Оставались места, в которых таилось колдовство, и человек, по глупости попавший туда, мог быть затянутым в сети черных чар. Иные из оставшихся заслуживали благодарности и даров. Такова была Гуппора — Мать Плодородия, ей поклонялись все женщины, и ее могущество могло сравниться с могуществом Очищающего Огня, которому был посвящен Женский Монастырь. Я сама носила амулет Гуппоры — зернышко, соединенное с засушенным фруктом.

Третие не были ни хорошими, ни плохими. Они не укладывались в человеческие стандарты. Иногда они проявляли удивительную капризность: одним делали добро, другим — зло, как будто взвешивали людей на своих собственных весах и затем обращались с ними в соответствии с собственными оценками. И очень редко удавалось войти в контакт с кем-нибудь из Прежних, кроме Гуппоры.

Иногда я отыскивала аббатису Мальвину в ее маленьком садике и расспрашивала ее. Она отвечала, если могла, а когда не знала ответа, то сразу же признавалась в этом. В нашу последнюю встречу я нашла ее сидящей с каким-то сосудом, поставленным возле колен. Сосуд был сделан из зеленого камня и так искусно, что, казалось, ее пальцы просвечивали сквозь камень. На нем не было никаких украшений, но его линии были настолько изящны и четки, что сосуд являлся настоящим произведением искусства. На самое донышко сосуда было налито вино. Я знала, что это вино, так как мне в нос ударил терпкий запах. Вино, согретое ее пальцами, пахло виноградом. Мальвина медленно покачивала кубок и вино омывало его стенки. Аббатиса не смотрела в кубок, она испытующе смотрела на меня. Мне стало как-то неловко и я стала припоминать, не совершила ли я каких-нибудь прегрешений.

— Я много раз пыталась это сделать, Джойсан. И этим утром я проснулась с желанием повторить попытку для тебя. В юности у меня был дар предвидения, это действительно дар, хотя многие в этом сомневаются. Многие, боящиеся того, чего нельзя попробовать на вкус, потрогать, услышать. Этим даром нельзя управлять. Те, кто обладает этим даром, не могут вызвать его, они должны терпеливо ждать, когда он сам проявит себя. И сегодня, если ты желаешь, я могу попытаться использовать его для тебя, но получится ли что-нибудь у меня, я не знаю.

Меня охватило возбуждение. Я слышала о даре предвидения. Им обладают Мудрые Женщины — вернее, некоторые из них. Но, как сказала аббатиса, этот дар нельзя натренировать, заострить, чтобы он всегда был готов к использованию, как меч мужчины или игла женщины — им можно было пользоваться только тогда, когда он приходит сам, и бесполезно пытаться управлять им по собственному желанию. Но к моему возбуждению примешивался страх. Одно дело чи-

тать, слушать рассказы о таком могуществе, и совсем другое — видеть его в действии и применительно к себе. Но даже страх не заставил меня сказать «нет» в ответ на ее предложение.

— Встань передо мной на колени, Джойсан. Возьми сосуд двумя руками и держи его ровно.

Я сделала, как приказала аббатиса, держа сосуд так, как держат ветку, готовую вспыхнуть в любой момент. Затем Мальвина наклонилась вперед и притронулась пальцами правой руки к моему лбу.

— Смотри в вино и думай, что это картина... картина... — странно, но голос ее все удалялся и удалялся от меня. Я смотрела в кубок и видела в нем уже не темную жидкость. Мне казалось, что я смотрю в огромное, безграничное черное зеркало, висящее в пустоте. Оно не было блестящим, как обычное зеркало. Черная поверхность подернулась туманом. Его струйки постепенно образовывали смутные шевелящиеся тени. Я увидела круглый блестящий шар и в нем то, что было мне знакомо — грифона, отливающего белым блеском. Сначала шар был большим — он занимал все зеркало. Потом он начал быстро уменьшаться, и я увидела, что он прикреплен к цепи. Цепь держала рука, и шар вращался. Грифон то поворачивался ко мне, то отворачивался. Во мне росло убеждение, что этот шар имеет огромное значение для моей жизни.

Теперь он стал уже совсем маленьким и рука, держащая его, тоже стала уменьшаться. Вскоре появилось тело, которому принадлежала эта рука. Я увидела мужчину. Лицо его было повернуто в другую сторону и я его не видела. На нем была надета кольчуга, прикрывающая горло, на поясе висел меч — и никаких эмблем, по которым я могла бы опознать, к какому роду он принадлежит. Ничего, кроме загадочного шара. Затем мужчина ушел, как будто его кто-то вызвал. И зеркало вновь стало темным и безжизненным.

Рука Мальвины отошла от моего лба, и когда я подняла на нее глаза, то увидела, что лицо её побледнело. Поэтому я быстро поставила кубок на землю и отважилась взять ее руки в свои, чтобы помочь. Она слабо улыбнулась.

— Это требует немало сил, а они у меня на исходе, но я обязана была это сделать. Скажи, дочь моя, что ты узнала?

— Разве ты ничего не видела? — удивилась я.

— Нет, это было только для тебя.

Я рассказала обо всем, что прошло передо мной: о грифоне, заключенном в шар, и о человеке в боевых доспехах, который держал шар. И закончила словами:

— Грифон — это герб Ульма. Может быть, я видела лорда Керована, с которым обручена?

— Может быть, — согласилась Мальвина. — Мне кажется, что этот грифон имеет огромное значение для твоего будущего, и если он когда-нибудь попадет в твои руки, храни его. Вполне может быть, что в нем содержится могущество, которым обладали Прежние. А теперь позови даму Алусан. Мне нужно что-нибудь укрепляющее. Но не говори ей, чем мы тут занимались, так как взгляд в будущее — это весьма интимное дело и о нем не следует распространяться.

Я не рассказала об этом никому, даже даме Мат. Аббатиса изобразила, что ей просто нехорошо, и все дамы суетились вокруг нее, так как очень ее любили. Никто не обратил на меня внимания. Я взяла сосуд с собой, отнесла в гостиную и поставила на стол.

Я смотрела и смотрела на него, но не видела ничего, кроме вина — ни темного зеркала, ни движущихся теней. Но в памяти сохранилось видение грифона, и если бы я умела рисовать, то смогла бы изобразить его в мельчайших деталях. Я размышляла, что бы это могло означать. Этот грифон несколько отличался от грифона на гербе Ульма. У него, как и положено, были крылья и голова орла. Но задняя часть, с ногами и хвостом, была как у льва — зверя, которого можно было встретить лишь на юге. На голове орла красовались львиные уши.

По верованиям нашего народа грифон символизирует золото — тепло и величие солнца. В старых легендах утверждается, что грифон охраняет спрятанные сокровища, поэтому грифонов всегда изображали, используя красный и золотой цвета — цвета солнца. Но этот грифон был заключен в шар белого цвета — белый грифон.

Вскоре после этого события дама Мат и я вернулись домой в Икринт. Но оставались мы там недолго. Был Год Коронованного Лебедя, мне исполнилось четырнадцать лет, и пора было готовить одежду и все такое, что я должна была взять с собой, когда лорд Керован призовет меня к себе. А это могло произойти через год или два.

И мы поехали в Тревампер — город расположенный на стыке торговых путей. Здесь собирались все торговцы севера и предлагали свои товары. Даже салкары — морские разбойники, весьма неохотно покидавшие царство ветра и волн, тоже приезжали в Тревампер. В нём мы случайно повстречались с моей тетей Ислайгой, ее сыном Тороссом и дочерью Инглидой.

Она сердечно приветствовала даму Мат, но я видела, что это фальшивая вежливость, так как сестры не любили друг друга. Леди Ислайга изображала на лице улыбку, поздравляя меня с удачной помолвкой, которая соединит меня с домом Ульма.

Когда старшие занялись своими разговорами и перестали обращать на детей внимание, ко мне подошла Инглида. Мне показалось, что смотрит она на меня с неприязнью. Это была плотная девушка, в богатой одежде. Волосы ее были распущены и на их кончиках были подвешены серебряные колокольчики, которые мягко звенели при движениях. Это легкомысленное украшение не подходило к ее широкому плоскому лицу с чересчур маленьким ртом, который был постоянно поджат, словно она хранила тайну и не желала ни с кем ею делиться.

— Ты знаешь, как выглядит твой жених? — ехидно спросила она.

Мне стало беспокойно под этим пристальным взглядом. Я чувствовала, что Инглида плохо ко мне относится, но не могла понять почему, так как мы едва знали друг друга.

— Нет, — я сразу насторожилась, как всегда, когда ощущала к себе враждебное отношение. Но лучше узнать правду сейчас, чем в тревоге ждать ее. И впервые я подумала о том, что никогда раньше об этом не задумывалась. Почему Керован не прислал мне свой портрет? Обычно, в случае обручения на топор, портрет жениха привозили.

— Жаль, — в ее взгляде я прочла нескрываемое торжество. — Посмотри, вот мой жених, Эльван из Риндейла. — Она вытащила из кошелька портрет, на котором было изображено чье-то лицо. — Он прислал мне его в подарок два года назад.

На портрете было лицо человека средних лет, далеко не юноши. И оно мне совсем не понравилось, хотя, может быть, просто художник был не очень хорошим. Но было ясно, что Инглида невероятно гордится портретом.

— Кажется, это серьезный человек, — это было лучшее, что я смогла придумать, чтобы похвалить ее жениха. Но чем больше я смотрела на портрет, тем больше он мне не нравился.

Инглида восприняла мои слова, как похвалу. Я на это и надеялась.

— Риндейл — это горная долина. Там все занимаются производством шерсти и торгуют. Мой жених уже прислал мне это и это... — она показала на янтарное ожерелье, а затем протянула руку с кольцом в виде змеи. Глаза змеи были сделаны из красных драгоценных камней.

— Змея — эмблема его рода. Это кольцо он прислал мне в подарок. Это его собственное кольцо. Следующей осенью я поеду к нему.

— Желаю тебе счастья.

Ее бледный язычок лизнул верхнюю губу. Она явно пыталась что-то сказать, но не решалась. Наконец, она все-таки решилась и склонила ко мне голову. Я изо все сил старалась не отодвинуться. Ее близость пришлась мне не по вкусу.

— Мне бы хотелось пожелать тебе того же самого, дорогая родственница.

Я понимала, что мне не следует спрашивать ее ни о чем, но всё же спросила помимо желания:

— А почему бы и нет, родственница?

— Мы гораздо ближе к Ульмсдейлу, чем вы. Мы... мы многое слышали, — она с таким выражением произнесла последнее слово, что это произвело на меня впечатление. При всей моей неприязни к кузине, я не могла не выслушать ее.

— Что же именно? — в моем тоне прозвучал вызов. Она заметила это и наверняка получила удовольствие.

— О проклятии, родственница. Разве тебе не сообщили, что наследник Ульмсдейла находится под двойным проклятием? Даже его собственная мать отказывается видеть его лицо с самого момента рождения. Разве тебе не сказали этого? — повторила она с торжеством. — Сожалею, но я должна разрушить твои мечты об отважном юном лорде. Он — чудовище, и должен жить отдельно от людей, так как никто не может смотреть на него без содрогания.

— Инглида! — это прозвучало подобно удару хлыстом и она вздрогнула, как будто ее ударили. Рядом с нами стояла дама Мат и было очевидно, что она все слышала.

Ярость ее была так велика, что мне стало ясно: Инглида говорила правду или что-то весьма близкое к ней. Только правда могла так вывести из себя обычно невозмутимую даму Мат. Она не сказала больше ни слова, но посмотрела на Инглиду с такой злобой, что та отшатнулась, побледнела, вскрикнула и убежала. Но я осталась на месте и встретила взгляд дамы Мат. Всё во мне похолодело. Я задрожала.

— Проклятие! — прошептала я. Монстр, на которого отказывается смотреть собственная мать! О, Гуппора! Что они со мной сделали, навязав это чудище? Я думала, что кричу вслух, но на самом деле молчала. Молчала, дрожала и смотрела. Вскоре я смогла овладеть собой, и медленно заговорила, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. Я решила узнать сейчас, и именно сейчас, всю правду.

— Во имя Огня, которому ты служишь, леди, скажи мне всю правду. Ее слова — правда? Я обручена с человеком, не похожим на других людей? — я не могла заставить себя произнести слово «монстр».

Я надеялась, что сейчас дама Мат все смягчит и скажет, что все обстоит не так. Но она села рядом. Лицо ее стало строгим, хотя вспышка гнева утасла.

— Ты уже не ребенок, Джойсан. Скажу тебе все, что знаю. Это правда, что Керован живет отдельно от родных, но он не монстр. На род Ульма наложено проклятие, а его мать родилась в северных долинах, где, как говорят, кровь людей смешалась с кровью Прежних. Поэтому в нем течёт их кровь. Лорд Пиарт удостоверился в этом перед тем, как согласиться на обручение.

— Но он же живет отдельно! Это правда, что его мать, которая родила его, отказывается смотреть на него? — холод во мне стал таким жестоким, что я едва сдерживала себя.

Но дама Мат была со мной вполне искренна.

— Это из-за обстоятельств его рождения. Она набитая дура, — и затем она рассказала мне о том, как лорд Ульма не смог получить наследника от своих жен по причине своего проклятия. Тогда он женился в третий раз на вдове, которая родила ему сына раньше времени, в стенах одного из строений Прежних. И она в страхе отвернула свое глупое лицо от сына, так как решила, что его послали Прежние. Но ребенок вовсе не был монстром. Его отец поклялся в этом Великой Клятвой, нарушить которую не осмелится никто.

Так как дама Мат рассказала мне все, ничего не скрывая,

я поверила ей и мое смятение улеглось. Затем она добавила: — Радуйся, Джойсан, что тебе достался молодой муж. Инглида, несмотря на свое хвастовство, вышла замуж за человека, у которого уже была жена и который настолько стар, что годится ей в отцы. Он не станет покрывать ее тупость и потакать глупостям молоденькой дурочки. Она увидит, что ее муж будет гораздо менее терпим к ее капризам и лени, чем мать, и еще не раз пожалеет, что сменила дом родителей на дом мужа. Керован же — человек, с которым интересно общаться. Он не только умел в обращении с оружием, что занимает ум большинства мужчин, но также изучает древние книги и занимается исследованием наследия Прежних, как и ты. Да, ты можешь гордиться своим мужем. Ты умная девушка и не позволяй завистливым словам этой тупой дурочки воздействовать на свой разум. Я могу поклясться Огнем, если ты захочешь этого, а ты знаешь, что такую клятву я никогда не нарушу, что я не допустила бы твоей свадьбы с монстром!

Я хорошо знала даму Мат и ее заверения меня полностью успокоили. Но все же, в дальнейшем, я все чаще и чаще задумывалась о том, что же представляет собой Керован.

Мне было трудно поверить в то, что мать может отвернуться от своего ребенка. Может быть то, что она родила его в здании Прежних, помутило ее разум. Ведь рожала она в страхе и боли. А я знала, что многие места Прежних полны черного колдовства, враждебного к людям. Она могла пасть жертвой колдовства во время тех часов, что корчилась в родовых муках.

И все время, что мы находились в городе — ни тетя, ни ее дочь более не подходили к нам. Возможно, дама Мат высказала им свое мнение о том, что сообщила мне Инглида. Я была рада, что мне не пришлось вновь увидеть ее бледное полное лицо, ее поджатые губы, ее испытующий взгляд.

Керован:

Для большинства наших людей Пустыня являлась страшным местом. Там скрывались преступники, которые считали ее своей вотчиной. Там бродили охотники, еще более дикие, чем преступники. Они приносили из Пустыни меха

незнакомых зверей, а также куски золота, но не самородки, а куски каких-то изделий, теперь разломанных.

Они приносили и неизвестный металл, который у нас очень ценился. Кузнецы делали из него великолепные мечи и кольчуги, которые были чрезвычайно крепкими и не ржавели. Но иногда этот металл обладал страшными свойствами: он взрывался и разрушал все вокруг. Кузнецы охотно брали его, но всякий раз опасались, не попал ли в их кузницу кусок проклятого металла.

Те, кто приносил этот металл, тщательно скрывали место, где брали его. Ривал был уверен, что они брали его не с поверхности, а выкапывали из-под земли. Видимо, какое-то строение древних постигла катастрофа, в результате которой металл оплавился в бесформенные куски. Ривал пытался выпытать что-нибудь у некоего Лагона, торговца, который дважды проходил через наш лес, но тот отказался что-либо сообщить.

Поэтому не только дорога привлекала нас. В пустыне было еще много тайн, требующих разгадки. И такие путешествия мне чрезвычайно нравились. Мы дошли до места, где началась дорога, к середине утра, и долго стояли перед ней, не решаясь поставить ногу на гладкую поверхность, кое-где засыпанную песком. Здесь была первая загадка таинственного пути, так как дорога кончалась резко, словно эту прямую полосу обрубил меч какого-то великана. Но если даже такое и случилось, то где же остаток дороги по другую сторону удара? Дорога кончалась и дальше не было ни следа, даже его тени. Почему дорога пришла к этому месту, где ничего не было? Конечно, вполне возможно, что разум Прежних был построен совсем иначе, чем у людей, и нам было сложно судить о их намерениях.

— Совершенное место... А сколько лет прошло с тех пор, как здесь ходили люди, Ривал? — спросил я.

Он недоуменно пожал плечами.

— Кто знает? И люди ли сделали ее? Но если дорога так кончается, то начало может быть интересным.

Мы ехали на маленьких неприхотливых лошадках, привычных к езде по пустыне. Они могли проехать большое расстояние с минимальным запасом еды и питья. На третьей лошади были сложены наши пожитки. Оделись мы так, как

одеваются торговцы металлом, и тот, кто захотел бы следить за нами, наверняка решил бы, что мы тоже обитатели пустыни. Ехали мы очень осторожно, прислушиваясь к каждому звуку и внимательно наблюдая за окружающим. Только тот, кто все время настороже, может надеяться избежать ловушек и прочих опасностей в этой стране.

Пустыня не была пустыней в буквальном смысле слова, но растительность тут была скудной, а трава выжжена солнцем. Временами встречались рощи, где толстые деревья росли вплотную друг к другу. Кое-где возвышались скалы, похожие на колонны.

Некоторые из камней были обработаны, если и не людьми, то какими-то существами, владеющими инструментами. Но время и непогода так выветрили их поверхность, что следы обработки стали едва заметны. Нам встретились остатки стены, затем мы увидели пару колонн, вероятно поставленных при входе куда-то.

Но мы проезжали мимо таких мест, потому что исследовать их у нас не было времени. На равнине царила тишина. День выдался безветренным. Стук копыт наших лошадей по каменным плитам разносился далеко по сторонам, и я вскоре начал беспокойно оглядываться. Мне начинало казаться, что за нами следят преступники.

Рука моя помимо воли потянулась к рукояти меча, как бы готовясь отразить нападение. Но когда я взглянул на Ривала, то обнаружил, что он едет спокойно, правда изредка поглядывая по сторонам.

— Мне кажется, — я подъехал к нему, — что за нами следят. — Мне пришлось немного поступиться гордостью, но он лучше знал эту страну.

— Здесь, в Пустыне, так всегда бывает.

— Преступники? — мои пальцы сжали рукоять меча.

— Возможно. Но скорее всего, что-нибудь другое, — его глаза не желали встретиться с моими и я понял, что он не может это объяснить. Может быть, он просто не желал выказывать передо мной свою тревогу. Я ведь был моложе его и менее опытен в таких путешествиях.

— Это правда, что Прежние оставили после себя стражей?

— Что могут знать люди о Прежних? — ответил он вопросом на вопрос. — Хотя это не исключено. Когда человек идет

по пути Прежних, ему часто кажется, что за ним следят. Но со мной никогда ничего худого не случилось, только слежка. Если они в действительности оставили стражей, то они сейчас слишком стары и бессильны. Они ничего не могут сделать, кроме слежки.

Эти слова не смогли меня успокоить. Я продолжал вертеть головой во все стороны, но ничего не шевелилось в этой плоской пустыне, где пролегалла дорога, прямая, как стрела.

В полдень мы остановились на обочине, поели и напоили лошадей из бурдюков. Солнце скрылось за серыми тучами. Я не заметил облаков, которые говорили бы о приближении бури, но Ривал почему-то понюхал воздух.

— Нужно искать укрытие, — заявил он, и в его голосе звучали тревожные нотки.

— Но я не вижу для этого причин.

— Буря приходит здесь быстро и без предупреждения, — он взглянул вдаль и указал мне на темное пятно впереди, возможно, это были развалины.

Мы устремились к ним, но вскоре обнаружили, что эти развалины находятся от нас довольно далеко. Над землей уже нависла дымка, искажающая размеры предметов, так что они казались ближе, чем на самом деле. Наконец, мы добрались до намеченного места, и как раз вовремя, так как небо было уже не серым, как в пасмурный день. Оно потемнело. Скоро наступит вечер.

Тут можно было укрыться, хотя эти развалины были настолько стары, что никто не смог бы сказать, чем они были раньше. К счастью, мы обнаружили там и более сохранившиеся фрагменты. Среди обломков мы нашли часть комнаты с остатками крыши над головой. Мы зашли туда вместе с лошадьми и кладью.

Ветер уже свирепствовал. Он поднимал клубы пыли, которая забивала нам рты, глаза и ноздри. Мы едва успели спрятаться. В комнате ничего не было видно из-за плотной завесы пыли.

Но длилось это недолго. Над головой раздался жуткий раскаты грома, как будто шла в бой какая-то могучая армия. Небо прочертила ослепительная молния. Было ясно, что она вонзилась в землю где-то совсем рядом, а затем хлынул дождь. Он мгновенно прибил пыль, но не успели мы огля-

даться, как перед нами встала иная завеса — на этот раз водяная.

Вода ручьями бежала по выщербленному полу и мы забрались в самый дальний угол помещения. Лошади фыркали, ржали, косили глазами, перепуганные разбушевавшейся стихией. Но я считал, что нам вполне повезло с укрытием, хотя вздрагивал и съеживался при вспышках молний. Гром буквально оглушал нас. Мы сжались в комочки и крепко держали поводья, чтобы лошади не сбежали, обезумев от страха. Но вскоре они начали успокаиваться, перестали вертеть головами, и я постепенно расслабился.

Темнота была кромешной, точно глухой ночью, и у нас не было факелов. Хотя мы тесно прижались друг к другу, дождь так шумел, что мы не могли услышать друг друга, не крича. А мы не осмеливались здесь кричать.

Чем были прежде эти руины? Здание стояло близ дороги и вполне могло быть таверной. А может быть это было помещение патрульного поста, или даже замок. Ривал говорил: «Кто может понять намерения Прежних?»

Свободной рукой я ощупывал стену. Поверхность была совершенно гладкой, в отличие от внешних сторон, которые были выщерблены временем. Мои пальцы не могли нащупать места соединения плит. Но должны же эти блоки где-то соединяться между собой? Внезапно...

Люди спят и видят сны, но я могу поклясться, что не спал. А если это и был сон, то сон, какой я увидел впервые в жизни.

Я видел дорогу, и видел, что по ней двигаются, но не мог ничего разглядеть из-за плотного тумана. Я видел лишь силуэты, напоминавшие людей. Но были ли это люди? И хотя я не мог рассмотреть их, эмоции, испытываемые ими, захлестнули меня. Все они двигались в одном направлении, и это было отступление, бегство. Какое-то всепоглощающее чувство... нет, это было не поражение, не бегство от наступающего на пятки врага. Это было отступление перед стихией. Казалось, что они уходят из страны, в которой долго жили, пустив глубокие корни.

Я понял, что они не принадлежат, во всяком случае, к одному народу. В одном из них, проходящем в этот момент мимо меня, я уловил острое чувство сожаления, потери, такое острое и четкое, как будто он кричал об этом громко и на

понятном мне языке. Понять чувства других мне было сложнее, хотя было совершенно очевидно, что они не менее глубоки.

Но вот основная часть процессии прошла. Теперь передо мной проходили небольшие группы тех, кому, вероятно, было труднее всего уходить. Слышал ли я их плач сквозь шум дождя? Скорее всего они плакали мысленно, и горе их так действовало на меня, что я не мог смотреть на них спокойно. Я закрыл глаза и ощутил, как по моим пальцам и пыльным щекам потекли горькие слезы.

— Керован!

Наконец призрачные тени исчезли. Осталась только свирепая буря. На моем плече лежала рука Ривала. Он тряс меня, как бы стараясь пробудить ото сна.

— Керован! — в его голосе слышались повелительные нотки. Я тщетно пытался рассмотреть что-либо во мраке.

— В чем дело?

— Ты... ты плачешь, что с тобой?

Я рассказал ему о народе, который уходил куда-то, охваченный горем.

— Может быть, у тебя было видение, — произнес он задумчиво, когда я закончил свой рассказ. — Может быть, так Прежние покидали эту страну. Ты никогда не пробовал себя в ясновидении? Не проверял себя на наличие в тебе Силы?

— О, нет! — я решил, что мне не нужна еще одна тяжесть, которая окончательно отделит меня от людей. Достаточно было того, что на моем теле отразилось проклятие, лежащее на нашем роду, и я не хотел добавлять к этому еще и ясновидение. Я не желал идти по пути, по которому идут Мудрые Женщины и некоторые мужчины, вроде Ривала. И когда Ривал предложил мне испытание, я быстро и без сомнений отказался. Ривал не настаивал. Идти по этому трудному пути можно только добровольно и самостоятельно. Этот путь требовал более суровой дисциплины, чем путь воина. Здесь царили свои законы.

Когда буря стихла, небо снова просветлело и мы смогли двинуться дальше. В выбоинах и ямах стояла вода. Мы наполнили свои бурдюки и досыта напоили лошадей. Мы ехали, и я все время думал, что же это было — сон или видение? Но уже вскоре я потерял ту остроту сопереживания, которая так воздействовала на меня. И я был рад этому.

Дорога, которая до этого все время шла прямо, теперь стала описывать широкую дугу, отклонявшуюся к северу. Она вела все дальше в неизвестность Пустыни. Впереди мы заметили темно-голубую линию в вечернем небе, видимо там лежала горная цепь. Земля здесь была более плодородной, все чаще попадались деревья, а не чахлые кустарники, окруженные засохшей травой. Вскоре мы добрались до моста, переброшенного через бурный поток. И тут мы остановились на ночлег. Ривал настоял, чтобы мы устроились не на берегу, а на песчаном мысу, врезавшемся в поток. После дождя вода в реке поднялась, и бурные волны разбивались о прибрежные камни, обдавая нас брызгами.

Я с неудовольствием принял решение Ривала, так как считал, что место выбрано довольно неудачно, и что оно слишком опасно из-за близости воды. Вероятно Ривал угадал мое настроение, потому что сказал:

— Это опасная страна, Керован. Лучше принять обычные предосторожности... и необычные тоже.

— Обычные предосторожности?

Он показал на воду.

— Через такой бурный поток не перейдет никто. В случае нападения нам придется защищаться лишь с одной стороны.

Это действительно была обычная предосторожность. Я раскидал камни, очистив место для нас и животных. Ривал запретил разводить костер, хотя бурная речка нанесла много топлива. В воде была своя жизнь. Я заметил мелькнувшую тень и решил, что здесь водится рыба громадных размеров, хотя мною и владело беспокойное ощущение, что тень не была рыбой. Но я подумал, что не стоит слишком углубляться в неизвестность.

Мы решили выставить часового, как будто находились в окружении врагов. Когда наступила моя очередь сторожить, то я был настолько встревожен, что в каждой тени мне чудилось подползающее чудовище, но я постарался взять себя в руки и успокоиться.

Хотя днём солнца не было, ночью луна появилась во всем блеске. Ее яркие лучи, освещая долину, делали ее черно-серебряной, серебряной — на открытом пространстве, черной — в тени. В этой Пустыне была своя жизнь. Мы слыша-

ли отдаленный стук копыт и наши лошади заржали и забеспокоились. Видимо, это были их дикие собратья. Однажды я услышал далекий печальный зов, подобный вою волка, вышедшего на охоту. И что-то большое и крылатое медленно и бесшумно пролетело над нами, как бы рассматривая, кто же это вторгся в его владения. Но эти звуки не были пугающими сами по себе: о существовании диких лошадей знали все, волки забегали даже в долины, а крылатые хищники водились повсюду.

Нет, вовсе не эти звуки тревожили меня. Меня тревожило то, чего я не слышал. Я был уверен, что в этой серебристо-черной долине скрывается кто-то или что-то, что следит за нами и прислушивается так же внимательно, как и я. Но я никак не мог решить — добро это или зло.

Утреннее солнце разогнало все мои страхи. В дневном свете долина выглядела не такой жуткой. Она была открыта взгляду и пустынна. Мы переехали мост и поехали дальше по дороге к заметно приблизившимся горам.

К полудню мы добрались до подножия гор. Их вершины были остры, как лезвия ножей. Дорога начала петлять. Она сузилась до того, что по ней можно было проехать только двоим одновременно, поворачивала направо и налево, спускалась вниз и поднималась вверх. Казалось, что те, кто прокладывал эту дорогу, следовали по самому легкому маршруту в лабиринте гор. Прежние и тут оставили свои следы. На каменных плитах мы видели множество изображений. Встречались лица, похожие на человеческие, а иногда мы замечали физиономии каких-то жутких существ. На некоторых плитах мы видели высеченные надписи, и Ривал терпеливо срисовывал их.

Хотя никто ещё не смог прочесть письма Прежних, Ривал надеялся, что когда-нибудь ему удастся сделать это. Он истратил так много времени на копирование, что полдень застал нас в узком ущелье, где мы решили отдохнуть, устроившись под самым подбородком широкого лица, надменно смотрящего на нас из глубины утеса, на котором оно было высечено.

Я долго разглядывал его и чем больше я смотрел, тем более знакомым казалось мне это лицо, хотя я и не мог сказать, почему и откуда. И хотя сейчас мы были окружены

причудливыми изображениями, у меня пропало ощущение, что за нами следят. Впервые за время нашего путешествия у меня поднялось настроение.

— Почему здесь столько изображений? — удивлялся я. — Чем дальше мы продвигаемся, тем их становится больше.

Ривал проглотил кусок хлеба и, подумав, ответил:

— Возможно, мы приближаемся к очень важному месту — к Святилищу, а может и к городу. Может, это часовые... Годами я собирал и анализировал рассказы торговцев, и никто из них не забирался так далеко по этой дороге.

Я заметил, что он возбужден и ждет какого-то важного открытия, самого важного из тех, что он сделал за долгие годы путешествий по этой Пустыне. Он быстро поел, нетерпение уже овладело им, также как и мной. Мы не стали задерживаться под этим гигантским подбородком и поскакали дальше. Дорога продолжала извиваться между горами и изображения стали более сложными. Теперь это были уже не головы и лица. Линии образовывали замысловатые узоры. Ривал остановился перед одним из них и трепетно воскликнул:

— Великая Звезда!

Всматриваясь в изображение, я с трудом выделил взглядом пятиконечную звезду. Она была так искусно замаскирована в лабиринте линий, что найти ее было довольно сложно.

— Великая Звезда? — произнес я с непониманием.

Ривал соскочил с лошади, подошел к утесу и начал ощупывать глубоко высеченные линии, как бы желая, чтобы его пальцы подтвердили истинность того, что видели глаза.

— Насколько я знаю, это способ вызова одного из самых Могущественных, но кроме изображения, от ритуала ничего не осталось. Никогда раньше я не видел такого сложного рисунка. Я должен перерисовать его.

Он достал рог с чернилами, перо, кусок пергамента и принялся за работу. Я изнемогал от нетерпения, наблюдая, как он любовно и аккуратно прорисовывает каждую черточку, то и дело сверяясь с оригиналом.

— Я пройду немного, — сказал я.

Ривал что-то хмыкнул в ответ, не отрываясь от работы.

Я поскакал по дороге, сделал поворот и... дорога кончилась!

Передо мной возвышалась каменная плита и никаких намеков на дверь или ворота. Мощеная дорога кончалась перед этим утесом. Не веря своим глазам, я смотрел на такой резкий и бессмысленный конец нашего путешествия, на которое мы возлагали столько пламенных надежд. Дорога начиналась ниоткуда и кончалась в... Зачем же тогда нужна была эта дорога? Каким целям она служила?

Я сошел с коня и пробежал пальцами по каменным плитам. Это был настоящий твердый камень — дорога находилась лишь за мной, упираясь в камень и заканчиваясь на нем. Я прошел сначала в одну сторону, затем в другую, пытаясь обнаружить хоть какой-то смысл во всем этом. С каждой стороны находилось по колонне, как будто они обрамляли какой-то вход, портал. Но самого портала не было!

Я подошел к левой колонне, дотронулся до нее и тут же заметил у ее подножия что-то непонятное — полузасыпанный песком какой-то блестящий предмет. Я опустился на колени и сначала пальцами, а затем кончиком ножа выцарапал находку из каменной расщелины. В моей руке находился странный поблескивающий предмет. Это был шар, маленький блестящий шар. Вероятно он пролежал здесь довольно долго, среди этих грубых камней, и все же на нем не было видно ни единой царапины.

Внутри шара я увидел изображение грифона, как будто сделанное искусным ювелиром — резчиком драгоценных камней. Грифон был гербом нашего рода. Одна нога с когтями у него была поднята, а клюв раскрыт, словно он собирался изречь какую-то мудрость. В шаре, прямо над головой грифона, находилось золотое перекрученное кольцо, как бы звено цепи.

Я стоял, держа шар в руке, и свет его становился все сильнее. И я мог поклясться, что шар нагревался. Тепло, исходящее от него, было мне приятно. Я держал шар на уровне глаз, чтобы повнимательнее рассмотреть грифона. Теперь я видел, что глаза его сделаны из красных камней, и эти глаза мерцали, хотя на них не попадали лучи солнца. Казалось, они жили своей жизнью.

У Ривала я видел множество различных обломков, но мне впервые попалась целая вещь — совершенно целая и неповрежденная — за исключением остатка цепи, которую легко

можно было восстановить. Должен ли я отдать ее Ривалу? Когда я смотрел на Грифона, я чувствовал, что он предназначен именно мне, что эта находка не просто мое везение — шар сделан для меня. Но я не знал его предназначение. Может, действительно, ко мне через мать проникла доля крови Прежних и поэтому шар так странно знаком мне.

Я принес шар Ривалу. Когда он взглянул на него, на его лице выразилось безграничное удивление.

— Сокровище... и оно принадлежит только тебе, — медленно проговорил он, как будто ему не хотелось произносить этих слов.

— Нашел его я, но сокровище принадлежит в равной степени нам обоим, — я заставил себя быть великодушным.

— Нет, не может быть простой случайностью, что нашел шар с грифоном тот, у кого грифон — герб рода, — тут он протянул руку и коснулся левой стороны моего камзола, где красовалась голова грифона. Он даже не стал брать шар в руки, хотя внимательно осмотрел его. — Эта вещь обладает Силой, — высказался он, наконец. — Ты чувствуешь в нем жизнь?

Я чувствовал. Тепло, которое излучал шар, грело меня, и я не мог этого отрицать.

— Его можно использовать по разному, — тихо проговорил Ривал, прищурив глаза. — Он может осуществлять связь между людьми, может открыть дверь без ключа. Шар будет твоей судьбой и поведет тебя в загадочные места.

Хотя он никогда не говорил о своей способности к ясно-видению, я понял, что он уловил тогда какую-то тайную силу, которая позволила ему увидеть будущее шара, найденного мной.

Я завернул шар в пергамент и, для большей безопасности, спрятал во внутренний карман камзола.

Возле каменной плиты Ривал удивился так же, как и я. По всему было видно, что портал — место особенное, но ведь портала не было, как не было и входа куда-либо. В конце концов, мы удовольствовались тем, что нашли, и направились в обратный путь, домой.

За все время пути Ривал ни разу не попросил у меня шар с грифоном, чтобы посмотреть на него. Я тоже не доставал свою драгоценную находку, но в то же время я не мог думать

ни о чем, кроме шара. В те две ночи, которые мы провели в Пустыне, мне снились странные сны, но я не мог ничего из них вспомнить. Зато у меня появилось страстное желание вернуться в мой единственный дом, так как там меня ждало дело чрезвычайной важности.

Джойсан:

Несмотря на всю мою неприязнь к Инглиде, ее брат Торосс мне понравился. Этой осенью, после нашего возвращения в Икринт, он приехал с небольшим эскортом в горы на охоту. Они хотели принять участие в большой охоте, после которой наши кладовые заполнились бы на зиму соленым и копчёным мясом. Несхожий с сестрой как по телосложению, так и по разуму, он был стройным и хорошо сложенным юношей. Волосы его были рыжее, чем у жителей долины. Он обладал быстрым и острым умом и, кроме того, отлично пел. Голос у него был действительно чудесный.

Я слышала, как дама Мат говорила женщинам, что Торосу надо бы всю жизнь носить с собой рог, чтобы собирать слезы девушек, вздыхающих по нему. Но он не старался заслужить внимание девушек. Он всегда был готов принять участие в чисто мужских развлечениях — скачках, фехтовании и был не последним среди мужчин. А для меня он стал другом, какого у меня не было никогда. Он обучил меня словам многих песен и показал, как подыграть себе на лютне. Иногда он приносил мне ветку с ярко окрашенными осенними листьями или же что-нибудь еще, такое же безыскусное, но красивое.

У него было мало времени для подобных развлечений — ведь это было время, когда необходимо было много работать и запастись продукты на холодные дни. Мы сушили фрукты, шили теплые одежды и чинили то, что требует ремонта. Все больше и больше оставляла на меня работы дама Мат. Она говорила, что теперь я не маленькая и мне нужно набраться опыта, коль скоро я буду хозяйкой в собственном доме, в доме моего мужа. Я часто допускала ошибки, но многому и научилась, так как была горда и не желала, чтобы потом надо мной посмеивались в чужом доме. И я ощущала гордость, когда дядя хвалил блюдо, приготовленное моими руками.

Хотя я была целыми днями занята и трудилась даже по вечерам, когда мы занимались одеждой, я все же не смогла выбросить из головы сомнения, которые разбудила во мне Инглида. И поэтому я сделала то, что могла бы сделать только глупая молодая девчонка. Я сделала это втайне ото всех. На западе нашей долины находился источник, о котором говорили, что если прийти к нему в полнолуние, когда луна отражается на поверхности воды, то к этому человеку придет счастье. Не вполне веря в это и не питая большой надежды, я тайком вышла из дома и направилась по только что сжатым полям на запад.

Ночь стояла холодная, и я натянула на голову капюшон плаща. Вскоре я замерла над источником, глядя на сверкающую поверхность отражения луны и сжимая в руке шпильку, готовая уронить ее в центр блестящего круга. Но неожиданно изображение луны задрожало и превратилось во что-то другое. И я увидела, что теперь это не луна, а шар. Я уронила шпильку от неожиданности, вода снова задрожала и видение, если это было видение, исчезло. От удивления я забыла заклинание, которое должна была произнести. Так что все мое приключение оказалось напрасным, и я не могла больше надеяться на приход счастья. Расхохотавшись над собственной глупостью, я побежала прочь от источника.

В мире, где мы жили, существовало колдовство и заклинания. Этим занимались Мудрые Женщины, посвятившие колдовству и магии всю свою жизнь. Но были и такие как аббатиса Мальвина, которые могли управлять силами, недоступными пониманию большинства людей. Каждый может после соответствующих тренировок, если, конечно, у него имеется дар, научиться управлять такими силами, но у меня не было ни дара, ни тренировок. Может, мне лучше не вмешиваться в эти дела? Только... почему я снова увидела грифона, заключенного в шар?

Грифон... мои пальцы нащупали вышитую эмблему грифона на платье. Это был герб дома Ульма, с которым я связана торжественной клятвой. Что же представлял из себя мой жених? Почему он не прислал мне своего портрета, как сделал это жених Инглиды? Чудовище? Да, Инглиде не было никакого смысла лгать мне. Наверняка в ее словах была доля правды, и был только один способ...

Из Ульмсдейла к моему дню рождения ежегодно присылали подарки, и когда они придут в этом году, я отыщу начальника каравана и попрошу, чтобы он передал мое пожелание жениху — обменяться портретами. У меня уже был свой портрет, нарисованный писцом дяди. Такой у него был талант. Да, именно так я и сделаю! Мне казалось, что это источник вложил в мою голову такую счастливую мысль. И поэтому я прибежала обратно в дом, радостная и никем не замеченная.

«Теперь я талантлива, помог источник», — думала я и принялась работать над своим проектом. Сначала мне было необходимо подыскать подходящий футляр для портрета, который я аккуратно наклеила на отполированную деревянную дощечку. Потом я сшила небольшой мешочек. На его лицевой стороне я вышила изображение грифона, а на обратной — сломанный меч. Я надеялась, что мой жених поймет эти нехитрые намеки, поймет, что мое будущее — Ульмсдейл, а Икринт — прошлое. Все это я делала тайно, так как не желала посвящать остальных в свои планы. Но когда однажды в полдень ко мне без предупреждения зашел Торосс, я не успела спрятать свою работу.

Портрет лежал на столе и я как раз измеряла его. Когда Торосс заметил его, он сразу спросил:

— Чья рука сделала это так искусно? Портрет очень похож на тебя.

— Аркан, писец дяди.

— И для кого же он нарисовал его?

В его голосе прозвучала повелительная нотка, как будто он имел право требовать от меня отчета. Я была очень удивлена и даже немного разозлилась, когда он заговорил таким неподобающим тоном. Ведь он всегда был со мной вежливым и мягким.

— Для лорда Керована. Скоро он пришлет мне подарки, а я в ответ пошлю ему портрет, — я не хотела раскрывать свои планы Тороссу, но его вопрос был поставлен слишком прямо и увильнуть от ответа было невозможно.

— Твой лорд! — он отвернулся от меня. — Я и забыл, что эта связь существует, Джойсан! Ты когда-нибудь думала, что значит поехать к незнакомым людям, к жениху, которого ты никогда не видела? — снова в его голосе я ощутила какую-то

горечь, жестокость, которой я не могла понять. Но я не думала, что он хочет пробудить во мне страх.

Я отложила иглу, взяла в руки портрет и завернула его в ткань, не спрашивая его ни о чём. Я не желала отвечать ни «да», ни «нет» на вопрос, которого он не имел права задавать.

— Джойсан... существует право отказа от свадьбы! — эти слова вырвались у него помимо воли. Он стоял, не глядя на меня. Рука его лежала на рукояти меча и я видела, как его пальцы стиснули эфес.

— И обесчестить его и мой дома? — возмутилась я. — Ты хочешь, чтобы меня все презирали? Какого же ты обо мне мнения, родственник? Почему ты решил, что я могу так оскорбить человека?

— Че-ло-ве-ка! — он резко повернулся ко мне. В выражении его глаз и лица была какая-то жестокость, которой я раньше в нем не замечала. — Ты знаешь, что говорят о наследнике Ульмсдейла? Человек... о чем думал твой дядя, когда соглашался на обручение? Джойсан, никто не осудит девушку, которая откажется от свадьбы, если узнает, что ее обманули. Будь благоразумна и откажись от свадьбы! Сейчас же!

Я встала. Во мне разгорался гнев. Однако внешне я была совсем невозмутима, так как умела скрывать свои истинные чувства. За это я должна благодарить судьбу — она дала мне превосходное оружие против злого мира.

— Родственник, ты забываешься. Такие слова абсурдны и недопустимы. Неужели ты думаешь, что я послушаюсь тебя? Тебе не следовало так говорить, — и я вышла из комнаты, не обращая внимания на его робкую попытку задержать меня.

После этого я вошла в свою маленькую комнату и встала у северного окна, глядя вдаль. Я дрожала, но не от холода, а от смутения, которое поселилось во мне уже несколько недель назад, после встречи с Инглидой. Тогда она, а теперь странные слова Торосса... Да, право отказаться от свадьбы существовало, но оно всегда вело к смертельной вражде между Домами. Чудовище — это сказала Инглида. И теперь Торосс сказал «че-ло-век», как будто это слово нельзя применить по отношению к моему жениху! Но ведь мой дядя не желал мне зла. Он наверняка все заранее обдумал, прежде чем дать согласие на помолвку, и даже дама Мат дала мне торжественную клятву...

Я тут же подумала об аббатисе Мальвине. Только с ней одной я могла поговорить об этом деле. Мнение дамы Мат я уже знала: Керован стал жертвой стечения обстоятельств. В это я могла поверить с большей готовностью, чем в то, что он не человек. Ведь после клятв, которыми обменялись его отец и мой дядя, этого просто не могло быть. И я успокоила душу такими размышлениями, еще больше укрепившись в намерении послать свой портрет Керовану. Но после этого я всячески избегала Торосса, хотя он неоднократно предпринимал попытки поговорить со мной. Лишние хлопоты! Я всегда ссылалась на занятость, на недостаток времени и уходила от него. В конце концов, он встретился с моим дядей, и в тот же день он и его люди уехали из Икринта. Дядя вызвал меня к себе, а Аркан направился за дамой Мат.

Дядя хмурился, и по его лицу я поняла, что он чем-то чрезвычайно озабочен. Когда я вошла, он стал еще более хмурым.

— Ты что это затеваешь, девчонка!?! — закричал он, едва я появилась на пороге. — Неужели твое слово так легковесно, что ты...

Дама Мат поднялась в кресле. На лице её был гнев, но направлен он был на дядю, а не на меня.

— Сперва нужно выслушать Джойсан, а уж потом кричать на нее, если она этого заслужила, — ее тихий, но повелительный голос отрезвил его. — Джойсан, сегодня Торосс пришел к твоему дяде и начал говорить об отказе от свадьбы...

Теперь наступила моя очередь перебивать ее. Меня тоже охватил гнев, когда дядя стал кричать на меня, не выслушав, что я думаю обо всем этом.

— Он и мне говорил о том же самом, но я отказалась слушать его. Я заявила, что не нарушу клятву. Неужели вы так плохо меня знаете, что поверили ему, а не мне.

Дама Мат довольно кивнула.

— Так я и думала! Джойсан живет с тобой столько времени и ты даже не знаешь, что она из себя представляет! Что сказал тебе Торосс, Джойсан?

— Мне показалось, что он считает лорда Керована сообщником зла. Он уговаривал меня отказаться от свадьбы, а я сказала, что мне не подобает выслушивать его постыдные слова и ушла. После этого я ни разу с ним не разговаривала.

— Отказаться от свадьбы! — дядя ударил кулаком по столу.
— Он сумасшедший? Это значит вступить в кровную вражду не только с Ульмсдейлом, но и с половиной северных родов, что стоят за Ульруком! Почему он так настаивает на этом?!

В глазах дамы Мат появился холод.

— Я могу предположить две причины, братец. Первая — его горячая кровь, а вторая...

— Хватит! Нет нужды перечислять все причины, которые могли вызвать такую глупость со стороны Торосса. Слушай, девочка! — он повернулся ко мне. — Ульрук поклялся, что его наследник может быть мужем любой леди. То, что жена Ульрука слегка тронулась при рождении сына, знают все. Она так ненавидит своего сына, что называет его не иначе, как чудовище, хотя он вовсе не чудовище. Ульрук разговаривал со мной о причинах всего этого. Я расскажу тебе все, но ты должна держать язык за зубами, и не забывай этого, девочка!

— Конечно, дядя, — я заверила его в этом, так как он сделал паузу, как бы ожидая, чтобы я дала обещание.

— Ладно... Тогда слушай! Ты должна знать, что лежит за всеми этими дикими историями, чтобы отличить правду от вымысла. Леди Тефана, мать твоего жениха, имеет сына Хлимера от первого брака. Так как он не получил наследства от своего отца, леди Тефана привезла его с собой в Ульмсдейл. К тому же у нее есть дочь Лизана, которая на год моложе твоего жениха. Лизана помолвлена с кем-то из рода матери. Тефана обожает свою дочь так же сильно, как ненавидит Керована. Ульрук уверен, что в его доме готовится заговор против истинного наследника. Они хотят, чтобы наследником стал муж Лизаны, а не Керован. Ульрук ничего не может против них предпринять, так как у него нет доказательств. Но он не хочет, чтобы сына изгнали и лишили наследства, когда Ульрук уже не сможет защищать его. Поэтому он хочет обеспечить Керована мощной поддержкой, связать его с сильным родом, который будет защищать его, когда придет время. На троне не может сидеть человек, тело и душа которого не такие, как у других людей. Противники Ульрука хотели бы посеять сомнения у тех, кто поддерживает наследника трона. Распустить слухи, что он монстр... и тому подобное. Ты понимаешь, что может произойти, если у них все получится. Торосс принёс мне эти слухи. Я дал клятву Ульруку не

рассказывать никому о всех его опасениях и страхах, поэтому я просто запретил Тороссу болтать об этом. Но ты, вероятно, выслушала его...

Я покачала головой.

— Он пришел ко мне с этим, но я уже слышала более подробное предупреждение от его сестры в Тревампере.

— Мат рассказала мне об этом, — гнев сошел с лица дяди.

Теперь я знала, что ему стыдно за то, что он так меня встретил. И хотя он никогда не признается в этом, мы хорошо понимали друг друга в таких вопросах.

— Вот видишь, девочка, до чего дошло! Я далек от мысли, что Ульрук плохо управляет своим Домом, но каждый глава рода должен держать свой Дом в руках. Однако знай, что ты помолвлена с лордом, стать женой которого большая честь, и это время скоро придет. Не обращай внимания на слухи, ведь теперь ты знаешь их источник и цель.

— Благодарю тебя за правду, дядя.

Когда я вышла от него с дамой Мат, она сразу же увлекла меня в свою комнату и долго всматривалась в моё лицо, как бы пытаясь выяснить, что же таится в моей голове.

— Почему Торосс осмелился говорить с тобой об этом? Нужны весьма веские причины, чтобы нарушить обычай. Ты помолвлена, Джойсан, и тебе не пристало строить глазки направо и налево.

— Я и не строю, дама Мат, — и я рассказала ей о своем плане. К моему удивлению, она не стала меня осуждать и упрекать. Она просто согласилась со мной.

— Все правильно, Джойсан. Вероятно, нам следовало подумать об этом раньше, это разрушило бы всякие слухи. Если бы у тебя был портрет лорда Керована во время разговора с Инглидой, ты смогла бы ответить ей вполне достойно. Значит, Торосс был в бешенстве от того, что ты хотела сделать? Сейчас этот мальчишка вернулся к тем, кто послал его сеять здесь смуту, — она была в ярости, но я не понимала, на кого она была направлена. Дама Мат не стала мне ничего объяснять.

Вскоре я закончила работу над мешочком и дама Мат одобрила ее, сказав, что это моя лучшая работа. Я положила его в свой шкафчик, до приезда каравана из Ульмсдейла.

Караван прибыл через несколько дней. Он отличался от тех, что приезжали раньше. Все охранники были старые,

израненные в прежних боях. Они уже не могли нести боевую службу. Их старший был сгорбленным пожилым человеком и ходил прихрамывая.

Кроме шкатулки, которую он с церемониями передал мне, он привез послание Ульрука моему дяде и тут же начал с ним какой-то важный разговор. Я подумала, что это может быть вызов в Ульмсдейл. Но потом я отказалась от этой мысли. Мой жених должен был бы приехать сам, во главе пышной процессии, чтобы с честью доставить меня к себе в дом.

В шкатулке находилось ожерелье из северного янтаря и золотой кулон с цепочкой. Да, это был богатый подарок. Я договорилась с дамой Мат, что та устроит мне встречу с этим Яго наедине, и тогда я смогу вручить ему свой подарок и просьбу. Но, видимо, у него было много сообщений дяде, так что он даже не вошел в дом до самого ужина.

Я была рада, что его посадили рядом со мной, потому что я могла бы попросить его о свидании, где я передала бы ему подарок. Но он заговорил первым:

— Леди, ты получила подарок Дома Ульмсдейла, но у меня имеется личный подарок от лорда Керована, который он просил вручить тебе в руки.

Я почувствовала страшное возбуждение, так как ничего не могла предположить, кроме того, что он прислал мне свой портрет. Но это был не портрет. Мы отошли от стола подальше, и он вложил в мою дрожащую ладонь не плоский пакет, а маленький и круглый. Я быстро развернула его и... у меня в руках очутился шар с грифоном внутри! Тот самый, что я видела в Монастыре! Я едва не выронила его. Когда Сила входит в жизнь кого бы то ни было, это наполняет человека трепетом и страхом. В шаре, над головой грифона, было вделано кольцо, так что его можно было носить, как кулон на цепочке.

— Какая прекрасная вещь! — я с трудом обрела дар речи, и очень надеялась, что не выдала своих страхов. Ведь я не могла объяснить причины той паники, что овладела мною. Чем дальше я рассматривала подарок, тем больше убеждалась, что это настоящее произведение искусства, самое прекрасное из тех, что я получала в качестве подарков.

— Да, милорд просит тебя принять этот дар и по возможности носить на груди, — он говорил так, как будто стара-

тельно вспоминал слова, сказанные ему Керованом. Я решила не задавать ему вопросов, может быть, он слишком близок с моим женихом.

— Передай лорду, что его подарок доставил мне огромную радость, — теперь я уже полностью овладела собой и с легкостью произносила формальные фразы. — Когда я буду смотреть на шар, он будет восхищать меня не только своей красотой, но и добротой того, кто подарил мне его. — Я торопливо достала свой подарок. — А вот это передай в руки моего жениха. Попроси его, если он сочтет нужным, пусть пришлет мне тоже самое.

— Твои слова для меня приказ, леди, — Яго положил портрет в свой кошелек и, прежде чем он успел что-нибудь добавить, хотя говорить нам было уже не о чем, к нам подошёл один из слуг и пригласил его в покои дяди. Больше в тот вечер я его не видела.

И те два дня, что они находились в Икринте, мы более не разговаривали наедине. Когда он уезжал, я с церемониями попрощалась с ним. В доме уже знали все новости, которые привезли люди из Ульмсдейла.

Люди из долин ни по рождению, ни по наклонностям не были мореходами. На побережье у нас были торговые порты и деревни рыбаков. Но ни один большой корабль не ходил под флагом лорда из долины. Те, кто торговал за морями, никогда не принадлежали к нашим родам. Новости из-за морей безнадежно устаревали, пока достигали наших краев. Мы слышали, что восточные страны давно воюют друг с другом. Вести об этой войне доходили до нас в такой искаженной форме, что в них трудно было поверить.

Но возле наших берегов уже стали ходить чужие корабли. Два года назад в восточных морях Салкары потерпели жестокое поражение. И у нас не было своих торговых кораблей, чтобы возить товары — шерсть, металлы, жемчуг — за море. Нам приходилось заключать невыгодные сделки с чужаками, которые, казалось, были весьма заинтересованы в нашей стране. Частенько, во время приёма груза в гавани, они целыми отрядами путешествовали по стране, знакомясь с ней.

Наши понятия о войне никогда не распространялись за пределы вражды между родами. Временами это была кровавая вражда, но в столкновениях никогда не принимало учас-

тия больше сотни людей с каждой стороны. У нас не было короля, и мы гордились этим. Но это же было и нашей слабостью. Наши лорды изредка объединяли силы, чтобы совершить рейд в Пустыню для разгона преступников. Но подобные союзы всегда были кратковременны. И если один лорд посылал просьбу о помощи другим лордам, он никогда не был уверен, что ему в ней не откажут. Поэтому всякому было видно, что мы слабые противники, которых легко победить поодиночке. Однако не всякий мог увидеть, что люди долин всегда готовы драться за свою свободу и что они никогда не изменят своему лорду, который являлся главой рода.

Ульмспорт находился у моря и туда недавно прибыли два корабля. Люди с кораблей утверждали, что они из Ализона, и надменно рассказывали о могуществе своей страны. Один из мореходов был ранен во время путешествия по долине, а другой убит. Раненого лечила Мудрая Женщина, и благодаря своему искусству она могла отличать правду от лжи. Когда раненый, охваченный жаром, бредил, она внимательно слушала. Позже, когда приехали его товарищи и увезли раненого к себе, она пошла к лорду Ульруку. Тот внимательно выслушал все, что она сообщила.

Лорд Ульрук был достаточно умен, чтобы понять, что над всей страной нависла опасность. Он сразу же разослал весточки всем соседям, в том числе и в Икринт. Стало ясно, что раненый — разведчик армии, которая вскоре собирается здесь высадиться. Ализонцы сочли нас легкой добычей, и решили, что война с нами будет простым делом.

Да, страшная тень нависла над нашей страной. Но я ласкала в руках шар с грифоном, не думая об ализонцах и их шпионах. Я только мечтала, как в следующий раз мне привезут портрет Керована, человека, а не монстра.

Керован:

К моему удивлению, Яго вернулся раньше, чем вернулись из Пустыни мы с Ривалом. Он был так разгневан, что будь я помладше, он срезал бы с ближайшей ивы прут и хорошенько отстегал бы меня. Я заметил, что его гнев связан не столько с моим путешествием во враждебную землю, сколько с

тем, что он узнал в Ульме. Он заговорил со мной так строго и серьезно, что я забыл свою обиду на него и приготовился слушать.

В Ульме я был дважды и оба раза когда там не было матери: она уезжала навестить родственников. Так что я представлял себе расположение нашей долины. Кроме того во время своих приездов отец рассказывал мне о нашей стране, о нуждах нашего города и обо всем, что, как он считал, будет мне необходимо знать, когда я займу его место. Но такого, что рассказал Яго, я еще никогда не слышал. Я впервые узнал о тех, кто впоследствии вторгся в нашу страну, хотя тогда они еще не объявляли нам войну.

То, что они с презрением относились к нам, мы поняли сразу, так как не были глупы и наивны. Люди долин очень высоко ценили свободу. Они неохотно объединяли свои силы, разве только в случае крайней необходимости, но мы ощущали опасность, которая грозит нашей стране, как дикие звери. Поэтому всякому было ясно, что мы слабые противники, которых легко победить поодиночке. Однако не всякий мог предположить, что люди долин будут яростно драться за свободу и никогда не изменят своему лорду, который являлся главой рода.

Ульмспорт находился у моря и туда недавно заходили два корабля из Алисона. О них и о замыслах противника и сообщил мне Яго. Пришельцы уже год разведывали наши порты и устья рек. Они были весьма осторожны и играли роль торговцев. То, что они давали в обмен на наши товары, было ново для нас и мы с удовольствием торговали с ними. Пришельцы никогда не приходили на одном корабле. Всегда по двое или по трое... И, заходя в порт, они непременно совершали поездки по стране, как бы для торговли.

Во внутренних районах страны к ним относились подозрительно, хотя все знали, что они торговцы, прибывшие на кораблях из-за моря. Правда встречали их с уважением, но пришельцы все высматривали и расспрашивали. Мой отец, собрав все донесения по маршрутам их переходов, заключил, что путешествия совершаются не ради торговли, а ради рекогносцировки местности незнакомой страны. Он тут же написал своим ближайшим соседям в Апсдейл, Фондейл, Флатингдейл и даже в Вестдейл, где также был порт Эрби.

С лордами этих долин у него были отличные отношения и даже тень вражды не разделяла их. Лорды всё выслушали и затем разослали своих людей, чтобы присмотреть за пришельцами. Вскоре все они поняли, что пришельцы изучают нашу страну с какой-то своей целью, которая не сулит ничего хорошего жителям долин. И было решено, что под тем или иным предлогом лорды запретят любому кораблю из Ализона бросать якоря возле наших берегов. Однако наши лорды люди упрямые, и убедить их сделать что-нибудь, что не предложил сам лорд — задача, посильная лишь человеку с безграничным терпением. Ни один лорд не признает открыто, что он подчиняется воле другого. У нас нет лидера, который мог бы собрать всех лордов под одно знамя и заставить их выполнять общее решение, и в этом наша огромная слабость.

Теперь пятеро лордов решили собраться на совещание в Ульме. Но для этого им нужно было найти подходящий предлог, чтобы не беспокоить свой народ и ввести в заблуждение пришельцев. И вот мой отец решил устроить посвящение своего наследника в воины, ввести его в круг своих советников — для моего возраста это было обычным делом.

Я внимательно слушал Яго. Но услышав, что я буду центром предстоящей встречи, был весьма удивлен. Ведь меня так долго держали вдали от дома, что я считал такую жизнь единственно для себя возможной.

— Но... — начал я.

Яго забарабанил пальцами по столу.

— Да, лорд Ульрук совершенно прав. Ты слишком долго находился вдали от того, что принадлежит тебе по праву. Он обязан сделать это не только для прикрытия встречи, но и для себя самого. Он уже осознал глупость своего решения отдалить тебя от дома.

— Глупость решения? — я был поражён этими словами, ведь Яго был верным поданным Ульрука и всегда отзывался о нем с трепетом.

— Да, я сказал «глупость», — это слово во второй раз сорвалось с его губ, как стрела, выпущенная из лука. — В его собственном доме есть те, кто хотят все изменить. — Он умолк, но я и без слов понимал, что он имеет в виду: моя мать хочет, чтобы Лизана и её жених унаследовали Ульмсдейл. Я

никогда не пропускал слухи, которые доходили до нас. Я считал, что всегда нужно быть в курсе событий, даже самых худших. — Посмотри на себя! — Яго вновь взорвался. — Ты не чудовище! И тем не менее говорят, что лорд Ульрук был вынужден отослать тебя сюда и держать в заточении потому, что ты страшен внешне и слаб умом, потому что ты больше похож на животное, чем на человека.

Его гнев высек во мне искры. Так вот что говорят обо мне в моем же доме!

— Ты должен показать себя лордам, границы которых совпадают с границами Ульмсдейла. Показать, что ты настоящий наследник и доказать это. Тогда уже никто не сможет тебя обогатить. Лорд Ульрук тоже в курсе этих слухов. Нашлись даже наглецы, которые осмелились сказать ему это в лицо.

Я встал из-за стола и направился к стене, где висел боевой щит Яго. Старый воин провел много времени полируя щит, и теперь он сверкал как зеркало, хоть и искажающее формы.

— Пока я в сапогах, — пробормотал я, — я вполне могу сойти за нормального человека.

Мои сапоги были сделаны так, что я мог легко сунуть туда свои копыта, и ноги казались вполне нормальными. Когда я стоял никто не мог отличить меня от обычного человека. Сапоги делал сам Яго, из прекрасной кожи, которую прислал отец.

Яго кивнул.

— Да, ты поедешь и будешь в сапогах, и ни один из недоброжелателей не сможет сказать, что ты не можешь быть настоящим наследником и произнести клятву лорда. А оружием ты владеешь не хуже, а даже лучше любого из воинов. Твой ум острый и предохранит тебя от опасностей и коварства.

Это была самая большая похвала, какую я когда-нибудь от него получал. Одетый в доспехи и вооруженный, я ехал с Яго из изгнания. Наконец-то я возвращался в дом своего отца. Но я чувствовал внутреннее беспокойство, отлично понимая, что многим членам семейства мое возвращение не по душе.

У меня хватало времени, чтобы переговорить с Ривалом до отъезда, но я все же не предложил ему ехать со мной, хотя и знал, что он наверняка откажется. На нашей последней встрече он так смотрел на меня, что мне казалось, что его

взор проникает в мой разум, воспринимая всю мою неуверенность и страх.

— Перед тобой долгая дорога, Керован, — проронил он.

— Лишь два дня пути, — поправил я его. — Мы едем в Ульмсдейл.

Ривал покачал головой.

— Ты едешь дальше, обладатель грифона. Опасности ждут тебя. Смерть будет у тебя за плечами. Ты будешь давать и, отдавая, получать. И то, и другое будет в крови и огне...

Я понял, что в нем проснулся дар предвидения, точнее ясновидения, и ощутил желание заткнуть себе уши. Мне казалось, что он не предвидит мое будущее, а предрекает его.

— Смерть идет по пятам за каждым смертным, — я собрал все свое мужество и осведомился: — Если ты видишь будущее, скажи, какой щит я должен поднять, чтобы защитить себя.

— Как я могу все предвидеть? — с горечью произнес он. — Будущее каждого человека очень смутно. Оно как множество дорог, расходящихся от перекрестка в каждый данный момент. Если ты сделаешь один выбор, то пойдешь одной дорогой, другой выбор — иной дорогой, и так далее. Но никто не сможет увернуться от того, что ждет его в конце. Перед тобой лежит твой путь. Шансы на выбор велики. Иди осторожно, Керован. И знай, что в тебе есть нечто глубоко запрятанное. Если ты найдешь это нечто и научишься им пользоваться, то оно будет защищать тебя лучше, чем любой меч и любой щит из самого прочного металла.

— Скажи мне... — начал я.

— Нет! — он отвернулся от меня. — Я уже много сказал и больше ничего не сообщу. Я не могу видеть, какой выбор сделаешь ты, и я не могу ни единым словом повлиять на твой выбор. Иди с миром. — Он поднял руку и нарисовал в воздухе какой-то знак. Я отшатнулся, так как его палец оставил в воздухе светящийся след, который быстро исчез. Я понял, что кое-какие его изыскания в области наследия Прежних увенчались успехом. Его знак обладал Силой.

— Ну, тогда до встречи, дружище, — попрощался я.

Ривал отвёл глаза, подняв руку в прощальном жесте. Теперь я знаю, он понимал, что это наша последняя встреча и, возможно, сожалел об этом. Он сожалел, что сообщил мне о

своим видением. Кто захочет знать свое будущее, знать, что на пути его ожидают одни опасности?

Во время нашего путешествия Яго много разговаривал со мной. Он рассказывал мне об обитателях дома моего отца, снабжая каждого меткой характеристикой, чтобы я мог составить о них свое представление, и знал, что можно ждать от любого из них. Я видел, что он поучает меня подобно ребенку, чтобы я, по своей глупости, не сделал какую-нибудь роковую ошибку, которая могла привести меня к катастрофе.

Мой старший брат был привезен в Ульм еще ребенком и жил здесь до возраста, когда его можно было посвящать в воины. Для этого он уехал к ближайшим родственникам матери. Но в прошлом году он вернулся и подружился с нашим родственником Роджером, женихом сестры. Я хорошо понимал, что он никак не может быть настроен благожелательно по отношению ко мне. Да, его следовало остерегаться. У моей матери были сторонники, и Яго весьма деликатно перечислил их мне, дав краткие характеристики и описав положение, которое они занимают в Доме. Но на стороне отца находилось гораздо больше людей и среди них высшие офицеры, маршал и многие другие.

Род был разделён на два лагеря, но на поверхности было все гладко. Я внимательно слушал наставника, изредка задавая вопросы. Может, Яго сам решил просветить меня, а может это была идея моего отца, который хотел предостеречь меня перед тем, как я появлюсь в кругу друзей и врагов, чтобы я мог отличать их друг от друга.

Мы приехали в замок на заходе солнца. Яго протрубил в рог, и перед нами распахнулись ворота замка. Я заметил знамена Апсдейла и Флатингдейла под нашим грифоном. Они развевались на высокой башне. Я понял, что два гостя, приглашенные отцом, уже здесь. Значит, я с самого начала окажусь под взглядами, как любопытными, так и враждебными. Я должен был хорошо сыграть свою роль, чтобы все поняли, что я далеко не дурак. Смогу ли я это сделать? Я еще и сам не знал этого.

Мы спешили, и охранники отсалютовали нам мечами. Мой отец, в мантии поверх камзола, выступил навстречу нам из глубокой тени портала главного входа. Я опустился на колени и отвел меч так, чтобы он мог положить руку на его

рукоять в знак дружественного приветствия. Затем он погубнял меня и поднял на ноги. Мы вошли в главный зал, где уже был накрыт праздничный стол, и бежали слуги, разнося блюда, вина, закуски и кубки.

Там находились еще два пожилых господина в мантиях. Мой отец предложил мне познакомиться с ними. Это были лорд Саврон из Апсдейла и лорд Уинтоф из Флатингдейла. Я чувствовал на себе их любопытные взгляды, однако знал, что в кольчуге и в сапогах я не отличаюсь от их собственных сыновей, и это давало мне возможность держаться спокойно и невозмутимо. Сейчас никто не назвал бы меня чудовищем. Они восприняли мое появление, как обычную встречу, как будто меня не было в Ульме всего пару часов, а не всю жизнь.

Так как я все еще считался ребенком и не представлял из себя ничего важного, то я быстро покинул общество старших и удалился в ту часть замка, где жила молодежь и холостяки. Как наследнику, мне выделили отдельную комнату. Она была совершенно пустой, если не считать жесткой кровати, двух стульев и маленького стола. Здесь было гораздо меньше комфорта, чем в моем жилище у Лесника.

Слуга принес мой багаж, и я заметил, что он с искреннем любопытством разглядывает меня, стоит мне отвернуться. Затем он предложил мне принести горячей воды для умывания, и когда я согласился, то он явно обрадовался возможности поближе рассмотреть монстра, а потом рассказать все своим товарищам.

Пока он ходил, я скинул кольчугу, камзол и остался в одной рубашке. Он проскользнул в комнату с тазом, от которого поднимался пар. Затем поставил таз на пол и, сняв с плеча полотенце, положил его рядом.

— Если я Вам нужен, лорд Керован...

Я решительно расстегнул рубашку и снял ее, оставшись, таким образом, голым до пояса. Пусть видит, что у меня все в порядке. Яго говорил, что пока на мне сапоги, никто не может сказать, что я урод.

— Пойщи мне рубашку, — попросил его я, кивнув на дорожные мешки. Он все еще смотрел на меня. Что он надеялся увидеть? Безобразно искривленное тело? Я взглянул на себя и заметил, что на мне осталось еще нечто, что необходимо было снять. Грифон... Перекинув цепь через голову, я

положил шар на стол и начал мыться. Взгляд слуги перекинулся на грифона. Я продолжал смывать грязь с тела. Пусть думает, что это мой талисман. Люди часто носят талисманы, а здесь эмблема моего рода, так что ничего необычного в этом нет.

Он нашел рубашку и держал ее, пока я надевал цепь. Затем он затянул на мне камзол и подал пояс с ножом. После этого он ушел, вероятно торопясь рассказать все товарищам. Когда он вышел, я снял грифона с шеи и сжал шар в руке. И, как обычно, ощутил приятную теплоту. С этой теплотой ко мне пришло ощущение мира и покоя, как будто этот шар, сделанный задолго до того, как впервые наш народ пришёл в эти долины, столетия ждал того момента, когда он ляжет в мою руку.

Теперь мне предстояло тяжкое испытание, о котором я не переставал думать с того момента, как узнал, что мне следует приехать в Ульм. Это испытание — встреча с матерью. Что я могу сказать ей, и что она скажет мне? Через то, что стояло между нами, навести мосты было невозможно, во всяком случае не ранее, чем через несколько лет. Я стоял, сжимая кристалл, и думал о том, что я сделаю или скажу, когда наступит момент встречи. И внезапно откровение нахлынуло на меня, словно я, отдернув шторы, выглянул в окно.

Я понял, что никакая встреча не будет нам приятна, не сделает нас ближе, чем мы были до сих пор. Но я не ощутил никакой потери, напротив, с меня как будто сняли бремя и это сделало меня свободным. Мы не были связаны ничем, и я ничего не был ей должен — она сама так пожелала. Я должен вести себя с ней, как с любой леди высокого положения, оказывать ей формальную почтительность, ничего не требуя взамен. Шар в моей руке начал слабо светиться, но сквозняк из приоткрывавшейся двери заставил меня поспешно спрятать его. После этого я повернулся к вошедшему.

Я был среднего роста, с тонкими костями, худощавым. Вошедший юноша был высок, так что мне приходилось смотреть на него снизу вверх. У него была мощные шея и плечи, широкие челюсти. Волосы были очень густы и топорщились во все стороны. Вероятно, ему стоило немалых трудов расчесывать эту копну соломенных волос. На его толстых губах играла ухмылка. Камзол, расшитый золотом,

обтягивал выпуклую грудь, и он непрерывно оглаживал складки, как бы желая, чтобы все обратили внимание на его наряд. Рядом с его огромной фигурой в дверном проёме стоял второй человек, небольшой и худощавый. Сначала я удивился. Форма лица человека определённо говорила о том, что он принадлежит к нашему роду, и цвет волос — более темный, чем у первого, был как у меня. У него было невыразительное сонное лицо, но я сразу предположил, что за этой бесцветной физиономией скрывается острый ум. Из этих двоих он наверняка представлял для меня большую опасность.

Я сразу понял, что это враги. Описание Яго оказалось абсолютно точным. Гигант был моим близким родственником. Это был мой сводный брат Хлимер, а его товарищ — мой кузен Роджер, жених Лизаны.

— Приветствую вас, родственники, — заговорил я первым.

Улыбка на лице Хлимера стала еще шире.

— О, он не покрыт шерстью и у него нет когтей, насколько можно видеть. Интересно, в чем заключается его уродство, Роджер? — он говорил так, как будто я был бессловесным существом, которое ничего не слышит и не чувствует. Но если он собирался подобным образом вывести меня из себя, то повел себя весьма глупо. Моя оценка его умственных способностей, которую я дал раньше, теперь подтвердилась.

Не знаю, продолжал бы он дальше развивать эту тему, если бы был один, но тут заговорил Роджер. Он не подхватил эту тему, а ответил на приветствие. Ответил почтительно и с уважением, ничем не показывая, каково его истинное отношение ко мне.

— И мы приветствуем тебя, родственник.

У Хлимера был высокий голос, какой нередко бывает у высоких людей, но в то же время какой-то нерешительный. Теплый голос Роджера располагал к доверию и дружбе. Если бы я не знал, кто он, я мог бы подумать, что он искренне приветствует меня и рад моему прибытию. Они сопроводили меня в большой зал. Я не знал, радоваться мне или нет, когда увидел, что там не поставлены кресла для женщин, и, значит, этот прием предназначен только для мужчин. Несомненно, моя мать решила ужинать у себя. Так как все понимали, в чем дело, никто не стал осуждать ее.

Я заметил, что отец время от времени кидает на меня испытывающие взгляды. Мое место было в дальнем конце стола между Хлимером и Роджером. Но специально ли меня тут посадили или нет, я не знал. Теперь мой отец не смог бы сделать мне ни малейшего замечания без того, чтобы не привлечь внимания остальных. Мои соседи сразу же принялись за свои шуточки. Хлимер настаивал, чтобы я опустошил кубок с вином, утверждая, что мое воздержание как-то обособляет меня от всех. Роджер, в изысканных и мягких выражениях, давал мне понять, что сказывается мое воспитание вдали от дома, и что мне недостает хороших манер, лоска и ума. Но все эти уколы не достигали цели, которой они добивались. Хлимер уже начинал злиться. Он хмурился и как бы про себя цедил слова, которые я предпочел бы не слышать. Однако, по Роджеру ничего нельзя было сказать: он разговаривал вежливо и мягко, и поэтому никто не мог бы сказать, что творится в его душе.

К концу обеда Хлимер сам угодил в свою же ловушку: он напился, его речь стала громкой, бессвязной и многие уже начали оборачиваться в его сторону и посмеиваться.

Так началась моя жизнь под отцовской кровлей. К счастью, мне не приходилось проводить много времени с Хлимером и Роджером. Мой отец, сообщив, что я здесь для посвящения в воины и утверждения в качестве наследника, держал меня все время при себе. Он представлял меня соседям, посвящал в подробности церемонии, которая должна была состояться через три дня. Я должен был произнести клятву перед собравшимися лордами, принять меч отца и таким образом перейти из юношей в мужчины, и стать вторым после отца в Ульмсдейле. И после этого должен был принять участие в совете лордов.

Все были согласны с тем, что пришельцы из-за моря таят в себе угрозу, но относительно того, как поступать, мнения расходились. Как это часто бывало в долинах, конференция закончилась безрезультатно, без какого-либо плана действия, который был бы одобрен всеми. В соответствии со своим новым статусом в Ульмсдейле, я провожал лорда Саврона, когда он отправился домой. Когда я возвращался в замок, моя карьера наследника Ульмсдейла едва не оборвалась, не успев начаться.

В знак уважения к гостю мой меч был туго затянут в ножнах шнуром мира, и я был без кольчуги. Неожиданно в моем мозгу возникло ощущение угрозы, и я не стал терять времени на распутывание шнура. Выхватив нож, я ударом кнута послал свою лошадь вперед, и ту же секунду мимо моего плеча просвистела стрела — смерть была совсем рядом.

Я отлично знал, как поступают в таких случаях лесники, которым частенько приходилось сталкиваться с преступниками Пустыни. Я метнул нож и тут же услышал крик человека, который приподнялся из-за камней, чтобы вновь в меня выстрелить. Я выхватил меч и бросился на второго, который внезапно появился рядом со мной с мечом в руке. Копыто моей лошади ударило его в грудь, и он с диким воплем покотился по земле.

Как оказалось, мы взяли важных пленников. Хотя эти двое были одеты как крестьяне, которые бродили от долины к долине в поисках работы, на самом деле это были ализонцы, о которых только что совещались лорды. Один из них умер, а второй был тяжело ранен. Отец вызвал Мудрую Женщину, чтобы она занялась им. И в бреду тот заговорил.

Почему они напали на меня, мы не выяснили, но мы узнали другое, и тень, нависшая над нашей страной, стала еще чернее. Мой отец пригласил меня, Яго и других офицеров, которым он доверял. Он высказал нам свои опасения.

— Я не ясновидец, но каждый умный человек может сообразить, что собираются делать эти люди. Если мы не предпримем мер, то... — он заколебался. — Я не знаю... Новые опасности требуют новых путей их преодоления. Мы всегда следовали по пути преодоления, по пути отцов... Но помогут ли они в данном случае? Скоро может понадобиться помощь друзей, которые возьмут в руки щиты, чтобы защитить нас. Я хотел бы сообщить вам о тех мерах, которые следует предпринять немедленно. Следовательно... — он разложил на столе карту долин. — Здесь Апсдейл и другие. Мы уже знаем, какая опасность нас всех ожидает. Теперь необходимо предупредить соседей, и в первую очередь Икринт.

Икринт и леди Джойсан. Я так долго ее не вспоминал. Придет ли день нашей свадьбы? Когда назначит её мой отец? Мы уже достигли того возраста, когда совершаются свадьбы.

Я подумал о матери и сестре, которые упрямо не покидали

своих комнат с тех пор, как я тут появился. Внезапно мне пришло в голову, что леди Джойсан не сможет занять здесь место, какое ей положено. Нет, она должна приехать ко мне лишь добровольно, или не приезжать совсем!

Но могу ли я быть уверенным, что она захочет это сделать?

И мне пришел ответ, ясный и разборчивый, как будто произнесенный вслух.

После того, как мой отец дал инструкции Яго, о чем и как говорить с лордом Пиартом после того, как он вручит подарки невесте, я переговорил с моим старым воспитателем. Я не мог сказать, почему я это сделал, тем более, что мне вовсе этого не хотелось, но что-то непреодолимое заставляло меня сделать это. Я отдал ему в руки кристалл с грифоном, чтобы он передал его в руки леди Джойсан. Может, она действительно моя невеста. Но я не был уверен в этом до тех пор, пока много времени спустя не встретился с ней лицом к лицу.

Джойсан:

После того как пришли вести из Ульмсдейла, мои планы на будущее изменились. Было решено, что в этом году я не поеду к своему жениху, как было условлено ранее, а подожду более спокойного времени. Ведь если по Ульмсдейлу так нагло бродят шпионы врага, значит не за горами нападение главных сил. Мой дядя послал с Яго письмо с этим решением. Так как ни от Лорда Ульрука, ни от лорда Керована не пришло возражений, мы решили, что они согласились. После этого мой дядя долго совещался со своими соратниками, а потом послал послов в Тревампер и другие долины, где жили наши родственники или ближайшие друзья.

Наступило беспокойное время. Мы поспешно убирали урожай, запасали громадные количества сушеных фруктов, коптили и солили мясо — как будто тень голодного года нависла над нашей страной. На следующее лето дядя приказал расширить посевные площади. Погода была такой же неустойчивой, как и наше будущее. Частенько разыгрывались свирепые бури. Несколько раз размывались дороги и мы оказывались в полной изоляции до окончания ремонта путей.

До нас доходили редкие новости, только когда приезжал какой-нибудь посланец от соседей. Шпионов в Ульме больше не видели, но с юга приходили слухи о каких-то кораблях, которые не заходили в гавани, а курсировали вдоль побережья. Затем они исчезли и длительное время никаких тревожных слухов не появлялось. Мы понемногу стали успокаиваться. Но мне казалось, что дядя опасается самого худшего. Он послал своего маршала в Тревампер, чтобы тот привез оттуда металл Пустыни, а кузнецу дал приказ изготавливать новое оружие и ремонтировать старое. К моему удивлению, он приказал снять с меня мерку и сделать для меня кольчугу.

Когда дама Мат выразила протест, дядя угрюмо взглянул на нее. Он давно уже не был в хорошем расположении духа.

— Успокойся, сестра. Я бы сделал то же самое и для тебя, но уверен, что ты не станешь ее носить. Выслушайте меня внимательно. Я уверен, что впереди нас ждут тяжелые времена, каких у нас еще не бывало. Если на наши берега высадится армия завоевателей, они будут поодиночке разбивать твердыни наших лордов. Они пойдут от дороги к дороге, от долины к долине. Следовательно...

Дама Мат глубоко вздохнула. Негодование ее испарилось и на лице появилось выражение, которого я не смогла прочесть.

— Пиарт... значит... значит ты... — она не закончила, но от ее слов меня тугими кольцами стянул страх.

— Снилось ли мне? Да, Мат... один раз...

— Дух Пламени, защити нас! — руки ее пробежали по серебряным четкам, а губы зашептали молитвы, которым она обучилась в Монастыре.

— Как мне и было обещано, — он взглянул на нее, — я видел сон... первый.

— Выходит, будут еще два, — ее голова поднялась, а губы плотно сжались. — Жаль, что в Предупреждении ничего не говорится о сроках.

— Не знаю хорошо или плохо, что есть Предупреждение, — вырвалось у него. — Что лучше, знать, что впереди тьма и вечно жить в ее ожидании, или же ничего не знать и встретить катастрофу без Предупреждения? Лично я предпочитаю знать. Мы можем удержать Икринт, если они придут по реке или со стороны гор. — Он передернул плечами. — Мы

должны быть готовы к бегству не на южное побережье, а в Норсдейл или даже в Пустыню.

— Но ведь кроме шпионов еще никто не приходил.

— Они придут, Мат, в этом нет сомнений. Они придут!

Когда мы с дамой Мат вернулись к себе, я осмелилась задать вопрос:

— Что это за сон, о котором упоминал дядя?

Она стояла у окна и смотрела вдаль невидящим взглядом. Услышав меня, она повернулась.

— Сон? — сперва мне показалось, что она не желает отвечать. Ее пальцы быстро перебирали четки, как будто она пыталась найти в них успокоение. — Это наше Предупреждение, — неохотно промолвила она. — Для тех, кто посвящен Пламени, такие вещи... нет, я не могу говорить об этом, это не наше дело. Поколение назад, лорд Гандор, наш отец, взял под свою защиту Мудрую Женщину, которая жила одна и не искала общества, но у нее был дар лечить животных и ее овцы были лучшими в долине. Многие ей завидовали и распускали о ней разные жуткие сплетни. Она часто ходила одна в Пустыню в поисках растений. Хотя она знала их великое множество, она никогда не применяла их во вред людям, но грязные слухи обратили всех жителей долины против нее. И вот однажды ночью они пришли, чтобы забрать ее овец, а саму ее прогнать. Лорд Гандор уезжал в Тревампер и они думали, что его нет, иначе бы они не осмелились на такое. Но когда факелы уже поджигали её дом, внезапно появился лорд со своими людьми. Лорд разогнал всех кнутом, а старуху взял под свой щит на глазах у всех — это означало полное покровительство лорда. Однако старуха заявила, что она не может здесь оставаться, так как покой ее нарушен и не может быть восстановлен. Однако она захотела увидеть нашу мать, которая была беременна. Старуха положила руку на живот матери, леди Алисы, и заявила, что роды у нее будут легкими. Леди Алиса очень обрадовалась этому предсказанию, так как при предыдущих родах ее ребенок появился на свет мертвым, к великому горю всех домашних.

Затем Мудрая Женщина предсказала, что это будет сын и у него будет дар. Он сможет предвидеть во сне большие опасности. После первых двух снов он сможет предпринять меры и спасти себя и свою семью, но угрозы, увиденной в третьем сне, не избежать.

После этого старуха ушла из Икринта и из долины. Никто больше никогда ее не видел. Ее предсказание оказалось правдой. Через месяц мать благополучно разрешилась от бремени. У нее родился сын, твой дядя, лорд Пиарт. И твой дядя видел сны. Последний раз он увидел во сне смерть своей жены. Он загнал лошадь, пытаясь успеть с ней попрощаться. Так что... если он видит сон, ему можно верить.

Так что мне пришлось учиться носить кольчугу, потому что дядя увидел сон. Кроме того, он обучал меня обращению с мечом, который принадлежал ему, когда он был мальчиком. Я не достигла больших успехов в фехтовании, зато стала прекрасным стрелком из лука. И впоследствии мне приходилось много раз помянуть это учение добрым словом, ведь его уроки спасали мне жизнь. Правда, он уже не знал об этом.

Так прошел Год Лишайника — год, когда я должна была стать хозяйкой в доме лорда Керована. Иногда я брала в руки грифона и держала его, думая, что же это за человек, мой жених. Несмотря на все мои ожидания, никто не приезжал из Ульмсдейла, никто не привозил мне портрет моего жениха. Сначала я немного злилась, но затем подумала, что вероятно у них в Ульмсдейле нет никого, кто бы мог нарисовать портрет. Ведь подобный талант чрезвычайно редок, а выезжать куда-либо в такое смутное время по меньшей мере неразумно.

Хотя мы сделали большие запасы, дядя приказал экономить. Даже на празднества выдавалось весьма малое количество провианта. Дядя все время был настороже. Он посылал разведчиков на границы своих владений и всякий раз терпеливо ждал их возвращения. На юге шла война. Прошел месяц Ледяного Дракона, начался новый год с месяца Снежной Птицы. И тут мы получили известия о войне. Их привез человек, сумевший в такой мороз пробиться через снега и горы. Он так замерз, что когда его сняли с лошади, упал и не мог подняться без посторонней помощи.

Вторжение началось, и оно застало врасплох даже тех лордов, которых мы предупреждали. Эти заморские дьяволы воевали не так как мы — мечами и луками. Они привезли на своих кораблях железные чудовища, внутри которых прятались люди. И когда эти чудовища шли вперед, ничто не могло остановить их. Они изрыгали пламя из длинных железных носов. Люди

погибали в этом пламени или же чудовище раздавливало их. Когда воины отступали в крепости, чудовища наползали прямо на стены и сокрушали их своим весом. Такая война была нам неизвестна. Кровь и плоть людей не могли устоять перед неумолимым железом.

Те из лордов, кто спрятался в своих замках, надеясь отсидеться за стенами, просчитались самым роковым образом: замки падали один за другим. Но многие собрались под знамена четырех южных лордов и создали армию. Они уже научились окружать чудовища, которым для передвижения требовался подвоз топлива, и даже уничтожили несколько из них. Но наши люди уже потеряли побережье, и враги все время подвозили пополнение. К счастью, этих страшных машин было не так уж и много.

Вскоре к нам прибыли первые беженцы, ими оказались наши родственники. Отряд воинов сопровождал носилки и двух женщин. Это были леди Ислайга и леди Инглида. На носилках лежал в бреду тяжело раненный Торосс. Все они теперь остались без дома, без богатства. У них не осталось ничего, кроме того, что было на них.

Инглида, вышедшая замуж и тут же овдовевшая, смотрела на меня абсолютно пустыми глазами. Ее подвели к огню, вложили в руку кубок и приказали выпить. Казалось, она не понимала, что с ней произошло. Ни тогда, ни позже, мы так и не смогли добиться от неё связного рассказа, как она выбралась из замка мужа, который железные монстры уничтожили одним из первых. Каким-то необъяснимым образом один из лучников провел ее в военный лагерь в долине, куда вскоре прибыла и леди Ислайга, чтобы ухаживать за своим сыном. Вскоре на юге создалась обстановка, когда оставаться там было уже невозможно, и они решили попросить у нас убежища. Дама Мат тут же занялась раненым, но и леди Ислайга не желала оставлять сына ни на одну секунду.

Перед дядей встала проблема выбора — либо послать армию на борьбу с пришельцами на юг, либо готовиться к битве здесь, чтобы защитить свои земли. И так как он с самого начала был сторонником объединенных сил, он выбрал первое.

Дядя возглавил войска, которые смог собрать, не оставляя без защиты свой замок. В замке остался небольшой, хорошо обученный отряд под командой маршала Дагаля. Шел месяц

Ястреба, на дорогах стояла непролазная грязь, мешавшая продвижению механических чудищ, и отряд лорда Пиарта выступил на юг. Я провожала отряд, стоя на башне у ворот. Дама Мат сейчас безотлучно находилась при Тороссе, которому стало хуже. Перед этим я разливала воинам во внутреннем двореке питательный напиток из бочонка войны. Это должно было принести нам удачу, и этот бочонок сейчас был у меня в руках. Он был сделан в виде всадника на коне и жидкость выливалась изо рта лошади. Капля жидкости упала на снег и впиталась в него. Она была красной, как кровь. Увидев ее, я вздрогнула и быстро переступила через пятно, чтобы не видеть страшное предзнаменование.

Мы сидели в Икринте, ожидая нападения и не представляя, где идут боевые действия, так как гонцы еще не приезжали. Но мы знали, что беда может нахлынуть без предупреждения. Я думала о том, видел ли мой дядя ещё вещие сны и какие ужасы они нам предвещают. Но, видимо, этого мы никогда не узнаем. Вскоре настал месяц Снегов, которые завалили все проходы в горах, и мы почувствовали себя в относительной безопасности, но весна в том году пришла рано. И в самую весеннюю распутицу прибыл гонец от дяди. Посланник передал, что мы должны держаться и удерживать крепость, пока есть силы. Он мало что сообщил о военных действиях и сказал только, что настоящих боёв нет. Наши лорды переняли тактику преступников Пустыни — они делают короткие, неожиданные налеты на вражеские отряды, перерезают коммуникации, перехватывают обозы. В общем, вредят как можно больше, не подвергая себя опасности. Он же сообщил, что лорд Ульрук из Ульмсдейла послал на юг отряд, но сам по болезни остался в замке. Отряд возглавил лорд Керован. Но если к берегам Ульмсдейла подойдут вражеские корабли, отряд должен будет вернуться, чтобы не допустить высадки врагов, как это произошло в Эрби и других городах южного побережья.

В отсутствие сына Лорд Ульрук не терял времени даром и укреплял замок.

В тот вечер я была свободна от дел, и впервые за долгое время взяла в руки шар с грифоном. Я думала о том, кто послал его мне. Где он сейчас? Стоит под звездами с мечом в руке и не знает, когда звуки рога позовут его в бой? Хотя я

совсем не знала его, я от всей души пожелала ему удачи. Шар излучал приятное тепло и слабо светился в полумраке. Теперь это не казалось странным, напротив, тепло как-то успокаивало меня и снимало тяжкую тревогу.

Внезапно шар затуманился, и я уже не могла различить в нем грифона. В клубящемся тумане возникли движущиеся тени, в которых угадывались сражавшиеся люди. Один из них был окружён плотным кольцом врагов, наседавших на него. Я вскрикнула и на меня нахлынул страх, хотя я не могла различить, кто же там сражался. Но мне казалось, что этот талисман, присланный моим женихом, показывает мне сейчас его смерть. Я сорвала цепь с шеи и отшвырнула шар в сторону. Вернее попыталась это сделать, но шар не повиновался. Шар светился и грифон смотрел на меня красными блестящими глазами. Конечно же, я стала жертвой своего воображения.

— Вот ты где! — услышала я укORIZненный голос Инглиды.
— Тороссу очень плохо, он хочет тебя видеть.

Как мне показалось, она смотрела на меня с ревностью. С тех пор, как она вышла из шока, она снова стала Инглидой из Тревампера. Временами мне требовалось все самообладание, чтобы сдержаться и не ответить резкостью на её колкости. Она вела себя так, как будто была тут хозяйкой, а я — её ленивой служанкой.

Торосс поправлялся очень медленно. Его лихорадка поддавалась лечению дамы Мат, но болезнь неохотно покидала тело. Вскоре мы обнаружили, что мне удастся заставить его поесть или успокоить, когда он начинал метаться по постели. Я охотно делала это, но мне не очень нравилось, когда он брал мою руку, не нравились его странные взгляды и улыбка. В тот вечер мне совершенно не хотелось идти к нему. Я была потрясена тем, что видела или воображала в шаре. Я заставляла себя не верить, но сейчас шла война и мой жених сражался наравне с другими, так что вполне могло быть, что он погибнет, а мне не хотелось верить в это. Но я страстно хотела бы иметь сейчас дар ясновидения или же иметь возле себя Мудрую Женщину, обладающую таким даром. Правда, дама Мат с большой неприязнью относилась к тем, кто использует загадочные силы.

Наши родственники были лишь первыми беглецами, что

пришли под защиту стен нашего замка. И хотя дядя предвидел, что нам придётся кормить множество людей, когда отдавал приказ сделать большие припасы, он ни разу не сказал нам этого. Но теперь мы могли оценить по достоинству его предусмотрительность. Всякий раз, когда я выдавала продукты на день, я задумывалась, хватит ли нам, даже при скудном рационе, этих запасов до следующего урожая.

Беженцы, в основном крестьяне, женщины, дети, старики и раненые мужчины, прибывали постоянно. Мало кто из них мог помочь в защите замка, если возникнет такая необходимость, поэтому мы с маршалом и дамой Мат решили, что неразумно держать в крепости столько лишних ртов. Поэтому, как только установится подходящая погода, надо будет отослать их на запад в долины, не затронутые войной, а может даже и в Монастырь в Норстатте. И теперь, когда я входила в комнату, где лежал Торосс, моя голова была занята мыслями об этом, а не о моих видениях в шаре.

Он лежал на подушках и мне показалось, что ему гораздо лучше. Зачем же он меня позвал? Этот вопрос вертелся у меня на языке, когда леди Ислайга, сидевшая возле постели, поднялась и вышла из комнаты. Торосс поднял руку, приветствуя меня. Выходя, Ислайга даже не взглянула на меня, что-то бормоча себе под нос.

— Джойсан, сядь сюда, чтобы я мог видеть тебя! — голос его был твердым и уверенным. — У тебя под глазами круги. Ты изнуряешь себя работой, моя дорогая.

Я подошла к стулу, но не села, а стала рассматривать его лицо. Оно было осунувшимся и бледным, а страдания избороздили его морщинами. Однако глаза были чистыми и в них не было тумана, вызванного бредом и лихорадкой. И то беспокойство, которое всегда охватывало меня, когда я была с ним, снова вернулось.

— У нас очень много дел, Торосс. Я делаю не больше того, что от меня требуется.

Я мало говорила, думая о том, стоит ли мне напомнить, что я обручена и ему не следует проявлять ко мне нежные чувства и заботиться обо мне.

— Скоро все кончится, — произнес он. — Война и её ужасы не коснутся тебя в Норстатте...

— Норстатт? О чем ты говоришь, Торосс? В Норстатт

отправятся беженцы. Мы не можем оставить их здесь, у нас мало продовольствия, но наши люди останутся здесь. Может быть, ты тоже отправишься в Норстатт.

Сказав это, я сразу почувствовала облегчение. Мне будет легче жить, когда эти родственники покинут замок.

— Ты тоже поедешь с нами, — безапелляционно заявил он.

— Девушке не место в крепости во время осады...

— Дама Мат... — прошептала я, но сразу замолкла.

Нет, она не могла решить этого без меня, ведь я отлично знала ее. Я овладела собой. Торосс не имеет ни малейшего права приказывать мне. Я покину замок только по приказу дяди... или лорда Керована, и никто больше не может приказывать мне.

— Ты забыл, что я обручена. Мой жених знает, что я в Икринте. Он приедет за мной сюда, так что я останусь тут и буду ждать его в замке.

Лицо Торосса вспыхнуло.

— Джойсан, ты что, ничего не видишь? Почему ты так ему предана? Ведь он не вызвал тебя, когда пришло время свадьбы. Прошло уже много времени и ты можешь разорвать помолвку. Если бы ты была ему нужна, разве он не пришёл бы за тобой раньше?

— Даже через вражеские ворота? — спросила я. — Лорд Керован повел отряд Ульмсдейла на юг. Сейчас не время думать о свадьбах и о выполнении обычаев. Я не разорву нашу помолвку, если он сам не захочет этого сделать; пока он не скажет, что я ему не нужна. — Может я говорила не совсем то, что думала, но я была женщина и имела свою гордость. Я хотела, чтобы Торосс наконец понял, и чтобы не настаивал на том, чего невозможно сделать. Если он будет уговаривать меня и дальше, то тогда нашей дружбе придёт конец, а мне этого не хотелось.

— Ты сможешь быть свободна, если захочешь этого, — упрямо продолжал он, — если бы ты была честна сама с собой, Джойсан, ты призналась бы себе, что сама хочешь этого. Меня тянет к тебе с первого дня, как я увидел тебя. И ты ощутишь то же самое... И если бы ты позволила своим чувствам...

— Неправда, Торосс! То, что я тебе говорю, также сильно, как клятва Огня. Я хотела бы, чтобы ты понял. Я жена лорда

Керована и останусь ей до тех пор, пока он сам не откажется от меня. Поэтому мне не подобает слушать то, что я слышу от тебя. И я не могу больше оставаться с тобой!

Повернувшись, я выбежала из комнаты. Я слышала, как он заворочался в постели, вскрикнул от боли и позвал меня. Я не оглянулась и выбежала в большой зал. Там находилась леди Ислайга, которая наливала бульон из кастрюли в чашку. Я подошла к ней и сказала:

— Сын зовет Вас. Больше не просите меня приходить к нему.

Она взглянула мне в лицо и видимо поняла, что произошло. На её лице отразилась ненависть — ведь я отвергла её сына. Для неё он был всем и никто не мог отказывать ему в желаниях.

— Идиотка! — бросила она мне.

— Я была бы идиоткой, если бы выслушивала его речи, — я позволила себе резкость. Затем я посторонилась, пропуская ее, когда она торопливо пошла с чашкой бульона в комнату сына.

Я осталась у огня, протягивая замёрзшие руки к теплу. Была ли я идиоткой? Что связывает меня с Керованом? Игрушка с грифоном — и это всё после восьми лет помолвки, без настоящей свадьбы. Но для меня выбора не было и я не жалела о том, что сделала.

Керован:

Я уже забыл мирное время. Человек быстро привыкает к постоянной опасности и тревоге. Когда пришли вести о вторжении, мой отец был готов выступить сам во главе отряда. Но поразмыслив, он решил, что главной целью врага все же является Ульмсдейл. Кроме того, его мучил страшный ревматизм, а эта болезнь не позволяет человеку, а тем более воину, спать в палатках или на сырой земле. Поэтому я повел отряд под знаменем грифона на помощь южным соседям. Яго очень хотел поехать со мной, но его старые раны воспрепятствовали этому. Меня сопровождал маршал Юруго.

Мой сводный брат и Роджер вернулись к роду моей матери. Во время войны их место было именно там, и я совсем не жалел об этой утрате. Между нами не было открытых

столкновений и даже Хлимер перестал провоцировать меня, но я все же чувствовал себя беспокойно в их компании. Да, они не были друзьями. Правда, в те дни я мало находился в замке, потому что ездил по долине, по побережью, собирая сведения, которые привозил прикованному к постели отцу. При этом я не только был его глазами и ушами, я узнавал страну, знакомился с народом, которым мне, если на то будет воля богов, придется править в будущем.

Сперва меня встречали со скрытой враждой и даже со страхом, и я понял, что опасения Яго имели под собой твердые основания. Слухи о том, что я чудовище, глубоко проникли в сознание людей. Но те, с кем я ездил по стране, кому отдавал приказы, проникались мыслью, что я обыкновенный человек, их господин. Они уже не считали меня чудовищем. Яго говорил мне, что те, кто уже общался со мной, полностью на моей стороне и разоблачают все слухи обо мне. Они говорят, что любой, у кого есть голова на плечах и два глаза, может видеть, что наследник лорда ничем не отличается от остальных людей.

Мой сводный брат уже снискал себе дурную славу своей духовной убогостью и вздорным характером. В первую встречу он показался мне похожим на буйвола, и таким он и был на самом деле. Для него вообще не существовали люди, которые были ниже его по положению. Все они, по его мнению, были созданы для того, чтобы служить ему. Но с другой стороны, Хлимер был искусным бойцом. У него были длинные руки, которые давали ему большое преимущество перед таким хлипким соперником, каким он считал меня. Я не думаю, что в те времена охотно встретился бы с ним на поединке. У него было много союзников в доме и он постоянно демонстрировал это мне. Я же ни разу не отклонился от своего решения ни с кем не сближаться. К тому же я столько времени был предоставлен себе самому, что плохо умел располагать к себе людей. Я никого не боялся, но и никого не любил. Я постоянно был один.

Иногда я думал, как бы сложилась моя судьба дальше, не начнись война. Вернувшись из Икринта, куда он возил письма отца и мои подарки, Яго отозвал меня в сторону и сунул в руку продолговатый плоский расшитый мешочек, размером с ладонь. В нём был портрет. Яго сообщил, что моя невеста

просит прислать ей мой портрет. Я поблагодарил старого воина и едва дождавшись, когда он уйдет, впился в её портрет глазами. Не знаю, чего я ожидал — разве что очень надеялся на то, что Джойсан не очень красива. Это помогло бы ей перенести разочарование, когда она поближе познакомится со мной.

Но передо мной был портрет девушки, на лице которой я не обнаружил и следов разочарования. Лицо было тонкое, глаза на нём казались огромными. Эти глаза были какого-то неопределенного цвета — ни голубые, ни зеленые. Впрочем, художник мог и ошибиться. Но я почему-то был уверен, что художник не старался ее приукрасить. Он изобразил ее такой, какая она была на самом деле. Ее нельзя было назвать красавицей, но её лицо было невозможно забыть, даже если увидеть его всего раз в жизни. Её волосы, как и мои, были темнее, чем у всех. Они были цвета осенних листьев — коричневые, с благородным красным отливом. Лицо сужалось ото лба к подбородку и имело почти треугольную форму. Девушка на портрете не улыбалась, но смотрела на мир с каким-то интересом.

Такова была Джойсан. Держа портрет в руках и рассматривая его, я вдруг впервые понял ясно и отчетливо, что это та, с кем связана моя жизнь, моя судьба, от которой мне не убежать. И я смотрел на серьезное лицо девушки, которая, как я вдруг подумал, может отнять мою свободу. Эта мысль заставила меня устыдиться, и я поспешно сунул портрет обратно в мешочек и после этого спрятал его в свой кошелек. Я хотел убрать его с глаз и выкинуть из головы. Яго сказал, что она хочет получить мой портрет, но даже если бы я и хотел выполнить эту просьбу, я бы не смог это сделать. Я не знал никого, кто мог бы рисовать портреты, а расспрашивать посторонних мне не хотелось. И поэтому на просьбу невесты я не ответил ничем. А затем наступили дни, полные новых тревог, новых забот, новой опасности, и я забыл об её просьбе, а может, постарался забыть.

Но портрет оставался при мне. Время от времени я доставал расшитый мешочек и даже пытался вытащить портрет, но потом одергивал себя со злостью и снова прятал. Я опасался, что вид этого лица заставит меня сделать то, о чем я впоследствии пожалею. По обычаю, Джойсан должна была

приехать ко мне в конце этого года, но обстановка была очень тревожной, близилась война, и приезд отложили. А следующий год уже застал меня на юге в самой гуще событий.

Сражения? Нет, я бы не назвал это так громко. Лесники научили меня быть не героем сражений, а отслеживать, вынюхивать врага, собирать о нем мельчайшие сведения: о его передвижении, о его силах и о его привычках. Первые поражения, когда прибрежные крепости пали одна за другой под ударами металлических чудищ, принудили нас объединить свои силы. К сожалению, желанное объединение произошло слишком поздно. Враг, хорошо изучивший нашу тактику ведения войны, знал наши слабости и имел подавляющее превосходство в вооружении. Решительный и беспощадный противник сокрушил трех могущественных и весьма уважаемых южных лордов.

Трое оставшихся лордов были или более предусмотрительны, или более везучи. Им удалось бежать и они сформировали совет. Таким образом была создана объединённая армия, которая перешла к тактике преступников Пустыни — молниеносные удары с мгновенным отходом. Так нам удавалось наносить урон противнику, не теряя при этом своих людей.

Вторжение началось в Год Огненного Тролля, а первых успехов мы добились в Год Леопарда. Но мы не гордились этими успехами. Мы потеряли уже столько, что никакие победы не могли возместить потери. Мы стремились лишь к тому, чтобы вышвырнуть пришельцев обратно за море, откуда они явились. Все южное побережье находилось в их руках и через три порта к ним постоянно поступали все новые и новые подкрепления. Но, к счастью, те металлические чудища, которыми они нанесли первый и сокрушительный удар, больше не появлялись, иначе мы не смогли бы устоять перед ними и уже давно откатились бы на север и запад, как перепуганные кролики.

Мы взяли пленников и от них узнали, что эти металлические чудища не принадлежали ализонцам. Их делали в другой стране, которая расположена рядом с Ализоном и теперь воюет на другом конце мира. А целью вторжения Ализона к нам было подготовить путь для нападения более могущественной армии. Ализонцы, несмотря на их высоко-

мерие, казалось, сами боялись тех, чьё оружие они применили против нас. Они угрожали нам страшной мстью, когда та держава закончит свою войну и обратит на нас всю свою мощь.

Но наши лорды поняли, что сейчас не время думать о том, что будет после. Наш долг теперь — защитить свою родину и вышвырнуть наглых пришельцев из долин. Я уверен, что в душе все мы были уверены в близком конце, но о сдаче на милость никто не помышлял. Судьба людей, попавших в руки наших врагов, была ужасна. Смерть казалась милосердием по сравнению с участью пленников.

Я вернулся из разведки, а в лагере меня ждал гонец одного из лордов — лорда Имгри, который спешно вызывал меня. Усталый и голодный, я схватил кусок хлеба и вскочил на свежую лошадь.

Гонец сообщил, что получено послание с помощью костров и щитов. Лорд, расшифровав послание, срочно послал за мной. Передача сообщений с помощью костров и отражающих свет щитов широко применялась в нашей стране, но какое отношение я мог иметь к сообщению, я не мог понять. Из всех лордов, которые входили в совет, лорд Имгри был наиболее приятным. Он всегда стоял как-то особняком. Он был весьма хитер и умен, и именно ему мы были в большей степени обязаны своими успехами. Его внешность, казалось, полностью соответствовала его характеру. Лицо его постоянно хранило холодное выражение. Я никогда не видел его улыбки. Он использовал людей, как пешек, но относился к ним бережно. Он всегда заботился, чтобы все были сыты, устроены на ночлег. Сам он делил с солдатами все трудности походной жизни, и все же ни с кем близко не сходиллся, даже с другими лордами.

Лорда Имгри уважали, боялись, охотно подчинялись ему, но я не верил, что его любили. Вскоре я уже был в его лагере. Моя голова кружилась от недостатка сна и от длительной езды верхом. Я старался не шататься, когда сошел с коня. Это было делом чести — предстать перед лордом Имгри с такой же холодной невозмутимостью, с какой он встретит меня и которая никогда не покидала его. Он не был так стар, как мой отец, но он был человеком, который, как казалось окружающим, никогда не был молодым. У окружающих создавалось

впечатление, что с самой колыбели он планировал и предусматривал всё, если и не свои действия, то изменения ситуации вокруг него.

В грубом крестьянском доме в камине горел огонь. Перед ним стоял лорд, вглядываясь в пляшущие языки пламени, как будто стараясь что-то прочесть в них. Его люди расположились вокруг дома. Только его оруженосец сидел на стуле возле огня и начищал шлем грязной тряпкой. Над огнем висел котелок, распространяя вокруг себя аромат, от которого у меня потекли слюнки, хотя прежде я бы с презрением взглянул на такой скудный ужин. Когда я закрыл за собой дверь, лорд повернулся и посмотрел на меня острым, пронизательным взглядом, который был его главным оружием в борьбе с окружающими. Усталый, измученный, я собрал силы и твердо встретил его взгляд.

— Керован из Ульмсдейла, — он не спрашивал, он удостоверял.

Я поднял руку, приветствуя его, как приветствовал бы любого лорда.

— Я здесь.

— Ты опоздал.

— Я был в разведке и поехал сюда, как только получил послание, — спокойно ответил я.

— Так, так... И что же ты узнал?

Сдерживая себя, я рассказал, что мы увидели, когда были во вражеском тылу.

— Значит, они передвигаются по Калдеру. Да, реки для них весьма удобный путь передвижения. Но я хочу поговорить об Ульмсдейле. Пока они высадились только на юге, но с тех пор, как пал Эрби...

Я попытался вспомнить, где находится Эрби, но настолько устал, что не смог представить в уме карту. Эрби был порт в Вестдейле.

— Вестдейл? — уточнил я.

Лорд Имгри пожал плечами.

— Если он ещё не пал, то непременно падет в ближайшем будущем, и тогда перед ними откроется путь дальше, на север. За мысом Черных Ветров единственный путь лежит через Ульм. Если они захватят и его и высадят там большие силы, нас раздавят, как тараканов.

Этих слов было достаточно, чтобы заставить меня забыть об усталости. У меня был свой небольшой отряд, но потеря каждого человека — это чувствительный удар по Ульмсдейлу. С тех пор, как мы вступили в войну, мы потеряли пятерых, а трое тяжело ранены и вряд ли когда-нибудь смогут взять в руки оружие. Если враги нападут на Ульмсдейл, то мой отец и его люди не отступят, но им не устоять перед бронированными чудищами, которые двинут против них ализонцы. Значит погибнет все, что было мне родным и близким.

Пока я говорил, лорд Имгри взял блюдо, положил туда кусок дымящегося мяса из котла и сделал приглашающий жест, указывая на стол.

— Ешь. Мне кажется, что сейчас это тебе нужнее всего.

В его приглашении не было гостеприимства и ласки, но меня не нужно было долго уговаривать. Оруженосец приподнялся и уступил мне стул. Я скорее упал, чем сел, схватил мясо, которое ещё было очень горячим, и стал греть свои замерзшие руки, перекидывая мясо с ладони на ладонь.

— У меня уже давно не было вестей из Ульмсдейла. Последний раз... — и я перебрал в памяти прошедшие дни. Мне показалось, что все это время я был усталым до изнеможения, промерзшим до костей, голодным как собака...

— Сейчас тебе нужно отправиться на север, — Имгри снова подошел к огню и стал говорить, не глядя на меня. — Мы не можем выделить тебе отряд. Пойдешь в поход с одним оруженосцем.

Я был горд, что он считает меня способным проделать опасное путешествие без вооруженного эскорта. По всей вероятности, мои рейды доказали ему, что я вполне зрелый воин и не нуждаюсь в опеке.

— Я могу поехать один, — коротко сказал я и начал пить бульон прямо из тарелки, так как ложки мне не дали. Он согревал меня, и я наслаждался вливающимся в меня теплом и сытостью.

Лорд Имгри не стал возражать.

— Хорошо, поедешь утром. Я сам сообщу твоим людям, так что можешь переночевать здесь.

Я провел ночь на полу, закутавшись в плащ. А утром выехал, взяв два куска хлеба и усевшись на свежую лошадь, которую подвел ко мне оруженосец. Лорд не попрощался со мной и

не пожелал счастливого пути. Путь на север не был прямым, и мне приходилось сворачивать на овечьи тропы и нередко спешиваться, чтобы провести лошадь на поводу по крутым горным склонам.

У меня был с собой горячий камень, так что я мог разводить костры, чтобы согреть и осветить заброшенные пастушеские хижины, где я останавливался на ночь. Но я этого не делал, так как поговаривали, что дикие волки собрались в громадные стаи. Шла война и на местах боев им доставалось много поживы. Иногда я проводил ночи в маленьких крепостях, где перепуганные люди, открыв рты и замирая от страха, выслушивали последние новости. Изредка я останавливался в придорожных гостиницах. Путешественники не так жадно расспрашивали меня, как жители крепостей, но слушали очень внимательно.

На пятый день пути, после полудня, я увидел Кулак Великана, самую высокую вершину моей родины. Над моей головой плыли рваные облака, холодный ветер рвал одежду. Я решил ехать побыстрее. Каменистые тропы, по которым я скакал, весьма утомили лошадь, и я старался выбирать дорогу полегче. Но теперь это было невозможно, если я буду спускаться к торговым путям, я потеряю массу драгоценного времени, а этого я себе позволить не мог.

Я продолжал движение по горным тропам, внимательно всматриваясь в окружающий пейзаж, но это не спасло меня. Вероятно, они имели часовых на всех дорогах в долину, и я шёл прямо в ловушку. Да, я шёл в ловушку с безропотностью овцы, которую ведут на бойню. Сама природа создала там прекрасные условия для западни. Я ехал по узкой тропинке по самому краю пропасти. Неожиданно моя лошадь опустила голову и тревожно заржала, но было поздно. На мои плечи обрушился сокрушительный удар. Я выронил поводья, обмяк и свалился с лошади.

Мрак вокруг меня — мрак и пульсирующая боль. Я еще не мог думать, а только чувствовал. И все же какой-то инстинкт, желание выжить заставило меня пошевелить руками. Мой затуманенный мозг воспринял информацию от рук, переработал ее, натужно скрипя, и я понял, что лежу ничком, голова и плечи ниже туловища, и весь я засунут куда-то в гущу кустов.

Тут я понял, что свалившись с лошади, я покатился вниз в пропасть, и эти кусты спасли меня, остановив падение. Если напавшие смотрели на меня сверху, то они наверняка подумали, что я разбился насмерть. А может быть, они теперь спускаются вниз, чтобы добить меня. Но в тот момент я думал только о боли во всем теле и хотел переменить позу, чтобы мне стало полегче. Я долго барахтался, прежде чем разобрался, что мне следует предпринять. Но тут я вновь сорвался вниз и на меня снова обрушился мрак.

Второй раз я очнулся от холода, ледяная вода горного источника заморозила мне щеку. Я со стоном приподнял голову, попытался отползти от ручья, но руки не держали меня и я упал лицом в воду. От жгучего холода я весь задрожал, но вода прояснила мой разум и привела в порядок мысли. Как долго я находился без сознания, я не знал, но было уже темно, и этот мрак не был порождением моего разума. Поднялась необычно яркая и чистая луна. Я с трудом сел, обхватив голову.

На меня напали, конечно, не преступники Пустыни, так как они наверняка постарались бы снять с меня кольчугу и оружие, и при этом прикончили бы. И тут меня охватил ужас. Неужели подозрения лорда Имгри подтвердились так быстро? Неужели нападение на Ульмсдейл уже свершилось и я наткнулся на отряд передовых разведчиков? Но западня была устроена так искусно, что я не поверил, что это были те, с кем я воевал на юге. Нет, здесь было что-то иное.

Я осмотрел тело и с радостью обнаружил, что все кости целы и серьезных повреждений нет. Но я был весь в ссадинах и, что было хуже всего, с большой раной на голове. Возможно от более серьезных последствий падения меня защитили кольчуга и кусты. Я весь дрожал от холода и нервного возбуждения, а когда попытался встать на ноги, то обнаружил, что ноги не держат меня. Я снова рухнул на колени и судорожно схватился за камень, чтобы не упасть. Моей лошади нигде не было видно. Может, напавшие забрали мою лошадь? Где же она теперь? Мысль об этом заставила меня вытащить меч. И я лежал, тяжело дыша и положив меч на колени. Я был неподалеку от крепости. Если бы я мог встать и идти, то смог бы добраться до первых пастбищ. Но каждое движение причиняло мне невыносимую боль. Дыхание со

свистом вырывалось сквозь стиснутые зубы, и я прикусил нижнюю губу так сильно, что ощутил во рту вкус крови. Только тогда я взял себя в руки. Мне здорово повезло, что я остался жив. Но теперь я был в таком состоянии, что не мог даже защитить себя. Выходит, пока я не окрепну и не наберусь сил, мне необходимо передвигаться медленно и очень осторожно.

Я слышал лишь обычные ночные звуки — птиц, зверей... Ветер прекратился, и ночь была неестественно тихой. Она как будто выжидала. Но кого? Чего? Я тихо пошевеливался, проверяя свои мышцы, и, наконец, встал на ноги и не упал, хотя земля ходила у меня под ногами. Стояла тишина. Только мирно журчал ручеек. Никто не мог подобраться ко мне теперь и остаться незамеченным. Я сделал пару шагов вперед, стараясь твердо ставить ноги на каменистую почву и хватаясь руками за чертополох и сучья, чтобы не упасть. Затем я заметил стену. Луна заливала серебряным светом ее камни. Я направился к ней, постоянно останавливаясь и прислушиваясь. Вскоре я добрался до открытого пространства и опустился на четвереньки. Потом, не теряя бдительности, я пополз между камнями.

Невдалеке я заметил стадо овец и эта мирная картина успокоила меня. Если бы здесь появились пришельцы, долина была бы уже разграблена. Но реальные ли это были овцы? У нас говорили о том, что многие пастухи видели стада призрачных овец, которые изредка даже смешивались с настоящими овцами. А по ночам или туманным утром ни один пастух не мог дважды сосчитать овец и получить одинаковое их количество. Тогда пастух не имел права гнать овец в деревню, так как если реальных и призрачных овец поместить в одно помещение, то все овцы превратятся в призраков.

Но я отбросил эти фантастические бредни и сосредоточился на своей задаче: поползти до стены и войти в крепость. Вскоре я добрался до места, откуда мне отлично была видна дорога в Ульмспорт и крепость, стоящая на каменистом холме над ней. Луна светила ярко и света было достаточно, чтобы можно было увидеть знамя лорда на башне крепости. Но я не заметил знамени там, где оно должно было находиться. Вдруг, как бы для того, чтобы все объяснить мне,

подул ветер с востока. Он шевельнул висевшее на шпиле полотнище и развернул его на короткое время, но и этой доли секунды мне хватило, чтобы все увидеть и понять.

Не знаю, вскрикнул ли я или нет, но внутри меня все закричало. Потому что только по одной причине зная лорда могло быть так изодранно в клочья. По причине смерти лорда!

Зная Ульмсдейла разорвано, это означает, что мой отец... Я ухватился за стену, но не смог удержаться и упал на колени.

Ульрук из Ульмсдейла мертв. Узнав это, я стал догадываться, почему была устроена засада. Вероятно, они поджидали именно меня. Но если о смерти отца мне было послано сообщение, почему оно не нашло адресата? Те, кто хотел схватить меня, должно быть перекрыли все дороги в долину, чтобы быть уверенными, что я не миную засады.

Теперь я должен был двинуться навстречу опасности, но я еще не был готов к этому. Сначала необходимо обрести твердость духа, а уж потом можно идти вперед.

Джойсан:

Хотя я и решила отправить Торосса и его родственниц из Икринта, это было не так-то легко осуществить. Торосс все еще был прикован к постели. Не могла же я отправить его на носилках? Но я больше не заходила в его покои. С леди Ислайгой и Инглидой я тоже не разговаривала. Хорошо, что у меня было много дел и мне редко приходилось встречаться с ними.

В костюме для верховой езды, захватив хлеб и сыр на обед, я в сопровождении оруженосца объезжала поля, проверяла посты в горах и выполняла прочие работы. Теперь я не снимала кольчугу и не расставалась с мечом, который подарил мне дядя. И никто не говорил мне о том, что такой костюм не годится для девушки — время было таким, что каждый был обязан делать все, что в его силах. А затем на нас обрушилась болезнь — с жаром и глубоким, раздражающим горло кашлем. По какой-то случайности я не заболела и в мои руки перешло все управление замком. Дама Мат заболела одной из первых, но она все же изредка покидала постель и, несмотря на слабость, старалась помочь мне и больным.

Маршал Дагаль тоже заболел и его люди получали прика-

зы от меня. Мы постоянно держали часовых в горах и в то же время старались убрать урожай. Это было трудное время — дел было очень много, а рабочих рук не хватало. Дни и ночи слились для меня в бездну усталости, изнеможения, и времени для отдыха совершенно не оставалось. Все, кто держался на ногах, работали. Даже малыши выходили с матерями в поле и помогали им, как могли. Но силы наши были на исходе, урожай выдался небольшой, и посадили мы гораздо меньше, чем в минувшем году.

В середине лета, вместо традиционного пира, я собрала всех, кого наметила отправить в Норстатт, и они направились на север. Шли они, в основном, пешком, так как лишних лошадей у нас не было. Торосс не отправился с ними. Его рана уже достаточно зажила, и он мог бы перенести тяжести путешествия. Я надеялась, что у него хватит здравого смысла уехать, но он остался. Он даже стал другом маршала Дагалья и его ближайшим помощником, когда маршал поправился и приступил к выполнению своих прямых обязанностей. В те дни я чувствовала себя довольно скованно. Хотя Торосс не искал со мной встреч, я обостренно ощущала его взгляды, а его воля невидимыми путями пыталась захватить меня в плен. Я могла лишь надеяться, что у меня хватит сил воспротивиться его молчаливому натиску. Торосс понравился мне с первого взгляда, с самой первой встречи. Тогда я увидела веселого, жизнерадостного юношу, который был так не похож на угрюмых и забитых людей, которые окружали меня до этого. Он был ласков, умен, с ним было интересно беседовать. У него было приятное лицо, и он чувствовал себя как рыба в воде в любой компании. Я видела, что девушки не сводят с него глаз, и сама ощущала его очарование.

Рана несколько убавила его веселость, но он все равно сильно облегчал наше существование в те суровые дни. И я не могла отрицать, что своими шутками он вселял в нас оптимизм. Правда, я никак не могла понять, почему он так уверен, что я уйду к нему. Я знала, что наши мужчины смотрят на женщин, как на собственность. Сначала, конечно, они ухаживают за женщиной, удовлетворяют ее капризы, но когда добиваются ее и вводят в дом, она становится вещью, как охотничий сокол, гончая собака, лошадь... Женщинами пользовались как средством для заключения и укрепления

союзов между лордами. И тогда мы не могли протестовать, даже если намеченный брачный союз был женщине не по душе.

Если какая-либо женщина пыталась восстать против судьбы, то предполагалось, что она вошла в союз с темными силами, а обвинение в этом означало для женщины страшную опасность: от нее отворачивались даже те, кто находился с ней в кровной связи. До этого времени мой путь был сравнительно прост и легок. Дама Мат была умной и душевно сильной женщиной, хорошо знавшей место, которое женщина долиин должна занимать в доме. Ее брат поручил ей управление всем хозяйством и советовался с ней по многим вопросам.

Она была умна и ничем не проявляла отношение к родовым обычаям относительно роли женщин. Но я узнала от нее много такого, чего вовсе не обязательно было знать девушке, которой предстоит уйти в дом мужа. Я умела читать и писать, и многое узнала в женском Монастыре, куда мы часто ездили. Изредка я присутствовала на совещаниях дяди и дамы Мат. Правда, я не осмеливалась высказывать свое мнение без приглашения, но дама Мат нередко обращалась ко мне с вопросами, интересуясь моим суждением по тому или иному поводу. При этом она говорила, что будущая хозяйка должна уметь принимать решения, и для этого она должна много знать.

Я знала, что обо мне много говорят. У меня имелось наследство от отца, но не в земельных владениях. По обычаю Пиарт мог назвать меня наследницей, хотя я и была девушкой, но наследником все же стал Торосс, как мужчина. До бегства с юга Торосс был прямым наследником своего отца, теперь же он потерял право на лордство, как какой-нибудь второй или третий сын. Его постоянные требования, чтобы я стала его женой, заронили в мою душу сомнение, что его главная цель не я, а полное право стать наследником Пиарта.

Может я и ошибалась, но мне казалось, что и леди Ислайга также лелеет эту мысль. Поэтому она пыталась скрыть ко мне свою неприязнь и часто оставляла нас наедине, полагая, что ее сын сможет уговорить меня разорвать брачный союз с Керованом. Этим летом я чувствовала себя зайцем, которого стараются загнать две гончие собаки, поэтому я все чаще и чаще спасалась от них в работе. Когда мы отправили на север первую партию беженцев, стало полегче, но ненадолго.

Теперь к моим заботам прибавилась забота о даме Мат. Хотя она и делала, что могла, но работа давалась ей с трудом. Она все худела и худела, пока не стала совсем прозрачной. Теперь она часто стояла, беззвучно молясь и стискивая в руках четки, но, несмотря на это, пальцы ее мелко дрожали.

Я старалась проводить с ней как можно больше времени, и нам ни о чем не надо было разговаривать, мы и так, без слов, отлично понимали друг друга. Но она стала говорить, говорить намного больше, чем ранее. Она рассказывала мне все, что знала, как будто чувствовала, что конец ее близок. Дама Мат рассказывала мне о травах, о лечении, и многие странные истории, которые передаются от одного поколения к другому.

То, что мы живем в странной стране, все хорошо знали — достаточно было повернуть голову, чтобы увидеть места, что остались от Прежних. Здесь таилось зло, которое можно было вызвать к жизни, если быть неосторожным. Детям строго-настрого запрещалось ходить туда, где царило странное мертвое спокойствие. Эта тишина, казалось, что-то выжидала. Дама Мат открыла мне тайну. Оказалось, что Огонь, которому она посвятила жизнь, не обладает Могуществом Прежних. И те, кто поклонялся ему, иногда вынуждены были отправляться в горы, чтобы искать свое Могущество, которое могло бы противостоять Злу. Даже Монастырь был вынужден искать помощи не только в своем божестве — Огне.

Однажды дама Мат пришла ко мне рано утром. Ее лицо сильно исхудало. Она стояла и перебирала в руках четки, глядя куда-то в сторону от меня, как будто опасалась встретиться со мной взглядом.

— Джойсан, с Пиартом что-то случилось...

— Ты получила письмо? — удивилась я, потому что не слышала рога. Теперь при приближении к крепости нужно было обязательно оповещать о своем приходе.

— Да, но только не словами и буквами, — раздельно ответила она. — Оно у меня здесь. — Она оставила четки в покое и указала на лоб тонкими пальцами.

— Сон? — я вновь удивилась. Неужели дама Мат получила такое же наследство?

— Не такой, как ты думаешь, весьма расплывчатый. Но я знаю, что ему сейчас плохо. Я должна пойти к лунному источнику.

— Сейчас не ночь и не полнолуние, — напомнила я ей.

— Но воду из источника можно использовать, и я должна это сделать. Боюсь, что я не дойду. Слишком далеко... — она покачнулась и оперлась рукой о стену. Я поспешила к ней, подхватила ее худенькое тело и усадила на стул. — Я должна идти... — она неожиданно заговорила с такой тревогой в голосе, что я перепугалась. Когда тот, кто всегда был тверд как камень, вдруг обнаруживает в себе слабость, это всегда вызывает жалость.

— Хорошо. Ты можешь ехать верхом?

На ее верхней губе блеснули капельки пота. Внезапно я обнаружила, что дама Мат, строгая и чопорная дама, превратилась в старуху. И хотя груз прожитых лет обрушился на неё, пригнув к земле, что пугало, так же, как и слабость, её твёрдая воля сделала своё дело. Она выпрямилась и распрямила плечи.

— Я должна. Приведи мне одну из лошадей, Джойсан.

Тяжело опираясь о мое плечо, она вышла во двор. Я послала мальчика на конюшню за пони. Этих смиренных животных мы держали для перевозки грузов. Когда мальчик вернулся, дама Мат уже совершенно оправилась, как будто выпила укрепляющее средство. Она легко села в седло, и я повела пони через поля, к тому самому источнику, куда когда-то бегала сама.

Почти никто не заметил нашего ухода. Стояло ранее утро и, вероятно, все завтракали. Я шла за пони и ощущала голод.

— Пиарт... — прошептала дама Мат. Она как будто звала брата и ждала от него ответа. Я никогда не думала о том, что же связывало этих двух людей, кроме родового имени. Теперь, услышав ее голос, я многое осознала. Хотя они и относились друг к другу по-деловому, на самом деле они нежно любили друг друга.

Наконец, мы добрались до источника. Когда я была тут ночью, я не увидела следов множества людей, оставивших у источника амулеты, которые должны были здесь находиться. Источник был выложен камнями, за которыми росли кусты. К веткам кустов были привязаны кусочки ткани, потерявшие свой первоначальный цвет под воздействием ветра и дождей. Кроме того, там висели фигурки овец, лошадей — и все это покачивалось на ветру. Я помогла даме Мат

спуститься на землю и довела ее до источника. Здесь она освободилась от моей поддержки и пошла вперед сама, как будто при виде источника к ней возвратились силы.

Она достала из кармана чашу, но такую маленькую, что она могла бы поместиться в ладони. Она была сделана из полированного серебра, а я знала, что серебро — любимый металл Прежних, так же как опалы, жемчуг и янтарь были их любимыми камнями. Она подозвала меня жестом и указала на растение, росшее возле самого родника. У него были широкие темно-зеленые листья с белыми прожилками. Не помню, встречала ли я его когда-нибудь раньше.

— Сорви листок и наполни им сосуд, — промолвила она.

Сорванный листок распространял приятный аромат и как будто по собственной воле скручивался в чашу, чтобы я могла черпать им воду. Вода в роднике доходила почти доверху. Я зачерпнула три раза и дама Мат сказала:

— Достаточно!

Дама Мат взяла чашу, подняла её и начала легонько дуть на её поверхность.

— Это, конечно, не вода Девятой волны, которая лучше всего подходит для наших целей, но и эта годится.

Она прекратила дуть и поверхность воды стала гладкой. Дама Мат бросила на меня поверх сосуда один из тех взглядов, которые всегда требовали подчинения.

— Думай о Пиарте! Мысли! Создай его портрет в мозгу!

Я попыталась вызвать в памяти портрет дяди и, наконец, мне это удалось. Я увидела его в тот момент, когда он пил во дворе кубок, поднесенный мною перед его отъездом. Я удивилась, что уже через несколько месяцев я с трудом вспоминаю его и не могу четко представить его облик. Ведь я же знала его всю жизнь!

— Тебе что-то мешает, — строго посмотрела на меня дама Мат. — Что у тебя есть, Джойсан?

Что у меня есть? Моя рука потянулась к груди, где прятался грифон. Неохотно, подгоняемая строгим взглядом дамы Мат, я вытащила шар.

— Повесь его туда.

Я не могла ослушаться и повесила шар на одну из веток, где и так уже висело множество безделушек. Дама Мат проследила за мной, и вновь стала смотреть на сосуд.

— Думай о Пиарте! — повторила она.

В этот момент передо мной словно распахнулась дверь, и я увидела его четко и ясно.

— Брат! — услышала я крик дамы Мат. И больше она ничего не говорила, только всхлипывала. Она смотрела в сосуд, и лицо ее вновь стало дряхлым и изможденным. — Да будет так! — она сделала шаг вперед, перевернула сосуд и выплеснула воду в источник. — Да будет так!

Резкий, удивительно чистый звук колокола раздался в утреннем воздухе: это был сигнал тревоги с крепостной башни. То, чего мы так долго боялись, свершилось — враг был рядом. Пони забеспокоился. Мне пришлось схватить его за поводья. Я пыталась успокоить испуганное животное. Удары колокола отражались от гор и возвращались к нам предвестниками близящейся бури. Я увидела, как дама Мат протянула сосуд, как бы подавая его кому-то, и выронила в источник, после чего подошла ко мне.

Ее хрупкое тело горело жадой действия, опасность пробудила в ней молодость, но на ее лице нельзя было увидеть надежду, нет, это было лицо человека, видевшего перед собой только бесконечную ночь.

— Пиарт видел это в своем последнем сне, — сообщила она, усаживаясь в седло. Больше о нем она не говорила, может потому, что была не в силах. Некоторое время я размышляла о том, что же она увидела в сосуде. Затем тревога вытеснила из моей головы все, кроме того, что нам необходимо спешить в крепость и узнать, что же там случилось.

Вести действительно были плохие, и маршал Дагаль быстро изложил нам обстановку, одновременно отдавая приказы своим людям. Каждый понимал, что защищаться бессмысленно, но воины должны были предпринять отчаянную попытку, выиграть время и спасти остальных. Враги шли по реке — это был самый простой путь к нам от побережья. Они шли на лодках, как доложили нам разведчики, и эти лодки не имели ни парусов, ни весел, и тем не менее быстро двигались против течения. Так что времени у нас оставалось мало.

Мы уже давно решили, что оставаться в крепости и погибнуть в ней — неразумно. Для тех, кто не мог сражаться, было лучше уйти в горы и пробиваться на запад. Мы тщательно спланировали бегство. При первых звуках колокола пастухи пригнали стада, женщины и дети стали быстро собираться в путь со своими пожитками.

Я направилась в свою комнату, натянула кольчугу, тяжелый плащ, взяла меч и мешки, в которые уже было упаковано все необходимое. Инглида уже ушла. В комнате все было разбросано. Та часть комнаты, где жила она, выглядела так, словно уже была разграблена врагами. Я пробежала через зал в комнату дамы Мат. Она сидела в кресле с высокой спинкой, держа в руках жезл, который я впервые у нее увидела. Он был цвета слоновой кости и по нему были вырезаны письмена.

— Дама... плащ... мешок... — я быстро осмотрела комнату, ища то, что всегда должно было быть наготове. Но комната выглядела обычно, и я не заметила никаких приготовлений к бегству.

— Нам пора уходить! — я надеялась, что она не так уж слаба и сможет подняться и идти.

Она медленно покачала головой. Я заметила, что дама Мат очень тяжело дышит, как будто ее измученные легкие не получали достаточного количества воздуха.

— Иди... — она с трудом прошептала это короткое слово, — Иди... быстрее... Джойсан!

— Я не могу тебя здесь оставить. Дагаль будет прикрывать наш отход, но крепость ему не удержать. Ты знаешь, это наше давнишнее решение.

— Я знаю... и... — она подняла жезл. — Я должна поклониться Огню, которому долго поклонялась и старалась забыть то, что когда-то знала. Но когда уходит надежда и жизнь, каждый должен бороться, как может. Теперь я знаю, что должна сделать. Возможно, я смогу отомстить за Пиарта и за тех, кто с ним уехал. — С каждым словом голос её становился крепче. Она выпрямилась в кресле, но подниматься с него не собиралась.

— Мы должны идти! — я положила руку на её плечо. Оно было твердое и сильное, и я поняла, что она не пойдёт, а силой мне её не увести.

— Джойсан, ты должна идти. Ты молода и за тобой будущее. Оставь меня. Это мой последний приказ тебе. Оставь меня. Пусть враги идут сюда... на свою погибель!

Она закрыла глаза, но губы ее шевелились, что-то неслышно произнося. Видимо, она молилась. Но она не перебирала четки, а крепко сжимала жезл. Он двигался в ее руках, словно им водила невидимая сила. Конец посоха выводил на полу какие-то письмена, не оставляя за собой следов.

Я поняла, что ничто не заставит её изменить решение.

Она не смотрела на меня и не отвечала на мои обращения. Дама Мат ушла куда-то невообразимо далеко и полностью забыла о моем существовании. Я направилась к двери, думая, стоит ли мне звать кого-то на помощь. Мне казалось, что теперь она не отвечает за свои слова или действия. Возможно, она прочла мои мысли, потому что широко раскрыла глаза и повернула посох в мою сторону, как будто прицелилась в меня.

— Дурочка... скоро я умру... я знаю это. Поверь мне, девочка, я сделаю так, что враги пожалеют, что пришли в Икринт. Они пролили нашу кровь, и моя месть не заставит себя долго ждать. Это будет великолепная смерть человека из рода Сломанного Меча. Постарайся отдать свою жизнь также дорого, когда придет твое время, моя Джойсан!

Жезл был направлен на меня. Я повернулась и ушла, я не могла поступить иначе. Меня словно околдовали, моя воля не могла противиться этой Силе.

— Джойсан! — колокола уже прекратили свой звон и я услышала, как меня зовут. — Джойсан, где ты?

Я сбегала по ступеням и увидела Торосса. Его капюшон был надвинут на лоб, открывая лишь часть лица.

— Чего ты ждешь? — сердито спросил он и ухватил меня за руку. Потом он потащил меня за собой к двери. — Садись на лошадь и уезжай! Немедленно!

— Дама Мат... она не хочет уходить...

Он взглянул на лестницу, затем на меня.

— Тогда пусть остается, у нас нет времени. Дагаль с отрядом уже на берегу. Враги плывут по реке. У них есть оружие, которое может стрелять дальше лучшего лука. Идем...

Торосс вывел меня на левую сторону улицы, там стояла лошадь. Другая была у ворот. Он силой закинул меня в седло.

— Поезжай.

— А ты?

— Я к реке. Куда же мне еще? Мы будем отступать, как только услышим сигнал, что вы вошли в ущелье. Все, как планировали.

Он стегнул мою лошадь и та резко скакнула вперед, так что мне пришлось призвать всё свое умение, чтобы удержаться в седле. Я слышала позади крики и какие-то резкие хлопки, которые не походили ни на что, слышанное мною ранее. К тому времени, как я совладала с лошадью, Торосс

уже скакал во весь опор в противоположном направлении, к реке. Мне очень хотелось поехать с ним, но я понимала, что буду воинам только помехой. Моя задача была вести тех, кто не мог сражаться, спасти их. Поднявшись в горы, мы разделились на маленькие группы, каждая из которых должна была идти своим путем, под предводительством пастухов и лесников. Мы должны были пробираться на запад, единственное место в Верхнем Халлаке, где еще было безопасно.

Вдруг я вспомнила: шар с грифоном! Я оставила его висеть на ветке возле источника! Я должна забрать его! Повернув лошадь, я понеслась назад по хлебному полю, не думая о том, что топчу посевы. Вон и кольцо деревьев возле источника. Я схвачу шар, поверну лошадь и тут же поеду обратно. Все это не отнимет у меня много времени.

Я въехала под деревья и соскочила с лошади, не дожидаясь, пока она остановится. Но у меня хватило здравого смысла привязать повод к суку. Я обошла вокруг кустов, отыскивая среди множества фигурок свой шар. Вот он! Через мгновение я снова держала его в руках. Как же я могла забыть его? Я не стала расстегивать кольчугу, а просто сунула шар за пазуху, надев цепь на шею.

Я поспешила к лошади. Она громко ржала. Я была возбуждена тем, что грифон вновь у меня, и поэтому не обратила на это внимания. Я шла прямо навстречу опасности.

Они, вероятно, заметили, как я ехала сюда, и быстренько подстроили мне ловушку. Им помогло то, что я слишком спешила получить обратно грифона, и не думала ни о чем другом. Как только я взяла лошадь за повод, они окружили меня, четко и организованно. Вероятно, они не в первый раз захватывали пленников подобным образом. Откуда-то прилетела петля и опустилась мне на плечи, крепко стянув руки.

Я стала пленницей, пленницей ализонцев и все из-за своей глупости...

Керован:

Итак, мой отец мертв. Кто же правит теперь в Ульме? Яго? Я вспомнил о моем единственном друге. За то время, что я провел в крепости, я так и не нашёл себе сторонников, на поддержку которых мог бы положиться. Но я обязан был выяснить, что случилось.

Я прятался в кустах близ стены. Я дрожал от холодного ночного ветра. Меня била крупная дрожь, и я никак не мог остановить её.

Ворота крепости в этот час ещё закрыты. Однако...

Теперь я уже мог соображать. Видимо, потрясение, которое я испытал при виде порванного флага, отрезвило меня. Был ещё потайной вход...

Я не знаю, что привело сюда с юга наших предков. Они не оставили никаких записей, которые раскрыли бы причину их прихода. Но строения, которые они оставили, их образ жизни, всё говорило о том, что жизнь их была полна опасностей.

Они не воевали с Прежними за обладание долинами. Тогда зачем же крепости, одна сильнее другой, вырастали в долинах? И каждая была снабжена тайным ходом, о котором знали только сам лорд и его наследники. Как будто каждый из них предвидел, что наступит момент, крайне опасный, и в таком ходе обязательно возникнет нужда. В тайном, крысином ходе...

Однажды отец показал мне тайный ход в Ульм, и у меня сейчас была возможность проникнуть в самое сердце замка, ставшего, вероятно, вражеской территорией, и все выяснить. Я облизнул губы и ощутил соленый привкус крови во рту. К тому же, это, наверное, единственное место, где меня не будут искать. Там, в суровом замке, под разорванным флагом, я буду в безопасности.

Я двинулся в путь. Теперь, когда у меня появилась цель, я стал двигаться увереннее, но не забывал об осторожности. Нельзя, чтобы меня заметили. Я должен был пройти довольно длинный путь, осторожно передвигаясь от стены к стене, от укрытия к укрытию. В окнах замка и деревенских домов кое-где виднелся свет. Огни постепенно гасли, а я передвигался тихо, как змея. Я был приучен к терпению, а теперь, когда каждый неверный шаг мог выдать меня, терпение тем более необходимо.

Возле дома фермера залаяла собака, и я замер с бешено бьющимся сердцем. К моему счастью, вышел мужчина и сердитым окликом успокоил животное. Я постепенно приближался к цели. В Ульмсдейле было гораздо меньше свидетельств деятельности Прежних, чем в северных долинах. Лишь здесь, в тени Кулака Великана, остались следы тех, кто жил в этой долине до того, как сюда пришли наши предки. Ничего

примечательного — обыкновенная каменная плита среди камней. Никто не мог сказать, каким целям она служила.

Единственное, что выделяло её из других плит, — это вырезанный на гладкой поверхности знак грифона, того самого, которого первый лорд Ульмсдейла сделал своим символом. Даже сейчас, ночью, я хорошо видел четкие линии на плите, и они служили мне ориентиром. Я поднялся чуть выше по склону. Мое измученное, избитое тело отказывалось повиноваться. Вскоре я нашел место, где возле каменной стены камни были сложены так искусно, что полностью скрывали проход.

Я вошёл в темную расщелину. До этого момента я не задумывался, что идти в темноте будет трудно. Вытащив меч, я стал осторожно переставлять ноги и ощупывать стены, пытаясь припомнить, куда же мне дальше двигаться. И когда меч ушёл в пустоту, я понял, что стою на правильном пути. Я вложил меч в ножны и стал ощупывать стены руками. Наконец, начался спуск вниз, туда, куда мне было нужно, но мне сильно мешали сапоги: я не чувствовал дороги и мог свалиться вниз. Я опасался, что копыта окажутся здесь бесполезными, но они все же лучше, чем сапоги. Поэтому я быстро их снял и привязал к поясу.

Копыта оказались более чувствительными к холоду камня, чем сапоги. Ощущая шероховатости камня, его острые выступы, я стал спускаться более уверенно, нащупывая выемки для ног. Но я не знал, сколько мне надо спускаться, мы с отцом сюда не доходили. Он только показал мне, где вход. Я всё спускался, спускался и мне казалось, что в этом крошечном мраке остановилось даже время. Но вот мое копыто нащупало твердую почву, и я осторожно поставил рядом второе. Теперь зажечь свет...

Я вытащил из кошелька кресало и стал ощупывать стену, пока не наткнулся на торчащее из стены древко факела. Я высек огонь и первый факел зажёгся, заставив меня зажмурить глаза от яркого света. Не останавливаясь, чтобы надеть сапоги, убеждённый теперь в преимуществе копыт, я направился дальше. Путь оказался длинным. Думаю, что больше половины его составлял естественный туннель, вероятно, русло высохшей подземной реки. Туннель был низким, и в некоторых местах мне приходилось пригибаться и двигаться на четвереньках.

Но тут я не опасался, что меня заметят, поэтому двигался с максимально возможной скоростью. Вскоре туннель стал пологим. Я понял, что нахожусь под долиной и крепость недалеко. Вскоре свет моего факела выхватил из темноты боковой проход в стене. Грубые ступени вели вниз и в сторону. Я понял, что это вход в пещеру на берегу моря, о которой упоминал отец, так что у меня было два пути для отступления. Отсюда туннель повел меня вверх. Длинная лестница в его конце вела в крепость, в комнату отца. Я остановился и загалсил факел. Теперь мне могли понадобиться обе руки, а свет факела могут заметить через трещины в стене.

Я заглянул в одну из трещин: там был барак. На дальней его стене горел факел, оставляя большую часть комнаты в полутьме. Здесь спали несколько человек. Пройдя чуть дальше, я заглянул в следующую трещину. Моему взору открылся большой зал. Я находился где-то за треном отца. В очаге горел огонь, которому никогда не давали погаснуть. Слуга сидел на скамье возле него, а на полу, рядом, свернулись две собаки. Самая обьчная картина для этого времени суток.

Вот я и у цели. Я не осмеливался идти дальше и открыть каменную плиту, хотя меня сильно мучило, что же я увижу там, в комнате отца. Люди часто используют слово «любовь». Они обозначают им как чистые чувства, вроде привязанности, нежности, так и грязные, вроде похоти. Я никогда не пользовался этим словом, так как мне в жизни не представлялось случая испытать это чувство. Страх, почтение, трепет — эти чувства были мне более понятны, чем любовь. Я не любил своего отца. В те дни, когда я был рядом с ним, я уважал его и преданно служил.

Но всегда между нами стояло то, что я рос вне дома, был, по существу, изгоем. И хотя он приезжал ко мне, присылал подарки, которые привели бы в восхищение любого мальчишку, в его присутствии я всегда ощущал неловкость и беспокойство. Не знаю, что было тому причиной, то ли его реакция на мое уродство, то ли то, что он не мог открыто воспротивиться моей матери и признать меня сыном с самого начала. Я понимал, что с самого детства наши отношения были не такими, какие бывают между отцами и сыновьями. Долгое время я считал, что это моя вина, и поэтому в его присутствии чувствовал себя в какой-то степени морально ущемленным, не в своей тарелке.

Так мы построили между собой стену и сломать её так и не смогли. Очень жаль... Теперь я думаю, что лорд Ульрук был именно тем человеком, которого я мог бы полюбить всем сердцем. И теперь я стоял в темном туннеле возле его покоев и ощущал, что потеря отца опустошила мою душу. Моя рука лежала на рычаге, который открывал плиту в каменной стене, прикрытую спинкой огромной отцовской кровати. Я чуть-чуть приоткрыл ее, услышал чьи-то голоса и увидел свет лампы. Тут я вспомнил, что плиту увидеть невозможно, и я даже могу обойти вокруг кровати и неожиданно появиться перед изумлёнными людьми. Они не могли знать о моем присутствии, и у меня была возможность узнать всё о том, что же здесь произошло. Я проскользнул в комнату и укрылся за балдахином: это было великолепное укрытие, в нем я даже нашел дырочку, через которую всё можно было видеть.

В комнате находилось четверо. Двое сидели на скамье у стены, один на стуле, а четвертый в кресле, где сидел мой отец, когда мы с ним прощались.

Хлимер и Роджер. На стуле расположилась девушка. У меня даже перехватило дыхание. Если забыть, что это лицо девушки — то это копия моего лица! А в кресле... У меня не было ни тени сомнений, что я впервые в жизни увидел леди Тэфану. Она была в пепельно-серой одежде вдовы. Ее вуаль была отброшена назад и прикрывала только волосы. Лицо было таким молодым, что она казалось старшей сестрой девушки, и старше её всего на два-три года. Хлимер ничем не напоминал её. Я же был похож на нее, как сын бывает похож на мать.

Я не испытывал никаких чувств, кроме любопытства, когда смотрел на свою мать. С самого начала я знал, что у меня нет матери, и примирился с этим. Мы ничем не были с ней связаны, и вот теперь я впервые увидел её. Она быстро говорила и проделывала такие же быстрые жесты своими красивыми руками с длинными пальцами. Но я видел только то, что на её пальце сверкал перстень — перстень моего отца, который мог надеть только лорд. Этот перстень имел право носить лишь я.

— Они дураки! Но нам-то зачем быть дураками? Когда придёт известие, что Керован убит на юге, Лизана станет

наследницей, а её муж, — она указала на Роджера, — будет править здесь от её имени. Хочу вам сказать, что захватчики предлагают хорошие условия. Им нужен порт, но они не хотят брать его с боем. Нам же война ничего не даст, долго против них нам не устоять. Кому нужны смерть и разрушения? Повторяю, условия очень хорошие. Эта сделка спасет нашу долину...

— Я охотно соглашусь на то, чтобы стать мужем Лизаны, а заодно и правителем Ульмсдейла, — проговорил Роджер и чуть погодя добавил: — Что касается остального... — он покачал головой. — Это совсем другое дело. Легко заключить договор, но выполнить его гораздо сложнее. Открыть ворота мы сможем, а вот закрыть их потом... Они отлично знают наши слабости. А мы слабы...

— Слабы? Мы? И это говоришь ты, Роджер? — леди Тэфана в упор смотрела на него. — Глупый мальчик, ты забыл, какое Могущество мы унаследовали от нашего рода? Я не уверена, что пришельцы сталкивались с чем-нибудь подобным.

Роджер улыбнулся едва заметной улыбкой, которая всегда заставляла думать, что он очень уверен в себе оттого, что он владеет каким-то страшным оружием, вроде того, что захватчики применили против нас.

— Значит, моя дорогая леди, вы хотите с ними договориться? Подумайте хорошенько, ведь может произойти непредвиденное. Они могут выйти из-под контроля и пойти своим путем. Мы их родственники, но не близкие...

Я заметил, как вспыхнуло ее лицо, и она вытянула в его сторону палец.

— Ты осмеливаешься говорить мне это, Роджер? — голос её стал пронзительным.

— Я не ваш последний муж, леди, — если он и испугался её крика, то ничем этого не выказал. — Его род был проклят, поэтому он легко поддавался влиянию Могущества. Но во мне течет та же кровь, что и в вас. Мною не так просто руководить, а вас не послушался даже муж. Он назвал наследником своего сына, несмотря на все заклинания.

Её лицо еле заметно изменилось и мне стало не по себе, что-то гнетущее появилось в комнате. В ней концентрировалось зло. Я ощущал его, чувствовал, как оно стекает, наполняя сосуд, ожидающий его — женщину. Я отказывался верить в то, что эта женщина дала мне жизнь.

— Интересно, с кем Вы общались в том Святилище, когда

носили под сердцем моего обожаемого кузена? — продолжал Роджер, все еще улыбаясь, хотя Хлимер встал со скамьи и отошел подальше, как бы не желая попадать под вытянутый палец матери. — Какую сделку Вы заключили? Вы творили заклинания, чтобы лорд Ульмсдейла попал в вашу постель в качестве мужа? Ведь Вы давно не имеете дела с теми, кто идет по Белому пути. Не думаете ли Вы, что я пришел сюда без защиты?

Она быстро чертила пальцем какие-то знаки. И как когда-то у Ривала, я увидел, что палец оставляет в воздухе светящиеся следы. Изредка палец как бы ставил точку. Следы было хорошо видно в комнате, которую наполнило черное зло.

Роджер поднял руки и закрыл ими лицо ладонями вперед. На них выделялись те самые линии, по которым Мудрые Женщины предсказывали будущее. Эти линии начали светиться бледно-розовым, а затем ярко-красным цветом. Роджер все еще улыбался из-под рук.

Я услышал сдавленный вскрик леди Тefаны, и рука её безвольно опустилась. Кольцо на руке как-то потускнело, словно его блеск был съеден дьявольскими силами, которые она только что призывала. Я испытывал неодолимое желание сорвать перстень с её руки.

— Да, — проронил Роджер, — Вы, леди, не единственная, кто ищет сильных союзников в тайных местах. У нас врожденная тяга к таким вещам. Теперь, когда Вы убедились, что мы с Вами одинаково вооружены, давайте вернемся к делу. Ваш любимый сын... — он замолчал и кивнул в сторону Хлимера, который имел совсем не дружелюбный вид. Он сидел согнувшись и смотрел то на мать, то на Роджера. Было видно, что сначала он боялся только мать, а теперь понял, что ему надо опасаться обоих.

— Так как Ваш любимый сын не стоит на моем пути овладения Ульмсдейлом, мы можем составить совместный план. Но я все же не согласен, что нам необходимо сотрудничать с захватчиками.

— Почему? — осведомилась она. — Ты их боишься? Ты, у которого есть это, — она кивнула на его ладонь. — Неужели ты не сможешь себя защитить?

— Лично я не боюсь, но я не желаю давать им хотя бы и временное преимущества. Я верю, дорогая леди, что Вы можете вызвать грозы с гор и противодействовать любому предательству, которое они замыслили, но те силы, к которым Вы

обратитесь, не станут разбираться в том, что уничтожают. И я вовсе не хочу потерять Ульмсдейл, защищая его.

— Ты все равно потеряешь его, — Лизана впервые нарушила тишину. — Мой дорогой Роджер, — в ее голосе слышалось мало любезности, — мы ведь еще не поженились. Не слишком ли ты торопишься, считая себя лордом Ульмсдейла?

Она проговорила эти слова ледяным голосом, глядя ему прямо в глаза. Они были похожи не на жениха и невесту, а, скорее, на врагов.

— Верно, моя сладкая, — дружески согласился он, но если бы я находился на месте Лизаны, меня бы насторожил этот дружеский тон. — Ты хочешь здесь остаться и лордом и леди?

— Я не желаю принимать участие в твоей игре, Роджер! — резко ответила она уверенным тоном.

Роджер посмотрел на нее так, как будто впервые понял, что она тоже имеет тут вес, а он не учел этого. Его глаза чуть сузились, и он перевел свой взгляд на ее мать.

— Поздравляю, моя дорогая леди! Выходит, Вы уверены в своем Могушестве и в отношении её?

— Естественно, а ты думал, нет? — рассмеялась она, и он рассмеялся вместе с ней.

— О нет, моя дорогая леди. У нас будет прекрасное семейство! Мы сможем проводить великолепные вечера, пробуя друг на друге свои заклинания и испытывая защиту каждого.

— Этих вечеров не будет! — прорычал Хлимер. — Не будет, если мы не договоримся, что делать, чтобы удержать Ульмсдейл. И я не вижу шансов выиграть там, где проиграли многие великие лорды. Порт открыт — им нужно лишь подойти и высадиться. Крепость можно удерживать день, может два... но... — он пожал плечами. — Вы все слышали рассказы об их оружии. Нас ждёт такой же конец, как и всех остальных.

— А что если... — с лица Роджера сошла его довольная улыбка. Он взглянул на леди Тэфану и перевел взгляд на Лизану. — Что если они не смогут пристать к берегу? Ветер и волны, ветер и волны...

Леди Тэфана испытующе посмотрела на него.

— Это потребует много энергии.

— И Вы обладаете ею, моя леди, моя невеста — тоже. — Он посмотрел на девушку. — Немного могу добавить и я. Ветер и волны — это довольно удачное ршение проблемы. Всё

будет выглядеть вполне естественно, и они не смогут нас ни в чем обвинить. Мы останемся в стороне. Мы сделаем вид, что идем на сделку, но только сделаем. А ветер и волны...

Она нервно облизала губы.

— Это требует большого Могущества.

— Может, Вам это не по силам?

— Да нет! — перебила она. — Но для этого нам троим нужно объединить усилия, и нам потребуются немалые жизненные силы, чтобы достичь успеха.

Он приподнял брови.

— Жаль, что мы позволили уйти самым преданным сторонникам лорда. Ненависть могла бы дать нам эти силы. Мы могли бы использовать их ненависть, например, этот старик Яго...

— Он осмелился угрожать мне! — крикнул Хлимер. — Как будто калека может что-нибудь мне сделать!

— Калека, конечно, не может, — согласился Роджер. — Но если бы он встретился с тобой лет десять назад... тогда бы я не поручился за твою жизнь, дорогой братец. Во всяком случае, у нас есть другие, чьей жизненной силой мы можем воспользоваться. Если мы решим...

Лизана неожиданно потеряла свое холодное безразличие. Я заметил, как в ее глазах сверкнуло безумие.

— Мы решим! — завопила она. — О, мы решим!

Роджер впервые проявил признаки беспокойства, и заговорил с леди Тефаной, как бы игнорируя ее дочь.

— Обуздайте свою ярость, моя дорогая леди. Наш путь требует благоразумия и осторожности.

Лизана резко вскочила на ноги, и стул, на котором она сидела, полетел на пол.

— Не тебе учить меня, Роджер! Лучше смотри за своим Могуществом, если его у тебя так много, как ты стараешься показать!

— Все мы должны бережно обращаться со своим Могуществом, — заметила леди Тефана. — Но план требует тщательной подготовки, и этим нам следует заняться немедленно. — Она поднялась. Хлимер быстро подскочил к ней и предложил руку. Я подумал, что сейчас он не очень-то жаждет оставаться наедине с Роджером. Лизана последовала за ними, и Роджер остался в одиночестве.

Моя рука потянулась к мечу. То, что я здесь узнал, наполнило мою душу ужасом, хотя многое стало понятно. Ясно,

что эта троица давно имела дело с Темными Силами: они сами признались в этом. Как наемкнул Роджер, мой отец был околдован, и это многое объясняло. Теперь я мог простить отца. Стена между нами рухнула, хотя для него это было слишком поздно.

Теперь они хотят призвать на помощь Темные Силы. Вероятно, это может спасти Ульмсдейл, правда, только для них. Но осмелюсь ли я противопоставить мою любовь к родине их темному Могуществу? Ведь если они поднимут Темные Силы, я мог бы считать их своими союзниками, потому что они будут воевать с нашими врагами. Союзниками, хотя я их ненавижу. И я смотрел, как бродит Роджер по комнате, и не нападал на него.

Я хотел узнать лишь одно. Что конкретно они собирались предпринять? Ведь несмотря на обстоятельства своего рождения, я не имел способностей, подобных тем, что обладали они. И на всём свете был только один человек, который смог бы все мне объяснить и от которого я мог бы узнать, что мне делать. Позволить ли им прибегнуть к Темным Силам, чтобы спасти родину, или же предпринять все возможное, чтобы помешать им? Что представляло собой большую опасность — обращение к Темным Силам или же захватчики? Я не мог об этом судить. Но Ривал, который всю свою жизнь посвятил тайнам, мог бы помочь мне.

Замок отца стал теперь для меня ловушкой, и чем скорее я выберусь отсюда, тем лучше не только для меня, но и для будущего моей родины. Возвращаясь по подземному туннелю, я размышлял о том, что сказал Хлимер о Яго. Я не сомневался, что этот буйвол принудил Яго драться с ним. Ну что ж, когда-нибудь я заставлю его заплатить за это.

К тому времени, когда я добрался до плиты с грифоном, наступила глубокая ночь. Все мое тело ныло от ушибов, голова дико трещала, но меня подгоняло время. Чем быстрее я доберусь до Ривала, тем лучше. Для пешего человека это был долгий путь, к тому же меня мучил голод. Перевалив через горы, окаймлявшие долину, я вышел на одну из тех троп, что использовались летом охотниками и торговцами, особенно теми, кто имел дела с Пустыней.

Я еле успел укрыться в кустах, услышав стук копыт по камням. Я был уверен, что мне необходимо спрятаться. Даже если это был не враг, встреча с всадником не сулила мне ничего хорошего, так как он мог рассказать о том, что видел

меня. Но разглядев человека, который ехал на лошади и вел в поводу вторую, я немного успокоился. Он не проехал мимо, а остановился прямо перед кустами, где я прятался, и поднял палку, которую держал в руке. Это был не посох и не кнут, палка была для этого толстовата.

— Лорд Керован... — он говорил очень тихо, но я четко слышал каждое слово.

Он был одет как бедный путешественник — в кожу и толстую шерсть. Затем он откинул с головы капюшон, как бы желая, чтобы я увидел его и узнал. Но я никак не мог вспомнить, видел ли я его когда-нибудь раньше. В отличие от многих торговцев он был чисто выбрит и на подбородке не было видно даже следов растительности. Черты лица были немного странными — он не походил на жителей нашей долины. Волосы его были коротко острижены и торчали густой щетиной. Они больше походили на шерсть зверя, чем на волосы человека. Цвет их тоже был странным — смесь серого, коричневого и черного.

— Лорд Керован! — повторил он и указал на меня пальцем.

Я не мог сопротивляться этому зову. Не зная, правильно я поступаю или нет, я поднялся на ноги и продрался сквозь кусты к тому, кто мог быть моим смертельным врагом.

Джойсан:

Пленница Алисона! Все ужасы, о которых рассказывали мне беженцы, всплыли в моей памяти, когда эти демоны окружили меня и, стянув верёвкой руки, потащили на открытое пространство. Это были, конечно, обыкновенные люди, но выражение их лиц заставило меня содрогнуться от страха. Быстрая смерть теперь стала бы подарком судьбы.

Они разговаривали между собой, смеялись, но я не понимала их язык. Тот, кто казался их предводителем, подошел ко мне и скинул с моей головы капюшон, волосы мои рассыпались по плечам. Моя рука невольно потянулась к кинжалу, но веревка оказалась крепкой, и мне не удалось вытащить его.

Они привели меня в Икринт, где во дворе замка собрались враги. Неожиданно из башни раздался страшный грохот, сопровождавшийся ослепительной вспышкой. Меня швырнуло на землю, и то, что я увидела, привело меня в ужас. Руки

и ноги у меня отнялись. Толстые стены замка задрожали, растрескались и рухнули, погребая под своими обломками врагов. Все скрылось в чудовищном облаке пыли.

Слышались дикие крики, животные вопли. Я попыталась бежать, но фортуна была против меня. Конец веревки, стягивавшей меня, оказался зажат между камнями. Неужели замок разрушили чудовища, которым служат захватчики? Нет, вряд ли. Зачем им убивать своих союзников?

Дама Мат! Но как она сделала это? Я была поражена, поняв, что она обладала таким Могуществом, каким обладали только Прежние и некоторые из Мудрых Женщин, — те, что имели дело с запретными силами. Мудрые Женщины и дама Мат — они всегда враждовали. Но кем была дама Мат до того, как она посвятила свою жизнь служению Огню? В любом случае, захватчики дорого заплатили за наш Род, как она и обещала. Несмотря на охвативший мою душу ужас, я должна была признать это. Наши мужчины всегда были отважны в бою, мой отец погиб, сражаясь с пятью преступниками, и четверых из них забрал с собой в могилу. Теперь эти захватчики из-за моря поймут, на что способны наши женщины!

Теперь мне представлялся единственный шанс сбежать. Я отчаянно боролась с веревкой. Пыль постепенно оседала, и вскоре я обнаружила, что держит меня. Враг, приведший меня сюда, лежал лицом вниз, придавленный громадной глыбой. А веревка была обмотана вокруг его пояса. Я подумала, что он мертв, и утроила усилия. Как же страшно быть привязанной к мертвецу, но веревка была крепка, и я дергалась, как лошадь, привязанная к стойлу. Так меня и нашли те, кто смог выбраться из-под обломков Икринта. наших людей видно не было. Я надеялась, что все они погибли, прикрывая наш отход. Плен был хуже смерти.

Враг недолго находился в смятении. Я горько пожалела, что никто не использовал момента и не напал на них в это время. Теперь я не сомневалась, что пленники жестоко поплатятся за эти неожиданные потери. Ужас обострил мои чувства, но затуманил разум. Дама Мат отлично сделала своё дело. Она погибла славной смертью. Я понимала, что мне такой смерти не видать. Правда, меня не убили сразу же, когда нашли привязанной к мертвецу. Они разрубили веревку и поволокли меня из развалин Икринта к реке, где располагалась группа офицеров.

Один из них мог говорить по-нашему, хотя выговор у него был какой-то гортанный. Я все еще была оглушена и почти не слушала его. Когда я не ответила на его вопрос, он сильно ударил меня сначала по одной щеке, и сразу же по другой. Слезы брызнули у меня из глаз, мне было нестерпимо больно и стыдно, что враги видят их. Я собрала остатки мужества и посмотрела прямо ему в лицо. Я снова стала настоящей дочерью своего Дома.

— Что... это... было? — он приблизил свое лицо к моему, и я с омерзением ощутила его зловонное дыхание. У него была колючая борода, а щеки над ней были в красных прожилках. Нос у него тоже был красный и ноздреватый, а глаза острые и жестокие. Скорее всего, он был умным человеком.

Скрывать от него свои мысли не было смысла. Вероятно, даже лучше сказать правду, чтобы пришельцы знали: в Верхнем Халлаке хранится много тайн, и многие из них недоступны людям.

— Могущество, — проронила я.

Наверное, по моему лицу он прочел, что я говорила правду, и поверил мне. Кто-то из офицеров задал ему вопрос и он ответил, не отводя от меня взгляда. После этого он задал мне второй вопрос:

— Где ведьма?

И снова я сказала правду. Хотя мы не использовали слово «ведьма» в своем языке, я поняла, что он имел в виду.

— Она осталась там.

— Отлично, — он отвернулся от меня и что-то сказал офицерам. Они стали что-то оживлённо обсуждать.

Я чувствовала себя очень ослабевшей, уставшей, и мне хотелось лечь на землю. Голова ужасно болела, как будто грохот развалившейся крепости повредил что-то у меня в голове. Отчаяние окутывало меня плащом, но я старалась держаться гордо и независимо, чтобы не посрамить свой род.

Он снова посмотрел на меня, на этот раз окинув оценивающим взглядом с головы до ног. Его толстые вывороченные губы раздвинулись в улыбке, с которой на меня смотрели некоторые мужчины. И это мне страшно не понравилось.

— Ты не деревенская девчонка. Раз ты в кольчуге, я полагаю, нам достался ценный приз. Но об этом позже.

Наконец меня оставили в покое. Я сидела на берегу, около их лодок, из них высаживались всё новые и новые воины. Я с ужасом смотрела на это. Врагов было так много, что у меня

закружилась голова, и конца им не было. Как же наш маленький отряд надеялся остановить их хотя бы на мгновение?

То, что произошло с нашими людьми, не подлежит описанию. Одни пали в бою — им повезло, а другие... О, я не хочу открывать ворота памяти этому ужасу. Теперь я убедилась, что захватчики не люди, а настоящие демоны. Думаю, что они специально устроили все это у меня на глазах. Они хотели напугать меня и сломить. Но они недооценили меня, так как ужасное зрелище скорее закалило мою душу, чем согнуло. Главное не то, какая смерть выпадает человеку, а то, как он переносит последние минуты жизни. Во мне зрела холодная решимость, твердая, как сталь из Пустыни. Дама Мат была права. Я тоже должна открыть свой счет в смертельной борьбе с врагами.

Мне показалось, что они забыли обо мне. Я все ещё была связана, а конец веревки был привязан к корабельной цепи. Враги время от времени подходили и осматривали меня, как редкое животное. Некоторые брали меня за волосы, грудь, трогали лицо, удивленно обсуждая меня с товарищами. Наступала ночь. Зажглись огни. Несколько овец тут же прирезали и пустили на ужин. Конный отряд ускорил в долину, очевидно, чтобы догнать и уничтожить наших людей. Я молилась Огню, чтобы наши проводники сумели увести людей по безопасным тропам.

Вскоре я увидела, как отряд вернулся, и услышала крики женщин. Значит, кого-то из наших людей все-таки схватили. Я пыталась заткнуть уши, чтобы не слышать их ужасных воплей. На нашу землю пришло Зло, здесь оно собиралось, и отсюда распространится дальше. И этому Злу не было видно конца.

Я стала раздумывать, как мне покончить с собой. Ведь скоро они придут, чтобы надругаться надо мной. Река... смогу ли я броситься в реку? Если бы мне удалось добраться до реки вдоль цепи, к которой я была привязана...

Торосс... Я подумала о том, что же случилось с ним? Я не видела его трупа. Может, ему удалось бежать? Если так, то я, несмотря ни на что, пожелала ему удачи. Странно, но при мысли о нем передо мной встало его лицо. Резко и четко, как будто он сам стоял передо мной. На груди под кольчугой у меня что-то потеплело.

Грифон! Эта несчастная игрушка, из-за которой я попала в руки врага. Грифон стал еще теплее — как уголек, положенный мне на грудь. От него истекало не только тепло, но и что-то еще... сила, уверенность в том, что все кончится благополучно, несмотря на то, что видели мои глаза и слышали мои уши. Как будто я слушала спокойный голос, уверявший меня, что путь к спасению есть, что моя свобода в моих руках, хотя я понимала, что этого не может быть.

Страх стал маленьким, далеким, и его легко было побороть. Мое зрение и слух обострились. Слух!

Даже сквозь шум лагеря я различила непонятный звук. Что-то приближалось... сверху по реке!

Как я это определила, не знаю. Но я понимала, что должна быть готова. Может быть, я просто бредила от усталости, отчаяния и страха. Но я была уверена в своем ощущении, как была уверена, что живу и дышу.

— Джойсан! — шепот, но для моего обострившегося слуха почти крик. Я боялась, что его услышит весь лагерь.

Я боялась ответить, но повернула голову в сторону звука, надеясь, что это движение даст понять неизвестному, что я слышу.

— Подойди сюда... — слова доносились от реки, — если можешь...

Мучительны и медленны были мои движения. Я двигалась спиной вперед, чтобы не выдать себя и своего спасителя. Вскоре чьи-то мокрые руки коснулись моих, а по веревке полоснул нож. Веревка упала. Руки затекли, и освободитель, стоявший по пояс в воде, растирал их.

— Прыгай в воду! — приказал он.

Я была в кольчуге и поэтому подумала, что с такой тяжестью мне не выплыть. Все равно, лучше умереть свободной. Я чуть не умерла от страха, когда рядом по тропинке прошло несколько человек, но, к счастью, на меня не обратили внимания, и я тихонько соскользнула в воду. Руки подхватили меня и поддерживали, чтобы я не ушла в воду с головой.

Быстрое течение несло нас вниз. Я не могла держаться на воде, мой спаситель боролся за меня, а я не могла ему ничем помочь. Вскоре он зацепился за камень и стал поддерживать мою голову над водой. Его лицо было совсем рядом, и я почти не удивилась, узнав в спасителе Торосса.

— Пусти меня! Ты подарил мне возможность погибнуть свободной и не опозоренной. Спасибо тебе за это...

— Ты должна жить! — ответил он, и на его лице я прочитала твердую решимость. — Держись, Джойсан! — он подтянул меня за руки к камню, а затем буквально вытащил меня на берег, так как сил у меня больше не оставалось.

Течение отнесло нас вниз по реке, и теперь между западными горами и нами находились основные силы врагов. Торосс тоже дрожал от холода и стянул с себя мокрую рубашку. На его щеке была глубокая царапина, из которой сочилась кровь.

Затем он взял меня за руку и повел дальше. Длинный плащ оковами стягивал мои ноги, а кольчуга тяжким грузом висела на плечах. Но я шла за Тороссом, с трудом веря, что ему удалось спасти меня, и что бегство мое до сих пор ещё не обнаружено. Через некоторое время мы добрались до каменной гряды и без сил упали на землю. Я расстегнула кольчугу и хотела снять ее, но Торосс удержал мою руку.

— Нет, она тебе пригодится. Мы ещё не выбрались из пасти дракона.

Об этом мне не нужно было напоминать. Оружия у меня не было, да и у Торосса не было ничего, кроме ножа. Возможно он решил, что меч помешает ему плыть. Так что, если нас догонят, то наша жизнь будет зависеть только от ножа и камней на земле.

— Нам следует попытаться обойти этих мясников, — прошептал он, — и пробраться в горы, чтобы соединиться с нашими людьми. Но лучше немного подождать, пока окончательно не стемнеет.

Меня тянуло бежать от этих костров, от этого шума. Однако, в его словах был здравый смысл. Теперь пришло время испытания моего терпения.

— Как... как ты выбрался живым из битвы? — спросила я.

Он коснулся раны на своей щеке, которая все еще кровоточила.

— Я заработал это в бою. Удар оглушил меня, и они решили, что я мертв. Прийдя в себя, я понял, что могу спастись, поэтому продолжил играть роль свежего трупа. Затем я уполз и увидел, как тебя ведут из Икринта. Что там произошло, Джойсан? Они решили уничтожить крепость, а заодно и своих людей под её обломками?

— Это сделали не они, а дама Мат. Она использовала свое Могущество против врага.

Некоторое время он молчал, а потом спросил:

— Но как это могло случиться? Она же дама, дама из Монастыря в Норстатте.

— Мне кажется, до того, как посвятить себя служению Огню, она получила другие знания. И эту героическую гибель она выбрала по собственной воле. Может, нам уже пора идти, Торосс? — я дрожала в мокрой одежде, тщетно пытаюсь унять озноб. Хотя ещё стояло лето, точнее конец лета, но погода была по-настоящему осенняя.

— Они будут ждать нас, — ответил он, стоя на коленях и выглядывая из-за камней.

— Кто? Враги? Неужели они прошли так далеко в долину? — я почувствовала, что радость от моего спасения улечучается.

— Нет... Анграл и Рубо, — Торосс назвал имена своих оруженосцев. — Моя мать прислала их, чтобы они заставили меня уйти в горы. Если бы я не увидел тебя в руках этих псов, я давно был бы там.

Значит, мы не будем одни, если нам удастся добраться до воинов Торосса. Это несколько успокоило меня, правда, оба воина были уже стары и немощны. Рубо был одноглазым, а Анграл много лет назад потерял руку.

И мы начали отход. Я не могла понять, почему нас не замечали. Правда, мы старались использовать любое прикрытие. Но то, что они до сих пор не обнаружили моего бегства, оставалось для меня загадкой. Я ежесекундно ожидала, что они бросятся за мной в погоню, если, конечно, не подумают, что я утопилась в реке.

Мы нашли узкую тропку, которая, извиваясь, вела вверх. Я не признавалась, что мне чрезвычайно трудно идти, и изо всех сил старалась не отстать от Торосса. Кроме того, ведь я была обязана ему жизнью. Это тоже заставляло меня идти вперед. Но теперь я в долгу перед Тороссом, и это сильно осложнит наши отношения. Правда, теперь не было смысла заглядывать вперед, ведь надо было ещё благополучно выбраться из долины.

Хотя я прожила в долине всю жизнь, я плохо представляла, куда мы идем. Нам нужно было идти на запад, но для этого было необходимо сначала свернуть на юг, чтобы обойти многочисленные патрули врага. Мокрые сапоги доставляли мне невыносимые мучения, и я дважды останавливалась, чтобы выжать полы плаща, но он все равно облеплял мои ноги как пластырь.

Торосс уверенно шёл вперед, видимо, хорошо зная дорогу, и мне ничего не оставалось, как слепо следовать за ним.

Вскоре мы свернули на другую тропу, менее утоптанную, но шагать по ней стало легче. Тропинка поворачивала на запад. Если враги не проникли высоко в горы, то мы обойдем их. Изредка мы слышали крики с другого берега реки. Я старалась не думать о тех несчастных, которым я ничем не могла помочь. Торосс, услышав крики, насторожился, но с шага не сбился. Не знаю, вызвали ли они в нем ярость, желание отомстить — он ничем не показал этого. Мы шли молча, чтобы не сбивать дыхание, стараясь беречь силы, так как главные испытания были еще впереди.

Несмотря на все наши усилия, мы не могли идти совершенно беззвучно, как мыши. Изредка из-под ног катились камни, трещали сучья под сапогами, шуршали ветки кустов, сквозь которые мы продирались. После каждого из этих предательских звуков мы замирали на месте и вслушивались во тьме.

Но фортуна пока благоприятствовала нам. Взошла луна — полная луна, как огромный фонарь в темном небе. Теперь мы могли видеть дорогу и шагать более быстрым шагом, зато и враги могли издали заметить нас. Торосс, прислушавшись, остановился и взял меня за руку. Потом он приблизил свои губы к моему уху.

— Нам нужно перейти реку по броду торговцев, — прошептал он. — Это единственная возможность добраться до горных троп.

Конечно, он был прав, но для меня это был страшный удар. Брод был известен всем, и за ним наверняка следили, нам не миновать его незамеченными. И даже если нам удастся перейти реку, дальше наш путь пролегал по равнине, где не было никаких укрытий.

— Но там нас непременно схватят.

— У тебя имеется другое предложение, Джойсан?

— Нет, но я предлагаю идти по этому берегу реки на запад. Здесь полно овечьих пастбищ, и они не смогут нас догнать.

— Догнать нас! — он горько усмехнулся. — Им нужно лишь прицелиться из своего оружия, и мы погибнем, как бы далеко мы не находились. Я видел это оружие в действии.

— Лучше умереть так, чем попасть в их грязные лапы. Брод — это слишком большой риск.

— Да, — согласился он, — но я не знаю здешних дорог. Если ты знаешь, то иди вперед, показывай.

Я плохо знала верхнюю часть долины и тщетно пыталась вызвать в памяти то небольшое, что знала и о чём слышала. Эта местность пользовалась у жителей дурной славой. Сюда ходили редко, в основном потому, что здесь находились развалины строений Прежних. Этого оказалось достаточным, чтобы отпугнуть любого от этих мест, но я надеялась на лес, который мог укрыть нас от преследователей. Я ничего не сказала Тороссу о дурной славе этих мест, так как надеялась, что мы благополучно пройдем по краю леса, а затем повернем на северо-запад, чтобы соединиться с родственниками.

Мы шли, и нас одолевала страшная усталость. Я отчаянно боролась со слабостью, заставляя себя идти. Как чувствовал себя Торосс, я не знала, однако он тоже не торопился и время от времени спотыкался. Огни вражеского лагеря были уже далеко позади. Дважды нам приходилось бросаться на землю и вжиматься в нее всем телом, чтобы нас не заметили проезжающие всадники. Всякий раз я с облегчением слушала, как они, не останавливаясь, едут мимо.

Так мы добрались до опушки леса. И здесь счастье изменило нам как раз в тот момент, когда мы почувствовали себя в безопасности. Мы услышали шум и хриплые крики. Торосс вскрикнул и толкнул меня в заросли кустов, в тот самый лес, который пользовался дурной славой. Тут он упал. Я повернулась и, схватив за плечи, потащила его за собой из последних сил.

В этот момент мне вспомнилась дама Мат. Как мне захотелось обладать её жезлом, её Могуществом, чтобы я смогла сжечь тех, кто гонится за нами. Огонь — свирепый, горячий огонь ожёг мою грудь. Я споткнулась и выпустила Торосса. Застонав, он упал на землю. Я расстегнула кольчугу и вытящила то, что пекло меня.

В моей ладони лежал шар с грифоном, он обжигал меня. Я хотела отшвырнуть его, но не смогла. Так и стояла с ним в руке и слушала крики людей, гнавшихся за нами. Стояла и держала его, как сияющий маяк, приглашающий к нам смерть.

Но погоня вдруг прекратилась. Точнее, они пробежали

мимо, вдоль леса, и я слышала их возбужденные крики. Но как они смогли не заметить сияние шара в темноте? Кусты были редкими, и не заметить этот свет было невозможно. Мой слух утверждал, что они действительно ушли. Я едва могла этому поверить, но мы действительно избежали смертельной опасности. Погоня ушла куда-то в сторону.

Торосс снова застонал, и я склонилась над ним. На его рубашке появилось кровавое пятно, из его полуоткрытого рта вытекала алая струйка крови. Что делать? Мы не можем оставаться тут, ведь враги могут вернуться в любой момент.

Я уронила шар под ворот кольчуги на грудь, где он, светясь, и улёгся. На моей руке не было ожогов, хотя когда я держала его, мне казалось, что он прожжёт меня насквозь.

— Торосс! — вероятно, его рана была тяжёлой, и самым лучшим было не трогать его. Но оставить его здесь значило обречь на гибель. У меня не было выбора. Я должна была поднять его на ноги и тащить! Сияние шара освещало распростёртое тело. Когда я наклонилась над ним и взялась за плечи, он шевельнулся, открыл глаза и взглянул на меня невидящими глазами. Я напряглась, и у меня неожиданно возникло ощущение, которое я уже испытывала ранее. Из сверкающего шара на груди в меня вливалась энергия. Она наполняла меня, и влиwała силы в мои уставшие руки...

Торосс снова застонал, закашлялся и выплюнул слюну с кровью. Но он стал помогать мне и попытался встать. Когда он был на ногах, я обвила руку вокруг его плеча и пошла. Ноги его совсем ослабели, всё тело опиралось на меня, но я заставляла себя идти дальше. И это спасло нас, хотя кусты вокруг по-прежнему были редкими. Мы упорно двигались вперед, постепенно удаляясь от открытого пространства, где нам грозила опасность. Я не представляла, где таилась смерть, и удивлялась, откуда у меня взялись силы так долго тащить Торосса.

Не помню, когда я заметила, что мы идем по дороге, вернее по каменным плитам, которые были ровно уложены на землю. Я видела их в свете шара — огромные, заросшие мхом плиты. Торосс вновь закашлялся кровью. Мы стояли, окружённые темнотой и темной стеной леса, на непонятных каменных плитах. Серебристое сияние лилось на нас с неба с такой силой, будто кто-то специально наводил на нас свет луны.

Керован:

Я, Керован из Ульмсдейла, смотрел на человека в одежде торговца, который не был торговцем. Это я понял, когда его посох заставил меня выйти из укрытия. Я шел, положив руку на эфес меча, но он улыбнулся улыбкой взрослого, успокаивающего испуганного ребенка, и сказал:

— Лорд Керован, перед тобой не враг, — тут он опустил жезл.

Я сразу же освободился от невидимых уз и не испытывал более желания спрятаться снова. Что-то в его лице заставило меня поверить этому человеку.

— Кто ты? — я задал вопрос более резко, чем того требовала вежливость.

— Что такое имя? — риторически спросил он. Конец его посоха быстро чертил на земле какие-то знаки, хотя он даже не смотрел вниз. — Путешественник может иметь множество имен. Не буду возражать, если ты будешь называть меня Пивором.

Мне показалось, что он смотрел на меня, желая узнать, слышал ли я его имя раньше. Но видимо разочаровался, потому что с сожалением выдохнул.

— Раньше меня знали в Ульмсдейле, — продолжал он, — и я для дома Ульрука никогда не был врагом. Я не оставался в стороне, когда кому-нибудь из твоего рода требовалась помощь. Куда ты направляешься, лорд Керован?

Только теперь я начинал понимать, кто он, и меня охватил трепет. Однако я не ощущал перед ним страха.

— Я иду в лес к Ривалу.

— Ривал... он всегда искал дороги к знанию, поклонялся только ему. И хотя ему не удалось войти в дверь, он всегда стоял на пороге. Я и те, кому я служу, уважали его.

— Где же он теперь?

Вновь кончик его посоха начал выводить знаки в пыли.

— Дорог очень много. Но ты должен понять — та, которую выбрал он, не твоя.

Я задумался, пытаюсь понять, что означают его слова. Теперь я был готов услышать самое худшее, ведь я столько видел и слышал за последний месяц.

— Ты хочешь сказать, что он мертв? Кто же его убил? — вновь холодный гнев охватил меня. Неужели Хлимер лишил меня ещё одного друга?

— Рука, нанеся удар, была только орудием. Ривал хотел найти некие силы, но были и те, кто не хотел, чтобы его поиски увенчались успехом. И его убрали.

Вероятно, Пивор не любил говорить напрямик. Он говорил так, что скорее всё запутывал, затрудняя ясное представление, чем рассказывал.

— Он искал Свет, а не Тьму, — заявил я.

— Разве я был бы здесь, если бы это было не так, лорд Керован? Я посланец тех сил, с которыми он хотел связаться, к которым он вел тебя до того, как прозвучал рог. Слушай внимательно. Сейчас ты стоишь на перепутье и перед тобой два пути. Оба очень опасны. Оба могут привести тебя к тому, что вы, люди, называете смертью. В эту ночь тебе придется пойти по одному из них. Это предназначено тебе, так как ты рожден в Святилище...

Произнес ли он чье-либо имя? Думаю, что да, но оно ничего не значило для человека. Я согнулся и приложил руки к ушам, чтобы защитить их от ужасного грохота, прокатившегося в небесах.

Пивор пристально смотрел на меня, как бы оценивая мою реакцию. Теперь его посох указывал на меня. Вокруг него по всей длине возникло светящееся облако, которое затем сорвалось с посоха и поплыло по воздуху ко мне. Коснувшись моего лица, оно распалось, но я не ощутил прикосновения.

— Родич, — произнес он. Голос его стал мягким и потерял величавость, с которой он разговаривал со мной до этого.

— Родич?

— Вероятно, леди Тефана, когда совершала сделку с Темными Силами, не поняла, чего она добилась. Но она подозревала это, да, подозревала. Тебя подменили, Керован, но не для того, чтобы тобой воспользоваться, вернее, чтобы она не смогла тобой воспользоваться. Это она правильно поняла. И я не знаю, кто сейчас смотрит твоими глазами. Я думаю, что он еще спит или только просыпается. Но придет время, когда ты вспомнишь всё, и тогда твоя наследственность, может частично, оживёт. Нет, — ты будешь искать — и ты найдешь. Но до этого ты должен решить все свои проблемы здесь, ведь ты наполовину житель долины.

Я пытался что-либо понять. Он хотел сказать, что леди Тефана связывалась с какими-то силами ещё до моего

рождения, чтобы сделать меня сосудом, в который она поместит Темное Могущество?

— Не думай об этом сейчас, Керован, — ответил он на мои размышления. — Ты полукровка и ты сын своего отца, хотя он и зачал тебя, будучи околдован. Она хотела впустить в тебя Темное Начало, чтобы сделать тебя своим оружием, однако вместо этого в тебя вошло другое. Узнать, кто ты на самом деле, надлежит тебе самому. Сейчас ты можешь вернуться, войти с ними в союз и понять, что она не может устоять против тебя или... — Он указал посохом на пустынные горы. — Или можешь пойти туда, где мрак и смерть пойдут за тобой по пятам. Ты можешь пойти туда и обречь себя на вечные поиски, в которых у тебя не будет проводника. Итак, выбор в твоих руках.

— Они намереваются вызвать волны и ветер, чтобы нанести поражение пришельцам, — сообщил ему я. — Хорошо или плохо это для Ульмсдейла?

— Вызов Могущества всегда большой риск, а если вызывают те, кто не находится с этими силами в родстве, то риск двойной.

— Может, мне воспрепятствовать этому?

Он отошел в сторону, а когда заговорил, голос его стал ледяным.

— Если хочешь...

— А может есть третий путь? — по дороге из замка я обдумывал этот вариант. — Я могу возглавить Икринт и собрать силы, чтобы оборонять его от врагов. — Однако, я не мог созвать силы из соседних долин на помощь. Все дрались на юге, и в крепостях оставались лишь небольшие отряды.

— Выбор в твоих руках, — повторил Пивор и я понял, что он не даст мне совета.

Долг перед Ульмсдейлом был заложен в меня с детства. Если я отвернусь от земли своих отцов, не сделаю попытки спасти живущих в долине от уничтожения либо бандами пришельцев, либо заклинаниями этой ведьмы и ее приспешников, тогда я стану предателем и каждый будет презирать меня.

— Я наследник отца и не могу предать свой народ. С другой стороны, я не могу принимать участия в ее колдовстве. Может, найдутся те, кто последует за мной.

Он покачал головой.

— Не пытайся построить стену из сухого песка, Керован. Тьма, свившая гнездо в стенах Ульма, распространяется дальше. Ни один воин не откликнется на твой призыв.

Я не сомневался, что он знает о чем говорит. Пивор вызывал в моей душе полное доверие к себе. Значит... значит, Икринт? Во всяком случае я найду там убежище, смогу собрать людей. Кроме того, мне нужно послать письмо лорду Имгри.

Пивор засунул жезл за пояс, потом повернулся к одной из лошадей и снял с её спины небольшой сверток.

— Хику не боевая лошадь, но она хорошо ходит в горах. Прими ее, Керован, с Четвертым Благословением, — он взял жезл и легонько коснулся им моего лба, плеч и сердца.

Я понял, что мое решение удовлетворило его, но в тоже время понимал, что оно не обязательно правильное. Однако я знал, что дорогу необходимо выбирать самому, без советчиков.

Я совершенно забыл про свои копыта, но когда пригнулся сесть на лошадь, заметил сапоги, привязанные к поясу. Я быстро отвязал их и хотел надеть, но тут же почувствовал к ним жуткое отвращение.

Почему я должен прятать свои копыта? Это не уродство! Эти конечности, конечно, отличаются от человеческих конечностей, но я видел этой ночью людей, у которых искалечена душа, а это гораздо большее зло. Нет, я перестану скрывать свою внешность. Если Джойсан и её родные с отвращением отвернутся от меня, тогда и я буду свободен от них. Я отбросил сапоги в сторону, и меня охватило чувство свободы.

— Молодец! — сказал Пивор. — Будь собой, Керован, и не думай, что все люди должны быть одинаковы. Я возлагаю на тебя огромные надежды, Керован.

Затем он отвел свою лошадь на несколько шагов и, положив руку ей на спину, описал жезлом круг. В воздухе возник тонкий колеблющийся туман. Он все сгущался и вскоре скрыл от меня лошадь и всадника. Потом туман рассеялся, и я ничуть не удивился, не увидев ничего там, где только что стояли Пивор и его лошадь.

Я решил, что он из Прежних, и пришел ко мне совсем не случайно. После его посещения мне появилось о чем подумать. Значит, я полукровка и связан родством с кем-то из

таинственных лордов, правивших этой страной ранее. Мать хотела сделать меня своим орудием, но всё вышло не так, как она хотела. Я сопоставил всё, что услышал от Пивора, с тем, что мне было известно раньше, и получил ответы на многое, что мне раньше было непонятно.

Во мне заговорила кровь человека: значит я действительно сын Ульрука, не взирая на все интриги колдуньи. Эта мысль ободрила меня. Погибнув, отец стал мне ближе и дороже, чем был при жизни. Ульмсдейл принадлежал ему, следовательно, я должен сделать все, чтобы обеспечить безопасность долины, а это значило, что я обязан ехать туда. Я не был уверен, что полученная мною лошадь была настоящей. Это следовало из того, что дал мне ее не обыкновенный человек. Но на вид она ничем не отличалась от обычных лошадей. Пивор сказал, что она хорошо ходит в горах, но тут было еще рано ехать верхом и я повел ее на поводу.

К рассвету я решил остановиться и сделать передышку. Я снял мешок со спины лошади и обнаружил там бутылку, в которой оказалась не вода, а какая-то белая жидкость. Она освежала и согревала лучше любого вина. Кроме того, я обнаружил в мешке круглую деревянную коробку с плотно пригнанной крышкой. С трудом открыв ее, я обнаружил там хлеб. Он был так хорошо защищен, что оказался свежим. Это был обычный хлеб, но в нем попадались кусочки сушеных фруктов и мяса. Один его ломтик полностью насытил меня, так что остальное я оставил на будущее.

Хотя глаза мои слипались и тело требовало отдыха, я устроился между двумя камнями и задумался. Я смотрел на свои копыта и представлял, что же должен почувствовать человек, который без предупреждения увидит их. Может, я зря выбросил сапоги? Нет, как только эта мысль пришла мне в голову, я отверг ее. Это необходимо было сделать, и я сделал это. Джойсан и ее родственники должны увидеть меня таким, какой я есть, и после этого или принять меня, или отвергнуть. Между нами не должно быть неправд или полуправд, какие наполняли дом моего отца паутиной черного, грязного колдовства.

Я расстегнул кошелек, решительно достал футляр с портретом и, впервые за многие месяцы, открыл его. Лицо девушки, нарисованное два года назад. Какая она, эта девуш-

ка с огромными глазами и волосами цвета осенних листьев? Может она изнежена, хорошо обучена женским делам, но понятия не имеет об огромном мире, что лежит за стенами Икринта. Впервые я подумал о ней, как о человеке, а не о вещи, которая по обычаю принадлежит мне, как меч или кольчуга.

Я мало разбирался в женщинах. На юге мне пришлось наслушаться хвастливых баек, которые воины рассказывали друг другу, собравшись у костров. Но это ничего не прибавило к моим знаниям. Теперь я подумал, что моя смешанная кровь, моя наследственность отметила меня не только копытами, она наложила на меня нечто большее — недаром же я был так равнодушен к девушкам долин. Если это так, то каким же будет наш союз с Джойсан?

Я мог разорвать договор, но сделать это — значило опозорить девушку. Это было все равно, что оскорбить ее публично, а этого я допустить не мог. Возможно, когда мы встретимся лицом к лицу, она почувствует ко мне отвращение, и тогда все кончится в обоюдном согласии. Но теперь я смотрел на это лицо в утреннем свете и испытывал противоречивые чувства — с одной стороны я стремился увидеть свою невесту и в то же время боялся встречи, не желая, чтобы она расторгла наш договор о браке. Почему я послал ей своего грифона в шаре? За это время я почти забыл об этом, но прерванное путешествие к Ривалу заставило вспомнить. Что же заставило меня послать ей такой подарок, когда в этом не было никакой необходимости? Я попытался мысленно нарисовать его — шар, в нем грифон, одна лапа поднята в предупреждении...

Вдруг...

Я смотрел уже не на долину перед собой. Я больше не видел пасущуюся лошадь. Я увидел... ее!

Она была передо мной, и видел я её очень ясно — я мог бы коснуться рукой ее плаща. Её прекрасные волосы были беспорядочно распущены по плечам и под ними угадывался блеск кольчуги. На груди её светился грифон. Лицо Джойсан было исцарапано, в глазах стоял страх. На её коленях покоилась голова молодого мужчины. Глаза его были закрыты, а изо рта пузырилась кровь, что означало наличие раны, которую невозможно вылечить. Рука её нежно касалась его лба, и

она с таким вниманием глядела на него, что мне стало ясно — ей вовсе не безразлично, умрет он или нет.

Возможно, это было ясновидением, но этот дар, или проклятие, до сих пор являлся ко мне только раз. Я видел, что лицо умирающего не мое, и значит её горе направлено не на меня. Может быть, в этой картине заключался ответ на мои вопросы. Но я не мог ни в чем её обвинить — мы ничего не знали друг о друге, кроме наших имен. Я даже не послал ей своего портрета, хотя она просила меня об этом.

Свечение грифона удивило меня, в шар словно вдохнули жизнь. Только теперь мне стало ясно, почему что-то заставило меня послать ей в подарок шар с грифоном, хотя я чрезвычайно дорожил этим шаром. Он был предназначен не мне, его место было у той, на чьей груди он теперь покоился.

Однако, смерть юноши говорила о том, что мне теперь не найти пристанища и в Икринте. Одеть кольчугу для наших девушек было не самым обычным делом, но и жили мы в необычное время. Она была в кольчуге, а её товарищ умирал — этому могло быть только одно объяснение: Икринт был осажден или уже пал. Но то, что я узнал, не привело меня в смятение, напротив, это вдохнуло в меня новые силы — у меня был долг и перед Джойсан, независимо от того, рада она меня будет видеть или нет. Если она находилась в опасности, я должен был идти спасать ее.

Ульмсдейл, когда-то принадлежавший отцу, а теперь находившийся в руках тех, кто замыслил недоброе; Икринт, возможно находившийся в руках врагов — я шёл от одной опасности к другой. Смерть буквально преследовала меня по пятам, готовая вонзить свои когти мне в спину. Но это была моя дорога, и я не мог идти по другой.

Видение исчезло, и на меня нахлынули слабость и головокружение, преодолеть которые я не смог. Весь день я проспал в своем убежище, и когда проснулся, уже наступили сумерки. Лошадь стояла надо мной, как охранник.

Сумерки... Нет, что-то иное... На небе собирались зловещие тучи. Я ещё не видел таких тяжелых черных туч, совершенно скрывших из виду Кулак Великана. Когда я поднялся на ноги, лошадь прижалась ко мне. Запах пота ударил мне в ноздри. Она положила голову мне на плечо и попыталась лизнуть лицо. Я успокаивающе погладил её по шее. Это был

страх, настоящий страх. Чувство передавалось от лошади ко мне, иссушающее душу ожидание чего-то страшного, как будто собирались сверхъестественные силы, враждебные всему человечеству; силы, которые могли сдуть человека, как пылинку в пустыне.

Я прижался к каменной стене, удерживая руками лошадь. Мы чего-то ждали... Не знаю почему, но я боялся; боялся так, как не боялся никогда в жизни... Ни ветерка, ни звука... Жуткое спокойствие лишь увеличивало страх. Долина, горы, весь мир — всё съезжилось и ждало...

На востоке вспыхнула молния. Не обычная молния, а ослепительно яркая трещина, разверзшаяся в небесах. На востоке... над морем. Ветер и волны, о которых говорили они... Выходит они все же решились? Что же случилось в порту?

Лошадь издала странный, почти человеческий звук. Еще никогда я не слышал подобных звуков от животных. Давление воздуха все повышалось. Казалось, что воздух выдавливался из легких, и дышать стало невыносимо трудно. Воздух был абсолютно неподвижным, молнии рассекали небо. Но вот послышался гул, как будто тысячи боевых барабанов забили одновременно.

Из-за туч стало так темно, что я видел не больше слепого. Во всяком случае, за всю свою жизнь я ни разу не видел такой бури. Где-то в глубинах моей памяти что-то шевельнулось. Конечно, это была не память, я вспоминал не свою жизнь, а чужую...

Но это же глупость! Не может человек иметь несколько жизней, и помнит он только об одной, о своей жизни...

Там, где кожа моя не была прикрыта одеждой, её жгло и щипало, как будто сам воздух был отравлен. Затем появился свет, но не в небе — сами камни стали испускать сияние и превратились в бледные фонарики.

И в третий раз молния вспыхнула на востоке, а затем раздался гром. Тут же поднялся ветер...

Ветер, какого, я мог в том поклясться, наши долины никогда ещё не видели. Я упал между камнями, спрятал свое лицо в лошадиную гриву, и запах пота вновь вонзился в мои ноздри. Дикая воя ветра оглушил меня, и не было защиты ни от этого воя, ни от самого ветра. Я испугался, что ветер вырвет

нас из нашего жалкого убежища и потащит по камням, разобьет насмерть. Я вонзил копыта в землю, изо всех сил вжался в камни спиной и боком, и замер. Лошадь сделала то же самое. Если она и ржала от страха, то я не слышал её, так как был полностью оглушен. Бой барабанов слился в сплошной грохот, которому не было видно конца.

Я не мог ни о чём думать, я лишь съеживался и вжимался в камни, надеясь, что нам удастся избежать ярости этой дикой бури. Но она все продолжалась, и постепенно я стал привыкать к ней, как привыкают к постоянной опасности. Я уже понял, что ветер дует с востока на запад, и что вся его сила направлена с моря на порт.

Я даже не пытался представить себе, что такая буря может сотворить с побережьем. Оно наверняка будет полностью опустошено могучими волнами. Если вражеский флот находился в это время возле побережья, он будет полностью уничтожен, но вместе с врагами пострадают и невинные жители. Какова участь порта и его населения? Если эта буря была создана, вернее, вызвана теми, кто сидит в Ульме, значит они не смогли взять под контроль могущественные силы. Буря оказалась гораздо сильнее, чем они предполагали.

Сколько же времени продлится это безумие? Не было ни дня, ни ночи — только крошечный мрак и грохот — и страх; страх, вызванный не природой, а чем-то сверхъестественным. Что с крепостью? Мне казалось, что буря сможет вывернуть даже громадные камни, из которых сложена крепость, и развалить её на части.

Буря не стихала постепенно, как обычная буря. Только что стояли грохот и свист — и вдруг тишина, полная, мертвая, не менее оглушающая, чем грохот. Затем я услышал мягкое ржание лошади. Она оттолкнулась от меня и попятилась на открытое пространство. Черные тучи в небе, разорванные в клочья, как вымпел моего отца на шпиле крепости, превращались в ничто. Наступал рассвет. Сколько же времени длился этот ужас? Спотыкаясь, я побрел за лошадью на открытое пространство. Воздух уже не был наполнен жгучей кислотой, которая раздирала легкие, он стал свежим и холодным.

Я должен был увидеть, что случилось внизу. Ведя на поводу Хику, я шёл вдоль горного хребта на краю долины по направлению к Кулаку Великана. Обширные пространства были

полностью опустошены — деревья и кусты были вырваны с корнем. Там, где они росли, остались лишь глубокие шрамы на теле земли. Так очевидны были эти следы разрушений, что я отчасти приготовился к тому, что мне предстояло увидеть в самой долине, но всё оказалось гораздо хуже.

Часть крепости еще стояла, но это было уже не целое строение. Вокруг нее была вода — море воды, на поверхности плавали какие-то обломки, может кораблей, а может остатки домов. Все было настолько переломано, что с уверенностью ничего нельзя было утверждать. Вода пришла с востока — море поглотило большую часть Ульмсдейла.

Спасся ли кто-нибудь? Я не видел никаких признаков жизни. Всё селение скрылось под водой, виднелись только несколько крыш. Значит те, которые так безрассудно обратились к могущественным силам, просчитались. Может, они тоже погибли во время этой ужасной бури? Я понадеялся на это. Но то, что Ульмсдейл погиб, было несомненно. Ни один человек не сможет жить тут в дальнейшем. Я был уверен, что море не вернет того, что захватило. Если пришельцы надеялись использовать Ульмсдейл в качестве плацдарма, то они просчитались.

Я отвернулся от того, что некогда было крепостью. На мне оставался ещё один долг. Я должен был узнать, что случилось с Джойсан, и помочь ей. А затем... затем меня ждали бои на юге.

И я направился прочь от Кулака Великана, не в силах более смотреть на уничтоженную долину. Сердце у меня щемило, но не из-за того, что я что-то потерял. Нет! Я никогда не ощущал себя владельцем Ульмсдейла, но это была земля моего отца, которую он любил, и за которую не пожалел бы жизни. Я шел и проклинал про себя тех, кто сделал это.

Джойсан:

Мы стояли под лунной на каменных плитах. На моей груди светился грифон. Торосс выскользнул из моих рук и свалился на землю. Я опустилась возле него на колени и подняла рубашку, чтобы разглядеть рану. Голова его лежала на моих коленях, и из уголка рта стекала тонкая струйка крови. Когда я увидела рану, то никак не могла поверить, что он смог

пройти так далеко и всё ещё оставаться живым. Я понимала, что рана смертельна, но отрезала ножом кусок ткани и перевязала рану, чтобы остановить кровотечение. Правда, я не понимала, зачем это делаю: ничто теперь не могло помочь Тороссу.

Я ласково прижала его голову к себе. Только этим я могла облегчить ему наступление смерти. Он не пожалел своей жизни, чтобы я смогла жить. В свете луны и сиянии шара с грифоном я рассматривала его лицо.

Какие повороты судьбы свели нас вместе? Если бы я могла, я бы с радостью назвала Торосса своим мужем. Почему же я не могу?

В библиотеке Монастыря я прочитала множество старых книг, и в одной из них утверждалось, что человек живет не одну жизнь, а возвращается в этот мир в иное время, чтобы выплатить свой долг тому, кому чем-то обязан:

Следовательно, человек в каждой своей жизни связан с предыдущими жизнями нитями, которые не принадлежат данному времени, а тянутся откуда-то из далекого прошлого. Сначала Торосс явился ко мне, угрожая навлечь позор на наш род, желая увести меня с собой, настаивая на том, чтобы я нарушила священную клятву. И хотя я отвергла его притязания, он вернулся, чтобы умереть у меня на руках, потому что моя жизнь значила для него больше, чем его собственная. Какой же долг он мне выплачивал, если старые книги говорят правду? Или он возложил на меня долг, который мне тоже придется когда-нибудь выплачивать?

Голова Торосса шевельнулась. Я склонилась над ним и услышала его горячий шепот:

— Воды...

Вода! У меня не было ни капли. Насколько я знала, ближе реки воды не достать, а река находилась от нас очень далеко. Я выжала полы своего мокрого плаща и смочила его лицо, понимая, что этого ему мало. Потом, в мертвенно-белом свете луны, я заметила, что вокруг растут растения высотой с человека. На их мясистых листьях блестела роса. Я узнала эти растения, их мне как-то показывала дама Мат. Но только эти экземпляры были чересчур большими. Растения обладали способностью конденсировать на листьях влагу при наступлении ночи. Я положила голову Торосса на землю и

направилась за неожиданным подарком судьбы. Я принесла ему воды, смочила губы и влила несколько капель в пылающий сухостью рот. Этого было, конечно, мало, ничтожно мало, но, может быть, эти листья обладали каким-нибудь лечебным свойством. Вероятно, так оно и было, потому что даже этих капель хватило, чтобы утолить жажду Торосса. Я вновь прижала его голову к себе, и тут он открыл глаза, увидел меня и улыбнулся.

— Моя... леди...

Я хотела остановить его, но не за то, что он сказал, а потому что ему нельзя было разговаривать. Он тратил на слова силы, которых и так оставалось мало.

Но Торосс не послушался меня.

— Я... знал... моя леди... с самого начала, когда... увидел... тебя, — голос его становился с каждым словом все тверже, вместо того, чтобы слабеть. — Ты очень красива, Джойсан, очень умна... очень... очень желанна. Но это... — он закашлялся, и струйка крови вытекла изо рта и потекла по подбородку. Я быстро вытерла кровь влажными листьями. — Но ты далека от меня... — Он долго молчал, но затем всё же продолжил: — Не из-за наследства, Джойсан, ты должна мне верить. Я умру с тяжелым сердцем, если ты думаешь, что я желал стать наследником Икринта. Я... я хотел тебя!

— Знаю, — заверила я его, и это было чистой правдой. Может быть, родственники и хотели, чтобы он женился на мне из-за наследства, но Торосс хотел именно меня, а не лордство. Мне было очень жаль, что я испытывала к нему одну лишь дружбу и сестринскую любовь. Не больше.

Он вновь стал кашлять и задыхаться. Говорить он уже не мог. Я решила, что должна облегчить его страдания, и солгать ему так, чтобы он мне поверил.

— Если бы ты остался жив, я стала бы твоей, Торосс.

Он улыбнулся, и эта улыбка стрелой вонзилась в мое сердце. Я поняла, что он мне поверил. Затем он повернул голову, прижался окровавленным губам к моей груди и затих, как будто уснул. Немного погодя, я бережно положила его и поднялась на ноги, оглядываясь по сторонам. Я не могла теперь смотреть на него. Я понимала, что мы попали в какое-то место, созданное Прежними, но не это было целью нашего пути. И остановилась я тут только потому, что не могла дальше нести Торосса. Теперь я решила исследовать это место.

Здесь не было стен, только каменные плиты под ногами, блестящие в лунном свете. Нождаанно я заметила, что камни сами слабо светятся бледным сиянием, подобно свечению моего шара. Эти камни отличались от камней, из которых были выложены стены Икринта. Сияние, исходившее от них, слегка пульсировало, как будто камни дышали.

Не только сияние камней, но и их форма удивила меня. Камни были выложены в виде пятиконечной звезды. Я стояла, слегка покачиваясь. Камни излучали энергию, как-будто стараясь, чтобы я поняла их значение, смысл. А мои знания о Пржених были так отрывочны, что я не могла даже предположить, куда мы пришли. Но я чувствовала, что это место не предназначено для служения Темным Силам. Это было место, где когда-то сосредотачивалось Могущество, остатки которого до сих пор витали здесь!

Если бы я знала, как это использовать! Может быть, я спасла бы Торосса, спасла жителей долины, которые теперь считают меня своим предводителем. Если бы я знала! И я заплакала от духовного одиночества, от утраты того, чего не имела, но что теперь многое могло бы решить.

Здесь было что-то недоступное мне. Внезапно я запрокинула голову и посмотрела вверх, раскинув руки в стороны. Я хотела открыть вечно закрытую во мне дверь, открыть её свету. Как он был нужен мне сейчас, и я просила, чтобы он явился ко мне. Но я не знала, чего именно просила, и вот мои руки опустились, а я осталась такой же беспомощной, как и раньше. Меня точило сознание того, что мне предложили нечто важное, чудесное, а я так мало знала, что не смогла принять это. Эта мысль была горше всего.

Все ещё переживая утрату, я повернулась к Тороссу. Он неподвижно лежал, как будто спал. Его окружало сияние камней. Я не могла похоронить его по обычаю долин — надеть на него доспехи и сложить руки на рукояти меча, чтобы каждому было ясно, что он погиб как воин. Даже этого я не могла сделать для него, но здесь мне это не казалось необходимым. Он лежал в сиянии славы, и я поняла, что мне не нужно думать о гробнице. Я встала на колени, взяла его руки и сложила их на груди. После этого поцеловала его так, как он того жаждал больше жизни, хотя я и не смогла стать для него женой. Я не могла идти рядом с ним по жизни.

Затем я пошла в лес и нарвала цветов и ароматных трав. Я покрыла ими тело Торосса, оставив открытым только лицо, смотревшее в ночь. И я стала молить Могущество, которое здесь обитало, чтобы оно охраняло покой Торосса. Потом повернулась и пошла дальше, твердо зная, что Тороссу будет здесь хорошо, независимо от того, что происходит теперь в разграбленном и измученном войной мире.

У края звезды я заколебалась. Что мне делать? Идти по лесу и разыскивать следы наших людей? В конце концов, я решила искать своих. Деревья в лесу были большими, а просветов впереди не наблюдалось. Я вполне могла заблудиться, ведь у меня не было опыта жизни в лесу. Но я шла вперед и надеялась, что иду туда, куда надо. Когда я добралась до густых зарослей кустов, которые стояли стеной на опушке леса, я почувствовала, что падаю с ног от усталости, голода и жажды. Но передо мной уже находился конец долины и начинались горы, в которых, возможно, скрылись беглецы из Икринта.

Небо просветлело, приближалось утро. Сияние шара утасло, я осталась одна, и тяжесть легла на моё сердце.

Я добралась до гряды камней и поняла, что дальше идти не смогу. Вокруг росли дикие вишни. Они были настолько спелые и кислые, что их было невозможно есть без мяса, но я позабыла обо всем и набивала ими рот с жадностью, которая знакома лишь вконец изголодавшемуся человеку.

Я хорошо понимала, что дальше идти не могу, да и лучшего места для отдыха, чем эта каменная гряда, мне не найти. Но прежде чем забраться в подходящую расщелину, я решила несколько приспособить свою одежду для передвижения по лесу. Полы моего плаща были раздвоены, чтобы я могла садиться на лошадь, но они были такие толстые, что мешали мне ходить. Поэтому я отрезала их ножом Торосса, после чего обмотала ими свои сапоги. Теперь мой костюм вряд ли можно было назвать элегантным, но передвигаться я могла с большей свободой.

Затем я забила в щель с полной уверенностью, что моё взбудораженное состояние не позволит мне уснуть, как бы ни велика была моя усталость. Помимо воли мои руки потянулись к груди и сжали шар с грифоном. Хотя теперь он был холодным, его приятная гладкая поверхность как-то успокаивала меня. Так я и заснула. Все люди видят сны, но

когда просыпаются, вспоминают лишь некоторые отрывки, которые особенно воздействовали на них — либо жуткие кошмары, либо немыслимое наслаждение. Но то, что приснилось мне, совершенно не походило на обычные сны.

Я находилась в какой-то маленькой пещере, а снаружи свирепствовала буря чудовищной силы. Кто-то был рядом со мной в этой пещере. Я угадывала в полутьме очертания плеч, видела его голову, повернутую от меня, и мне очень хотелось узнать, кто же он. Но я не видела лица незнакомца и не знала, как его позвать. Я лишь съёживалась от страха, когда на пещеру обрушивались удары ветра. И здесь было так же, как было там, на пятиконечной звезде: я сознавала, что будь у меня дар, способность, я могла бы сделать всё, чего пожелаю. Но у меня не было этого дара, и сон кончился, а может быть, я просто ничего не помню.

Когда я проснулась, солнце уже опускалось к горизонту. Длинные тени лежали у моих ног. Я была всё ещё слаба, мне очень хотелось пить, и сильно болел живот — вероятно, я объелась кислых вишен... А может, просто от голода. Встав на колени, я осторожно выглянула, чтобы не пропустить возможных врагов. И сразу заметила двух разведчиков, передвигавшихся очень осторожно, всё время оглядываясь. Моя рука тут же сжала кинжал. Но затем я поняла, что это жители долины, и тихонько свистнула им.

Они мгновенно распластались на земле и подняли головы лишь тогда, когда я свистнула во второй раз. Они заметили меня и вскоре находились рядом. Я узнала их — это были оруженосцы Торосса.

— Рубо, Анграл! — я была так рада встрече с ними, что приветствовала их, как братьев.

— Леди! Торосс сумел выручить тебя! — воскликнул Рубо.

— Да, он спас меня. Великую славу он принес своему Роду.

Воины посмотрели на вход в пещеру, и я поняла, что они уже догадались о том, что я могу им сообщить.

— У пришельцев имеется оружие, которое поражает изда- лека. Когда мы от них убегали, Торосса ударило сзади. Он умер на свободе. Слава и честь его Дому! — могли ли эти традиционные слова выразить мою бесконечную благодар- ность воину и передать ему последнее «прощай!». Оруженос- цы были уже довольно преклонного возраста. Что могло Торосса связывать с ними? Не знаю... Они печально склони- ли головы и повторили за мной традиционные слова:

— Слава и честь его имени!

Затем заговорил Анграл:

— Где же он, леди? Мы должны увидеть его.

— Он лежит в Святом месте Прежних, там, где мы оставились в последний раз. Он будет находиться там в полном покое.

Они переглянулись. Я видела, что их верность традициям борется с благоговейным трепетом, и сказала:

— Я сделала все, чтобы он покоился с миром. Я дала ему воды и в его последний час убрала его последнее ложе цветами и травами. Он покойся, как настоящий воин, я клянусь вам в этом!

Они поверили мне. Все мы знали, что есть места, куда стекаются Темные Силы, и таких мест необходимо было опасаться. Но есть и другие, где человеком овладевает мир и покой. Именно в таком месте теперь покойся Торосс.

— Хорошо, леди, — вымолвил Рубо, и я поняла, что Торосс доверял им очень многое.

— Откуда вы пришли? — осведомилась я. — У вас есть вода и еда? — я забыла про гордость и жадно смотрела на их поклажу.

— О, конечно, леди, — Анграл вытащил из мешка на поясе флягу с водой и черствые куски хлеба. Я изо всех сил старалась выглядеть прилично и не проглатывать хлеб огромными кусками. Я понимала, что от невоздержанности после длительного голодания мой желудок может возмутиться.

— Мы из того отряда, который ведет лесник Борсал. Леди Ислайга и её дочь сначала находились с нами, но затем они повернули назад, чтобы найти лорда Торосса. Теперь мы их разыскиваем, потому что к вечеру они не вернулись.

— Вы на этой стороне реки, значит...

— Эти дьяволы охотятся по всей долине. Если бы наш лорд был жив, то здесь был бы единственный путь для него, — заявил Рубо.

— Выходит, они заняли всю долину?

Анграл кивнул.

— Да. Два наших отряда были захвачены в плен, так как двигались слишком медленно. Пропали некоторые стада. Животные отказались идти в горы, и пастухи не смогли их заставить. Те, кто долго возился с ними... — он сделал короткий жест, выразительно говоривший об их судьбе.

— Вы можете найти путь назад?

— Да, леди, но нужно идти очень быстро. По дороге имеются места, где в темноте не пройти. Сейчас уже не лето и темнота наступает быстро.

Их пища укрепила меня, а радость от встречи — ещё больше. Наличие попутчиков придало мне сил. К тому же, изменения в одежде позволили мне идти гораздо быстрее, чем прошлой ночью. Но перед тем, как пуститься в дорогу, я спрятала грифона на грудь под кольчугу.

Путь был труден, и даже мои проводники не раз останавливались, чтобы найти приметы, по которым они шли. Здесь не было ни дорог, ни даже звериных троп. К ночи мы уже были высоко в горах. Стало холодно, и я вся дрожала при порывах ветра. В пути мы молчали, лишь изредка кто-либо из них предупреждал меня, если впереди было опасное место. Вскоре усталость вновь охватила меня. Я не жаловалась и шла вперед через силу. Я ничего не просила у них, мне было достаточно того, что они рядом. Мы не смогли в кромешной тьме перевалить через хребет и поэтому укрылись в какой-то расщелине: Рубо справа от меня, Анграл — слева. Я вероятно спала, так как не помню ничего, пока Рубо не зашевелился и не заговорил:

— Пора вставать, леди Джойсан. Уже утро, и мы не знаем, как высоко забрались эти убийцы в поисках крови невинных людей.

Утро было серое, над горами еще стоял полумрак. Я посмотрела на сгущавшиеся тучи. Хорошо бы пошёл дождь — он смыл бы наши следы.

И действительно пошёл дождь. Нам негде было укрыться, в окрестностях не было ни деревца. Мы шли по скользким мокрым камням, спускаясь с перевала вниз, в долину. Я плохо знала эту часть страны. Где-то там внизу должна быть дорога, ведущая в Норстатт. Хотя лорды заботились о ней и изредка расчищали, даже вырубив кусты по её сторонам, чтобы там невозможно было устроить ловушку, ходьба по этой дороге не была легкой прогулкой.

Тут жило очень мало народу. Во-первых, весной река разливалась почти от хребта до хребта, во-вторых, земля здесь была очень бедная. Поэтому сюда заходили лишь пастухи со стадами, и то редко. Единственным известным мне поселением тут был Норстатт, в пяти днях пути верхом. Но мы не стали спускаться на дорогу, заметив в долине дым. Наши люди не стали бы разводить костров. Мы снова полезли по

крутым склонам, направляясь к югу. Так мы подошли к источнику дыма совсем близко, на расстояние полета стрелы.

Тут нас кто-то окликнул из-за кустов, после чего перед нами появилась женщина. Я узнала её — это была Нальда, высокая и сильная женщина. Её муж был начальником в Икринте. Если верить нашим сплетницам, она была скорее мужчина, чем женщина. В её руках находились лук и стрелы, и она уже приготовилась стрелять. Но при моем появлении её лицо сразу прояснилось.

— Леди, приветствуем тебя, приветствуем! — она говорила с искренней радостью и от чистого сердца.

— Спасибо, Нальда. Кто с тобой?

Она подошла ближе и коснулась моей руки. Видимо это было ей необходимо, чтобы убедиться, что она видит действительно меня, а не призрак.

— Нас было десять — леди Ислайга, леди Инглида, мой сын Тимон и ... леди Джойсан, что со Старком, моим мужем?

Я вспомнила кровавую резню у реки. Вероятно, она всё прочла на моем лице, и поэтому опустила голову.

— Ну что ж, — наконец, вымолвила она, — ну что ж, он был хорошим человеком, леди. И умер он с честью...

— Он умер с честью, — быстро подтвердила я. Я не хотела рассказывать нашим людям, какой ужасной смертью умирали мужчины. Они должны были только знать, что те умерли как герои, и чтить их память.

— Но что это я! Эти демоны уже в долине. Мы должны уходить, но леди Ислайга не хочет идти. Она ждет сына, а мы не можем уйти без нее.

— Он уже не вернется. Если враги близко, то нам нужно быстрее бежать. Вас десять человек... А мужчины есть?

— Рубо и Анграл, — она кивнула на моих спутников, — Янофер, который был пастухом в четвертом районе. Он бежал и получил рану в плечо. Эти охотники на честных людей каким-то образом умеют поражать издалека. Есть ещё женщины и два ребенка. У нас четыре арбалета, два лука, ножи и одно копьё. Пищи у нас дня на три, если мы будем экономить.

Норсдейл находился еще очень далеко...

— А лошади?

— Их нет, леди. Мы шли по верхнему ущелью и не смогли провести лошадей. Там же мы потеряли остальных наших, которые шли с Борсалом. Они ушли ночью вперед. Овцы и коровы сбежали. Удастся ли нам их поймать... — она пожала плечами.

Да, дела обстояли плохо. Наши планы оказались в чем-то недостаточно хорошо проработанными. Я могла только надеяться, что наши остальные отряды, экипированные лучше, смогли прорваться в Норсдейл. Но я сильно сомневалась, что они смогут прийти к нам на помощь, хотя и понимала их трудности. Вряд ли кому-нибудь захочется снова пускаться в опасный путь.

Скорее всего они станут готовиться к отражению возможного нападения врагов. В сопровождении Нальды, которая возглавила небольшой отряд, я пришла в лагерь. Правда, он очень мало походил на лагерь. Увидев меня, леди Ислайга вскочила на ноги.

— Торосс!? — это бы не крик, а вопль. В нем были и горе, и надежда. На ее бледном лице, как горящие угли, светились глаза.

Я никак не могла подобрать слова. Она медленно приблизилась ко мне. Затем положила руки мне на плечи и начала трясти, желая вытрясти из меня правду.

— Где Торосс?

— Он... его убили... — я не могла скрыть правду, как не могла обмануть сердце любящей матери.

— Мертв! Мертв! — она выпустила меня и отпрянула назад. В её глазах застыл ужас. Она видела во мне смертельного врага, одного из тех пришельцев с окровавленными руками. Черты её лица застыли в маске смертельной ненависти: это было для меня ударом.

— Он умер из-за тебя, а ты даже не желала взглянуть на него. Ты не смотрела на него, а ведь он мог иметь любую девушку. Каждая пошла бы за него, стоило лишь ему поманить ее пальцем. Чем ты его околдовала? Если бы он вместе с тобой получил Икринт, я смогла бы смириться с этим, но он умер, а ты жива...

У меня не было слов, я могла только смотреть на ее иступленную ярость. По-своему, она была права. То, что я ничего не обещала Тороссу, для нее ничего не значило. Для нее главным было то, что он хотел меня, а я отказалась, и он умер, чтобы меня спасти.

Она замолчала, затем её рот скривился, и она плюнула. Плевок упал у моих ног.

— Прими мое проклятие! И вместе с ним поклянись заботиться обо мне и Инглиде. Ты взяла жизнь нашего лорда, теперь ты встаешь на его место.

Это был старинный обычай нашего народа. Она возлагала на меня ношу всей своей жизни, как плату за кровь, которая, как она считала, лежит на мне. С этого момента я обязана была заботиться о ней и ее дочери, защищать их, убирать с их пути все препятствия и невзгоды, как будто я стала самим Тороссом.

Керован:

Я стоял и смотрел на смерть и разрушения. Ветер и волны уничтожили Ульмсдейл, но призвала их темная злоба людей. Потом я пустился в дорогу, и мне понадобилось десять дней, чтобы добраться до места, откуда я теперь смотрел на Икринт, вернее на то, что от него осталось. Передо мной лежала крепость, обращенная в пыль.

Странно, но я не увидел металлических чудищ, которые сокрушили стены. И мне стало ясно, что там находился лагерь врага. Они пришли по реке на лодках, которые были теперь причалены на противоположном берегу. Я никак не мог на что-либо решиться. С одной стороны, мне следовало доложить о том, что здесь высадились враги, с другой стороны — меня терзала мысль о Джойсан. Не удивительно, что я видел ее в доспехах над телом умирающего юноши.

Где она? В плену или мертва? Пока я добирался сюда, мне несколько раз попадались следы небольших групп людей, вероятно, беженцев. Возможно, она тоже бежала. Где теперь на бескрайних просторах этой страны я мог надеяться найти её? Кроме того, у меня был долг перед лордом Имгри. И, терзаясь между двумя решениями, я неожиданно вспомнил о сигнальных постах. Конечно, тут есть поблизости один, и я смогу передать лорду Имгри предупреждение. После чего я освобожусь и смогу посвятить себя поискам Джойсан.

Вспомнив науку Яго, я стал пробираться среди камней. Довольно часто я замечал группы пришельцев, которые ходили с надменностью завоевателей, уверенных, что им нечего

бояться. Некоторые гнали овец и коров в свой лагерь, видимо для того, чтобы употребить их в пищу. Другие направлялись на запад, вероятно, в погоне за несчастными беглецами или же, чтобы разведать пути. Тогда случилось бы именно то, чего опасался лорд Имгри: наши разрозненные отряды оказались бы в кольце двух огромных армий врага.

Хику оказалась великолепной лошадью. Она как нельзя лучше подходила для тех условий, в которых нам приходилось идти. Она великолепно ходила по самым головокружительным тропам и совершенно не знала усталости. В этом с ней не могла сравниться самая лучшая лошадь моего отца. Как я не торопился, но идти мне приходилось очень медленно и осторожно, чтобы не наткнуться на врагов. И вообще, может уже поздно поднимать тревогу. Вскоре я обнаружил место, где располагался сигнальный пост, и тут же с горечью обнаружил следы тех, кто побывал тут до меня. По нашим правилам, ни один след не должен вести к посту, а я заметил следы нескольких человек, которые шли открыто, не заботясь о том, чтобы прятаться.

Взяв в руку нож, я пробрался к скрытой расщелине, где должны были находиться три сигнальщика. Но пятна крови и следы борьбы свидетельствовали, что смерть посетила это место раньше меня. Здесь находился крюк, на который вешался отполированный щит, отражавший лучи солнца или факела в направлении следующего поста. Рядом валялся сломанный обугленный факел. Я всмотрелся в сторону юга, пытаюсь разглядеть следующий пост. Успели сигнальщики передать сообщение о нападении или нет?

Внимательно осмотрев расщелину, я пришел к выводу, что нападение произошло рано утром, а теперь был день. Если бы пришельцы имели крылья, они бы без труда перелетали с вершины на вершину, но люди не могут добраться до следующего поста за полдня. Если предупреждение не было передано, я должен попытаться сделать это сам. Но полированный щит был искорежен. У меня не было своего щита, я был разведчиком, которому щит ни к чему. Сигнал... как мне передать сигнал?

Я выругался и задумался, обгрызая ногти. У меня был меч, охотничий нож и веревка, обмотанная вокруг пояса. Кольчуга не блестела, напротив, я выкрасил её в зелёный

цвет, чтобы она не выдала меня блеском. Покинув нишу, я осмотрелся по сторонам, пытаюсь найти что-нибудь подходящее. Оставалось только одно, хотя это неминуемо приведет сюда моих врагов, — развести костер. Дым костра, конечно, не передаст точный смысл сообщения, но зато поднимет тревогу и предупредит об опасности.

Я набрал сучьев, принес их в расщелину и набросал на них сухих листьев. Вскоре вспыхнул огонь. Горсть за горстью я кидал в него сухие листья. Показались языки ядовито-желтого дыма. Я отчаянно закашлялся, из глаз хлынули слезы. Когда я протер их, то увидел, что дым плотным столбом поднимается в небо. Такой знак нельзя было не заметить. Ветра почти не было, и дым образовал столб, густой и плотный, поэтому я решил передать сообщение, прерывая, а затем снова пуская дым. Я скинул плащ и подошел к костру.

Через некоторое время слезящимися от дыма глазами я заметил сигнальные вспышки с соседнего поста. Мой сигнал был принят и понят! Лорд Имгри еще не имел отсюда точных сведений, но он уже знал, что враг захватил Икрипт. Мой долг был выполнен, теперь я должен был бежать отсюда как можно быстрее и ехать на запад. Чтобы найти Джойсан, мне нужно обнаружить следы, догнать людей и узнать, что случилось с моей леди. Но если до сих пор счастье не изменяло мне, то теперь всё переменялось. Я быстро обнаружил, что за мной погоня, и какая! Сердце бешено забилося и во рту пересохло, когда я понял, что они пустили за мной собак!

Мы называли ализонцев собаками из-за того, что у них имелись собаки, специально обученные охоте за людьми. Они совсем не походили на наших охотничьих собак: серо-белого цвета, поджарые, большие и длинноногие. Головы у них были узкие и двигались со змеиной быстротой, желтые глаза сверкали жадной крови. Они были обучены выслеживать и убивать. В них было что-то такое, что внушало людям непреодолимый ужас.

Не успел я отъехать от сигнального поста, как услышал звуки рога. Такие звуки я уже слышал, когда находился на юге. Это был зов хозяина собак. Я отлично понимал, что как только эти серо-белые дьяволы возьмут мой след, спасения мне не будет. Поэтому я делал все, чтобы запутать и скрыть следы. Но отдаленный лай говорил мне, что собаки идут по

следу, и мне не удалось сбить их с толку. Наконец Хику без всяких понуканий, как будто в её черепе находился вовсе не мозг лошади, а более могучий, сама поскакала на север. Она наполовину скатилась, наполовину прыгнула со склона горы на берег реки, бросилась в воду и поплыла против течения.

Тогда я отпустил поводья, предоставив ей свободу действий и надеясь, что она сможет найти путь к спасению. Мне стало ясно, что лошадь прекрасно знает, что ей делать. Видимо, это была та самая река, что протекала через Икринт. Вода была очень чистая. Я мог видеть и камни на дне, и всякие плавающие и ползающие существа, для которых вода являлась родным домом. Внезапно Хику остановилась. Вода текла меж ее ног. Остановка была такой резкой, что я чуть не свалился в воду. Хику поводила мордой у самой воды и внезапно заржала, повернувшись ко мне, как бы говоря что-то на своем лошадином языке.

Действия лошади показались мне загадочными, и я решил, что это неспроста. Когда Хику вновь склонила голову к воде, я понял, что она старается привлечь мое внимание к чему-то важному. Лошадь явно сердилась на меня за недогадливость. Я тоже наклонился и всмотрелся в воду. Может лошадь чего-то боится, может ей угрожает какое-то подводное существо? Вытащив нож, я снова засунул его на место и взялся за меч, готовясь отразить нападение. Хику вновь вытянула голову, как бы указывая мне на что-то, и я посмотрел в том же направлении.

Камни, песок... вот оно! То, что скрывалось между камнями, трудно было различить в воде. Я прыгнул с Хику, вода доходила мне до колен. Я наклонился пониже, чтобы лучше разглядеть «это». Это была петля, но не из камня, во всяком случае, я никогда не видел таких камней. Петля была закреплена меж камней. Я сунул меч в воду, аккуратно подцепил кончиком петлю и вытащил ее на воздух.

Она поддалась удивительно легко, и от неожиданности я чуть не потерял равновесие. И чуть приподнял кончик меча, чтобы петля не соскользнула в воду. Петля проскочила по мечу к рукояти и коснулась пальцев. Я чуть не отшвырнул ее от неожиданности. Резкий поток энергии от петли проник в мои пальцы. Слегка наклонив меч, чтобы отодвинуть петлю от пальцев, я принялся ее внимательно рассматривать. Петля

очень походила на браслет и была сделана из металла, какого мне никогда не приходилось раньше видеть. Он сверкал ослепительным блеском, хотя в воде выглядел зелено-голубым. Теперь я видел, что петля сделана из сложного переплетения красно-золотых нитей, и этот узор образует какие-то письмена.

У меня не оставалось ни малейших сомнений, что это дело рук Прежних. А то, что браслет обладает каким-то Могуществом, я убедился по поведению Хику, да и на собственном опыте. Всем известно, что животные гораздо более чувствительны к остаткам Могущества древних, чем мы, люди. Но когда я поднес браслет к лошади, она не показала никаких признаков тревоги или беспокойства. Так что я мог быть уверенным, что Темные Силы здесь отсутствуют. Хику даже вытянула голову и с удовольствием обнюхала браслет.

Ободренный поведением Хику, я рискнул взять браслет в руку. И снова поток энергии начал вливаться в меня, но я смело держал его в руке. Вскоре поток энергии либо уменьшился, либо я просто привык к нему. Теперь я просто ощущал приятное тепло. И тут я вспомнил свою первую реликвию, доставшуюся мне от Прежних — грифона в шаре.

Более не раздумывая, я надел браслет на руку, и он так удобно лег на запястье, как будто был сделан специально для меня. Когда я поднес его к глазам, то увидел какие-то двигавшиеся тени. Я быстро опустил руку. Что же я видел? Почему я больше не стал смотреть — не знаю, видимо странность увиденного поразила и потрясла меня. Но желания избавиться от находки у меня не было. Более того, когда я сел на лошадь и посмотрел на браслет, у меня возникло ощущение, что я уже видел его и носил на руке. Но как это могло быть? Я мог бы поклясться, что впервые вижу этот браслет. Но кто может проникнуть в тайны Прежних? Никто...

Лошадь снова пошла вперед, а я вслушался в звуки рога и в отдаленный лай собак, которые постепенно затихали. И я успокоился. Видимо на Хику можно положиться — животное знает, что делает. Однако, Хику не вышла из воды, направляясь вдоль реки и уверенно ставя ноги на каменистое дно. Я не стал командовать лошадью, а предоставил ей полную свободу действий. Вскоре в просвете между густыми кустами я увидел то, что ждало нас впереди. Хику уже искала песчаную отмель, чтобы выбраться на берег, а я в изумлении смотрел вперед. Там было озеро. Само по себе это не было

странным, в наших краях было множество озер, но то что я увидел здесь, заставило бы призадуматься любого.

Посреди озера возвышался небольшой замок и к нему вел мост. На уровне моста в стенах не было окон, но на следующем этаже и выше, а также в пристройках — двух башнях, которые образовывали как бы ворота моста, виднелись узкие щели. С берега, откуда мы смотрели на крепость, она казалась нетронутой. Однако вторая часть моста, ведущая к противоположному берегу, исчезла. Начало моста находилось совсем близко от нас, и я решил, что лучшего места для ночлега, чем эта крепость, нам не придумать.

Хику, хотя и с неохотой, но весьма отважно, пошла по мосту. Стук копыт гулко разносился по окрестностям. Я даже прислушался, желая услышать, какова будет реакция на наше появление в крепости. Вскоре я обнаружил, что мой выбор удачен. Мост оказался подъемным, и мы могли поднять его и оставить между собой и берегом довольно широкую полосу воды. Как только мы переправились, я тут же закрепил веревку в кольцо моста. Хику потянула её, и я, спешившись, тоже стал помогать. Мост не поддавался, и я решил, что время хорошо поработало над ним. Но когда я прочистил мечом петли, убрав из них песок и занесенные ветром листья, мост заскрипел и пошел вверх. Конечно, он не поднялся на высоту, на которую рассчитывали его строители, но он все же отрезал путь в крепость с берега.

За воротами крепости меня встретила тьма. Я отругал себя за то, что ничего не захватил для изготовления факела, но делать было нечего, и я положился на инстинкт Хику. Лошадь вздохнула и направилась вперед, покачивая головой. Я последовал за ней в полной уверенности, что впереди нет ничего, угрожающего нашим жизням. Пройдя ворота, мы попали во внутренний дворик, откуда можно было войти в сам замок. Если он и был выстроен на естественном острове, то никаких следов от этого острова уже не осталось. Две привратные башни были соединены между собой галереей, на которую можно было попасть по двум лестницам — справа и слева. А стены выходили прямо из воды.

Двор зарос травой, кустами и небольшими деревьями. Хику сразу принялась за еду, как будто с самого начала знала, что здесь её ждет обед. Я подумал, что, возможно, так оно и есть: Пивор всё предусмотрел. Бросив свой мешок, я принялся осматривать крепость. Всё было сделано великолепно

и совсем не пострадало от времени. Это было самой трудной загадкой Прежних — все их сооружения выглядели так, как будто хозяева лишь отлучились на минутку и скоро вернутся.

Затем я прошел к отсутствующей части моста. Я предполагал, что она просто приподнята, но обнаружил, что ошибался. Края металлических балок были оплавлены, как будто кто-то резал мост огненным ножом. Я протянул руку, чтобы дотронуться до края, но тут же в неё ударила острая боль. Браслет на руке бешено пульсировал, и я вполне резонно рассудил, что это предупреждение. Я вернулся во двор. В садике, если это был садик, я нашел сучья, но факел делать не торопился, так как в замок входить не хотел. Набрав сухой прошлогодней травы, я прикрыл ее плащом, от которого приятно пахло дымом, и сделал себе постель. Во время осмотра я нашёл источник, вода текла по трубе и выливалась из странной головы, причем лилась она изо рта и глаз этого лица. Хику напилась без колебания. Я последовал примеру лошади и тоже воздал должное вкусной холодной воде.

Затем я съел кусок хлеба и раскрошил другой для Хику. Лошадь с удовольствием ела хлеб и не возвращалась к траве до тех пор, пока последняя крошка не исчезла с листьев, на которых я её кормил. Потом я улегся на своё походное ложе и стал наблюдать за звездами и опустившейся на землю ночью. За стенами слышалось журчание воды, жужжание насекомых, крики ночных птиц... Конечно же, на верхних этажах башни поселились совы и другие ночные хищники. Для них трудно было найти более удобное место. В остальном все было мирно и спокойно. Ничто не нарушало покой этой крепости.

Я с удовольствием вспомнил, что мне удалось днем передать сигнал опасности, а затем найти талисман...

Талисман? Почему я так назвал этот браслет? Я дотронулся до него: несмотря на свежесть воздуха, он был чуть теплый и плотно охватывал руку. Я попытался снять его, но он не поддался. В этих тщетных попытках меня застиг сон. Сон глубокий и без сновидений. Проснулся я полностью отдохнувшим и уверенным в себе и своих силах. Мне казалось, что я могу без страха встретить все, что приготовил мне новый день. Пора было двигаться в путь.

Хику покачивала мордой, с которой стекали капли воды. Я весело приветствовал лошадку, как будто она могла мне

ответить. Но Хику проржала что-то не менее весело. Видимо, для всех это утро было радостным и не обещающим неприятностей. Хотя уже рассвело, мне не хотелось осматривать крепость. Мною двигало желание побыстрее отправиться на поиски Джойсан. Я задержался лишь для завтрака и вскоре был готов к отъезду. Теперь я начал сомневаться, смогу ли я опустить мост, который с таким трудом вчера поднял с помощью Хику. Когда мы подошли к мосту, я тщательно осмотрел его и при дневном свете заметил возле парапета рычаг толщиной с руку.

Я не знал для чего он предназначен, но надеялся, что с его помощью приводится в действие механизм моста. Я навалился на него всем телом и ... ничего не произошло. Тогда я стал дергать его рывками. Он чуть сдвинулся. Я вновь навалился на него изо всех сил и рычаг пошел. Секция моста задрожала, заскрипела и неохотно пошла вперед. Осталась лишь небольшая щель, но она не могла препятствовать движению. На берегу я сел в седло и оглянулся на крепость. Это была мощная крепость, построенная так, что ее легко можно было использовать в качестве опорного пункта. Если мост разъединить, то даже механические чудища не смогут подойти к стенам крепости. За её стенами могла укрыться треть всей нашей армии, действовавшей на юге. Да, в этой беспощадной войне мы должны были использовать эту крепость.

Я повернул Хику на север, надеясь пересечь следы беженцев, которые скорее всего должны были двинуться на запад. Я ехал и с удивлением видел, что здесь совсем недавно ещё были поля. Даже и теперь тут росли отдельные колосья хлеба. А вот и фруктовый сад с деревьями, усыпанными плодами. Вероятно, эта земля кормила тех, кто жил на озере. Мне захотелось поподробнее обследовать эту страну, но передо мной стояла более неотложная задача. Пока я добрался до гор на противоположной стороне долины, день прошел. По пути я видел много животных, которые давно одичали. Они косили на меня испуганные глаза и убегали прочь.

Войдя в горы, я удвоил осторожность — здесь очень легко можно было угодить в западню. Но врагов я не встретил, а через день я наткнулся на след, что был мне нужен — след, оставленный небольшим отрядом. Люди были совершенно неопытными, так как оставляли такие следы, которые невозможно было не заметить. Они даже не пытались их замаски-

ровать. У них было всего три лошади, и большинство следов принадлежали женщинам и детям. Скорее всего это были беженцы из Икринта. То, что Джойсан находилась с ними, было весьма маловероятно, но я не мог пренебречь даже такой малой вероятностью. Во всяком случае, я смог бы узнать от них что-нибудь о моей леди.

Люди прошли здесь несколько дней назад. Они старались идти на запад, но характер местности был таков, что им постоянно приходилось отклоняться от прямого пути. Да, это была дикая страна.

Утром четвертого дня я поднялся на горный хребет и, почуяв запах дыма, понял, что близок к цели. Это были разыскиваемые мною люди, а не разведчики.

Долина здесь несколько расширялась, а посреди её текла река. Под густыми кустами на берегу я заметил костер, над которым склонилась женщина, подбрасывая в него сухие сучья. Затем из кустов вышла вторая женщина и выпрямилась во весь рост. В утреннем свете сверкнула надетая на неё кольчуга. Голова ее была непокрыта, волосы, стянутые сзади, опускались на спину коричнево-красным пучком. Фортуна вновь улыбнулась мне. Я был уверен, что это Джойсан, хотя на таком расстоянии нельзя было рассмотреть черты ее лица.

Теперь я должен был догнать ее как можно быстрее. Я обрадовался, заметив, что она отошла от костра и задумчиво направилась вдоль реки. Я хотел встретиться с ней наедине, без любопытных взглядов со стороны.

Если она с отвращением отвернется при виде моих копыт, наши отношения окончатся даже не начинаясь. Но мы должны выяснить это без свидетелей. Я стал спускаться с горы, чтобы пересечь ей путь, и при этом укрывался так тщательно, как будто она была моим врагом.

Джойсан:

В начале трудного пути на запад нам посчастливилось найти трех лошадей, на которых в дальнейшем ехали самые ослабевшие. Я приказала, чтобы весь груз был поделен между всеми поровну — без различия положения. Инглида бросала на меня злые взгляды, а леди Ислайга после первой вспышки ярости постоянно молчала, и я была благодарна ей за это.

То, что дорога в Норсдейл будет трудной, мы поняли уже на второй день. Вследствие того, что по стране бродили отряды врагов, нам пришлось сильно отклониться от курса.

Главной нашей заботой была еда, так как о крове беспокоиться не приходилось. Стоял конец лета и можно было спать на воздухе. Животные паслись во время остановок, но мы не могли продержаться на одной траве, кореньях и ягодах, поэтому расстояние, которое мы проходили за день, с каждым днем уменьшалось. Нам приходилось тратить массу времени на добычу пищи. Существенную помощь в этом нам оказал Янофер, который ранее был пастухом и отлично знал все съедобные растения.

У нас было мало стрел, и я приказала не стрелять, если не будет полной уверенности в успехе. Одноглазый Рубо оказался крупным специалистом в метании камней из пращи. Он повсюду таскал за собой пращу, и изредка мы добавляли к нашему скудному рациону кролика или птицу, но каждому из нас доставалось лишь по крохотному кусочку. Было ещё одно обстоятельство, которое не позволяло нам быстро идти. Мартина, которая недавно вышла замуж, была беременна и приближалось время родов. Я понимала, что нам необходимо быстро найти место, где мы могли бы не просто укрыться, но и добывать поблизости пищу. Но в этой дикой, негостеприимной местности трудно было рассчитывать на что-нибудь подобное.

На пятый день нашего черепашьего передвижения, Рубо и Тимон, уехавшие вперед на разведку, вернулись с сияющими лицами. Оказалось, что нигде впереди они не видели следов врага, и значит мы оторвались от них. Так что появилась слабая надежда, что в конце концов мы достигнем безопасности. Кроме того, разведчики обнаружили подходящее место для лагеря. И как раз вовремя, подумала я, при виде озабоченного лица Нальды, которая присматривала за Мартиной.

Рубо заявил, что если мы повернем к югу, то придем в долину, где есть вода и растет много кустов и ягод. Там не было никаких следов врага и место никем не посещалось.

— Идем туда, леди Джойсан, — заговорила Нальда, показав на Мартину, которая сидела на лошади, опустив голову и прижав руки к животу. — Она вот-вот родит. Думаю, что ей не выдержать и дня пути.

Мы направились в долину. Как и обещал Рубо, место действительно оказалось хорошим. Мужчины, в том числе Янофер и однорукий Анграл, принялись складывать шалаши из сучьев. Первый же шалаш Нальда заняла для Мартини. Нальда оказалась права — когда взошла луна, у нас появился новый член отряда, которого называли Альвин, в память о погибшем отце. Рождение ребенка заставило нас задержаться на некоторое время. На следующее утро я применила свою власть по отношению к Инглиде. Если мы хотим выжить, то должны собирать всю пищу, какую сможем найти, и запасать её на будущее.

Я умела делать запасы в крепости, но здесь, где не было соли и других специй, в общем ничего, кроме моей памяти, моих рук, моей импровизации, это казалось невыполнимой задачей. Но я была у них предводительницей, и мне ничего не оставалось, как осуществлять руководство. Никто не роптал на большое количество работы, даже дети помогали своим матерям. Все понимали, что это не шутки, от запасов пищи зависела наша жизнь. Поэтому я ужасно рассердилась на Инглиду, которая не желала покидать свой шалаш и идти вместе со всеми на добычу пищи.

Я уверенно вошла в хижину. В руке у меня был мешок, сплетенный из травы и виноградной лозы. Уговоры на нее не действуют, я знала это, поэтому я заговорила с ней резко, как говорила бы с любой деревенской девушкой, отлынивающей от работы. Я здорово разозлилась на неё, поэтому это было для меня легко.

— Вставай, девушка! Ты пойдешь с Нальдой и будешь исполнять все её указания...

Она взглянула на меня остекленевшими глазами.

— Ты перед нами в долгу, Джойсан. Если тебе нравится копаться в грязи вместе с этой деревенщиной, то пожалуйста, я же не забываю, кто я по рождению...

— Тогда и живи, как хочешь! — крикнула я ей. — Кто не добудет пищи для себя, тот не будет есть то, что добыли другие. И я перед тобой не в долгу!

Я бросила ей мешок, но она с презрением отвернулась от него. Мне оставалось лишь покинуть хижину. Но я поклялась, что сдержу свое обещание. Инглида весьма упитана и молода, и вполне может позаботиться о себе. Я буду заботиться о леди Ислайге, но не о ней.

О леди Ислайге я думала с беспокойством. Она ушла в себя, только так я могу описать ее состояние с тех пор, как она узнала о смерти Торосса. С ней случилось то же, что и с дамой Мат — старость пришла к ней внезапно, в один день. Хотя ей было не так уж много лет, она превратилась в дряхлую старуху. Мы не могли поднять ее с постели. Приходилось заставлять её даже есть. То и дело она что-то бормотала, но так невнятно, что я могла уловить лишь несколько слов. Думаю, что она говорила с теми, кого здесь не было, а может быть, их не было и на этом свете.

Я надеялась, что это временное состояние. Может быть, когда мы придем в Монастырь, сестры смогут вылечить ее. Но эта цель отдалялась от нас с каждым днем. У Инглиды не было никаких оснований уклоняться от работы. Она обязана была участвовать в заготовках наравне со всеми. Чем скорее она это поймет, тем лучше будет для нее. Я отправлялась на поиски добычи с тяжелым сердцем. У меня был лук и всего три стрелы. В Икринте я пользовалась славой искусного стрелка, но я хорошо понимала, что одно дело стрелять в мишень, и совсем другое — по живому существу. И, не желая понапрасну тратить драгоценные стрелы, в то утро я решила заняться ловлей рыбы.

Я нашла место, где в воду чуть вдавался каменистый мыс. Он был в тени деревьев, так что я могла укрыться от лучей солнца. Было тепло и я сняла кольчугу и камзол, оставшись в одной рубашке. У меня появилась мысль снять потом и ее, чтобы выстирать, а заодно смыть грязь и пот пути, вместе с тяжкими воспоминаниями.

Грифон висел на моей груди, но не проявлял никаких признаков жизни, как и в ту ночь, когда Торосс спас меня. Я внимательно рассматривала его — великолепная работа! Откуда он? Где его сделали? За морем? Куплен у Салкаров? Или... или это талисман Прежних?

Талисман... Моя мысль заработала в этом направлении. Может, это он вел нас во время бегства туда, где была выложена в лесу пятиконечная звезда? Та дорога наверняка осталась от Прежних, значит и грифон... Я задумалась, имеет ли эта безделушка какую-нибудь связь с Прежними? Это была интересная мысль, но кто же будет думать о добыче пищи? Я совсем забыла, зачем здесь нахожусь. Закинув свою само-

дельную удочку, я принялась за дело. Дважды у меня клева-ло, но оба раза рыба срывалась с крючка. На третий раз я заставила себя действовать намного осторожнее, хотя терпение не относилось к числу моих добродетелей.

Я поймала двух рыб, но обе оказались маленькими. Вероятно, здесь было не самое удачное место для ловли. Оставив каменистую косу, я пошла вдоль реки и набрела на тихую заводь, заросшую водорослями. Здесь добыча оказалась более богатой. Когда солнце повернуло к западу, я вернулась в лагерь. Там я поела ягод и пожевала съедобных водорослей, которых набрала в заводи, но голод не оставлял меня, и я снова направилась к реке, надеясь, что теперь мне повезет больше. И тут мне наконец улыбнулось настоящее счастье.

Я услышала чье-то рычание, и дикий хрип в ответ. Бросив свой мешок, я приготовила лук и, крадучись, подошла к зарослям. Над тушей только что убитой коровы стоял молодой снежный кот. Уши его были плотно прижаты к голове, а клыки обнажены в злобном оскале. Перед ним стоял дикий кабан. Оба они были опасные хищники, и, вероятно, кабан был очень голоден, иначе он не стал бы нападать на кота, только что убившего корову. Кот тоже опасался врага, так как понимал, что раз тот нападает, значит чувствует свою силу.

Кабан вонзил клыки в землю, подбросил вверх комья земли и пронзительно заверещал. Он был намного больше кота, очень крупный экземпляр, тяжелый, высокий, и с могучими плечами. Кот дико мяукнул и прыгнул, но не на кабана, а назад. Кабан медленно двинулся на врага. Кот вновь выпустил дикий вопль и кинулся вверх по склону. В одно мгновение он оказался наверху и принялся злобно шипеть на кабана. Отвоевавший поле битвы кабан стоял, склонив голову и прислушиваясь к шипению кота.

Почти не раздумывая, я двинулась вперед. Это было опасным предприятием с моей стороны. Если этот мешок сви-ны будет только ранен, то мне несдобровать от его слепой злобы. Но кабан еще не учуял меня, и я, увидев столько мяса сразу, не смогла преодолеть страстное желание получить его. Наконец, я заняла позицию, с которой можно было стрелять. Спустив стрелу, я сразу же кинулась в кусты, надеясь найти в них защиту. Я слышала дикий рев, но задержаться и посмотреть не рискнула, ведь если я промахнулась, эта четверо-

ногая смерть сразу же настигнет меня. Поэтому я бежала, не останавливаясь.

Немного не добежав до лагеря, я встретила Рубо и Янофер и всё им рассказала.

— Раз кабан не преследовал тебя, леди, — произнес Янофер, — значит он не мог. Кабаны настоящие дьяволы. Наверное, ты сделала смертельный выстрел.

— Ты поступила весьма неразумно, — нахмурился Рубо, — кабан мог изувечить тебя, если не прикончить.

Он сказал правду — голод толкнул меня на отчаянный поступок. Я признала его правоту, понимая, что могла погибнуть мучительной смертью. Мы вернулись на поляну, внимательно смотря по сторонам, чтобы не угодить в западню. Мы даже решили сделать круг и спуститься туда с горы. Вскоре мы были на месте и обнаружили убитую котом корову, а на изрытой копытами и клыками земле валялся мертвый кабан. Моя стрела вошла ему между лопаток и вонзилась в сердце.

Все были поражены моим метким выстрелом. Это была такая редкая удача, что они были склонны приписать её Могуществу. С этого времени все мои люди стали считать, что я обладаю таким же знанием и искусством, что и дама Мат. Они не говорили мне этого, но я чувствовала их изменившееся отношение, видела, что они с готовностью исполняют мои приказания. Одна Инглида все еще оставалась для меня занозой, но и я выполнила своё обещание. Когда вечером на костре были поджарены куски мяса и его запах вызывал потоки слюны во рту, я заговорила так, чтобы слышали все.

Я объявила, что тот, кто здоров, но не участвует в добыче пищи, не будет получать ее. Сегодня все хорошо поработали, и все получают свою долю, кроме Инглиды. Я заявила, что никакое положение не дает права на безделье. Инглида вспыхнула и выкрикнула, что у меня перед ее родом кровный долг, но я твердо сказала, что беру под свое покровительство только леди Ислайгу, ввиду ее возраста и болезни. Инглида же молода, здорова и вполне способна позаботиться о себе сама. Я думаю, что она испытывала жгучее желание броситься на меня, вцепиться в лицо ногтями и выцарапать мне глаза. Но она была одна, никто ее не поддерживал и она знала это. Наконец, она повернулась и побрела в свою хижину. Я слы-

шала, что она плачет, но эти рыдания были вызваны злостью, а не раскаянием. Мне не было жаль ее, и я понимала, что приобрела врага, который никогда не примирится со мной.

Однако, вскоре Инглида поняла свое положение и стала трудиться наравне со всеми. Конечно, работала она без удовольствия, но от работы не отказывалась. Она даже участвовала в разделке туши коровы и развешивала кусочки мяса для просушки. Мы очень экономно расходовали свои припасы — ели лишь кости и внутренности добытых мною животных. Мартина набиралась сил, и я надеялась, что мы сможем тронуться в путь еще до наступления холодов. А когда мы придем в Норсдейл, я с радостью сложу с себя тяжкую ношу ответственности за людей.

Леди Ислайга часто отлучалась, вероятно, искала Торосса. Мне приходилось посылать с ней человека для охраны, а когда она выбивалась из сил, он приводил ее обратно в лагерь. Тимон оказался хорошим рыболовом и делал отличные костяные крючки. Думаю, мне просто из упрямства хотелось ловить рыбу. Я хотела победить реку, но, увы, счастье не улыбалось мне. Очевидно, оно не распространялось на воду, хотя на берегу мне удалось убить кабана. Вода была здесь такой чистой, что я могла видеть проплывавшую рыбу, казавшуюся гигантской по сравнению с той мелочью, которую мне удавалось вылавливать. Наверное, у меня была неподходящая снасть. А может быть, эти исполины были умнее тех рыб, что попадались мне на удочку.

Однажды, когда я шла по берегу реки, мне неожиданно показалось, что за мной следят. Чувство было таким сильным, что рука потянулась к ножу. Время от времени я оглядывалась, надеясь застать преследователя врасплох и увидеть его в зарослях кустов.

Я разволновалась и решила вернуться в лагерь, чтобы предупредить остальных. Может меня выследил разведчик ализонцев, что обрекало нас на гибель, если мы не сумеем поймать и прикончить разведчика, пока он не сообщил о нас главным силам врага.

Я повернула к лагерю, но тут ветки кустов раздвинулись, и я увидела человека, вышедшего на открытое пространство. Выхватив нож, я приготовилась защищаться. Он показал мне пустые руки, словно желая усыпить мою бдительность.

По его виду я определила, что он не ализонец. Его капюшон был откинут на плечи, и на нем не было камзола с вышитой эмблемой рода. Кольчуга была выкрашена в зеленую краску, вероятно для маскировки. Но... когда я вгляделась в него внимательней, я застыла: он был без сапог. Штаны были подвязаны у колен шпунтовыми шнурками.

Но какие были у него ноги! Он стоял на копытах, как какая-нибудь корова...

Я мгновенно перевела взгляд на его лицо, ожидая увидеть нечто подобное, чудовищное, но нет. Обычное мужское лицо, темное от солнца и ветра, впалые щеки и твердо очерченный рот. Конечно, он не был так красив, как Торосс. Мы встретились взглядами, и я невольно отступила назад, потому что эти глаза, как и копыта, не могли принадлежать человеку.

Они были янтарного цвета — глубокого желтого цвета, а зрачки в них имели форму щели, а не круга, как у людей. Нечеловеческие глаза!

Когда я отшатнулась, лицо его как-то переменялось, или мне это почудилось. Он улыбнулся, но улыбка получилась печальной, видимо он сожалел, что встретился со мной, и что я увидела его.

— Приветствую тебя, леди, — сказал он.

— И я приветствую тебя... — я запнулась, так как не знала, как обращаться к Прежним, но, наконец, вышла из затруднительного положения. — Приветствую тебя, лорд.

— Я не услышал, чтобы ты сказала «приятная встреча». Ты полагаешь, что я враг тебе?

— Я полагаю, что не могу судить о тебе, — призналась я, так как была уверена, что он один из Прежних. Казалось, он прочел мои мысли. Для него это было простым делом.

Он озабоченно спросил:

— За кого ты меня принимаешь, леди?

— За одного из тех, кто владел этими землями до нашего прихода сюда.

— А-а-а... Прежние... но... — он снова печально улыбнулся. — Путь будет так, леди. Я не скажу тебе ни «да», ни «нет». По-моему, ты и твои люди в тяжелом положении. Может быть, я смогу помочь вам.

Я знала, что Прежние иногда милостиво относились к людям и помогали им. Но среди них были и обладатели

Темной Силы, и тогда нам грозила огромная опасность. Я находилась в трудном положении. Если бы я сделала неправильный выбор, мы все могли бы пострадать, но что-то в этом человеке заставляло меня думать, что он не из Темных.

— Что ты предлагаешь? Мы должны пробраться в Норсдейл, но путь...

Он решительно прервал меня.

— Если вы пойдете туда, то путь будет чреват многими опасностями. Я могу привести вас в место, которое послужит надежной защитой. Там имеются фрукты, зерно...

Я с тревогой смотрела в эти янтарные глаза. Когда он говорил, мне очень хотелось верить ему, но я была не одна — со мной были люди. И довериться одному из Прежних... Я колебалась, и улыбка сошла с его лица.

Оно стало холодным, как будто он протянул руку дружбы, а ее оттолкнули. Мое беспокойство усилилось. Может, он действительно желал нам помочь, а теперь, когда его предложение отвергли, он может счесть себя оскорбленным и разгневаться на нас.

— Ты должен простить меня, — я пыталась найти слова, которые погасили бы гнев, разгоравшийся в нем. — Я никогда ещё не встречалась с ... с кем-нибудь из твоих. Если я как-то тебя оскорбила, то лишь из-за растерянности, а не по злему умыслу. Я ведь слышала о вас только в легендах, причем некоторые из них говорят о Темных Силах, которые не приносят людям ничего хорошего. Именно поэтому я отношусь к тебе с такой осторожностью.

— Потому что Прежние искали Могущество, — сказал он. — Ну что ж, пусть будет так. Но я не желаю тебе ничего плохого, леди. Взгляни на то, что ты носишь на груди. Достань это, я коснусь его пальцами, и ты увидишь.

Я взглянула на шар с грифоном. Хотя стоял солнечный день, я видела как он светится. Мне показалось что грифон, заключенный в шаре, хочет заговорить с незнакомцем. Я сняла цепь с шеи и протянула ему шар с грифоном. Он лишь коснулся его кончиками пальцев, и шар вдруг засветился таким ярким светом, что я чуть не выронила его от неожиданности. И я сразу поняла, что он говорит правду, что он пришел из далекого прошлого, чтобы помочь нам. На сердце у меня стало легко, хотя я вся дрожала.

— Лорд, — я склонила перед ним голову, оказывая почести, краткость которых извиняла лишь обстановка вокруг нас, — мы повинемся тебе...

Он вновь оборвал меня и заговорил резко, почти зло:

— Я не твой лорд, и ты мне не подчиняешься. Ты делаешь свой выбор свободно и добровольно. Я могу предложить тебе и твоим людям сильную крепость в качестве убежища и помощь, какую может оказать вам один человек. А я не новичок в ведении войны.

Когда мы пришли на нашу стоянку, появление незнакомца произвело большое впечатление, и многие в страхе разбежались. Я посмотрела на него — на его лице блуждала горькая улыбка. И я понимала, физически чувствовала его горечь, но как я могла разделять его чувства, я не понимала.

Все подчинялись его приказам беспрекословно. Он свистнул, и тут же с горы прискакала лошадь. На нее была усажена Мартина. Других лошадей мы загрузили припасами, и он повел нас за собой!

Мы пришли в прекрасное место — в крепость на озере. К ней вели два моста, но один из них был разрушен, а второй, при помощи специального механизма, поднимался и опускался. Никто не смог бы преодолеть пространство, которое образовывалось при поднятии моста.

Кроме того, эта земля некогда обрабатывалась: там росли фруктовые деревья и злаки, с которых можно было собрать зерно. Теперь мы могли оставаться здесь довольно долго, пока не соберем провизии для путешествия и пока не окрепнут люди. Мое доверие к этому странному человеку росло. Он не говорил, как его зовут, может, он как и Мудрые Женщины, полагал, что если назвать другим свое имя, то любой может сделать его своим слугой. Про себя я называла его лорд Янтарь, по цвету глаз.

Пять дней он был с нами, следя за тем, чтобы все было в порядке. Затем он сказал, что едет на разведку. Он хотел убедиться, что ализонцы не проникли далеко вглубь страны, и что они еще не скоро нас побеспокоят.

— Ты говоришь так, как будто ализонцы и твои враги, — удивилась я. — Но ведь на вас они не нападали, это нам приходится спасаться.

— Эта страна моя, и я уже дрался за нее. И снова буду

драться, пока не вышвырну их в море, из-за которого они приплыли.

Меня охватило непонятное возбуждение. Что могло это означать для моего несчастного, разбросанного народа? Что люди, обладающие Могуществом, хотят прийти на помощь в нашей смертельной борьбе за свободу? Я хотела спросить его об этом, но он заговорил сам, вероятно прочтя мои мысли.

— Ты думаешь, что для их уничтожения можно использовать Могущество, — печаль в его голосе вновь удивила меня. — Не возлагай на это надежд, леди Джойсан. Тот, кто вызывает Могущество, не всегда может управлять им, так что лучше его не вызывать. Но вот что я тебе скажу: я уверен, что это самое безопасное для вас место. Если ты благоразумна, то вы останетесь здесь до моего возвращения.

Я кивнула ему в ответ.

— Так мы и поступим, лорд, — и тут мне ужасно захотелось протянуть руку и коснуться его, дать ему понять, что я хочу снять ношу, которая тяготит его душу. Но это было бы бессмысленным действием, и я не поддалась своему порыву.

Керован:

По выражению ее глаз я понял, что между нами ничего не может быть, но это был удар лишь для меня. Теперь я осознал, что напрасно лелеял в своей душе надежду, что я все-таки больше человек, чем чудовище. Я правильно поступил, не выслав ей свой портрет, хотя она просила меня об этом. Теперь она никогда не узнает, что Керован — это я.

У того, что Джойсан приняла меня за одного из Прежних, было две стороны. С одной из них, она не имела возможности задавать вопросы, так как я всегда мог уклониться от ответа. С другой же, она была вправе ожидать наличия некоего Могущества, и его отсутствие я тоже должен был приемлемо объяснить. Но в течение первых нескольких дней я чувствовал себя относительно спокойно, так как работа поглощала всё время.

Лагерь, в котором ютились беженцы, представлял собой довольно жалкое зрелище. Среди беглецов имелось всего четыре весьма условных воина: из них два человека преклонных лет, причем один без руки, а другой — без глаза, третьим был

совсем ещё зеленый юноша, наверняка никогда не державший в руках оружия, и последний — раненый пастух. Остальные были женщины и дети, правда среди них были такие, кто в случае внезапного появления противника, мог бы встать плечом к плечу с воинами.

В основном это были крестьяне, но среди них находились две леди — старая и молодая. Старая пребывала в состоянии шока. За ней постоянного приходилось присматривать, чтобы она куда-нибудь не ушла. Джойсан сообщила, что ее сын был убит, но она отказывается поверить в это и все время ищет его.

Об Икринте она рассказала мне странные вещи, почти такие же странные, как и происшедшее в Ульмсдейле. По всему было видно, что один из их рода тоже воспользовался Могуществом, погубив под обломками крепости множество врагов. Однако, нападение противника не было неожиданным, и Джойсан надеялась, что многим удалось бежать на запад. Целью их группы был Норсдейл, но у них не было проводника. Кроме того, одна из женщин недавно родила и не могла принимать участие в трудном и длительном путешествии.

И вот тогда я подумал о крепости на озере, которая могла дать защиту и возможность передохнуть и набраться сил измученным людям. Только это и мог я сделать для моей леди — дать ей крышу над головой и относительную безопасность. То, что она носила мой подарок, ничего не значило. Она носила его не потому, что испытывала ко мне какие-то чувства, а потому, что эта вещь была действительно красивой.

Младшую из двух леди, которые были родственницами Джойсан, я невзлюбил. Она смотрела на Джойсан из-под полуопущенных ресниц с нескрываемой ненавистью, хотя моя леди ничем не проявляла к ней недоброжелательности. Что произошло между ними раньше, я не знал, но понимал, что Инглиде доверять нельзя. Что касается самой Джойсан, то я гнал мысли о ней, так как не мог позабыть выражение, с которым она впервые взглянула на мои копыта. Хорошо, что я решил не носить сапог и не скрывать от людей своего уродства. Лучше уж сейчас испить эту горькую чашу, чем потом, когда уже будет поздно.

Джойсан была прекрасной девушкой, вполне достойной быть женой любого лорда. Я понял это, когда её отряд шёл под моим руководством к крепости на озере. Хотя она очень устала и не раз падала духом, она с достоинством несла тяжкую ношу ответственности за своих людей. Несла и не жаловалась... Ее мужество было таким же большим, как и сердце, полное любви к людям. Если бы я был, как все остальные люди...

Теперь я часто вспоминал, как она держала на коленях голову умирающего юноши. Когда это было — в прошлом или в будущем? Я не имел права спрашивать ее об этом. Я потерял это право после того, как не признался ей, кто я такой. Я мог бы провести их в Норсдейл, а затем... Теперь я был человеком без владений, и мне было легко расстаться со всем. Я мог присоединиться к воинам какого-нибудь лорда или удалиться в пустыню, где влачили существование те, кого изгнали из долин. Но перед тем, как распрощаться, я должен был обеспечить Джойсан безопасность.

Когда беглецы из Икринта устроились в крепости и научились пользоваться разводным механизмом моста, я нашел Джойсан и сказал, что должен съездить на разведку.

Частично это являлось правдой, но у меня имелась и другая цель — я должен был справиться с собой. Иногда мне казалось, что она как-то странно смотрит на меня, как будто чувствует, что между нами есть связь. И тогда мне страшно хотелось сказать, кто я. Но этого нельзя было делать, и я решил удалиться до тех пор, пока не возьму себя в руки. Вероятно, я выглядел настоящим монстром в её глазах. Но она приняла меня за одного из Прежних, и принимала теперь мое уродство, как нечто само собой разумеющееся. Но как мужчина... нет, я не был для нее мужчиной.

Покинув крепость, я направился к северо-западу. Это была дикая страна, хотя совсем в другом роде, чем Пустыня. Однако я не нашел здесь остатков строений Прежних, как ожидал. Три дня я обследовал путь, по которому мы должны были идти в Норсдейл. Конечно, я не знал туда дороги, но общее направление чувствовал. Дорога была трудной — широкие долины сменялись узкими ущельями, окаймленными остроконечными утесами. Да, здесь быстро не пойдешь, и постепенно я стал склоняться к тому, что лучше пересидеть в крепости на озере до весны.

На четвертый день я наткнулся на свежие следы. Это был небольшой отряд — человека четыре. Они были на лошадях, но не на грузных лошадях, на которых ездили ализонцы, а на легких пони, которых предпочитали наши люди. Тоже беженцы? Возможно... Но сейчас было такое время, что приходилось быть осторожным и все проверять. Джойсан сказала, что беглецы из Икринта рассеялись по долинам, может быть, и эти из Икринта. А если так, то мой долг разыскать их и сопроводить в крепость.

И я последовал за ними со всевозможной осторожностью. Следы были оставлены несколько дней назад. Дважды я натыкался на место, где они устраивали лагерь, точнее отдыхали, так как я не обнаружил кострищ. По следам было видно, что они не бежали, а двигались вполне целенаправленно. Они точно знали, куда шли. Ими двигала цель, а не страх. Причем шли они, если не учитывать отклонений за счет обхода препятствий, прямо к крепости на озере. Обнаружив это, я забеспокоился. Четыре человека, это, конечно, не много, но если они хорошо вооружены и застанут людей Джойсан врасплох... А они вполне могли быть преступниками Пустыни, которыми двигала жажда наживы.

Я бы не сбился с их следа, если бы не буря. Она пришла в тот же вечер. Конечно, это был всего лишь безобидный дождичек по сравнению с той бурей, что обрушилась на Ульмсдейл. Но ветер и дождь все же секли мне лицо, так что пришлось искать укрытие. Пока я переживал бурю, в моей голове теснились беспокойные мысли. У меня не проходило ощущение, что это враги. Я долго жил на границе с Пустыней и отлично знал, как поступают преступники со своими жертвами. Но мне ничего не оставалось делать, кроме как надеяться, на то что Джойсан будет следовать моим советам и не позволит пришельцам застать их врасплох. Икринт не знал набегов из Пустыни. Они могли принять любого пришельца из долин, как друга.

К утру буря стихла, но след был смыт. Я был слишком встревожен, чтобы искать его. Необходимо было срочно скакать в крепость и выяснить, что же там происходит. Но дорога заняла у меня два дня, хотя я нещадно погонял Хику, совершенно не давая ей отдохнуть, и когда въехал в долину, то находился уже в таком состоянии, что был готов увидеть картину кровавой резни.

Меня окрикнули с одного из полей возле крепости, и я замер. Нальда и еще две женщины махали мне руками. Сцена была мирная, так что все мои опасения оказались напрасными. Женщины сбивали созревшее зерно на расстеленные плащи.

— Хорошие новости, лорд! — голос Нальды наконец-то достиг моих ушей, и сама она направлялась ко мне. — Жених моей леди наконец приехал! Он услышал о наших несчастьях и приехал к нам на помощь!

Я изумленно уставился на нее, но потом пришел к выводу, что Нальда имеет в виду не Джойсан. Она говорит о женихе Инглиды, хотя мне почему-то казалось, что он погиб на юге.

— Леди Инглида должна вознести хвалу Гуппоре, — наконец произнес я.

Нальда взглянула на меня с тем же изумлением, с каким только что смотрел на нее я.

— Инглида... она же вдова! Нет, это приехал жених леди Джойсан, лорд Керован! Он прибыл три дня назад. Лорд, леди всех предупредила, чтобы тебя искали и сразу же просили приехать в крепость.

— Так я и сделаю, — проронил я сквозь зубы. Я понятия не имел, что это за лже-Керован. Но я должен увидеть его и спасти леди Джойсан. Кто-то решил, что я мертв, и решил воспользоваться создавшейся ситуацией. Мысль о том, что он мог уже быть с Джойсан, вонзилась в меня мечом. То, что она могла полюбить другого, это я еще мог перенести. Но когда другой приходит к ней под моим именем... это уже слишком! Теперь я, как один из Прежних, обладатель тайных могущественных сил. Я мог разоблачить пришельца, заявив, что Керован мертв, и она мне поверит. Значит, мне нужно быстрее попасть в крепость и предстать перед обманщиком.

Я подгонял несчастную Хику, хотя меня так и подмывало прыгнуть с нее, броситься в крепость, вызвать этого лжеца и прикончить его не за то, что он взял мое имя, а за то, что он решил воспользоваться им, чтобы завладеть телом Джойсан. Как мне хотелось быть в тот момент тем, кем она меня считала, и иметь возможность вызвать Могущество для наказания наглеца.

Однорукий Анграл находился на посту. Он приветствовал

меня, и я принудил себя отвечать спокойно. Вскоре я был во дворе. Ничто не напоминало о той пустоте, которая царила здесь во время моего первого визита. Жизнь вернулась в крепость, теперь тут жили люди. Возле водостока резвились двое мужчин, брызгая водой на одну из деревенских девушек, которая звонко хохотала. У мужчин были эмблемы с изображением грифона — эмблемы моего дома!

Пока они не замечали меня, я рассматривал их. Оба были мне незнакомы. Я подумал, что вряд ли кто из Ульмсдейла выжил во время катастрофы. Но то, что я их не знал, ничего не означало. Ведь меня долго не было в Ульме, а за это время отец мог нанять новых людей, чтобы укрепить силы защитников, и заменить ими тех, кто уехал со мной на юг. Эти эмблемы к тому же говорили о том, что это был не импровизированный план, основанный на слухах. Нет, они тщательно готовились, но почему? Если бы Джойсан владела Икринтом, тогда я мог бы понять это. Тогда лже-Керован правил бы там, но она была изгнанницей — без владений и богатства. Тогда почему?

Один из мужчин оглянулся и, заметив меня, толкнул приятеля. Их смех сразу угас. Оба с беспокойством уставились на меня, но я не стал к ним приближаться. Я соскочил с Хику и направился к башне, где занимала комнату Джойсан.

— Эй, ты! — раздался грозный и повелительный окрик.

Я повернулся и увидел, что оба воина идут ко мне. Но не доходя до меня, они уже поняли, что я не похож на остальных людей.

— Ты... — повторил первый, но голос его не был более таким уверенным и безапелляционным. Я видел, как его товарищ ткнул его под ребра. — Прошу прощения, лорд, — произнес он, осматривая меня с головы до ног. — Кого ты ищешь?

Его самоуверенность разозлила меня.

— Не тебя, парень, — я повернулся от них к башне.

Возможно, им хотелось задержать меня, но они не осмелились. Я не стал больше оглядываться на них, а подошел к двери, которая была завешена лошадиной шкурой.

— Счастье этому дому! — громко сказала я.

— Лорд Янтарь! — шкура откинулась, и на пороге появилась моя леди.

Выражение ее лица ударило меня прямо в сердце. Значит, это он вызвал на лице девушки такую радость. Но ведь я уже решил, что она не для меня. Так почему же меня так уязвила радость на ее лице, когда пришел человек, сказавший, что он ее жених и готов служить ей. Я знал, что он лжец, но она-то этого не знала.

— Лорд Янтарь! Ты пришел! — она протянула ко мне руки, но не коснулась меня, хотя я против воли протянул к ней свои. Она смотрела на меня, и я никак не мог понять...

— Кто пришел! — я узнал этот голос, раздавшийся в комнате. Моя ненависть вспыхнула с такой силой, что я чуть было не выхватил меч, чтобы броситься на него.

«Роджер... здесь... но зачем?»

— Лорд Янтарь, ты слышишь? Мой жених пришел... Он услышал о наших бедах и пришел...

Она быстро говорила, но было что-то в ее лице, что заставило меня повнимательней всмотреться в нее. Я заметил, что она боится. Раньше я видел, что она всегда была выше страха и боли, что она всегда мужественно боролась со всеми трудностями. Но теперь я видел, что вовсе не радость так изменила ее тон. Хотя она улыбалась, но внутри... нет...

Жених на принес ей счастья. Возбуждение охватило меня. Она не нашла в Роджере того, чего хотела!

Джойсан отошла назад, не ответив на его вопрос. Я пошел за ней и остановился, увидев родственника моей матери. Он был в боевом камзоле с грифоном, хотя у него не было права носить эту эмблему. Лицо его было красивым, а на губах играла довольная улыбка, но лишь до тех пор, пока он не увидел меня...

Улыбка тут же слетела с его губ, глаза сузились, и он мгновенно подобрался, насторожившись, как будто мы стояли друг перед другом с мечами, готовясь вступить в смертельную схватку.

— Лорд, — торопливо заговорила Джойсан, почувствовав, что происходило между нами, и желая предотвратить стычку. Она обратилась ко мне, как к высшему по положению. — Это мой жених, лорд Керован — наследник Ульмсдейла.

— Лорд... Керован? — воскликнул я вопросительно. Я мог сразу же разоблачить Роджера, но и он мог ответить тем же. Или не мог? Во всяком случае, я не мог позволить Роджеру

играть здесь в грязные игры. — Я думаю, нет! — мои слова падали в тишину подобно тяжелым камням.

В это время рука Роджера поднялась и в ней что-то сверкнуло. Грифон в шаре! Из него исходил луч света, который был направлен мне в голову. По моим глазам ударила боль — чудовищная, непереносимая боль. Все мысли исчезли, осталась только боль. Она завладела всем моим существом. Я оперся об стену, стараясь удержаться на ногах. Моя рука поднялась в тщетном усилии защититься от удара, к которому я не был готов. Я услышал крик Джойсан, рванулся на него и упал на пол. Джойсан снова вскрикнула, послышался шум борьбы. Но я ничего не видел! Не пытаясь подняться, я пополз на звуки борьбы.

— Нет, нет! — кричала Джойсан. — Отпусти меня!

Роджер схватил Джойсан! Его нога наступила на мою руку и вновь дикая боль пронзила мое тело. Я не мог подняться, но я обязан был сделать это! Если он утащит Джойсан... Я поднял неповрежденную руку, схватил его лягавшиеся ноги и всей своей тяжестью навалился на него, повалив на пол и подмыв под себя.

— Джойсан, беги! — крикнул я. Теперь я не мог драться, я мог лишь удерживать его, получая удары для того, чтобы Джойсан могла убежать.

— Нет! — её голос зазвучал вновь, но с такой ледяной решимостью, какой я еще не слышал у нее. — Лежи спокойно, лорд. — После короткой паузы она обратилась ко мне: — Лорд Янтарь, я держу нож у его горла. Ты можешь отпустить его.

Роджер действительно больше не дергался, совершенно прекратив сопротивление. Я медленно отодвинулся от него.

— Ты сказал, — продолжала она тем же ледяным голосом, — что это не лорд Керован. Почему, лорд?

Наконец, я решился.

— Керован мертв, леди. Он угодил в западню, устроенную вот им, Роджером, близ крепости Керована, точнее, его отца — Ульрука. Этот Роджер обладает некоторым Могуществом Прежних, тех, что шли по Темным путям.

Я услышал вздох.

— Мертв? И этот тип осмелился присвоить имя моего жениха, чтобы обмануть меня?

Тут заговорил Роджер:

— Скажи нам свое имя...

— Ты сам знаешь, что мы не называем своих имен людям.

— Людям? И кто...

— Лорд Керован... — моя голова повернулась в направлении голоса, раздавшегося от двери. — Что тут... — это был один из воинов со двора.

— Лорду Керовану ничего не нужно, — промолвила Джойсан. — А что касается этого типа, можете забрать его и уехать.

— Взять и ее, лорд? — осведомился воин.

Я поднялся на ноги и повернулся к говорившему, хотя ничего не видел.

— Пусть она остается. Теперь она не нужна! — по тону Роджера стало ясно, что он вновь обрел уверенность.

— А что делать с этим, лорд? — кто-то подошел ко мне. Моя раздавленная рука была беспомощной, и я ничего не видел.

— Ничего! — ответ Роджера был полной противоположностью тому, что я ожидал услышать. Между тем, один удар меча мог сейчас решить все в его пользу. Он мог силой подчинить своей воле Джойсан. — Предоставим его судьбе. Да, мы уедем, потому что я получил то, что хотел.

— Нет! Нет! Отдай мне грифона! — послышался звук удара, и рядом со мной на пол упало тело Джойсан. Они ушли, хотя я кричал, чтобы их кто-нибудь задержал.

— Джойсан! — я прижал ее к себе.

«Если бы я мог видеть! Что сделал этот дьявол с Джойсан? Неужели он убил ее?»

— Джойсан!

Но Джойсан была жива, просто без сознания, как сказали те, кто прибежал на мои крики. Роджер с людьми уже исчезли. Я усадил Джойсан на постель, держа ее руку в своей. На мои глаза наложили повязку, смоченную в настое трав. Я подумал, что вероятно навсегда потерял зрение. По всей вероятности, теперь я никогда не смогу встать между Джойсан и опасностью, как не мог недавно защитить ее от подлого удара. Это был черный час для меня. Та боль, которую я познал раньше, скрывая, кто я такой, была ничто по сравнению с этой болью.

— Лорд... — голос Джойсан, слабый и тихий, но ее живой голос.

— Джойсан!

— Он взял... он взял подарок моего жениха... он взял грифона, — она горестно всхлипывала.

Я обнял её, и она продолжала плакать на моем плече.

— Ты сказал правду, это был не Керован?

— Чистую правду. Керован погиб, попав в ловушку возле Ульмсдейла. Роджер был женихом сестры Керована.

— И я никогда не увижу своего жениха? Но его подарок... теперь его у меня нет! Но клянусь Гуппорой, лорд, Роджер не будет его владельцем, его руки не осквернят сокровища! Ведь он использовал шар как оружие. Он сжег им твои глаза, лорд!

Эта вспышка в шаре...

— Но твое Могущество ответило, лорд, из этого обруча на твоей руке. Если бы ты успел им защититься! — ее легкие пальчики коснулись моей руки чуть выше браслета. — Лорд, говорят, что твой народ весьма искусен в медицине. Если у тебя самого нет такого таланта, то может нам отнести тебя к ним? Ведь из-за меня ты получил это ужасное увечье. У меня перед тобой кровный долг...

— Нет, между нами нет долга, — быстро ответил я. — С Роджером у меня давняя вражда. Где бы мы не встречались, он всегда пытался убить меня, — и тут я подумал, что лучше бы мне умереть, чем иметь покров на глазах.

— Я немного умею лечить, и Нальда тоже. Может быть, к тебе вернется зрение. О, мой лорд, я не знаю, зачем он сюда приходил. У меня больше нет ни богатства, ни земли, ничего, кроме того, что он отнял у меня. Что ты знаешь об этом грифоне? Его прислал мне в подарок мой жених. Неужели это такое огромное сокровище, что Роджер пошел на такой риск, чтобы получить его?

Ее слова вывели меня из состояния глубокой печали, и мои мысли заработали в другом направлении. Действительно, зачем приходил Роджер? Грифон в шаре? Несомненно, он обладал каким-то странным Могуществом. Роджер изучал знания Прежних, Темных Прежних. Я часто слышал от Ривала, что если человек пройдет достаточно далеко по пути познания, то амулеты, обладающие Могуществом, как Темным, так и Светлым, могут проявлять свою силу в его руках.

Я нашел амулет, когда мы путешествовали с Ривалом. Пивор сообщил, что Ривал убит, но не сказал, как это случилось. Может быть Роджер, далеко прошедший по дороге знания

Темных, каким-то образом выведал у Ривала о грифоне, и узнал, что теперь он у моей невесты. Этот талисман мог послужить теперь причиной многих бед. В руках такого негодяя, как Роджер, талисман представлял большую опасность для мира в стране. Джойсан права — мы должны получить его обратно. Но как это сделать? Я вздохнул и положил руку на повязку. Смогу ли я когда-нибудь сделать это?

Джойсан:

Я находилась на восточной башне, когда прибыл мой жених. Так как в крепости не было колокола тревоги, мы повесили на стене металлический лист, который нашли в одной из комнат замка, и били в него в случае тревоги. После отъезда лорда Янтаря на башне постоянно дежурил часовой — он охранял мост, чтобы ни один человек не мог незаметно пробраться в крепость. Поэтому, когда я заметила всадника, точнее всадников, я сразу же забила тревогу, и лишь потом обнаружила, что едут они спокойно, а рядом с ними шагает Тимон. Он дружески разговаривал с одним из всадников, видимо предводителем. Сперва я решила, что это спасся кто-нибудь из наших и нашел нас по следам, но затем я разглядела, что эмблемы на их камзолах не красные, а зеленые.

Может, это были разведчики из армии какого-нибудь лорда, которые могли бы сопроводить нас в Норсдейл, хотя этого мне совсем не хотелось. Я хотела добраться до Норсдейла со своими людьми. Но там леди Ислайга могла получить лечение, а остальные мои люди обрести новые дома. Хотя лорд Янтарь устроил нас в таком прекрасном месте, какое, казалось, было невозможно найти в этой дикой стране, мы не могли оставаться здесь навечно.

Я не понимала, почему мне было здесь так хорошо и спокойно, впервые с того дальнего времени, когда лорд Пиарт уехал на юг и у нас наступили трудные времена.

Звук гонга ещё не затих, когда я бросилась вниз по лестнице, чтобы выяснить, кто же это прибыл к нам. Выскочив во двор, я заставила себя идти ровным величественным шагом — ведь я была тут правительницей и должна была сохранять достоинство.

Увидев эмблемы, вышитые на камзолах прибывших, я

изумилась. Я отлично знала эту эмблему, эмблему моего жениха. А может...

— Моя дорогая леди! — он спрыгнул с седла и протянул ко мне руки, тепло приветствуя.

Хотя теперь на мне не было нарядного платья, я вежливо поклонилась. Но я почему-то обрадовалась, что теплота приветствия выражалась лишь в голосе.

— Лорд Керован? — спросила я, хотя можно было и не спрашивать.

— Я перед тобой, — он продолжал улыбаться.

Так это и был мой жених? Да, он не был так красив, как Торосс, но не был и безобразен. Для жителя долин волосы его были слишком темными, а лицо — овальной формы, сужавшееся вниз. И я увидела, что все слухи о нем оказались ложными. Если лорд Янтарь явно принадлежал к какому-то народу, непохожему на обычных людей, то мой жених был самым обыкновенным человеком.

Это была наша первая встреча. Она не была сердечной под столькими взглядами, да и не могла она быть иной. Было не то время, и к тому же мы были совершенно чужими друг другу, хотя и были связаны между собой. У меня почему-то сложилось впечатление, что мне не хотелось его видеть, и не хотелось бы, чтобы он приезжал сюда. Он говорил со мной мягким вкрадчивым голосом, рассказывая о том, что тоже остался без дома, когда Ульмсдейл пал под ударами пришельцев. Он и его люди бежали оттуда, хотели добраться до Икринта, но набрали на наши следы. Поняв, что произошло, они постарались отыскать нас.

— Мне сообщили, что ты воюешь на юге, мой лорд, — сказала я, не для того, чтобы поддержать беседу, а требуя объяснений.

— Да, так оно и было. Но когда заболел отец, он послал за мной. Увы, я прибыл слишком поздно... Лорд Ульрук был уже мертв, враги стояли у самых ворот, так что мне сразу пришлось вступить в бой. Тут нам немного повезло. Разразилась ужасная буря, уничтожившая в Ульмсдейле всех ализонцев, но и крепость здорово пострадала.

— Но ты сказал, что крепость пала.

— Да, но не от ударов врага. Море и ветер уничтожили стены и башни, залил водой всю долину. И все теперь лежит

под водой. Тот парень, что провожал нас, сказал, что вы пробираетесь в Норсдейл.

Я рассказала ему о наших приключениях, о том, как я оказалась связанной с леди Ислайгой кровным долгом и теперь вынуждена заботиться о старушке. Он помрачнел, следя за моими словами, и слушал меня очень внимательно. Лорд изредка кивал головой, выражая согласие со всем, что я говорила.

— Вы отклонились далеко к югу от нужного направления, — заметил он, наконец. — Вам очень повезло, что вы отыскали такое замечательное убежище.

— Это не мы. Нас привел сюда лорд Янтарь.

— Лорд Янтарь? Кто это носит такое странное имя?

Я вспыхнула.

— Это я придумала ему это имя, так как он не назвал своего. Он... он один из Прежних... и хорошо к нам отнесся.

Я заметила его странную реакцию на мои слова: он словно застыл. Лицо его превратилось в неподвижную маску, под которой бушевали мысли. Он стал похож на лису, которая замерла, прислушиваясь к звукам охоты. Но вскоре вся его настороженность исчезла, или он умело скрыл ее.

— Один из Прежних, леди? Но они давно ушли. Может, это лжец? Почему ты так в нем уверена? Он сам сказал тебе об этом?

— Ему не нужно ничего говорить. Ты сам все поймешь, когда его увидишь. Он не похож ни на одного из людей, — я была раздражена его словами, а особенно тоном. Вероятно, он принимал меня за глупую девчонку, которую легко обмануть. А я с тех пор как стала предводительницей своего отряда, намного поумнела, стала более уверенной в себе и сама могла принимать решения. Мне не хотелось вновь возвращаться в прежнее положение бесправной девушки из долины. До того, как прибыл мой жених, я была сама собой, кем и хотела оставаться.

— Значит, он вернется? Где же он сейчас?

— Да, он вернется, — коротко проронила я. — Он отправился на разведку несколько дней назад.

— Отлично, — кивнул мой лорд. — Но среди Прежних есть разные, как давно уже знают люди. Некоторые относятся к нам дружелюбно, другие не обращают на нас внимания, пока мы не лезем в их тайны, а третьи несут нам только зло.

— Знаю. Но Янтарь может заставить светиться твой подарок, как он светился, когда спасал меня от врагов.

— Мой подарок?

Не слышалась ли я? Действительно ли в его тоне прозвучало удивление? Но нет, я отогнала от себя подозрения. Нельзя же так реагировать на каждое его слово, как будто мы враги. Мы станем близкими на всю оставшуюся жизнь. Теперь нам всегда нужно идти в ногу.

Он уже улыбался.

— Да, конечно, мой подарок. Значит, он помогает тебе, моя дорогая?

— Еще как! — моя рука легла на грудь, где покоился грифон. — Мой лорд, это действительно сокровище Прежних?

Он наклонился через стол, разделявший нас. В его глазах светилась какая-то алчность, хотя на лице эмоции не отражались.

— Конечно! И раз он тебе так хорошо служит, я вдвойне рад, что он у тебя. Дай мне еще раз взглянуть на него.

Я потянула за цепочку и вытащила шар с грифоном. Но что-то мешало мне выпустить цепь из рук и опустить шар на его ладонь, лежащую на столе в ожидании.

— Я не расстанусь с ним ни днем, ни ночью, — произнесла я. — Ты вернешь мне его, лорд? — я старалась говорить беззаботно, почти шутливо, хотя мной овладело сильное беспокойство.

— Конечно, — пообещал он.

Но коснулся ли он своей груди быстрым незаметным движением? Он не сделал попытки показать мне портрет, который я послала ему, хотя он должен был сделать это, чтобы доказать, что тоже хранит мой подарок.

— Почему ты не выполнил мою просьбу, которую я передала тебе вместе с подарком? — поинтересовалась я.

Мое беспокойство росло, хотя я не понимала, почему. Пока я не обнаружила в нем ничего подозрительного. Но какая-то злобная тень, нависшая между нами, рвала мою душу и тревожила меня. Я почему-то быстро спрятала грифона, как будто испугалась, что его отнимут у меня силой. Что же стояло между нами, что так тревожило меня?

— Сейчас такое время, что нельзя доверять посланцам, — сказал он. Однако, я была уверена, что он рассматривал мой талисман с большим интересом, чем мое лицо.

— Я прощаю тебя, лорд, — я пыталась разговаривать с ним легкомысленным тоном, каким говорили глупые девушки со своими поклонниками. — А сейчас... я должна вернуться к своим обязанностям. Ты и твои люди можете лечь отдохнуть, хотя у нас нет мягких перин.

— Спать в безопасности — это самое большое, что можно сейчас требовать, — он поднялся вместе со мной. — Где ты нас разместишь?

— В западной башне, — облегченно вздохнула я. Он не потребовал, чтобы я по обычаю разделила с ним ложе. Но что со мной? Ведь он был со мной вежлив и почтителен, и остался таким во все последующие дни.

Он хвалил нашу предусмотрительность в заготовке пищевых припасов и приказал своим людям взять на себя обязанности часовых, чтобы мы все могли работать в поле. Но он не настаивал, чтобы я все время проводила в его обществе, и я была благодарна ему за это. Я не могла отделаться от ощущения беспокойства, хотя и не понимала, чем оно вызвано. Он был ласков и почтителен со мной, но чем дольше он оставался, тем тревожнее становилось у меня на душе. Я была напугана тем, что когда-нибудь настанет день, когда я буду вынуждена разделить с ним постель.

Иногда он ездил в горы на разведку, тогда я не виделась с ним целыми днями. Но иногда я замечала, что он беседует с Инглидой, причем обращался он с ней с такой же почтительностью, как со мной или с леди Ислайгой, которая, впрочем, вряд ли заметила его появление в крепости.

Я не верила, что это он ищет встреч с Инглидой, скорее это была ее инициатива. Она с жадностью смотрела на него, и мне казалось, что я понимала ее намерения. Ее муж мертв, и у неё не было иной перспективы, чем унылая жизнь в Монастыре. И я понимала, кого она страстно ненавидела, я понимала, что ее неприязнь ко мне соединилась с завистью и превратилась в нечто более глубокое и черное. Ведь Керован приехал, чтобы служить мне, а она могла разрушить наши отношения. Однако мне не верилось, что это жалкое создание могло вторгнуться в мою жизнь подобным образом. Впрочем, я не пыталась прекратить эти беседы: они не беспокоили меня.

На пятый день после прибытия Керован вернулся из

разведки раньше обычного. Я находилась в поле, так как каждая пара рук была на счету. И тут один из мальчиков занозил ногу. Я привела его в крепость, чтобы промыть рану. Слезы мальчика высохли, боль утихла и он убежал к матери, оставив меня собирать в сумку разложенные лекарства. В это время в комнату вошел мой лорд.

— Моя дорогая, дай мне подарок, который я прислал тебе. Возможно, сейчас мне потребуется его служба. Я немного занимался изучением старых знаний, и теперь он мне нужен. Эта вещь обладает Могуществом и, если уметь ею пользоваться, она может служить самым лучшим оружием. Если у меня все получится, то наш путь в Норсдейл превратится в легкую прогулку.

Моя рука легла на грудь. Мне очень не хотелось исполнять его просьбу, но, ничего не придумав для отговорки, я неохотно вытащила шар и долго не выпускала его из руки. Он мило улыбнулся мне, как бы желая приободрить упрямого ребенка.

Наконец, я со вздохом отдала ему талисман. Он подошел к окну, где было светлее, и поднес шар к глазам, как бы разговаривая с грифоном без слов.

И в этот момент я услышала знакомый голос:

— Счастье этому дому!

Я не видела говорившего, но сразу кинулась на улицу.

— Лорд Янтарь! — я не понимала чувств, пробудившихся во мне, но при звуках этого голоса все мои беспокойства и тревоги, не отпускавшие меня столько времени, исчезли. Сама безопасность стояла передо мною на своих ногах с копытами и смотрела на меня золотыми глазами.

— Ты пришел! — я протянула ему руки, как бы желая дотронуться до него, но он не был человеком и я не осмелилась завершить свой жест.

— Кто пришел? — голос Керована нарушил чудесное ощущение свободы. Теперь мне нужно было подыскивать другие слова.

— Лорд Янтарь, ты слышишь? Мой жених пришел... Он услышал о наших бедах и пришел...

Я отступила, мною овладело отчаяние, как будто я лишилась чего-то бесконечно дорогого. Прежний последовал за мной. Я не смотрела на своего жениха, я видела только эти золотые глаза.

— Лорд, это мой жених, лорд Керован — наследник Ульмсдейла.

Лицо с золотыми глазами было замкнуто, непроницаемо.

— Лорд... Керован? — повторил он мои слова, как бы переспрашивая, а затем добавил, произнося слова так, словно всаживал в кого-то нож: — Я думаю, нет!

Рука Керована поднялась. Шар, зажатый в ней, вспыхнул, и в глаза лорда Янтаря ударил луч света. Он поднял руку в защите и, шатаясь, сделал шаг назад. На его запястье я увидела ответную вспышку и голубой туман занавесом окутал его. Я вскрикнула и кинулась на Керована, пытаюсь вырвать кристалл из его руки. Но он грубо отшвырнул меня, и в его лице я увидела нечто, отчего моё беспокойство переросло в страх.

Керован крепко схватил меня и поволок к двери. Лорд Янтарь стоял на коленях, прикрыв рукой глаза, и старался определить по звуку, где мы находимся. Он ослеп!

Я билась в руках Керована, пытаюсь вырваться.

— Нет, нет! Отпусти меня!

Лорд Янтарь бросился к нам. Я видела, как Керован поднял тяжелый кованный сапог и с силой наступил на руку Прежнего. Лорд Янтарь схватил здоровой рукой Керована повыше колена, навалился на него и свалил на пол.

— Джойсан, беги! — крикнул он.

Я была свободна, но бежать не могла. Керован наносил удары лорду Янтарю.

— Нет! — мой нож, то есть нож Торосса, находился в моих руках. Я бросилась к боровшимся мужчинам, схватила Керована за волосы и, запрокинув его голову, прижала лезвие ножа к горлу. — Лежи спокойно, лорд! — приказала я. Керован понял, что я готова на все, и повиновался. Не сводя с него глаз, я сказала: — Лорд Янтарь, я держу нож у его горла. Ты можешь отпустить его.

Он поверил мне и откатился в сторону.

— Ты сказал, — продолжала я, — что это не лорд Керован. Почему, лорд?

Он поднялся на ноги, закрывая глаза рукой.

— Керован мертв, леди, — голос его был тих. — Он угодил в западню, устроенную вот им, Роджером, близ крепости Керована, точнее, его отца — Ульрука. Этот Роджер обладает некоторым Могуществом Прежних, тех, что шли по Темным путям.

С моих губ сорвался вздох. О, теперь мне все стало ясно!

— Мертв? И этот тип осмелился присвоить имя моего жениха, чтобы обмануть меня?

Тогда заговорил Роджер.

— Скажи нам свое имя.

И лорд Янтарь ответил ему:

— Ты сам знаешь, что мы не называем своих имен людям.

— Людям? И кто...

— Лорд Керован... — я была так удивлена раздавшимся голосом, что отпрянула от Роджера. — Что тут...

В комнате появился один из воинов «Керована».

Я быстро заговорила:

— Лорду Керовану ничего не нужно. А что касается этого типа, можете забрать его и уехать. Вон!

Вошел второй воин. В его руках был лук, нацеленный на лорда Янтаря. Кровожадное выражение на его лице выдавало в нем человека, привыкшего убивать.

— Взять и ее, лорд? — спросил первый воин.

Лорд Янтарь двинулся на него с голыми руками.

Роджер отошел от меня еще на несколько шагов.

— Пусть она остается. Теперь она не нужна!

— А что делать с этим, лорд?

— Ничего! Предоставим его судьбе.

Я думала, что он прикажет прикончить лорда Янтаря, если, конечно, Прежнего можно убить.

— Да, мы уедем, — добавил он. — Потому что я получил то, что хотел.

Он спрятал шар в карман камзола.

Это побудило меня к действию.

— Нет! Нет! Отдай мне грифона! — бросилась я к нему.

Он ударил меня по голове, и я не успела отклониться. Сильная боль пронзила меня, и я погрузилась в темноту. Очнулась я в постели, в погруженной в полумрак комнате. Но я разглядела лорда Янтаря, сидевшего рядом. Моя рука лежала в его руке, а его глаза закрывала повязка.

Он сразу повернул ко мне голову.

— Джойсан!

— Он взял... он взял подарок моего жениха... он взял грифона, — страшное воспоминание нахлынуло на меня из черноты памяти.

Лорд Янтарь нежно привлек меня к себе, и я заплакала, как не плакала с тех пор, как на нашу землю обрушились горе и несчастья. Я заговорила, всхлипывая:

— Ты сказал правду, это был не Керован?

— Чистую правду. Керован погиб, попав в ловушку возле Ульмсдейла. Роджер был женихом сестры Керована и подстроил ему ловушку.

— И я никогда не увижу своего жениха? Но его подарок... теперь его у меня нет! Но клянусь Девятью Словами Мина, Роджер не будет его владельцем! Это чудесная вещь, и его руки оскверняют ее. Ведь он использовал шар как оружие. Он сжег им твои глаза, лорд! Но твое Могущество ответило — из этого обруча на твоей руке. Если бы ты успел им защититься! Лорд, говорят, что твой народ весьма искусен в медицине. Если у тебя самого нет такого таланта, то может отнести тебя к ним? Ведь это ужасное увечье ты получил из-за меня. У меня перед тобой кровный долг...

— Нет, между нами нет долга, — отверг он мои последние слова. — С Роджером у меня давняя вражда. Где бы мы не встречались, он всегда пытался убить меня.

— Я немного умею лечить, и Нальда тоже, — сказала я. — Может быть, к тебе вернется зрение. О, мой лорд, я не знаю, зачем он сюда приезжал. У меня нет ни богатства, ни земли, ничего, кроме того, что он отнял у меня. Что ты знаешь об этом грифоне? Его прислал мне в подарок мой жених. Неужели это такое огромное сокровище, что Роджер пошел на такой риск, чтобы получить его?

— Нет, это не сокровище Ульмсдейла, Керован сам нашел его. Но эта вещь обладает Могуществом, а у Роджера достаточно знаний, чтобы использовать его. Оставить грифона в руках Роджера — значит...

Я поняла, что он имеет в виду, еще до того, как он облек мысли в слова. Оставить такие могучее оружие в руках Темных Сил! Нет, мы не могли позволить себе такого! Но Роджер... он ведь уехал с двумя воинами, готовыми убивать, и он уже доказал, что может использовать Могущество грифона...

— Лорд, что мы можем сделать, чтобы вернуть талисман? — вырвалось у меня. Все свое доверие я отдала этому человеку, если его можно было назвать человеком.

— Пока, — произнес он почти шепотом, — пока очень

мало. — Возможно, Рубо и Анграл могут проследить их путь отсюда, но мы не можем пускаться в погоню... пока...

И снова я поняла его мысли. Он, должно быть, надеялся, что зрение вернется к нему, а может, он хотел использовать свое Могущество для излечения. В нашем путешествии лорд Янтарь будет командовать, а я подчиняться. Я понимала, что это не только моя битва, но и его, хотя грифон попал в руки Роджера только по моей глупости. Поэтому я должна принять активное участие в попытке его возвращения.

У меня ужасно болела голова, и Нальда, принеся мне настой трав, заставила выпить его. Я подозревала, что это заставит меня уснуть, и хотела отказаться, но лорд Янтарь присоединился к уговорам Нальды, а ему я противиться не могла. Затем Нальда обратилась к лорду Янтарю и сообщила ему, что сделала новую мазь для глаз. Лорд Янтарь позволил ей сделать новую повязку, хотя я видела, что он не верит в действенность мази. Нальда увела его с собой.

Я уже засыпала, когда ко мне явилась Инглида. Она склонилась над моей постелью и посмотрела на меня так, как будто за последние несколько часов у меня неузнаваемо изменилось лицо.

— Значит, твой жених мертв, Джойсан, — с удовлетворением отметила она.

— Да, он мертв, — теперь я ничего не ощущала. В течение восьми лет Керован был для меня лишь именем, да и теперь ничего не переменилось в этом смысле. Как можно скорбеть по звуку? Но зато я чувствовала жгучую ненависть к обманщику. Роджер не был моим женихом, поэтому мне не в чем было винить себя, когда я не ощущала к нему ничего, кроме неприязни. Мой жених умер... Он так никогда и не жил для меня.

— Ты не плачешь, — Инглида смотрела на меня с той же злобой, что и раньше.

— Как я могу плакать по тому, кого никогда не знала и не видела?

Инглида пожала плечами и презрительно заявила:

— Каждый порядочный человек должен горевать.

Мы не были связаны родственными узами с тех пор, как кровавая волна войны обрушилась на наш мир. Если бы мы были в Икринте, я бы, конечно, совершила все формальности, все положенные траурные церемонии. Мне было жаль,

что из-за предательства погиб хороший человек, но больше я ничего не могла для него сделать.

Инглида достала из кармана какой-то мешочек. Я уловила аромат трав и поняла, что это мешочек с травами, который кладут под подушку тем, у кого болит голова.

— Это мешочек моей матери. Сегодня он ей не нужен, — грубо сказала Инглида, будучи уверенной в моем отказе.

Я была удивлена, но не очень, так как понимала, что теперь мы в одинаковом положении. Инглида больше не считала меня счастливее себя. Я поблагодарила ее и позволила положить мешочек под подушку. Запах трав сделал свое дело. Вскоре я уже не могла держать глаза открытыми. Я еще видела, как Инглида направилась к двери, и затем... я провалилась в сон.

Керован:

— Это вы, Нальда? — спросил я и повернул голову, хотя ничего не мог видеть.

— Да, лорд, — ответила она.

Я молчаливо поблагодарил ее за заботы кивком головы. Она была деликатной и не относилась ко мне, как к беспомощному калеке. Напротив, всеми силами старалась вселить в меня уверенность, что ее лечение поможет мне.

— А леди Джойсан?

— Она спит, лорд. У нее нет тяжелых повреждений. Удар был сильным, но кости целы, так что ничего страшного.

— Люди ещё не вернулись?

— Нет. Ты их увидишь, когда они появятся. Надо немного поесть, лорд. Человек должен быть сыт, чтобы сохранить свои силы. Открой рот...

Нальда кормила меня с ложечки, как малого ребенка. Но не мог же я отказать ей! Однако во мне зрел гнев на то, что я нахожусь в таком нелепом беспомощном состоянии, и на то, что ничего не могу сделать самостоятельно и мне нужна нянька. Нальда подвела меня к постели. Я лег, но сон не шел. Я лежал и как будто ждал, что меня призовут к оружию, хотя понимал, что, по всей вероятности, мне уже никогда не взять в руки оружие.

Я думал о Джойсан, о ее стремлении получить обратно грифона. Я понимал, что она права. Шар необходимо отоб-

рать у Роджера во что бы то ни стало. Он не погиб во время бури, так может, спаслись и остальные? Хлимер, леди Тефана, Лизана... Я поднял руку и пощупал повязку. Она была еще влажная, и я был уверен в ее бесполезности.

Роджер... если он пришел за грифоном, то значит, он узнал о нем от Ривала или от Яго. Узнал, что я послал его в качестве подарка Джойсан. Но зачем ему понадобился грифон? Я так мало знал о Прежних, а теперь эти знания были необходимы.

Моя рука все еще лежала на лбу, тыльной стороной ладони к повязке. Сколько времени так прошло, я не знал, но неожиданно почувствовал, что что-то неуловимо изменилось.

Браслет! Джойсан сказала, что он отразил луч от грифона. А значит... Я вскочил и сорвал повязку. В том месте, где браслет касался лба, распространялось тепло. Может инстинкт, а может неизвестные слои памяти руководили мной, когда я держал браслет сначала у левого глаза, а потом — у правого, прижимая его к сомкнутым ресницам. Я еще не пытался открыть глаза, но чувствовал, как ко мне возвращалась уверенность и жажда жизни.

Я опустил руку и открыл глаза.

Темнота! Мрак! Я чуть не вскрикнул от отчаяния. А затем... свет! Совсем слабый, но свет! И тут я понял, что находился в темной комнате и видел свет, едва пробивавшийся сквозь щель в двери. Я быстро направился к двери.

Ночь... Да, обыкновенная ночь... И несколько не темнее, чем всегда. Я поднял голову и увидел звезды! Звезды, которые сверкали так ярко, так ободряюще... Я видел!

Джойсан! Мне захотелось поделиться с ней своей радостью, и это тоже был инстинкт. Я почти бегом направился в ее комнату. Дверь была закрыта и это заставило меня остановиться. Нальда сказала, что дала Джойсан снотворное и теперь девушка будет спать до утра. Но даже если я и не мог сообщить ей о чуде, то должен был хотя бы взглянуть на дорогое мне лицо. Из-за двери пробивался слабый свет. Возможно, там оставили зажженной свечу.

Я вошел, стараясь не только не стучать копытами, но даже не дышать. Но на постели никого не оказалось. Легкий плащ, которым она укрывалась, был откинут в сторону, и на тюфяке, набитом сухими листьями, никого не было! Лишь в

углублении, где находилась ее голова, что-то темнело. Я наклонился и поднял это. В моих руках оказался мешочек, набитый травами, от которого исходил сильный запах. В мешочке оказалось что-то твердое.

Я ахнул, и мешочек упал на пол. Вокруг моего браслета появилось голубое свечение, словно его окутал туман. Мне не нужно было объяснять, что там находится. Ч е р н о е
З л о!

Я подцепил мешочек кончиком ножа и бросил его на каменный пол поближе к свету. Распоров ножом, я выпотрошил мешочек, и обнаружил в нем предмет размером с монету Салкаров. Он был черный, пронизанный красноватыми прожилками — нет, не прожилками. Красные линии образовывали руны, почти как на моем браслете.

Эта вещь обладала Могуществом, но Темным Могуществом. Любой, прикоснувшийся к этому предмету...

Джойсан! Как попала эта вещь ей в постель? Мне стало страшно, и я громко позвал Нальду, которая, вероятно, находилась где-то поблизости. Мой голос прокатился по двору громовым эхом. Я снова крикнул, и услышал голоса.

— Лорд, — в дверях появилась Нальда. — Что...

Я указал пальцем на постель.

— Где леди?

Она вскрикнула и кинулась к постели. На ее лице появилось выражение растерянности и изумления.

— Но... где она может быть, лорд? Она спала, когда я дала ей снотворное. Могу поклясться Тремя Клятвами Гуппоры, что она не должна была проснуться до утра...

— Ты оставила «это» в постели? — я попытался не выказывать ей свой страх, по крайней мере, внешне. Кончиком ножа я указал ей на распоротый мешочек и его содержимое.

Она наклонилась и принялась.

— Лорд, такой мешочек мы сделали для леди Ислайги, когда она была плоха и ее необходимо было удержать в постели. Это хорошие травы, клянусь вам!

— Ты добавила сюда и это? — кончик ножа уперся в дьявольские символы.

Нальда вновь наклонилась. Когда ее голова поднялась и ее глаза встретились с моими, я увидел, что она перепугана.

— Лорд, я не знаю, что это такое, но в этой вещи таится Зло! Лорд! — неожиданно вскрикнула она. — Твои глаза... ты прозрел?

Я отодвинул ее в сторону. Только что меня переполняла неопишуемая радость, весь мир радовал меня, но сейчас мною овладела страшная тревога за Джойсан. Мне было даже жутко подумать, что она стала пленницей Темных Сил.

— Да, — буркнул я. — Леди спала рядом с этим, и теперь она исчезла. Я не знаю, что с ней случилось, но мы обязаны найти ее и найти как можно скорее!

Поднятые мной люди обыскали всю крепость сверху донизу. Так как мост был поднят на ночь, то добраться до берега она не могла, но и спрятаться в крепости было негде: мы обыскали все.

В конце концов мне пришлось признать, что Джойсан в крепости нет. Оставалось озеро! Я стоял на мосту, глядя в воду. В ней отражался свет факела. Это мог сделать только Роджер, но его не было, когда ее укладывали в постель. Кто-то помогал ему. И этого человека необходимо было найти и узнать от него всю правду.

Я собрал всех мужчин, женщин и детей во дворе и положил перед ними камень, дьявольский символ, нацеленный на мою леди. Огонь необузданного гнева уже угас во мне, теперь я был хладнокровен и полностью овладел собой. Мой мозг работал в бешеном ритме, он был занят одним — кровавой местью тем, кто похитил Джойсан, страшной местью, какой еще не видела наша долина.

— Ваша леди была похищена из-за чьего-то предательства, предатель находится среди вас, — я говорил медленно, так, чтобы каждый из них мог понять меня, даже самый глупый и маленький. — Пока она лежала в постели, кто-то подложил ей это под подушку. После этого она была похищена и, возможно, уже мертва. — Теперь я приступал к тому, в чем совершенно не был уверен, но чему я научился от Ривала. — Тот, кто касался этой вещи, наложил на себя пятно, которое ничем нельзя смыть. Поэтому каждый из вас сейчас вытянет руки и...

Среди женщин послышался шум. Нальда схватила ту, что стояла рядом с ней. Девушка визжала и пыталась вырваться. Через мгновение я очутился возле них.

Леди Инглида... Я должен был ожидать этого.

— Веди ее, — обратился я к Нальде. — Тебе нужна помощь?

— Конечно, нет! — возмутилась эта сильная женщина и легко поволокла Инглиду.

Я обратился к остальным со словами:

— Я сам займусь этим. И заклинаю вас — не прикасайтесь этой дьявольской вещи.

Они остались во дворе, и никто не пошел за нами, когда мы удалились в комнату Джойсан. Я воткнул факел в отверстие в стене, чтобы было светло. Нальда заломила руки Инглиды за спину и крепко держала ее. Думаю, что редкий мужчина смог бы вырваться из рук этой мужественной женщины. Затем она подвела пленницу ко мне.

Схватив ее за подбородок, я принудил Инглиду смотреть мне прямо в глаза.

— Это сделала ты! — утвердительно проговорил я.

Она завывала, как безумная, но от меня так просто не отвертишься.

— Кто подучил тебя? Роджер?

Она снова завывала, но Нальда обошлась с ней весьма нежеливо.

— Говори! — прошипела она в ухо Инглиды.

Девушка сглотнула.

— Ее жених... он сказал, что она должна прийти к нему... это приведет ее к нему...

И я поверил. Не в то, что Инглида действовала из добрых побуждений к Джойсан, а в то, что эту злую ловушку устроил именно Роджер.

— Ты послала ее на смерть, — мягко сказал я. — Ты стоишь здесь, и руки твои в ее крови. С тем же успехом ты могла бы зарезать ее ножом.

— Нет! — закричала Инглида. — Она не мертва, не мертва! Она ушла, ушла...

— ... в озеро, — утрюмо закончил я за нее.

— Да, но она поплыла. Я видела, я говорю правду!

И вновь я поверил ей, лед в моей душе стал таять. Если Джойсан добралась до берега, если она находилась под действием заклинания... Ещё был шанс спасти ее!

— Но плыть нужно очень далеко.

— Она выбралась на берег. Я видела! — она в ужасе кричала, как будто то, что она видела на моем лице, лишало её разума.

Я повернулся к двери.

— Янофер, Анграл! — я позвал этих двоих, потому что они отлично разбирались в следах. — Идите на берег и ищите следы, выходящие из воды.

Они сразу ушли. Я вернулся к Нальде и пленнице.

— Больше я ничего не могу сделать для тебя и твоих друзей, — сказал я Нальде. — Если Джойсан околдована...

— Она околдована! — оборвала меня Нальда. — Лорд, спаси ее!

— Сделаю, что смогу, — произнес я так, словно произносил клятву перед своим Родом, — сделаю. Я последую за ней, а вы оставайтесь здесь. В крепости вы будете в безопасности, по крайней мере, в ближайшее время.

— Лорд, не думай о нас, думай только о нашей леди. С нами ничего не случится. А что делать с этой стервой!? — она указала на Инглиду, которая шумно всхлипывала.

Я пожал плечами. Теперь, когда я получил от нее все, что мне было нужно, она ничего не значила для меня.

— Делай, что хочешь, но я поручаю тебе присматривать за ней. Она связалась с Темными Силами и служит им. Через нее снова может прийти Зло.

— Мы будем присматривать за ней, — голос Нальды прозвучал так, что Инглида вздрогнула.

Я вышел во двор, подцепил дьявольскую монету кончиком ножа, подошел к сломанному мосту и выкинул ее в воду. Я не мог закопать ее в землю. Неизвестно, что она еще могла натворить.

Было позднее утро, когда я, захватив запас провизии, поехал на Хику по следу. Инглида не соврала — пловец вылез на берег, цепляясь за тростник, и направился дальше, оставляя хорошо заметные следы. И отсюда я отправился на поиски своей леди.

Какое колдовство подействовало на нее, я не знал, но у меня не оставалось никаких сомнений, что все случилось помимо ее воли. Я дошел по ее следу до края долины, и там она, вероятно, встретилась с всадниками. Я понял, что тут ее поджидал Роджер со своими людьми. Их было четверо, и все хорошо вооружены. Джойсан, конечно, связали, и я не мог увидеть ее и уговорить сбежать. Я мог только идти за ними и надеяться, что у меня появится шанс. Но я был готов помочь судьбе.

Следы вели на северо-запад. Я был уверен, что Роджер хочет вернуться в свою крепость. Он приехал в Ульмсдейл за Могуществом. Возможно, он и получил его вместе с грифоном. Они редко отдыхали и я, несмотря на все усилия, все еще находился далеко позади. На второй день я выяснил, что к ним присоединились еще три воина с запасными лошадей—

ми, так что теперь они могли менять лошадей, а моя верная подруга Хику уже совсем выдохлась. Но все же моя лошадка еще ни разу не подвела меня, и мне казалось, что это не обычная лошадка.

На третий день я стал узнавать места. И неожиданно я понял, что это леса, где я провел детство и юность.

Те, кого я преследовал, теперь могли направляться лишь в одно место — в Пустыню, а может, и еще куда-нибудь. Они занимались Темным колдовством, и куда им было еще ехать, как не к источникам Темного Могущества, которого они так жаждут. Но зачем им Джойсан? Принести мне душевную боль? Вряд ли Роджер мог додуматься до этого. По его мнению, я уже не представлял для него опасность, так как он вывел меня из игры. Грифона он получил, так зачем же ему Джойсан? Я ехал и размышлял над этой загадкой, придумывая все новые и новые гипотезы, но ни одна из них не удовлетворяла меня.

Утром пятого дня я был на границе с Пустыней, совсем недалеко от того места, где начиналась Дорога, ведущая к голой скале. Я уже не удивлялся, обнаружив, что следы идут именно в этом направлении. Вновь я ехал по древним плитам Дороги. Мне казалось, что это было очень давно, и тогда тут был не я, а совсем иной Керован, которого я совсем не знал. Мне ужасно захотелось, чтобы рядом со мной находился Ривал. Он так много знал, хотя и не был Прежним. Но увы, Ривала не было, а те люди, за которыми я ехал, наверняка знали больше, чем Ривал.

Вечером я остановился на отдых возле дороги. Вокруг высились каменные утесы, на которых были вырезаны письмена. Мне показалось, что они напоминают те, что написаны у меня на браслете. Иногда, когда я смотрел на них, меня охватывало странное возбуждение. У меня появлялось ощущение, что я вот-вот прочту их, но затем оно исчезало, и письмена оставались такими же загадочными, как и раньше.

Как и тогда, мне казалось, что за мной наблюдают, но я знал, что само по себе это не опасно. Доехав до таинственного изображения лица, я наткнулся на следы тех, кого преследовал.

На камне перед лицом стоял сосуд, а возле него две кадила. В сосуде оставалась маслянистая жидкость, а кадила совсем недавно горели. Все это было сделано из

черного камня или неизвестного мне металла. Однако я не стал трогать руками эти загадочные предметы служения какому-то божеству. Вокруг браслета на моей кисти появилось предупреждающее голубое сияние, и я не мог оставить это без внимания. Я взял большой камень и разбил сосуд и кадила. По ущелью пронесся пронзительный звук. Можно было подумать, что вещи были живыми. Но я не мог оставлять их позади себя — ведь в них могло найти себе прибежище Зло.

Когда я добрался до звезды, которая когда-то привела в такой восторг Ривала, то не заметил никаких следов поклонения. Напротив, я заметил, что они старались проехать по самой обочине дороги, как можно дальше от звезды. Вероятно, они опасались ее, однако я не понял, что же внушало им ужас.

Впереди была лишь каменная стена, ехать дальше было некуда. Путешествие подходило к концу, а у меня не было ни одной стоящей идеи. Единственное, что мне оставалось — гордо направиться навстречу неизвестности. Поэтому я спешился и обратился к Хику:

— Дружище, ты хорошо служила мне. Теперь можешь возвращаться к тому, кто дал мне тебя, — я снял сбрую и бросил ее на дорогу, так как был уверен в неизбежности предстоящей мне смерти, но я сам выбрал этот путь, сам решил, что должен убить леди и погибнуть. Если Джойсан суждено умереть, пусть это произойдет от моей руки. Она останется чистой от того Зла, которое они могли в нее вложить.

Мои пальцы нащупали браслет. Эта вещь обладала Могуществом, я знал это, но я не мог им воспользоваться. Однако, положив руку на браслет и глядя на звезду, я пытался понять, что может помочь мне победить Темные Силы, которые ожидают меня впереди.

И тут я вспомнил слова Пивора:

«Ты должен искать и должен найти. Твое наследство будет твоим. Выяснить, кто ты такой, ты должен сам».

Интересно, эти слова были сказаны только для того, чтобы приободрить меня? Или же это пророчество? Ривал говорил, что, если произнести имя, то оно освободит некие силы, но я не знал никаких особенных имен. Я был всего лишь человеком, со смешанной кровью, но человеком...

И тут мне показалось, что я что-то громко произнес помимо

своей воли. Слова гулко прокатились меж утесов. Я положил руку на звезду и начал молиться, но не вслух. Если здесь заключена какая-то сила, пусть она перейдет в меня, даже если это и убьет меня. Мне необходимо было иметь силу, чтобы освободить свою леди и убить Роджера, жаждущего завладеть страной и погрузить ее в пучины Зла. Пусть... силы... наполнят... меня...

И вдруг во мне что-то шевельнулось, медленно, с усилием, как будто открывалась давно запертая дверь. И из этой двери подул ветерок, принесший запутанный клубок смутных воспоминаний, которые за клубились передо мной роem. Я выхватил из своей памяти странные лица, незнакомые места, загадочные строения... Но я стоял и пытался вспомнить, зачем я здесь стою. Давние воспоминания клубились темным туманом, и я своей волей, как солнцем, хотел рассеять эту тьму.

И ко мне пришло знание! Тени исчезли, но многое осталось. Правда, я не узнал, смогу ли я победить тех, кого преследую. Я не знал, но это должно было выясниться в последнем сражении. И время для него пришло!

Я быстро зашагал вперед. Тишину нарушил какой-то звук. Пение! Оно накатывало на меня, как морские волны накатывают на берег. Я свернул за поворот и увидел тех, кого преследовал. Но они были заняты своим делом и не заметили меня. На земле была нарисована звезда, замкнутая в круге. Круг был начертан кровью, дымящейся кровью... Затем я увидел бывшего обладателя этой крови: в стороне валялся мертвый воин. Его поза говорила о том, что он весьма неохотно отдал свое достояние.

Из концов звезды поднимались к небу столбики маслянисто-черного дыма, смешиваясь с испарениями крови. У конца каждого луча стоял человек. Четверо смотрели в круг, а пятый уставился в стену невидящим взором.

Хлимер, Роджер, Лизана, леди Тэфана и, лицом к стене, моя Джойсан. Они стояли перед дверью, и Джойсан держала что-то в руках. Четверка пела, а моя леди стояла, как человек, только что переживший ужасные кошмары. Я подошёл поближе и увидел, что руки Джойсан прижаты к груди, а в пальцах зажат грифон.

Я понял, чего они добиваются. В руках Джойсан был ключ, и она стояла перед дверью. Почему-то только она одна могла открыть эту дверь, и ее привели сюда только для этого. Что

же за этой дверью? Кто знает... Но я ясно понимал, что я не мог позволить им ее открыть!

Они все еще не заметили меня, так как были увлечены, и все, что находилось вне кровавого круга, для них не существовало. Вскоре я различил возле дымящегося круга какие-то тени. Морды и лапы. Свежая кровь вызвала к жизни остатки Зла, которые за прошедшие века превратились в жалкие тени. Я не боялся их.

Чудовища заметили меня и направились ко мне. Глаза их сверкали дьявольским пламенем. Я бессознательно махнул рукой в их сторону, и они попятились, не спуская глаз с браслета на моей руке. Я осторожно приблизился к кровавому кругу. Мне стало не по себе от запаха крови, дыма, но держался я твердо.

Я стал произносить их имена — медленно, громко, отчетливо. И мои слова разорвали заклинание, которое они пели.

— Тефана, Роджер, Лизана, Хлимер... — я произносил их имена и поворачивался к каждому по отдельности. В моей памяти всплыло смутное воспоминание. Да, конечно! Это уже со мной было в другом времени и в другом месте!

Все четверо смотрели на меня, как будто очнувшись ото сна. Их взоры уже не были устремлены в спину Джойсан, они повернулись ко мне. Черный гнев вспыхнул на лицах Роджера, Лизаны и Хлимера, лишь леди Тефана улыбалась.

— Привет, Керован. Наконец ты доказал, что твоя кровь течет в правильном направлении, — я ещё никогда не слышал, чтобы она говорила таким мягким и нежным голосом. Она хотела обмануть меня и напомнить о тех узах, что связывали нас, узах матери и сына. Но неужто она считала меня идиотом, которого просто обмануть?

Воспоминания вновь мелькнули во мне, и я ей ничего не ответил. Я поднял руку, луч голубого света вырвался из моего браслета и коснулся затылка Джойсан.

Я увидел, как она качнулась, услышал жалобный крик. Она медленно повернулась, качаясь словно от удара, от которого не могла уклониться или защититься. Теперь она уже стояла спиной к стене, глядя на меня. Ее глаза не были пустыми и безжизненными. В них светилась жизнь и ум.

Тут я услышал звериный рев Хлимера. Казалось, он был готов вцепиться мне в горло, но его остановила леди Тефана. Она проделывала руками какие-то странные движения, как будто что-то сплетала между нами, но мне некогда было на

это смотреть. Я увидел, как рванулся к Джойсан Роджер, схватил ее и стал прикрываться девушкой, как щитом.

— Игра все еще наша, Керован, и закончится она смертью, — заявил он. Мы смотрели друг на друга, стоя по разные стороны кровавого круга.

— Да, смертью, но не моей, а твоей, Роджер!

Я изобразил в воздухе звезду, но без круга. Она вспыхнула зеленовато-голубым светом, медленно поплыла к Роджеру и остановилась возле него. Я заметил, что лицо его сразу осунулось, но он еще не потерял веры в себя. Отпустив Джойсан, он вышел вперед и воскликнул:

— Путь будет так!

— Нет! — крикнула леди Тифана, подняв глаза от того невидимого, что она сплетала, — В этом нет необходимости, он...

— Необходимость есть, — возразил Роджер. — Он оказался гораздо могущественнее, чем мы предполагали. С ним необходимо покончить, иначе он покончит с нами. Не нужно больше мелких заклинаний, леди. С ним нужно кончать по-настоящему. Отдай мне свое Могущество!

Я впервые увидел неуверенность на лице леди Тифаны. Она посмотрела на меня, но быстро отвела взор, как будто не могла заставить себя смотреть на меня.

— Скажи, — настаивал Роджер, — сейчас ты со мной? Этих двоих, — он кивнул на Хлимера и Лизану, — можно не учитывать. Они бесполезны. Решай, иначе будет поздно.

— Я... — начала она, заколебалась, но потом решилась: — Я с тобой, Роджер!

«Пусть будет так!» — подумал я.

Кто-то проиграет в этой смертельной битве, но не это главное.

Джойсан:

Мне снились кошмары, наполненные страхом и ужасами, и я никак не могла проснуться. Я не могла убежать от этих кошмаров, потому что воля и сила оставили меня. Я подчинялась приказам, а приказы отдавал Роджер...

Сначала я слышала призыв и не смогла ему противиться. Я вышла из крепости, бросилась в озеро и, переплыв его, выбралась на берег. Затем я долго шла неизвестно куда по густым лесам и пустым полям, пока не встретилась с Родже-

ром, который посадил меня перед собой на лошадь и поехал. С этого момента я мало что помню. Мне в руки вкладывали еду и я ела, хотя не ощущала вкуса пищи. Я пила воду, не ощущая ни жажды, ни отвращения к воде. Вскоре к нам присоединился ещё кто-то, но для меня они были лишь смутными тенями.

Затем мы ехали, ехали очень долго, но я все равно была как во сне. И наконец наше путешествие подошло к концу. Это было... нет! Я не желаю вспоминать это! Потом в моих руках снова оказался подарок жениха и... что-то заставило меня встать к стене и ждать приказа... и подчиниться ему... но что же я делала и почему?

Передо мной возникла каменная стена, а позади себя я слышала пение и звуки, которые хлестали меня подобно кнутам. Я хотела бежать, но, как в страшном сне, не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой. Я могла лишь стоять, смотреть на каменную стену и ждать...

А затем...

Боль пронзила мою голову, в моем мозгу вспыхнул огонь, стремясь выжечь оттуда все мысли. И в этом очистительном пламени сгорело все, что держало меня в плену чужой воли. Я повернулась, чтобы взглянуть на того, кто держал меня в плену.

Лорд Янтарь!

Не тот, которого я оставила в крепости в последний раз, не слепой с завязанными глазами, а воин, готовый к бою, хотя меч его был в ножнах, а в руках не было никакого оружия. Но он готовился к какой-то другой битве, и я видела это.

Здесь находились еще четверо. На земле была нарисована звезда. Я стояла на луче, направленном к стене, остальные располагались справа и слева от меня, также стоя на лучах. Одним из них был Роджер. Второго я не знала, двух женщин — тоже. Роджер пока ничего не предпринимал, второй мужчина сделал движение к лорду Янтарю, но старшая женщина остановила его взмахом руки. Тут Роджер прыгнул и схватил меня, укрывшись за моей спиной, как за щитом.

— Игра еще наша, Керован, — угрожающе произнес Роджер, — и закончится она смертью!

«Керован? — подумала я. — Что он имеет в виду? Ведь мой жених мертв!»

Лорд Янтарь — это был именно лорд Янтарь, ответил ему:

— Да, смертью, но не моей, а твоей, Роджер! — он сделал

в воздухе движение рукой. Внезапно появилась зеленовато-голубая звезда, которая подплыла к Роджеру и замерла возле него.

Отпустив меня, Роджер сделал шаг вперед и воскликнул:

— Путь будет так!

— Нет! — крикнула женщина справа от меня. — В этом нет необходимости, он...

Роджер резко прервал ее:

— Необходимость есть. Он оказался гораздо могущественнее, чем мы предполагали. С ним необходимо покончить, иначе он покончит с нами. Не нужно больше мелких заклинаний, леди. С ним нужно кончать по-настоящему. Отдай мне свое Могущество!

Женщина бросила быстрый взгляд на лорда Янтаря и сразу же отвернулась. Губы ее сжались. Она сразу же постарела от нахлынувших мыслей.

— Скажи, — настаивал Роджер, — сейчас ты со мной? Этих двоих, — он указал на мужчину и девушку, — можно не учитывать. Они бесполезны. Решай, иначе будет поздно!

Я заметила, что она нервно прикусила губу. Было ясно, что она колеблется. Но наконец она дала ему то, чего он ждал от неё — своё согласие.

— Я ... Я с тобой, Роджер!

— Керован, — сказал Роджер тому, кого я считала одним из Прежних и могла в этом поклясться. И сразу все слухи о нем всплыли в моей памяти. Говорили, что он проклят, что у него нечистая кровь, что даже мать отказалась от него... Его собственная мать! Может... может это и есть его мать?

Я взглянула на лорда Янтаря и узнала правду, несколько правд. Но сейчас не было времени спрашивать и требовать объяснений. Он стоял перед своими смертельными врагами. Более страшными, чем любые другие враги. И их было четверо против одного!

Он один!

Я быстро осмотрелась, но у меня не было никакого оружия, даже ножа. Камень, даже голые руки, если потребуется... но это была не та битва. Это была битва Могуществ, Могуществ подобных тому, которое вызвала дама Мат в свой последний час. А у меня не было такого дара. Я в отчаянии сжала кулаки. Грифон... у меня же есть грифон! Я вспомнила, как использовал его Роджер. Может и лорд Янтарь способен на это? Если я брошу ему грифона... Но между нами

стоял Роджер. Ему достаточно лишь обернуться, отнять у меня талисман и...

Я крепко сжала подарок жениха в руке и поклялась про себя, что, пока я жива, Роджер не возьмет его у меня, чтобы использовать в качестве оружия против моего лорда. Мой лорд... Керован? Я не знала, где правда, неужели лорд Янтарь лгал мне? Но сердце подсказывало мне, что солгал он из любви, из добрых побуждений. Прежний или нет, хочет он того или нет, но теперь я знала, что мы связаны с ним более крепкими узами, чем связывает помолвка или даже женитьба — церемония Чаши и Пламени. Это было для меня так же ясно и очевидно, как и то, что смерть неизбежна.

Значит, я обязана встать рядом с ним в этой страшной битве. Но чем я могу...

Я чуть не вскрикнула от боли. Руки... я посмотрела на них. Из-под сжатых пальцев пробивалось яркое сияние. Режущее глаза сияние... Грифон ожил, он становился все горячее и горячее. Могла ли я использовать его, как Роджер? Могла ли я извергать пламя? Но держать его в руках я не могла — боль становилась нестерпимой. А если я буду держать его за цепочку? Я отмотала цепь и шар повис в воздухе, светясь, как тысячи ламп в Икринте.

— Посмотрите на нее! — девушка слева прыгнула на меня. Ее рука была готова схватить шар с грифоном.

Но я размахнулась и хлестнула ее цепью. Она скорчилась, прижав руки к лицу, и, вскрикнув, повалилась на землю. Я научилась, как им пользоваться! Я приготовилась к дальнейшим действиям, но тут женщина справа кинула к моим ногам маленький черный шарик, из которого выползла блестящая черная змея, которая, обвиваясь вокруг моих коленей, препятствовала моим движениям и держала меня так крепко, как будто кольца ее были сделаны из стали.

Я была так занята изучением свойств грифона, что не видела, как обстоят дела у моего лорда. Теперь, будучи беспомощной пленницей, неспособной воспользоваться своим оружием, я посмотрела на него.

Роджер вытянул руки, за одну его взял мужчина, а за другую — женщина. Теперь эта тройка противостояла моему лорду. Женщина вынула из ножен, оттуда, где должен находиться меч, черный жезл, по всей длине которого, как живые, извивались красные прожилки. Она направила его на Керована и начала петь, обрисовывая концом жезла силуэт Керована —

от головы к ногам и обратно. Я заметила, что Керован дрожит и шатается, как будто на него обрушивается град тяжелых ударов. Он вытянул руку перед собой, двигая ее так, чтобы браслет постоянно встречал кончик жезла. Но было видно, что ему очень трудно. Я изо всех сил старалась вырваться из объятий змеи и достать шаром до врагов, обладающих Темного Могущества.

— Пусть он исчезнет, я хочу этого, — пела женщина. — Я сотворила его, и я хочу, чтобы он исчез!

Мой лорд — я клянусь, что это он, — сопротивлялся, но ему было трудно. Я видела, как сотрясало его тело, как оно таяло в воздухе и становилось почти прозрачным. Неожиданно налетел воздушный вихрь и закружил его бестелесную субстанцию, готовясь унести его прочь.

Я боялась выпустить грифона из рук, но это необходимо было прекратить — пение, ветер, жезл, который своими движениями стирал моего лорда, превращая его в ничто, как будто его никогда не было! Он уже превратился в тень, но жезл женщины стал двигаться медленнее. Может, она устала? Я взглянула на Роджера. Глаза его были закрыты и лицо выражало такую глубокую степень отрешенности и концентрации, что я поняла — его воля подпирает женщину. Может, выпустить грифона сейчас?

Надеясь на то, что поступаю правильно, я швырнула шар в Роджера. Он ударил его в плечо, упал на землю и покатился, остановившись внутри круга. Но рука Роджера, которой он касался женщины, бессильно упала, повиснув вдоль тела. Он упал на колени и увлек за собой второго мужчину, который свалился на землю и больше не шевелился. А по телу Роджера, распространяясь от места удара шаром, поползли голубые линии, как язычки холодного пламени, и он весь корчился, стараясь выдернуть руку из руки второго мужчины. Но он не мог освободиться от окостеневших пальцев, крепко сжатых и сжимающих его руку.

Линии огня ползли уже по его руке и перекинулись на тело второго мужчины. Теперь Роджер не старался вырваться, он ждал, когда пламя перекинется на лежащего, который стал корчиться и стонать. Пока он боролся с этим, женщина стояла одна. И жезл ее потихоньку опускался вниз. Мой лорд уже не был тенью, а ветер утих. Он устремил бесстрашный и пристальный взгляд на женщину, и я не могла прочесть выражения его глаз. Теперь он даже не заботился о том,

чтобы прикрыться браслетом. Лорд просто держал его на уровне сердца и говорил. Его слова прорывались через ее монотонное пение.

— Наконец ты узнала, кто я такой, Тэфана... Я ... — он произнес какой-то звук, вероятно имя, но я никогда не слышала такого имени.

Женщина замахнулась жезлом, как кнутом, намереваясь ударить лорда по лицу. Гнев исказил ее физиономию жуткой гримасой.

— Нет!

— Да, да и да! Я проснулся... после долгого сна!

Она размахнулась жезлом, как копьем, желая швырнуть его в лорда. И бросила, целясь ему в сердце.

Но, хотя он стоял совсем близко, жезл пролетел мимо и, ударившись о камни, со звоном разлетелся на мелкие куски.

Женщина закрыла руками уши, будучи не в силах вынести этот пронзительный звук. Она покачнулась, но не упала. Роджер, наконец, поднялся на ноги и подошел к ней. Одна рука его все еще беспомощно висела вдоль тела, а второй он поддерживал женщину, давая ей возможность опереться на его плечо. Лицо его было совершенно белым, но по выражению его глаз я поняла, что воля его не сломлена, что ненависть его еще жива и даже усилилась. Лишь губы шевелились на его лице, застывшем подобно маске.

— Идиотка! Борис! Сражайся! Неужели ты хочешь, чтобы этот ублюдок, которого ты породила, взял над нами верх?

Лорд Янтарь расхохотался. Это был беззаботный смех, смех человека, который ничего и никого не боялся.

— Ах, Роджер, ты стремишься к тому, о чем ничего не знаешь, а если бы знал, то не осмелился бы даже подумать об этом. Ты все еще ничего не понял? Ты жаждешь получить то, чего недостойн. Твой умишко не способен постичь того, что ты хочешь получить в свое распоряжение.

Каждое его слово подобно хлысту било по Роджеру. На его лице отразилась такая злоба, какая не могла отразиться ни на одном человеческом лице. На губах появилась пена, и он заговорил.

Но в моей голове зазвенело, и я не слышала, что именно он говорит. Я опустилась на землю, как будто чья-то могучая рука прижимала меня к ней. Над головой Роджера вырос столб черного пламени, не красного, как у обыкновенного честного пламени, а черного! Его верхний язык начал кло-

ниться к лорду Янтарию. Но тот стоял на месте и даже не поднял глаз, словно это совсем не беспокоило его.

Я пыталась крикнуть, предупредить его, но совсем ничего не слышала, даже собственных слов. Пламя все склонялось и склонялось. Оно уже окутало голову лорда Янтаря кольцом, но он не сводил глаз с Роджера.

Над Роджером и женщиной, которую он поддерживал, сгущалось пламя. Казалось, оно исходит из них, они сами горят в этом пламени, которое становилось все чернее и чернее. Вскоре оба они скрылись в самой его гуще. Кончик пламени все еще трепетал, стараясь коснуться лорда Янтаря, но тщетно.

Пламя стало медленно угасать, становясь все меньше и меньше. Наконец, последняя вспышка — и оно погасло. Роджера и леди Тэфаны не было... Исчезло пламя, исчезли и они оба! Я потерла руками глаза. Такой конец вселил в меня ужас, какого я еще никогда не испытывала, а затем... затем наступила тишина.

Я ждала, когда заговорит мой лорд. Но он молчал, и я открыла глаза. И тут же вскрикнула, забыв обо всем. Он больше не стоял, смело смотря в глаза врагов. Он неподвижно лежал вне нарисованного кровью круга.

Мои ноги были уже свободны: змея исчезла. Я направилась к нему, подняв по пути шар с грифоном. Теперь он снова превратился в игрушку — тепло и жизнь ушли из шара.

Как раньше я прижимала к себе голову умирающего Торосса, так теперь я прижимала голову лорда. Глаза его были закрыты. Сперва я решила, что он мертв, но под моими вопрошающими пальцами ощущались медленные удары сердца. Он победил и остался жив. О, если бы мне удалось спасти его!

— Он будет жить!

Я изумленно повернулась, готовая защищать своего лорда. Откуда он взялся? Он стоял спиной к стене, опираясь на посох, покрытый письменами. Лицо его постоянно менялось, то это было лицо молодого воина, то лицо старого человека. Но одежда его была серой, как камень за его спиной, и чем-то напоминала одеяния торговцев.

— Кто вы такой? — спросила я.

Он качнул головой, ласково глядя на меня, как на глупого ребенка.

— Что имя? Впрочем, зови меня Пивором. Это имя хорошо служило, когда ко мне обращались за помощью люди.

Он отошел от стены и вошел в круг, взмахивая посохом. Дьявольский круг исчез, звезда — тоже. Затем он повернулся к лежащим мужчине и девушке. Еще один взмах посохом — и оба они тоже исчезли, как будто их и не было. Исчезло все, словно это было частью ужасного сна, от которого я, проснувшись, избавилась.

Он подошел к нам, мягко улыбаясь. Подняв посох, он коснулся моего лба и груди моего лорда. Мой страх сразу исчез, осталось только непередаваемое счастье и мужество. Сейчас я могла одна выйти против целой армии врагов. И все же это было не просто мужество для боя. Нет, нет! Это было мужество, чтобы жить, а не умирать. Пивор взглянул на меня и кивнул.

— Верно, — довольно произнес он. — Посмотри на свой ключ, Джойсан. Его сможешь повернуть только ты.

— Ключ? — удивилась я.

— Дитя мое, а что ты носишь на своей груди? Боги распорядились, чтобы он был подарен тебе, и подарил тебе его тот, кто нашел тебя, и тоже не по воле случая. Когда-то давно был начат узор на ткани, и он должен быть закончен, когда придет время.

Кончик его посоха что-то чертил на земле. Я смотрела, и мне казалось, что я вот-вот пойму его загадочные слова. Стоит мне приложить чуть больше усилий — и я буду знать все.

Тут я услышала смех.

— Ты все узнаешь, Джойсан, все узнаешь в свое время.

Мой лорд открыл глаза, и в них появилась жизнь. Он узнал меня, и в его глазах мелькнуло изумление. Потом он шевельнулся, как бы желая вырваться из моих объятий, но я крепко держала его.

— Я ... — медленно проговорил он.

Пивор стоял возле нас с теплой улыбкой.

— Сейчас и здесь ты — Керован. Может немного меньше, чем раньше, но Керован, пока ты не пожелаешь вернуться. Могу ли я называть тебя «родственник»?

— Но я ... я был...

Посох Пивора коснулся его лба.

— Ты был частью, а не целым. Но ты не сможешь долго хранить в себе то, что ты вспомнил, кем ты был и кем можешь стать. Ищи, Керован, ищи, ибо кто ищет, тот и находит, — он повернулся и показал посохом на утес. — Здесь находятся

ворота. Открой их, если захочешь. Там много такого, что может тебя заинтересовать.

И после этих слов он исчез.

— Мой лорд!

Он разорвал мои объятия, но не для того, чтобы оттолкнуть меня, как я опасалась. Нет, он сам обнял меня.

— Джойсан! — он произнес только имя, но и этого было достаточно. И мы обнялись. Сама не зная того, я искала его всю жизнь, а теперь, когда нашла, как будто все богатства мира открылись передо мной.

Керован:

Я держал в объятиях Джойсан. И я был Керован, конечно Керован. Но все же ... В моей памяти все еще оставался образ того, другого, который надел на себя мое тело...

И, замкнувшись в себе на миг, я вновь раскрылся. Пришло полное ощущение того, что Керован вернулся. Я мягко выпустил Джойсан. Встав, я поднял ее на ноги. Мне показалось, что выражение счастья на ее лице тает, что она смотрит на меня встревоженно.

— Ты... ты уходишь!? — она схватила мои руки, не позволяя мне отойти от нее. — Я чувствую это — ты хочешь уйти! — в ее голосе прозвучал гнев.

Я вспомнил нашу первую встречу и то, как она посмотрела на меня тогда — я был не человеком, а частью чего-то, чего я тогда не знал.

— Я не Прежний, — произнес я ровным тоном. — Я действительно Керован, который был рожден таким, как ты видишь. — Я отошел подальше от нее, чтобы она могла видеть мои копыта, чтобы показать ей то, что могло причинить ей боль и отвратить от меня. — Я был рожден колдовством, чтобы стать оружием Темных Сил. Ты видела, как она пыталась уничтожить то, что создала, и видела, как она погибла.

Джойсан взглянула туда, где черное пламя уничтожило тех двоих.

— Я был дважды проклят с самого рождения — по линии отца и по линии матери. Ты меня понимаешь? Я не могу быть мужем ни одной из женщин. Как я уже говорил, Керован мертв. Это такая же правда, как и то, что Ульмсдейл уничтожен, а с ним и весь род Ульма...

— Ты мой жених. Скажи сам, каково твое желание.

Как я мог самолично уничтожить те узы, которые связывали нас? Половина меня, но не больше половины, хотела быть, как все остальные люди. Но то, что я был сосудом, вместившем что-то ещё, пусть даже сейчас оно исчезло... но я не могу быть уверенным, что это не вернется... и не мог... Я был проклят, нет, я не муж для нее...

Я отступил от нее еще дальше. Если бы ее рука вновь коснулась меня, я не мог бы противиться своему желанию, нет, желанию той части, что была во мне от человека. Но не мог же я уйти и оставить ее одну в Пустыне. А если я пойду с ней к ее людям, смогу ли я сохранить свою решимость?

— Разве ты не слышал Пивора? — Джойсан стояла, прижав руки к груди, где висел грифон. — Ты не слышал его? — в ее голосе вновь был гнев, как будто она возмущалась моей глупостью. — Он назвал тебя родственником, значит ты больше, чем хочешь думать о себе. Ты — это ты, и ты не чьё-то оружие, Керован. Ты мой жених. Если ты скажешь мне «нет», то увидишь, что у меня нет гордости, потому что я пойду за тобой куда угодно. И я объявлю тебя своим мужем перед всеми. Ты веришь мне?

Я верил, и теперь уже совсем не знал, что делать. Мне оставалось лишь изобразить согласие.

— Да, — просто ответил я.

— Хорошо. А если ты когда-нибудь снова захочешь уйти от меня, то тебе это будет нелегко сделать, — это было не предупреждение и не угроза, а просто констатация факта. Теперь, когда все решилось к ее удовлетворению, она снова посмотрела на стену.

— Пивор говорил о двери и о ключе, который находится у меня. Когда-нибудь мы снова придем сюда.

— Когда-нибудь? — теперь, когда я обрел контроль над собой, у меня в памяти всплывали слова Пивора.

— Да. Мы... мы не готовы... я думаю... чувствую... — Джойсан задумалась. — Есть еще кое-что, что мы должны сделать вместе, Керован. Сделать вместе, ты понимаешь?

— Тогда куда же мы направимся? К твоим людям? — у меня теперь не было корней в долинах, и я все позволил решать Джойсан. Только она одна могла все решить. У меня оставалась лишь она одна.

— Это самое лучшее, — решительно ответила она. — Я обещала им вывести их туда, где они будут находиться в безопасности. После этого мы будем с тобой свободны.

— Что ж, я не возражаю.

Джойсан широко раскинула руки, как будто только сейчас почувствовала вкус свободы. Но будет ли для нее освобождением, если она сохранит прежние родственные связи? Сейчас я должен был идти с ней, потому что у меня не оставалось выбора. Но я никогда не смогу позволить ей быть изгнанницей только потому, что она видит во мне Керована, с которым связана клятвой.

Джойсан:

Мой бедный лорд, как должно быть горько ему жилось в прошлом! Мне хотелось бы стереть из его памяти воспоминания о тех годах, одно за другим. Его называли монстром, и он сам поверил в это, но если бы он мог взглянуть на себя моими глазами...

Мы пойдем по жизни вместе, и я буду для него зеркалом, в котором он будет видеть себя таким, какой он есть, полностью очищенным от той грязи, которую хотели влить в него Темные люди. Да, мы вернемся к моему народу, хотя теперь он уже не мой, так как я чувствую, что должна идти по другой дороге и могу лишь ненадолго оглянуться назад. Мы убедимся, что мой народ дойдет до Норсдейла, а потом...

Так я думала, и мысли мои были мудрыми. Ведь мудрость иногда приходит не с годами и опытом, она может приходить и внезапно, как удар стрелы. Я ласкала грифона в своих руках — свадебный подарок, который стал сначала моим проклятием, а затем спасением. Свободную руку я вложила в руку Керована и мы пошли рядом, уходя от двери, о которой упоминал Пивор. Но в душе мы знали, что вернемся и откроем ее...

И какая разница, что находится за дверью, если мы пойдем туда вместе?

ГОД ЕДИНОРОГА

Глава 1

Было время, когда я приветствовала любую перемену, потому что, как говорят, ничто не может быть таким пустынным и однообразным, как никогда не изменяющееся течение времени в маленьком обществе, которое отделено от остального мира и существует, защищенное от всяких перемен.

С колоколообразной башни монастыря Норстатт была видна холмистая долина, тянувшаяся до далекого серо-синего гребня гор.

Эта долина уже существовала, когда сюда пришел человек, и она будет существовать, когда он исчезнет с лица земли. Ещё недавно в этих местах шла ожесточенная битва, в течение долгих лет велась вооруженная партизанская борьба против захватчиков из-за моря, пока, наконец, их не оттеснили к главной крепости на берегу моря. Мир переживал тяжелое время, когда населению нашей страны пришлось привыкнуть к языку мечей воинов.

Все мы в Норсдейле знали это, но пламя войны никогда еще не проникало далеко вглубь страны, никогда еще не достигало нашей долины. Только беженцы, которые пережили все эти ужасы и искали у нас убежища, приносили с собой дух войны. Сами мы никогда не видели шаек этих ализонцев, грабящих и захватывающих все на своем пути, и за это женщины Норстатта ежедневно возносили в часовне благодарственные молитвы.

В беспокойное время войны я была привязана к монастырю, но бывали дни, когда я чувствовала, что задыхаюсь от царящего здесь удушающего спокойствия. Потому что тяжело жить среди чужаков, чужих тебе не только по крови, но и по духу, по стремлениям и намерениям. Кем же я, собственно, была? Любой в монастыре, кого спросили бы об этом, возможно, ответил бы так:

— Кто это? Это Джиллан, которая вместе с госпожой Алюзан работает в саду трав. Она прибыла сюда вместе с леди Фризой восемь лет назад. Она хорошо разбирается в травах и, в основном, выращивает их для себя. Она не красавица, и у неё нет знатной родни. Утром и вечером она приходит в часовню, преклоняя голову, но она не давала обета. Она мало говорит...

Да, они все мало говорят — монахини, девушки и леди,

нашедшие здесь убежище, но они много размышляют. И они всё время напоминают Джиллан, что она не из Верхнего Халлака.

Я вспоминаю корабль, сотрясаемый огромными волнами. Корабль Ализона, это я помню. Но сама я не из Ализона, нет. И находилась на этом корабле с определенной целью. Я была тогда совсем ещё юной, но все же боялась этой цели. Тот, кто привел меня на этот корабль, стоял под мачтой, когда волны и ветер уронили её на палубу. И ни один из его спутников не знал, зачем меня взяли на корабль.

Это было во время, когда Лорды Верхнего Халлака отчаянно сражались, чтобы освободить свою страну от ализонских собак. Они напали на порты захватчиков и нанесли по ним сокрушающий удар. Они захватили меня и отправили в одну из горных крепостей.

Лорд Фарно, как мне кажется, что-то знал или подозревал о моем прошлом, потому что он выделил для меня охрану и приказал своей жене обращаться со мной хорошо. Так некоторое время я прожила в их имении под опекой. Но это продолжалось недолго, потому что Ализон становился все сильнее, и Лордам становилось все труднее сдерживать его. В одну из холодных суровых зим мы бежали, преодолев голую равнину, в одну из высокогорных долин. В конце концов мы достигли Норстатта, но леди Фриза пришла в монастырь только для того, чтобы умереть. А потом Лорд Фарно погиб в горах со стрелой в горле, и то, что он знал или предполагал, осталось неизвестным. И я снова осталась одна на чужбине, но на этот раз, конечно, в мирном монастыре.

Мне достаточно было взглянуть в зеркало, чтобы понять, что я не принадлежу к расе Халлака. У женщин Халлака была светлая кожа, румяные щеки и волосы желтые, как одуванчики на обочинах дорог, или коричневые, как крылья певчей птички. В отличие от них у меня была коричневая от загара кожа, и мое лицо никогда не было румяным. И мои волосы, которые я носила заплетенными в косу и уложенными вокруг головы, были черными, как звездная ночь.

Есть одиночество духа, которое переносится намного тяжелее, чем одиночество тела. За все годы, которые я прожила в Норстатте, я нашла только двух людей, которые привлекли меня. Когда я пришла в Норстатт, монахиня Алюзан была уже женщиной средних лет. Она тоже держалась несколько поодаль от остальных. Жизнь ее была посвящена травам,

из которых она потом приготавливала порошки, мази и настойки, исцеляющие, успокаивающие и освежающие. Ее познания были широко известны, и сражающиеся в горах отряды часто присылали к ней своих самых быстрых курьеров, чтобы попросить у нее средства для заживления ран, от лихорадки и ревматизма, который постоянно мучил людей, в любую погоду и в любое время года живущих под открытым небом.

Встретив меня в Норстатте, она пристально поглядела на меня, словно рассматривая только что найденную траву, а потом взяла к себе на службу. И сначала это было все, что мне было нужно, потому что я была слишком усталой, чтобы учиться, а душа моя изголодалась по работе. И несколько следующих лет я была этим вполне довольна.

Однажды, когда я работала в саду, выпалывая сорную траву, произошло нечто, нарушившее мою размеренную жизнь, заполненную учением и работой. В саду громко гудели пчелы на цветах, но внезапно я услышала звук, сначала ушами, а потом в голове. Что-то шевельнулось в моей памяти, но я не смогла осознать, что это было.

Звук этот словно невидимым канатом тянул меня вперед. Я встала и прошла через арку ворот во внутренний садик, который использовался только для отдыха; садик с фонтаном, прудом и множеством цветов в любое время года. Там стояла скамейка, наполовину на солнце, наполовину в тени, и на ней сидела одна из монахинь, закутанная в шаль, хотя день был очень теплым. Эта старая монахиня очень редко покидала свою келью и была легендой среди молодых девушек, живущих в монастыре.

Лицо под капюшоном было маленьким и бледным, но глубокие старческие морщины виднелись только в уголках её глаз и вокруг рта. Еще по лицу разбегались маленькие морщинки, такие, какие возникают во время смеха. Руки ее были искривлены от старости и неподвижно лежали на животе. А на ладони сидела маленькая ящерка, подняв блестящую головку и вытаращив на нее свои искрящиеся глаза, словно они вели друг с другом безмолвную беседу.

Она все еще глядела на ящерку, но гудение в моей голове смолкло. Потом она тихо сказала:

— Приветствую тебя, дочь моя. Сегодня великолепный день.

Так мало слов, но прозвучали они так добро, что я прибилась и опустилась на скамейку рядом с ней. Так я познакомилась со старой аббатисой Мальвиной, и она тоже стала обучать меня. Но её знания касались не растений, а летающих, четвероногих и ползающих животных. Правда, аббатиса уже находилась на закате жизни, и она была моей наставницей очень недолго. И только она одна во всем Норстатте знала мою тайну. Я не знаю, чем я выдала себя, но она не выказала никакой неприязни, когда заметила, что я могу иногда воспринимать то, что скрывается в какой-нибудь вещи. Когда я увидела ее в последний раз, она лежала в постели, и её тело, сковывавшее такой свободный дух, не могло уже больше двигаться — она задала мне вопрос, чего прежде никогда не делала. Но что я могла вспомнить, кроме корабля Алисона? И когда мне стало известно, что я отличаюсь от остальных людей, с которыми жила до сих пор? Но я ответила на ее вопрос так подробно, как только смогла.

— Ты очень умна для своего возраста, дочь моя, — проговорила она тогда своим слабым голосом. — Это заложено в твоей природе. Недоверие охраняет нас от того, чего мы не понимаем. Я слышала рассказы о стране за морем, где некоторые женщины имеют способности, далеко выходящие за рамки обычного. И также я слышала о том, что этот народ считает Алисон своим врагом и преследует его так же, как эта свора собак из Алисона преследует нас. Очень может быть, что ты принадлежишь той, другой расе, и ализонцы по какой-то причине взяли тебя в плен.

— Пожалуйста, мать аббатиса, — возбужденно обратилась я к ней, — скажите, где находится эта страна? Как я могу ...

— Найти путь туда, дочь моя? Нет никакой надежды попасть туда, и ты должна смириться с этим. Если ты отважишься отправиться туда, ты снова можешь попасть в руки ализонцев, и ты погибнешь самой худшей и далеко не быстрой смертью. Не омрачай свои юные годы напрасным стремлением. Всё происходит по воле того, кто Зажигает Пламя. Всё, что тебе положено, ты получишь в свое время, — глаза ее улыбнулись. — Я говорю это при Пламени: придет то, что заполнит пустоту в твоей жизни.

Но это было сказано три зимы назад. С окончанием войны в стенах Норстатта все пришло в движение. Вскоре приехали Лорды, чтобы забрать своих жен, сестер и дочерей. Потом настало время свадеб, и теперь возбуждение царило

даже в маленьких комнатухах под колоколообразной башней.

Свадьба — я думала о ней, как о Великом Таинстве. Теперь пришло время, и Великое Таинство началось.

В первые весенние дни Года Грифа между Лордами Верхнего Халлака и Всадниками-оборотнями был заключен договор. Жестоко притесняемые ализонцами, преследуемые ими, боясь каждой тени, гонимые ненавистью и отчаянием, Лорды назначили встречу в соляных дюнах, чтобы заключить договор со Всадниками.

Те Всадники, которые пришли говорить с Лордами, имели человеческий облик, но они не принадлежали к человеческому роду. Они были великолепными бойцами, сильными, мужественными людьми, или существами, которые пришли из диких земель на северо-востоке, и все их сильно боялись, хотя они никому не сделали ничего плохого и не захватывали ничьих земель. Сколько их было, не знал никто, но было известно, что они обладали знаниями, которые намного превосходили человеческие.

Оборотни, колдуны, волшебники ... они были всем этим и даже больше. Но уж если они принесли присягу, то были лояльны и верны ей несмотря ни на что. И теперь они вместе со своими предводителями были готовы сражаться за права Верхнего Халлака.

Война продолжалась на протяжении Года Огненного Дракона и Года Шершня, пока ализонские силы не были сломлены и полностью разбиты. Из-за моря больше не приходил ни один корабль, чтобы доставить продовольствие и припасы людям Ализона. Последний их морской порт на побережье был захвачен; их крепости превратились в смрадные руины, и ализонцы, высадившиеся на берег моря, были уничтожены.

Теперь наступал новый год, Год Единорога, и Лорды Верхнего Халлака должны были выполнить свою часть договора со Всадниками, как те выполнили свою часть. Всадники обязались выполнить две задачи: они должны были помочь Лордам бороться за освобождение страны, а потом они должны были покинуть степь, попутно освобождая её от остатков банд ализонцев, и оставить её в полное распоряжение людей.

А какую плату должны были дать Лорды Верхнего Халлака, поклявшиеся на Мече? Лорды должны были заплатить своей собственной кровью, своими дочерьми, которых Всад-

ники потребовали себе в жены, и которых они хотели забрать с собой в неизвестность.

Насколько было известно в долинах, Всадники были здесь одни, никто еще никогда не видел среди них ни одной женщины, и никто даже не слышал об их женщинах. Сильно ли отличалась продолжительность жизни Всадников от продолжительности жизни людей, тоже не было известно. Никто также никогда не видел их детей, хотя Лорды время от времени направляли послов к ним в лагерь, особенно после заключения договора.

Они потребовали двенадцать девушек и еще одну — молодых девушек, не вдов, и не таких, для которых легкое поведение было обычным образом жизни. Они должны были быть не моложе восемнадцати и не старше двадцати лет. Кроме того, они должны быть стройными и благородной крови. Нужно было выбрать двенадцать девушек и еще одну, и в первый день Года Единорога передать их Всадникам на границе степей, откуда новые хозяева увезут их в безвозвратное будущее.

Что должны были чувствовать эти двенадцать девушек и еще одна? Страх? Да, конечно, потому что, как говорила аббатиса Мальвина, страх — это самая первая реакция на всё, что нам чуждо.

В Норстатте нашли приют пять девушек, которые соответствовали всем требованиям. Но две из них, однако, уже были обвенчаны и с нетерпением ждали этой весной своей свадьбы. А леди Тельфана была дочерью столь высокородного лорда, что, несмотря на ее некрасивое лицо и острый язычок, её руки добивался великолепный жених. А Маримма, с лицом, похожим на розу, и с ее врожденной кротостью... нет, дядя заберет её из монастыря и возьмет с собой на следующую встречу Лордов, где он сможет подобрать для нее жениха, соответствующего его понятию о чести. Зато Суссия — что, собственно, известно о Суссии? Она была старше всех, и держала свои воспоминания при себе, хотя с готовностью болтала о всех, даже самых незначительных событиях, происходивших в Норстатте. Подруги едва ли замечали, как мало она говорила о себе. Она была знатного происхождения и обладала приятной внешностью и живым умом. Ее родиной была долина на морском берегу, и там она прожила с рождения до самого изгнания. Она имела родственников среди военных, но где они сейчас находились, не знал никто. Да,

Суссия была подходящей кандидатурой. Но как она воспримет сообщение о том, что выбор пал на нее?

Уже наступали ранние вечерние сумерки, и я поплотнее запахнула двойную шаль, чтобы защититься от резкого холодного ветра. Бросив последний взгляд на заснеженный сад, я спустилась вниз по лестнице башни, чтобы обогреться у огня в большом зале монастыря.

Меня встретил громкий гвалт голосов, а моя шаль зацепилась за крючок возле двери. В зале не было ни одной монахини, но у камина собрались все, кто нашел убежище в монастыре; некоторые из них провели здесь уже больше года.

— Джиллан, подумать только, — воскликнула леди Маримма во весь голос, удивленно глядя на меня, когда я подошла к огню. — Она пришла сюда! Неужто уже наступил час Пятого Пламени!

— Родственник или воин, вернувшийся с войны, — подумала я. Только это могло привести в возбуждение весь монастырь.

— Кто прибыл? — тут я назвала ближайшего родственника Мариммы, — Лорд Имграй?

— Он и другие — за невестой! Джиллан, за обещанной невестой! Они скачут по степи, и сегодня уже заночуют здесь! Джиллан, это же страшно! Бедная крошка! Мы должны молиться за нее...

— Почему? — к нам подошла леди Суссия. Она была не так красива, как леди Маримма, но она большую часть своей жизни жила по-королевски, и, по-моему, на нее еще долго будут обращать внимание, в то время как красота других давно поблекнет.

— Почему? — повторила Маримма. — Потому что она поскачет в черное, злое будущее и никогда больше не вернется назад!

Но Суссия ответила словами, полностью соответствовавшими моим мыслям:

— Может быть, она поскачет в это черное будущее, малышка. Не все из нас имеют свое собственное мягкое гнездышко или защищающее нас крыло.

— Я скорее обручусь со сталью меча, чем отправлюсь в такое свадебное путешествие! — воскликнула девушка.

— Но ты же ничего не боишься, — сказала я ей только для того, чтобы унять свой собственный страх. Но за плечами Мариммы я внезапно заметила предупреждающий взгляд

Суссии. И я задала себе вопрос — знала ли она что-нибудь или только догадывалась.

— Маримма, Маримма ...

Я думаю, она была рада отойти от нас к другим девушкам, которые были уже обручены и потому находились в безопасности, словно она могла разделить с ними эту безопасность.

— Обрати на нее внимание в эту ночь, — тихо сказала Суссия.

— Зачем?

— Потому что она пойдет с ними!

Я беспомощно уставилась на нее. Но я знала, что она говорит правду.

— Как, откуда, почему?.. — пробормотала я, но она быстро положила свою ладонь мне на запястье и отвела меня немного в сторону. Голос ее был тих и предназначался только моим ушам.

— Откуда я это знаю? Семь ночей назад я получила личное сообщение. О да, я думала, что выбор может пасть на меня. За это говорило многое. Но у родственников насчет меня были другие планы вот уже в течение года, и когда было сделано предложение включить меня в состав группы невест, они тотчас же подобрали для меня жениха-воина. Во время войны у меня не было родины, но теперь, когда этих собак из Алисона уничтожили, я стала хозяйкой не одного замка — как последняя из своего рода. — Она слегка улыбнулась. — И, таким образом, я представляю большую ценность для своих родственников. С наступлением весны я должна идти под венец, и свадьба состоится здесь, в долине. Почему именно Маримма? Человек, жаждущий власти, может добиться её различными способами. Лорд Имграй имеет право предложить руку Мариммы, кому захочет. И он человек, у которого никогда не было достаточно власти. Он просто из любезности предложил эту услугу. И остальные Лорды считают, что такой цветок придется по вкусу Всадникам, потому что не все невесты так красивы.

— Но она не пойдет ...

— Она пойдет, она должна будет это сделать. Но она погибнет. Этот напиток не для нее.

Я взглянула на Маримму. Лицо ее покраснело, вся она была охвачена какой-то радостной лихорадкой, которая мне не нравилась. Но все это не имело ко мне никакого отноше-

ния, ко мне, чужестранке, чья кровь не была кровью этого народа.

— Она погибнет, — с нажимом повторила Суссия.

Я повернулась к Суссии.

— Если Лорд Имграй так решил, и все с ним согласилось, её уже ничто не спасет...

— Ничто? Часто бывало так, что мужчины планировали что-нибудь, а женщины нарушали все их планы.

— Но если бы на ее место была предложена какая-нибудь другая девушка, столь же красивая, пал бы тогда выбор на нее?

— Да, — сказала Суссия, посмотрев на меня таким странным и внимательным взглядом, что я подумала о том, что нам больше не нужно никаких слов. И ещё я подумала о Норстатте, о череде лет, которые уже прошли и которые предстоит ещё провести мне здесь, подумала о своем месте в этом мире.

Двенадцать невест должны были провести ночь в качестве гостей в этом монастыре, двенадцать и одна должны были на следующий день уехать из монастыря. Двенадцать и одна, и я не могла быть одной из них! Но почему?

Глава 2

Коридоры монастыря были темны, но я знала их всех. Монахини отправились в свои кельи, а гости покинули зал. Идя по темным холодным коридорам, я думала о гостях, которые прибыли незадолго до рассвета и разделили с нами наш завтрак за длинным столом.

Лорд Имграй, возглавлявший эту группу, был человеком с коротко подстриженной коричневой бородкой и волосами, пронизанными серебрянными нитями. У него было жесткое лицо, каждая черточка которого выдавала волю и решительность. Его сопровождали два солдата, которые, выполняя свои обязанности, по-видимому, чувствовали себя не в своей тарелке. Вооруженный эскорт разместился в ближайших домах деревни возле монастыря.

Невесты... Мой опыт общения с невестами ограничивался деревенскими свадьбами, когда я сопровождала монахинь, которые во время этих торжеств покидали свой монастырь. Однако эти невесты выглядели иначе, чем деревенские девушки. Они были одеты в одежду путешественниц: теплые

шубы, защищающие от зимней стужи, разрезанные юбки для верховой езды, а под шубой короткая куртка воина, и на каждой был вышит герб рода, который свидетельствовал о высоком происхождении невесты. Но не было никаких развевающихся на ветру кудрей, никаких венков из цветов. Две или три из них, с блестящими глазами и лихорадочно покрасневшими щеками, были великолепны, милы и прекрасны. Но у других были припухшие веки, покрасневшие от слез, побледневшие щеки и прочие признаки печали. И я слышала шепот леди Тельфаны, которая обменивалась впечатлениями со своей соседкой по столу.

— Милы? Да, милы. Так сказала наша дорогая сестра, леди Гралия. Лорд Джеррет, ее любовник — известный охотник за юбками. Это значит, что в последнее время он охотно поднимает все юбки, находящиеся поблизости от него. Вот почему ты видишь в этой группе Кильдас. Обвенчанная с Всадником, она больше не будет доставлять никакого беспокойства своей сестре.

Кильдас? Это была одна из лихорадочно жизнерадостных невест. Ее каштановые волосы в свете лампы испускали красно-золотое сияние, у нее был округлый подбородок и рот с полными губами. Плотная облегающая куртка не скрывала округлостей ее тела, они были достаточными, чтобы зажечь желание, которым и воспылал к ней Лорд ее сестры. Вполне достаточное основание для того, чтобы отправить Кильдас к Всадникам.

Возле Кильдас сидела девушка, вид которой резко контрастировал с цветущей внешностью Кильдас. Вышивка на ее курточке была сделана тщательно и искусно, но одежда на ней была поношена и, очевидно, перешита из другой одежды. Девушка сидела, опустив взгляд, веки ее покраснели, она с трудом жевала пищу, зато жадно и часто пила из кубка. Алианна? Нет, Алианна — это маленькая девушка на другом конце стола. Имя же этой девушки было Сольфинна.

В то время как Кильдас была одета в великолепные одежды — может быть, для того, чтобы несколько успокоить совесть тех, кто послал ее сюда — на Сольфинне была поношенная одежда, подчеркивающая ее бедность. Она, несомненно, принадлежала одному из древнейших, но обедневших родов без приданного, и, вероятно, у нее были маленькие сестры, о которых тоже надо было заботиться. Поэтому она стала невестой, и Лорд был обязан её семье.

Несмотря на предположение Суссии, среди них не было ни одной некрасивой девушки. Соглашение предусматривало, что среди невест не должно быть ни больных, ни уродливых, а некоторые из них, как, например, Кильдас, были достаточно милы, чтобы составить хорошую пару. Впрочем, хотя она и считала их милыми и привлекательными, то теперь горе затмило их красоту, и я решила, что Лорды Верхнего Халлака с честью выполнили свою часть соглашения — за исключением того, что не посчитались с пожеланием самих невест. С другой стороны, браки в Верхнем Халлаке заключали, не считаясь симпатиями сторон, во всяком случае, в старых, знатных семьях. Там браки заключались строго по расчету. И, может быть, девушкам предстояло не самое худшее, может быть, для них было бы хуже, если бы все было по-старому.

Глядя на Маримму, в это легко было поверить. Ее лихо-радочная веселость исчезла. Она тихо сидела и наблюдала за Лордом Имграем, и больше не делала никаких попыток привлечь к себе его внимание. Напротив, она поспешно отводила свой взгляд, когда ей казалось, что он поворачивается и смотрит на нее. Я предположила, что он еще не сообщил ей новость, потому что Маримма никогда не была в состоянии даже при самых маленьких затруднениях сохранять самообладание. Она, конечно, давно ударилась бы в истерику. Но было ясно, что она что-то подозревает.

Это выяснилось позже, когда Маримма полностью сломалась. А я еще больше утвердилась в чувстве, что счастье не только улыбнулось мне, оно еще и протянуло мне руку помощи, так что мне нужно было только сохранить трезвую голову, чтобы все произошло так, как мне того хотелось.

Я достигла своей цели: комнаты сборов. То, что мне нужно было сделать, нужно было сделать быстро, обдуманно и тщательно, а затем незаметно уйти. На одной из боковых полок лежали сумки, имеющие разнообразные карманы всех форм и размеров. Я взяла одну такую сумку, а потом, не решаясь зажечь свет, пошла от шкафа к шкафу, от полок к комоду и столам, и была счастлива, что все это мне было знакомо. Я действовала уверенно, словно на пальцах у меня были глаза. Бутылочки, коробочки, флакончики — все находилось в нужных кармашках, потом я перекинула сумку с набором лекарств и других снадобий через плечо. Монахиня

Алозай снаряжала сумку таким образом для санитаров, идущих на поле боя. Потом я повернулась к одному из дальних шкафов, который был заперт. Но мне уже давно была доверена тайна его замка, и я без труда открыла его. Я нашла в шкафу несколько бутылочек, а потом, чтобы быть уверенной, вытащила пробку из одной бутылочки и понюхала. Пахло яблоками и уксусом. Я выбрала нужную бутылочку. У меня не было времени, чтобы отлить из нее содержимое, поэтому я взяла с собой всю бутылочку. Затем я снова тщательно заперла шкаф.

Я постаралась как можно быстрее добраться до своей комнаты, чтобы меня здесь кто-нибудь не увидел. Это было опасно. Моя комната находилась на углу коридора, который вел к кельям монахинь, а с другой стороны находились комнаты, в которых жили гости, находящиеся в монастыре длительное время. Из-под одной двери сочился свет, и я смогла свободно вздохнуть только тогда, когда за мной закрылась дверь в мою комнату.

Я зажгла лампу, стоящую на столе, и поставила на него бутылочку, которую прихватила с собой из особого шкафа. Я немного отлила из нее в маленький пузырек, который взяла с полки в своей комнате, потом добавила туда пять-шесть капель из другого флакона и, затаив дыхание, стала смотреть, как бесцветная смесь принялась изменяться, пока, наконец, не приобрела свежий зеленый цвет.

Потом я стала ждать. Глубоко во мне шевелилось удивление, почему я была так уверена, что все пройдет нужным мне образом?

Во время ожидания я прислушивалась к малейшим шорохам, и моё возбуждение все росло и росло.

Затем послышался шорох одежды, тихий звук, быстрые шаги по голым каменным ступеням... Я хотела подбежать к дверям и распахнуть их, чтобы посмотреть, кто это пришел сюда, но овладела собой. Прежде, чем ногой пришедшего царапнул дерево двери, я спокойно подошла к ней. И не удивилась, увидев перед собой леди Суссию. Но она, кажется, удивилась, увидев меня полностью одетой, словно я ждала какого-то вызова.

— Ты должна своими лекарствами помочь Маримме, Джиллан, с ней нехорошо, — ее взгляд скользнул мимо меня на стол, где в костяной чашечке лежали таблетки и стояла

бутылочка, и когда он снова упал на меня, на ее губах появился намек на улыбку. Нам не надо было слов.

— Я хочу, чтобы тебе повезло в том, что ты задумала, — тихо сказала Суссия. Она больше не говорила о моих знаниях во врачевании, но мы обе понимали все.

Я взяла таблетку и пошла по коридору к комнате Мариммы. Дверь в нее была приоткрыта, и оттуда доносились голоса. Один из голосов был тих и почти неразборчив, и этот голос мгновенно остановил меня и поколебал мою уверенность, которая не покидала меня весь вечер.

Аббатиса Юлианна! Я всегда боялась ее пронизательного ума, и мне показалось, что мои намерения будут раскрыты. Но я уже давно миновала черту, откуда можно было отступить.

— ... ничего, кроме обычного женского каприза. Но время идет. Мы выедем утром, чтобы выполнить нашу часть договора. И утром она должна быть готовой к свадьбе. Она пойдет с нами без жалоб и плача. Мать аббатиса, я слышал, что кое-кто из монахинь здесь обладает умением врачевать. Дайте ей питье, которое прекратит истерику. Не могу же я заткнуть ей рот и привязать ее к седлу — хотя если это будет необходимо, я сделаю это! Мы сдержим данное нами слово!

Лорд Имграй был в гневе, он был холоден и неумолим, как камень в долине.

— Тех, кто использует врачевание во вред, здесь нет. Мой Лорд, — аббатиса была так же холодна, как и он, — вы действительно хотите достигнуть условленного места с девушкой, которая потеряла сознание от страха? А это вполне возможно, если вы доведете дело до крайности.

— Вы преувеличиваете размеры события, мать аббатиса! Маримма испугана, она слышала много диких историй, и это все. Просто она выйдет замуж по приказу, а не по собственному выбору. Наша часть договора должна быть выполнена в течение ближайших трех дней, поэтому мы выедем завтра утром на рассвете. Связанные клятвой, мы должны передать двенадцать и еще одну девушку их будущим мужьям, и эти двенадцать девушек и еще одна поедут с нами завтра утром...

Я взяла таблетку в правую руку и, когда голоса стихли, постучала в дверь.

Дверь открылась и Лорд Имграй выглянул наружу. Я поклонилась ему, но как равная равному.

— Что вам?

— Леди Суссия сказала, что вам необходима врачебная помощь. — Я ждала ответа, но не от него, а от нее, от той, которая стояла возле кровати Мариммы. Ее вуаль была немного приподнята, так что лицо ее было освещено, но я не успела различить его выражение — Лорд Имграй отошел в сторону, чтобы пропустить меня.

Лорд Имграй пристально посмотрел на меня. Хотя в основном моя одежда и была темного цвета, но я не носила ни плаща, ни вуали, и на мне была праздничная вышитая юбка. На ней не было герба с обозначением моего рода или страны, только искусный узор, придуманный мною самой.

— Это не ваша врачевательница, — резко сказал Лорд.

Я взглянула на аббатису Юлианну и вложила в свой взгляд всю свою силу воли, ожидая, что она подтвердит Лорду мои полномочия, и тот не отошлет меня обратно. Аббатиса отошла в сторону и сделала мне знак подойти к кровати.

— Это Джиллан, помощница нашей врачевательницы, и она великолепно обучена врачеванию. Мой Лорд, я забыла, что Час Последнего Света уже прошел. Скоро всё наше общество соберется в часовне на вечернюю молитву. Если бы Маримме не угрожала опасность, мы бы не стали вызывать сюда врачевательницу.

Он подавил недовольство, но даже его авторитет ничего не значил для монахинь под крышей этого монастыря.

— Теперь вам лучше уйти, мой Лорд, — предложила аббатиса, — Маримма вот-вот должна очнуться, и если она теперь опять увидит вас здесь, она снова ударится в крик и слезы, а вам это не нравится.

— Дочь моя, — теперь ее взгляд обратился ко мне. Я не могла прочесть ее мыслей. Если же она прочитала мои и разгадала мои намерения, то ничем этого не выдала. — Ты ведь будешь лечить ее, как можешь, и, если понадобится, проведешь возле нее ночь?

Я не ответила ничего определенного, хотя и поклонилась ей ниже, чем Лорду Имграю, который, все еще колеблясь, стоял у двери. Но когда аббатиса повернулась к дверям, он вышел, и она последовала за ним. Дверь за ними закрылась.

Маримма пошевелилась и застонала. Лицо ее покраснело, как от лихорадки, дыхание было тяжелым и неравномерным. Я положила таблетку на стол и ложкой отмерила в костяную чашечку дозу смеси из флакончика. Через мгновение я уже

держала чашечку в руках. Теперь я находилась между настоящим и будущим. С этого мгновения возврата уже не было — только успех или разоблачение, влекущее за собой неотвратимое наказание. Но колебалась я недолго. Я обняла рукой плечи Мариммы и приподняла ей голову. Глаза ее были полуоткрыты, и она бормотала что-то бессвязное. Я поднесла костяную чашечку к ее губам, и, повинувшись моим мягким движениям, она проглотила ее содержимое.

— Великолепно.

Я оглянулась. В дверях стояла Суссия, и створки двери тихо закрывались за ней. Она подошла ко мне.

— У тебя должна быть союзница ...

— Да, это так. Но почему?

Мы, казалось, снова были единомышленны и разделяли мысли друг друга.

— Почему, леди Джиллан? По многим причинам. Во-первых, потому что это нежное создание мне очень нравится, — она взглянула на Маримму. — Она принадлежит к тому безвредному, нуждающемуся в поддержке виду женщин, для которых наш мир слишком суров, и некоторые из них никогда не могут даже подумать о том, что мы легко можем вынести. Ты и я — женщины совсем другого типа. А во-вторых, потому что я тебя знаю лучше, чем ты думаешь, Джиллан. Норстатт для тебя — тюрьма. А на какое иное будущее ты можешь надеяться здесь, кроме как на бесконечные годы однообразной жизни...

— Пыльные годы..., — я не заметила, что думаю вслух, пока не услышала тихий смех.

— Я сама не смогла бы выразиться лучше.

— Но почему тебя так заботит моя судьба?

— Я сама этого точно не знаю, Джиллан, — задумчиво ответила она. — Мы с тобой не сестры, не подруги и не собутыльницы. Я знаю только, что мне хочется помочь тебе. И я думаю, что у тебя действительно есть причина уехать отсюда. Будь у меня выбор, я бы поступила так же.

— С готовностью?

Суссия улыбнулась.

— Тебя это удивляет?

Странно, но меня это не удивило. Суссия, не проронив ни слезинки, готова была поехать с невестами, и с любопытством ждала ответа.

— Мы обе одной природы, Джиллан. Поэтому этот монастырь не для тебя.

— Ты имеешь в виду, что я должна ехать и с легким сердцем выйти замуж за оборотня и колдуна?

— Именно, — она все еще улыбалась. — Подумай о том, какое это будет приключение, моя дорогая Джиллан. Я тебе очень завидую.

Она была права — и еще как права!

— А теперь скажи мне, какую дозу ты ей дала? — спросила она. — И каков твой план?

— Я дала ей снотворное, и спать она будет долго. Она проснется через день-полтора, лёгкая и с успокоенными нервами и мыслями.

— Но если она будет спать здесь... — Суссия задумчиво прикусила нижнюю губу.

— Это не входит в мои намерения. В таком сне она находится в полном моем распоряжении. Как только начнется Час Великого Молчания, я перенесу ее в свою комнату.

Суссия кивнула.

— Хорошо придумано. Ты более рослая, чем она, но в полумраке рассвета ничего не будет заметно. Я принесу тебе одежду для верховой езды, а также ее куртку и накидку. Ты будешь прятать слезы под этой накидкой. Я не думаю, что Лорд Имграй будет задавать тебе вопросы, если ты пойдешь к своей лошади с закрытым накидкой лицом. Остаётся ещё прощание с аббатисой. Она должна благословить невест у дверей часовни...

— Это будет очень рано, и если пойдет снег... Есть еще несколько моментов, которые я надеюсь преодолеть только с помощью случая.

— Что я могу сделать, я сделаю, — сказала Суссия.

Потом мы стали обсуждать подробности моего плана. В конце концов, Маримма оказалась в моей постели, а я лежала на ее кровати в теплом нижнем белье, в костюме для верховой езды и в разрезанной юбке, которые мне принесла Суссия. Всё это было из тонкой ткани, в отличие от одежды, которую я носила в монастыре, и её серебристый цвет подходил к цвету накидки, которую мне тоже принесла Суссия. Куртка была светлого цвета, и на ней красным и золотым был вышит крылатый конь, летящий над зелено-голубыми линиями — герб Мариммы.

Я заплела свои черные волосы и закрепила их на голове;

затем я накинула капюшон и вуаль для путешествий, сделав из них нечто вроде маски, закрывающей мое лицо. Когда я была готова, Суссия критически осмотрела меня.

— Тот, кто хорошо знает Маримму, боюсь, не ошибется. Но лорд Имграй давно не видел её, а те, с кем ты поедешь завтра утром, вообще никогда не знали её. Ты должна будешь проявить все свое мастерство, чтобы сохранить маскировку, пока, наконец, возвращение не станет невозможным. Место встречи с Всадниками не очень далеко, возвращение вызовет задержку, а плохая погода на плоскогорье может задержать его еще больше. Поэтому лорд Имграй не отважится на возвращение. Ему же нужны только двенадцать и еще одна невеста, и они у него будут. Это послужит защитой против его гнева, если он раскроет тебя.

Да, это будет единственной защитой. Страх захлестнул меня, но я не позволила ему затмить мой разум. Я должна была вооружиться уверенностью.

— Всего хорошего, Джиллан.

— И я желаю тебе всего хорошего и даже еще больше, — коротко ответила я и взяла мешочек с травами и лекарствами, который перед этим упаковала. И все же мне на мгновение захотелось отступить и все бросить, но я без колебаний отбросила это желание.

Вернувшись в комнату Мариммы, я провела там остаток ночи, приняв кое-что из моего запаса снадобий, так что несмотря на то, что ночь выдалась бессонной, утром, когда в дверь осторожно постучали, я встала свежей и бодрой.

Надев на голову капюшон и накинув поверх него накидку, я все же медлила отозваться. Но тут я услышала шепот:

— Ты готова?

Суссия. Когда я вышла к ней, она быстро положила свою руку на мое плечо, словно заботливо оберегая свою подругу. Старательно играя роль, слабая и дрожавшая, я вышла в большой зал. Еда уже ожидала нас: походный завтрак и горячее питье. Мне удалось съесть намного больше, чем кто-нибудь мог заметить со стороны. Суссия, как моя подруга, сидела возле меня и тихо, но настойчиво, говорила со мной заботливым голосом. Она шепотом рассказала мне, что ей удалось с помощью различных уверток отослать всех подруг Мариммы, потому что она очень боялась, что их сочувствие может привести Маримму к гибели. После истерического припадка Мариммы вчера вечером, они с готовностью поверили этому.

Все вышло так, как я и надеялась. Когда лорд Имграй, до сих пор державшийся в отдалении, наконец подошел, чтобы увести меня, я пошла за ним, согнувшись и плача, и надеясь, что выгляжу достаточно жалобно. Последняя проверка прошла, когда я опустилась на колени, чтобы получить благословение от аббатисы Юлианны. Каждой из нас она дарила Поцелуй Мира, и поэтому я на мгновение должна была откинуть свою накидку. Я напряженно ожидала разоблачения. Но лицо аббатисы Юлианны не дрогнуло, когда она нагнулась и ее губы коснулись моего лба.

— Иди с миром, дочь моя, — произнесла она ритуальную фразу, но я поняла, что эти слова были адресованы именно мне, а не Маримме. И, ободренная этим, я с помощью лорда Имграя взобралась в седло, и мы поехали из Норстатта. Я впервые покинула его стены после десяти лет, проведенных в этих каменных стенах, где веками ничего не менялось. Мои планы начали исполняться.

Глава 3

Скача по скованной холодом долине, мы почти ни о чем не говорили. Сначала мы ехали по трое или по четверо рядом, и каждую пару женщин сопровождали один или два воина, но потом нам пришлось ехать гуськом, друг за другом, потому что дорога все более сужалась, пока, наконец, не превратилась в узкую тропу. Меня все еще удивляло, почему аббатиса Юлианна не разоблачила меня. Испытывала ли она к Маримме столь сильную симпатию, что была даже готова пойти на обман, чтобы спасти свою фаворитку? Или же она смотрела на меня, как на помеху в своей маленькой, тихой обители, от которой она таким образом избавилась?

С каждым часом нашего путешествия шансы на возвращение все уменьшались. И, если это было возможно, лорд Имграй все время поторапливал нас. Как далеко находилось место нашей встречи со Всадниками? Я знала только, что оно находилось где-то на краю степи.

Мы миновали Харродейл с его редкими крестьянскими домиками. Там мы не встретили ни одного человека, только животных, и после Харродейла дорога стала все круче подниматься вверх. В Хокердейле нас сопровождал шум воды, струящейся на равнину быстрым потоком и не совсем ещё

скованной льдом. В конце долины мы проехали мимо домика поста, и из него вышли несколько человек, чтобы приветствовать нашего лорда и перекинуться с ним несколькими словами. Во время этой маленькой задержки ко мне приблизился другой конь, и всадница, ехавшая на нем, склонилась ко мне.

— Может быть, они вообще не хотят делать никаких изменений, чтобы дать нам передохнуть? — громко спросила она, возможно, надеясь, что ее слова дойдут до ушей лорда Имграя.

— Похоже на то, — тихо ответила я, потому что не хотела, чтобы меня слышали.

Она нетерпеливо одернула свою накидку, и ее капюшон сполз немного назад. Это была Кильдас, которая так злобно говорила за столом о Тольфине. Темные тени лежали под ее зелено-голубыми глазами, и тонкие морщинки пролегали вокруг ее полных губ.

— Ты здесь по его выбору, — сказала она, кивнув в сторону лорда Имграя. — Но с сегодняшнего утра ты слишком молчалива. Чем же он запутал тебя, чтобы сделать такой уступчивой и добиться своей цели? Вчера вечером ты клялась, что никогда не поедешь с нами... — Она не выказывала никакой жалости, только любопытство, так как страдания других помогали ей забыть о своем собственном горе.

— У меня была целая ночь для раздумий, — ответила я. Она коротко усмехнулась.

— Да, это, должно быть, были великие раздумья, если сейчас ты так спокойна! Зал сотрясаясь от воплей, когда тебя уводили в твою комнату. Теперь же ты согласна, что у тебя будет жених-колдун?

— А ты? — спросила я в ответ. Маримма своим страхом привлекла к себе внимание, но её страхи были теперь для меня наименьшей заботой. Я была не Маримма и не могла хорошо играть ее роль. Пока лорд Имграй меня не разоблачил... Он всё утро был занят только тем, что заставлял нас ехать быстрее. Что произойдет, когда он обнаружит, что его обманули? Но ему нужно было передать Всадникам определенное число невест, и это должно было защитить меня от его гнева.

— Я? — Кильдас оторвала меня от размышлений. — Как

и у всех нас, у меня не было выбора. Но мужчины-оборотни вряд ли слишком отличаются от мужчин нашего рода, поэтому я не боюсь за себя. — Она вскинула голову, сильная в своём убеждении в действенности оружия, которым ее наградил природа.

— Как они выглядят? Ты видела хоть одного Всадника? — спросила я. До сих пор я была занята только своим бегством и всем, что было связано с ним, и не задумывалась о том, что ждет меня в конце этого путешествия.

— Нет, я никогда еще не видела ни одного из них, — ответила она. — До нападения ализонцев они никогда не появлялись в долинах. И потом, говорят, что они путешествуют только ночью, а не днем. Когда они вели с нами переговоры, они были в людском облике, но они обладают страшными силами. — Уверенность Кильдас исчезла, и она снова начала теревить накидку у своей шеи, словно та мешала ей дышать. — Если о них и известно больше, я никогда ничего не слышала об этом.

Краем уха я услышала звук, похожий на рыдание. К нам подъехала еще одна девушка. По ее простой одежде я узнала Сольфинну, которая накануне разделяла трапезу с Кильдас.

— Слезами ничего не изменишь, Сольфинна, — сказала Кильдас. — Подумай о том, что у тебя был свободный выбор, и будь такой же храброй, как и все мы.

— Ты сама решила поехать с нами? — спросила я.

— Это... это была моя единственная возможность помочь, — робко ответила Сольфинна, — но ты права, Кильдас, нельзя делать выбор, а потом плакать от страха. Как много я дала бы за то, чтобы еще раз увидеть свою мать и сестер. Но теперь мне больше никогда не удастся этого сделать.

— А разве при обычной свадьбе такого не было бы? — мягко спросила Кильдас. — Ты была бы отдана лорду или капитану одной из южных долин и тоже никогда не смогла бы вернуться назад.

— Я знаю это, и это меня поддерживает, — быстро ответила Сольфинна. — Это правда, меня бы отдали. Мы все идем теперь навстречу с нашими суженными. И так происходило со всеми женщинами на протяжении бесчисленного количества лет. В результате свадьбы я приобрету больше, чем потеряю, намного больше. Но Всадники...

— Ты должна понять вот что, — сказала я. — Всадникам

так нужны женщины, что они для их приобретения готовы были пойти на договор и сражаться за кого угодно. Когда мужчина хочет чего-то настолько сильно, что даже ставит на карту свою жизнь, он будет очень дорожить и неустанно заботиться о приобретенном.

Сольфинна внимательно посмотрела на меня. Ее покрасневшие глаза блеснули. Одновременно я услышала тихий возглас Кильдас, которая подвела своего коня еще ближе.

— Кто ты? — властно спросила она. — Ты не та маленькая девчонка, которую вчера вечером увели из зала!

Нужно ли мне было играть роль Мариммы перед моими спутницами? Для этого не было никаких особых оснований.

— Ты права, я не Маримма.

— Кто же ты тогда? — настаивала Кильдас, а Сольфинна смотрела на меня округлившимися от удивления глазами.

— Я Джиллан, и я прожила в монастыре уже много лет. У меня нет родственников, и это путешествие — мой собственный выбор.

— Если у тебя нет родственников, которые вынудили бы тебя пойти на это или которые извлекли бы из твоего выбора для себя какую-то пользу, почему ты тогда едешь с нами? — теперь голос Сольфинны выдавал ее удивление.

— Потому что, наверное, есть и более худшие вещи, чем путешествие в неизвестность.

— Что же это такое? — спросила Кильдас.

— Однотонная, никогда не меняющаяся жизнь. У меня не было других способов вырваться за стены монастыря, а я не хочу все время носить вуаль и накидку монахини и быть довольной, когда один день жизни как две капли воды похож на другой.

Кильдас кивнула.

— Да, это можно понять. Но что произойдет, если лорд Имграй узнает правду? Он твердо решил отправить Маримму к Всадникам и делает это по своим личным мотивам. И он не такой человек, который может позволить перевернуть свои планы.

— Я знаю это. Но мне совершенно ясно, что он спешит, и у него осталось не так уж много времени для того, чтобы достигнуть места встречи. Он не успеет вернуться назад в Норстатт, а честь обязывает его передать Всадникам в с е х невест.

Кильдас рассмеялась.

— Ты мыслишь четко и целеустремленно, Джиллан. Мне кажется, что твоя защита против его гнева очень действенна.

— И тебя... Тебя не страшат эти... дикие люди? Ты сама выбрала свою судьбу? — спросила Сольфинна.

— Я не знаю, какие ужасы меня ждут в будущем. Но все же лучше ехать по долине к подножью горных пиков, чем смотреть на них из тени, — ответила я. Все же мое мужество было не так велико, как я хотела это показать. Может быть, я оставляла позади себя меньшее зло, чем то, которое меня ожидало. Но об этой возможности мне не хотелось думать.

— Великолепная философия, — заметила Кильдас. — Она может и дальше поддерживать и вести тебя, сестра-невеста. Ага, кажется, нам все же дадут передохнуть.

После нескольких слов, сказанных лордом Имграем, мужчины из эскорта подошли к нам, чтобы помочь слезть с лошадей и отвести в домик сторожевого поста. В караульной мы столпились у огня, чтобы согреть руки и размять ноги и спины. Как всегда, я держалась от нашего предводителя как можно дальше. Он, наверное, подумал, что Маримма ненавидит и боится человека, по чьей воле она оказалась здесь. Во всяком случае, он тоже счел за лучшее оставить меня в покое и поэтому не приблизился ко мне. Я незаметно стояла в углу вместе с Кильдас и Сольфинной, и мы пили из бокалов горячий бульон, который нам налили из огромного общего котла.

Мы еще не закончили свой скудный обед, когда лорд Имтрай повернулся к нам всем:

— Снегопад на плоскогорье прекратился. Хотя это и тяжело, но мы должны двигаться дальше, и к наступлению ночи достигнуть Кроффа. Времени у нас мало, и на следующий день мы должны быть уже на Перевале Соколов.

Послышался тихий ропот протеста, но никто не осмелился возразить во весь голос. Перевал Соколов — это название мне ничего не говорило. Может быть, это и было условленное место встречи?

Удача благоволила мне и дальше. Всё ещё не разоблаченная, я вместе с другими девушками достигла замка Крофф, горной крепости, в которой теперь оставалась только четвертая часть ее гарнизона. Нас ввели в длинную комнату с лежащими на полу соломенными матрацами, и мы были вынуждены довольствоваться «удобствами», которые были в

этом горном гнезде, непрерывно подвергающемся атакам противника на протяжении многих лет.

Сильно устав, я провалилась в глубокий сон без сновидений. Но вскоре я внезапно проснулась, и мне показалось, что я услышала какой-то зов. Мне почти удалось услышать эхо какого-то очень хорошо знакомого мне голоса — монахини Алюзан? — который настойчиво велел мне сделать что-то. И чувство это было так сильно, что я вскочила, и только потом поняла, где и с какой целью я нахожусь. Я увидела соломенные маты и услышала дыхание остальных девушек.

Теперь я полностью проснулась, полная беспокойства, что-то заставило меня надеть дорожную одежду и выйти наружу, потому что мне необходим был свежий воздух.

Я тихо выскользнула из спальни в коридор и поднялась по лестнице, которая вела на террасу. Снег покрывал все вокруг, и было довольно светло, но вокруг были видны одни лишь силуэты высоких темных гор, кое-где посеребренные скрытой облаками луной.

С гор веял свежий ветер. Теперь, когда я вышла из дома, зов, который заставил меня сделать это, исчез. И я не могла понять, что меня привело сюда. Даже в накидке мне стало холодно от ветра, и я шагнула назад, к двери.

— Что ты здесь делаешь?

Этот голос я узнала сразу. Каким образом и почему лорд Имтрай ощутил вместе со мной потребность подышать свежим воздухом среди ночи, я не знала. Но я не могла избежать этой встречи.

— Мне захотелось на свежий воздух... — мой ответ был глуп и бессмыслен. Обернувшись, я была вынуждена защищать рукой глаза, потому что он направил мне в лицо свет переносной лампы.

Но он, должно быть, сначала заметил герб на куртке Мариммы, потому что он крепко взял меня за плечо и подтянул поближе.

— Глупышка! Маленькая глупышка! — Я вздрогнула, услышав его властный голос, который, однако, сочувствовал не Маримме, а моим собственным переживаниям. И это придало мне сил, я опустила свою руку и встретила его взгляд.

— Ты не Маримма, — он еще крепче схватил меня и поднес лампу поближе. — Но ты одна из тех, кто ехал со мной. Кто ты? — его пальцы как острия пяти мечей уперлись в меня, и я хотела закричать.

— Я одна из невест, мой лорд. Я — Джиллан из Норстатта.

— Так! Она отважилась на это, эта женщина...

— Нет, — я даже не пыталась освободиться от его хватки, и просто стояла. — Это был мой собственный план.

— Твой! И как ты собираешься участвовать в деле, которое тебя никак не должно было касаться? Ты в этом горько раскаешься...

Он сдерживал свой гнев, но от этого был еще опаснее.

— Время для раскаяния прошло или еще не наступило.

Я постаралась обдуманно выбрать слова, чтобы привлечь его внимание и заставить задуматься.

— Время сейчас не ваш союзник, мой лорд. Вернувшись в Норстатт, вы потеряете его слишком много. Если вы отправите меня назад с вашим человеком, у вас опять будет недостача, потому что на Перевале Соколов должно быть двенадцать и одна невеста, иначе пострадает ваша честь.

Он начал трясти меня с такой силой, что я моталась в его руках, как соломенная кукла. Потом он оттолкнул меня от себя так, что я, поскользнувшись на снегу, упала и больно ударилась об ограждение террасы. Я думаю, что в это мгновение ему было все равно, даже если бы я перелетела через парапет.

Я поднялась, всё мое тело дрожало. Мое плечо невыносимо болело, и страх перед тем, что чуть было не произошло, все еще сковывал мои члены. Но я смотрела на него с высоко поднятой головой и хорошо знала, что должна сказать ему.

— Вы должны представить меня, как невесту, мой лорд. Я здесь, и я охотно могу подтвердить, что я здесь по Вашей воле, если будет необходимо мое свидетельство. А у вас останется Маримма, которая обладает такой красотой, что ей без труда можно будет найти подходящую пару. Неужели вы от этого что-нибудь теряете?

Он тяжело дышал от возбуждения, но я правильно оценила его как человека, способного держать свои чувства в узде, если это будет нужно для выполнения его планов. Когда он подошел ко мне и поднял лампу, я поняла, что избежала огромной опасности. Его мозг уже работал, переваривая то, что я ему только что сказала.

— Джиллан, — в его устах мое имя прозвучало глухо и сухо. — И ты думаешь, что соответствуешь всем условиям?

— Я — молодая девушка, мне около двадцати лет, я была

приемной дочерью лорда Фарно из Тантрета и его жены. Они подобрали меня, когда я была совсем мала и находилась в плену у ализонцев. Охотник из Ализона сохранил мне жизнь, а лорд Фарно держал меня для каких-то своих целей, так что мое происхождение можно рассматривать как благородное.

Он пристально осмотрел меня с головы до ног. Его взгляд смутил меня, и он понял это. Я сдерживала свою досаду и понимала, что он знает об этом.

— Ты права — время поджимает нас. Им нужно получить двенадцать и ещё одну невесту. Но все это может оказаться не тем, что ты себе представляешь, девушка.

— Кто не ждёт ни добра, ни зла, имеет шансы получить и то, и другое, — резко ответила я ему.

На его лицо набежала легкая тень, которую я не смогла понять.

— Откуда охотник тебя взял? — В его голосе прозвучал интерес к моей личности, но он не мог использовать это в качестве инструмента для своих целей.

— Я не знаю. Я помню только, что находилась на корабле во время шторма, а потом в порту, где меня подобрал один из воинов лорда Фарно, — правдиво ответила я.

— Этот охотник участвовал в заморской войне? Эсткарп? — Он швырнул в меня последнее слово, словно хотел увидеть мою реакцию на него.

— Эсткарп? — повторила я, потому что это слово ничего не значило для меня. — Это враг Ализона?

Лорд Имграй пожал плечами.

— Так говорят. Но для тебя это неважно. Ты уже сделала свой выбор и поэтому остаешься.

— Кроме этого мне ничего больше и не нужно, мой лорд.

Он проводил меня обратно в спальню девушек, и, когда дверь за мной закрылась, я услышала, как он вызвал стражников, и они встали у нашей двери. Я снова легла на свой соломенный матрац. Разоблачение, которого я так опасалась с тех пор, как покинула монастырь, было позади. Я преодолела уже два барьера, стоявших между мной и тем, что я искала. Теперь я всеми своими мыслями обратилась к третьему — к тому, что ожидало меня на Перевале Соколов.

Мы знали о мужчинах только по разговорам в монастыре, да по редким посещениям родственников, навещавших убе-

жище в монастыре. Хотя я и слышала кое-что о мужчинах, я не знала их. Для монахинь браков не существовало, и они не говорили об этом. Я не имела ни малейшего представления о том, что меня ожидало. Я не могла также понять страхов моих спутниц, потому что обычные мужчины мне были чужды так же, как и Всадники-Оборотни с их мрачной репутацией.

На следующее утро лорд Имграй ни словом не обмолвился о нашей ночной встрече. И я снова накинула на себя вуаль, благодаря которой другие девушки не догадывались, что я не Маримма. Но мне казалось, что по мере того, как наше путешествие подходило к концу, другие невесты притихли и обратились внутрь себя, чтобы справиться со своими собственными страхами и обнадежить себя, насколько это было возможно.

Насколько я представляла себе эти места, мы уже покинули долину. Узкая дорога, на которой хватало места только для двух пони, едущих рядом, вела с возвышенности вниз на равнину, где тут и там выступали сквозь покров снега коричневые пучки травы. Мы пересекли речушку по грубому деревянному мосту, который, несомненно, был построен людьми, но нигде не было ни малейших признаков того, что здесь недавно проезжали какие-нибудь путники: на снегу не было видно никаких следов. И мы ехали дальше по этой заброшенной местности, которая производила впечатление вымершей страны.

Мы снова поднялись по одному из склонов, более крутому, чем все предыдущие склоны. Наша тропа вела к узкому перевалу, находящемуся между двумя утесами. Мы оказались на узком плато, на котором стояла каменная хижина и, рядом, каменная яма очага с почерневшими от огня камнями. Тут мы и остановились. Лорд Имграй приблизился к одному из охранников и проводнику из крепости:

— Вы будете ждать нас здесь.

Ничего больше не сказав, он повернулся и вместе с другими двумя охранниками поскакал к перевалу. Мы устало, с трудом, спешили. Двое мужчин из эскорта развели огонь в жилище и распределили походные пайки, но я думаю, что никто из нас много не ел. Кильдас коснулась моей руки:

— Перевал Соколов... — она указала на щель в скалах. —

Кажется, невесты добрались сюда быстрее женихов. Ничего не говорит о том, что нас здесь встречают.

Она все еще говорила, когда в сгущающихся сумерках в узкой щели перевала поднялся свет, но не желтый свет ламп или факелов, а странное зеленое свечение. И в этом зеленом свете четко вырисовывались три фигуры, которые скакали по направлению к нам, но кроме них на перевале не было никого.

Глава 4

— Вы знаете, какая сегодня ночь? — девушка, чья накидка была откинута, а капюшон сполз так, что прядь ее светлых волос выбилась наружу, взглянула на нас. Это была Эдит, которая прошлой ночью лежала слева от меня. Она прибыла с юга, и герб ее — саламандра меж двух языков пламени — был мне не знаком.

Кильдас ответила за всех нас:

— Год подходит к концу, и на рассвете мы встретим новый...

— Да, это так. Мы вступаем в Год Единорога.

— Дома сегодня все собираются в большом зале, чтобы отметить праздник, — грустно проговорила Сольфинна.

— Хотелось бы знать, будут ли наши новые лорды отмечать праздниками наступление каждого нового года, — заметила Кильдас. — Они не почитают Пламя, как мы. Каким богам молятся эти Всадники? Или у них вообще нет никаких богов?

— Никаких богов? — испуганно воскликнула Сольфинна. — Как могут люди жить без богов? Без Высшей Силы, которая выше, чем они сами, и на которую можно опереться.

Эдит презрительно усмехнулась.

— Кто сказал, что они люди? Неужели тебе все еще непонятно? Ты и я, мы рождены под несчастливой звездой, и нам предопределено перейти из одного мира в другой так же, как мы переходим из старого года в новый.

— Почему ты думаешь, что обязательно должно быть плохо? — спросила я. — Тот, кто ищет только тень, только в тень и попадет. Если оставить в стороне все слухи, что мы знаем понастоящему плохого об этих Всадниках?

Тут все загалдели одновременно, пока Кильдас громко не рассмеялась.

— Они говорят ... это значит ... то и то. К Т О, собственно, говорил и что? Я считаю, что наша сестра-спутница права. Что мы действительно знаем о них, кроме недоброжелательных слухов? Никто из Всадников-Оборотней не поднимал меча против нас. Они только заключили с нами договор и помогли нам уничтожить наших врагов. Хотя бы потому, что у человека черные волосы, и потому, что он носит серую накидку и предпочитает жить в диких местах, он должен отличаться телом и духом от того, у кого под шлемом светлые волосы, кто носит ярко-красную накидку и охотнее живет в городе и обществе! Оба они занимают свои места в своем обществе. Чего плохого, чего мы сами не знаем, мы можем ожидать от Всадников?

— Но ведь они н е л ю д и, — настаивала Эдит.

— Откуда мы знаем, что это на самом деле так? У них есть способности, которых нет у нас, но разве у каждой из нас нет особых способностей? Кто-то из нас может искусно вышивать шелка, а другие этого не могут; кто-то может великолепно играть на музыкальных инструментах, завораживая других. Могут ли все из нас без исключения делать это? Потому и эти мужчины могут иметь способности, которых нет у наших мужчин, но все же оставаться такими же мужчинами, как и наши, несмотря на все их особые способности.

Верила ли она в то, что говорила, или нет — во всяком случае, она старалась быть мужественной и боролась со страхом, который мучил нас всех. На перевале все еще сиял зеленый свет, и ни лорд Имграй, ни его спутники все еще не вернулись назад.

Мы все тесной кучкой сидели на камнях у очага, когда вернулся помощник лорда Имграя и сообщил, что мы должны ехать дальше, на узкий перевал. И я подумала, что все ощутили то же, что и я: возбуждение, более чем наполовину состоящее из страха.

Но мы приехали не в лагерь мужчин, которые должны были приветствовать нас. Миновав перевал, мы выехали на широкую площадку, на которой были установлены большие палатки из шкур. В палатках находились кушетки, покрытые шкурами различных животных, которых я никогда раньше не видела. Полы тоже были покрыты шкурами. В самой большой палатке стоял низкий, длинный стол, уставленный едой.

Я провела рукой по мягкому, серебристо-белому меху с серыми крапинками, достаточно красивому, чтобы из него можно было сшить мантию для жены какого-нибудь высоко-родного Лорда. Хотя все вокруг нас было сшито из кожи и меха, обстановка была несомненно красивой и чувствовалось уважение тех, кто предоставил нам такой комфорт.

Когда мы поужинали яствами, стоящими на столе — там был хлеб с запеченными в него сушеными фруктами, вкусное жареное мясо и сладости, по вкусу напоминавшие мед и орехи, — Лорд Имграй внезапно встал из-за стола. Он стоял в тени и казалось, что между ним и нами вдруг возник какой-то барьер. Потому что теперь мы действительно готовы были отказаться от своего рода.

— Теперь слушайте внимательно, — сказал он, и его голос был необыкновенно хриплым. — Рано утром вы услышите сигнал рога. Отсюда идет тропа, которая начинается у палаток, и она приведет вас туда, где вас будут ждать ваши новые Лорды.

— Но... — слабо запротестовала Сольфинна, — тогда, значит, у нас не будет никакой свадьбы, никакой передачи через Кубок и Пламя.

Лорд Имграй натянуто улыбнулся.

— Вы оставили тех, кто обручается через Кубок и Пламя, моя Леди. Конечно, вы выйдете замуж, но по другому обряду, который, однако, свяжет вас браком с вашим будущим мужем, — он взглянул на всех нас, сидевших рядом, а потом на меня, хотя взгляд его и не задержался на мне. — Я желаю счастья вам всем, — он поднял бокал. — Как тот, кто здесь представляет всех ваших родственников и родителей, я пью за долгие годы счастливой жизни и за легкую смерть, за дружественный нам клан, и благословляю ваших будущих детей. За всех вас!

Так говорил Лорд Имграй двенадцати и одной невесте, которых он привел сюда. Он давал им отеческое напутствие. А потом он быстро вышел, прежде, чем кто-нибудь из нас успел ему возразить.

— Вот так, — я поднялась, и в это мгновение все глаза в смятении повернулись ко мне. — Я не думаю, что мы когда-нибудь снова увидим Лорда Имграя.

— Но мы одни... одни должны идти к этим чужакам... — запротестовала одна из девушек.

— Одни? — переспросила я, и леди Кильдас быстро пришла мне на помощь.

— Нас двенадцать и одна, а не одна. И мы молодые девушки, нас здесь ждут, и я думаю, что нам окажут хороший прием. — Она подоткнула под себя драгоценный, отливающий чернотой мех, на котором лежали серебристые отблески.

Я ожидала, что уход Лорда Имграя вызовет полное смятение, но среди девушек, как ни странно, царило чувство спокойного ожидания, и хотя они мало говорили, каждая уже подготовилась ко сну и заняла одну из кушеток.

Я накрылась серебристо-серым мехом и погрузилась в глубокий сон без сновидений. Проснувшись я только тогда, когда утреннее солнце заглянуло внутрь палатки.

— Джиллан! — Кильдас стояла у входа, откинув в сторону брезентовый полог двери. Она смотрела на меня с непонятным смущением. — Что ты там застряла?

Я вышла из своего теплого мехового гнездышка и подошла к ней. Лошадей, на которых мы ехали, не было. Хотя другие палатки все еще были тут, но в них никого не было. По всей видимости, люди Лорда Имграя, сопровождавшие нас, уехали, пока мы спали.

— Может быть, они испугались, и изменили в последнюю минуту свое решение? — сказала я.

Кильдас улыбнулась.

— Я думаю, ты-то не сомневаешься, не так ли, Джиллан?

Она была права. Ничто в мире не заставило бы меня этим утром повернуть обратно.

— По крайней мере, они были настолько великодушны, что оставили нам наши наряды невест, — Кильдас указала на довольно объемистый тюк. — Я не знаю, сколько у нас еще есть времени до того момента, как наши новые Лорды позовут нас, но, я думаю, будет лучше, если мы будем уже готовы.

— Вставайте, девушки! — крикнула она внутрь палатки, и остальные девушки зашевелились на своих кушетках. — Приветствуйте Единорога и то, что он нам принесет.

В одной из покинутых палаток мы обнаружили чаши из полированного рога и сосуды с водой, которая все еще была теплой и пахла травами. Мы умылись, а потом по-справедливости распределили между собой содержимое выюков, так что заботы наши были забыты, и каждая из нас нарядилась так красиво, как только могла. Для некоторых такие наряды

были в диковинку, так как среди нас были очень бедные девушки, другие, такие, как леди Кильдас, получили их по праву.

Потом мы с большим аппетитом позавтракали тем, что осталось от ужина. И нам казалось, что время идет быстро. Но вот, когда Кильдас подняла свой кубок за наше счастливое будущее, с другой стороны перевала послышался сигнал — звук рога — нет, приветственный звук фанфары.

Я встала и повернулась к Кильдас и Сольфинне.

— Мы должны идти?

— Здесь нам нечего больше делать, — согласилась Кильдас. — Посмотрим, что же за счастье, за которое мы только что пили, ожидает нас.

Мы вышли наружу и стали спускаться вниз по тропе в колышущееся облако тумана, скрывавшее всё, что находилось внизу. Но дорога была ни крута, ни тяжела. Остальные девушки следовали за нами, шуршащие подола их платьев не касались земли, а фата невест скрывала их лица. Ни одна из них не задержалась и не повернула назад, никто из них не выказывал никакого страха, и мы молча продолжали свой путь.

Рог прозвучал три раза. В первый раз, когда мы отправились в путь, во второй раз, когда мы миновали перевал и вот теперь в третий раз. После третьего звука рога туман перед нами рассеялся, словно разведенный в стороны чьей-то гигантской рукой, и мы вышли на площадку, где была весна, а не зима. Короткая трава здесь была сочной и мягкой. Ворота из кустов образовывали входную арку, и на этих кустах висели маленькие белые и желтые цветочки, напоминавшие колокольчики, и от них исходил сладкий запах, как от свадебных венков.

Никого не было видно, только тут и там лежали на траве плащи-накидки, и некоторые из них были словно нарочно отброшены в сторону. Эти накидки были сделаны из тончайшей ткани и покрыты драгоценными камнями, каких никто из нас никогда не видел. Каждая из этих накидок отличалась от другой, хотя и едва заметно, потому что на всех них было столько узоров, что разбегались глаза.

Мы молча стояли и смотрели. Но чем дольше я глядела на то, что было передо мной, тем сильнее становилось ощущение

ние, что за всем этим скрыто что-то другое. Когда я сосредотачивала свое внимание на какой-нибудь части этого зеленого лужка, на цветущих кустах или даже на какой-нибудь накидке, радостное великолепие красок блекло, и я видела нечто совсем другое.

Я видела не зеленую траву, а только коричневую зимнюю землю и пепельно-серую поросль, такую же, как на равнине, по которой мы ехали день назад. Не было никаких цветущих кустов, а только голые, колючие, без цветов, ветки. И накидки — вышивки из драгоценных камней сияли поверх темных узоров, напоминавших ряды каких-то странных рун, которые не имели для меня никакого значения, и все эти накидки были такого же серого цвета, как и земля, на которой они лежали.

Чем дольше я на них глядела, сосредотачивая свою волю, тем сильнее таяло это колдовство. Взглянув на своих спутниц, я заметила, что они видели только то, что было на поверхности, и не видели того, что было подо всем этим. И я поняла, что никакие мои слова не будут услышаны, да я и не хотела этого.

Они оставили меня, сначала Кильдас, а потом Сольфинна и другие. Они пробежали мимо меня на этот заколдованный луг, и каждая из них подобрала одну из накидок, привлекающую своим великолепием, которое, однако, было только иллюзией.

Кильдас нагнулась и, подобрав одну из накидок, накинула ее себе на грудь; на этой светящейся голубыми огнями накидке было вышито драгоценными камнями сказочное животное — двойное зрение пришло ко мне и ушло, и я теперь только изредка могла видеть скрытое от глаз других. Девушки прижимали к себе накидки как бесценные сокровища, а потом они шли дальше, словно видели свою цель и теперь старались как можно быстрее достичь ее. Они подошли к кустам, прошли через арку и исчезли в облаке тумана, висевшего по другую сторону этой арки.

Сольфинна тоже сделала свой выбор и исчезла. Эдит и остальные последовали за ней, и я с испугом поняла, что осталась одна. Мое двойное зрение нагнало на меня страх, но дальнейшие колебания могли быть опасными. Я все еще смотрела на оставшиеся накидки; их оставалось еще нес-

колько, и их иллюзорная красота постепенно исчезала, и все они стали казаться мне одинаковыми. Нет, не совсем одинаковыми, решила я, рассмотрев повнимательнее, потому что ряды рун на них были различной длины и ширины.

Одна из накидок лежала несколько в стороне от остальных, в углу, почти на самом краю площадки. Руны на ней не образовывали единого узора, а были разрозненными. Некоторое время я старалась воспринять их колдовство, разглядеть в них нечто зелено-голубое, крылатую фигуру, сотканную из драгоценных кристаллов. Но видение было настолько мимолётным, что в следующее мгновение я уже не знала, на самом ли деле я видела все это. Однако я чувствовала, что эта накидка притягивает меня, по крайней мере, она притягивала мой взгляд сильнее, чем другие. И чтобы не вызвать подозрений, я должна была сделать свой выбор немедленно. Но почему я так подумала, я не знала.

Я прошла по мертвой, мерзлой земле, подняла накидку и прижала ее к себе, потом прошла через голые кусты в холодный туман, оставив позади себя на земле лежать десять накидок; колдовство и краски на них исчезли.

В тумане я слышала голоса и радостный смех, но никого не видела, и когда я попыталась определить направление этих звуков, то не смогла понять, с какой стороны они доносятся. Накидка в моих руках, отделанная серебристо-серым мехом, становилась все теплее. Я начала мёрзнуть в своём подвенечном платье, потому что оно почти не защищало меня от холода.

В тумане появилась темная тень: ко мне приближалась какая-то фигура. Я почувствовала себя пойманной, у меня не было никаких шансов на бегство. Человек или зверь — или то и другое? Темная тень передвигалась на двух ногах, как человек. Но мои спутницы не испугались тех, кого встретили в этом тумане; я слышала их счастливые голоса и только не могла разобрать слов.

Человек. Да, голова у него была человеческой. Я смотрела на него двойным зрением, которым я разглядела серо-коричневые накидки.

Наконец чужак вышел из тумана, и я смотрела, как он, принадлежащий к чужой расе, приближается ко мне. Он был высок, хотя и не так высок, как воин-горец, и он был строен, как юноша, и только его зеленые глаза под раскосыми бро-

выми были не глазами юноши, а усталыми и какими-то лишенными возраста.

Концы его бровей так круто поднимались вверх, что на лице, казалось, образовывался прямой угол, вершиной которого был острый, выступающий вперед подбородок, и под таким же углом были подстрижены его густые волосы, ниспадавшие на лоб. По человеческим меркам он не был ни красивым, ни безобразным, а каким-то совсем другим.

На голове его не было ни шлема, ни чего-нибудь еще, но он был одет в кольчугу, которая, казалось, очень сильно стесняла его движения. Она спускалась до половины бедер, под ней были надеты плотно облегавшие тело короткие брюки из гладкого серебристого меха, такого же короткого как тот, что так мне понравился там, в палатке. Этот мех был почти таким же. На ногах у чужака были меховые сапоги, несколько более темного цвета, чем брюки. Гибкую талию охватывал пояс из мягкого материала, застегивавшийся на огромную пряжку, к которой был прикреплен странный, молочно-белого цвета, камень.

Так я впервые увидела Херрела, Всадника-Оборотня, чью накидку я подобрала, ничуть не прельщенная ее колдовством.

— Мой... мой Лорд? — наконец вежливо спросила я, так как он, очевидно, не хотел первым нарушать молчание.

Он улыбнулся почти насмешливо.

— Моя Леди, — ответил он мне, и в его голосе прозвучала легкая насмешка, но я почувствовала, что она относилась не ко мне. — Кажется, всё удалось гораздо лучше, чем я надеялась, и ты подобрала мою накидку.

Он протянул руку и взял у меня накидку.

— Я Херрел, — сказал он.

— Я Джиллан, — ответила я. Тут я вдруг поняла, что не знаю, что ждет меня дальше, потому что в своих планах и в своих мечтах я никогда не пыталась заглянуть дальше этого места.

— Приветствую тебя, Джиллан... — Херрел взмахнул накидкой и заботливо накинул её на мои плечи так, что она укрыла меня от шеи и почти до самой земли.

— Итак, я заявляю свои права на тебя, Джиллан, если ты тоже хочешь этого.

В его последних словах был неприкрытый вопрос. Если

это был какой-то вид церемонии, то он давал мне возможность для отступления. Но я не могла повернуть назад.

— Это и мое желание тоже, Херрел.

Он тихо стоял, словно ждал чего-то еще, но я не знала чего. А потом он нагнулся и спросил меня резким голосом:

— Что у тебя на плечах, Джиллан?

— Серо-коричневая накидка, отороченная мехом...

Мне показалось, что он на мгновение задержал дыхание.

— А каким ты видишь меня, Джиллан? — спросил он тогда.

— Я вижу мужчину, молодого и не молодого, одетого в кольчугу и меховую одежду, и он носит пояс с серебряной пряжкой и с серебристо-белым камнем. На голове у него черные волосы и...

Мои слова нарушили тишину, казавшуюся мне угрожающей. Херрел протянул руку и так быстро сорвал с моей головы фату, что из моей косы выпали заколки, коса распустилась и волосы рассыпались по плечам и по спине поверх накидки, которую он сам надел на меня как символ нашей связи.

— Кто ты? — его голос прозвучал так же требовательно, как и голос Лорда Имграя при нашей прошлой встрече.

— Я Джиллан, пленница воина, из-за моря привезенная в долины Верхнего Халлака, и пришедшая сюда по своей собственной воле. — Я говорила ему правду, потому что знала, что он имеет право знать правду.

Он отбросил фату в туман, а потом нарисовал пальцами в воздухе между нами какой-то узор, и слабое мерцание света возникло там, где двигался его палец. Но улыбка его погасла, и на его лице появилось такое выражение, словно он с чем-то боролся.

— Мы связаны накидкой — и это не случайность, а судьба. Но я прошу тебя об одном, Джиллан, если ты обладаешь тем, что называется двойным зрением, постарайся — по крайней мере, на некоторое время — смотреть обычным зрением, все другое опасно.

Я не знала, как мне это сделать, но я напряженно пыталась представить под своими ногами зеленую траву и яркие краски вокруг. На мгновение всё смешалось у меня перед глазами, а потом я снова оказалась среди всего этого великолепия — закутанная в зелено-голубую накидку, расшитую каплями драгоценных камней. И у Херрела внезапно появилось дру-

гое лицо, более похожее на человеческое и чрезвычайно привлекательное, но та, другая его внешность, мне нравилась больше.

Не говоря больше ни слова, он взял меня за руку, и мы вместе вышли из туманной страны в зеленую рощу с цветущими деревьями. Там я снова увидела своих спутниц, и каждую из них сопровождал мужчина, подобный Херрелу. Они сидели на траве, ели и пили, каждая пара из одной тарелки, по свадебному обычаю долин, принадлежащей только ей.

В стороне стояла группа мужчин, и они были без спутниц. Празднующие, казалось, не замечали их. Когда мы проходили мимо этих мужчин, они все повернулись и посмотрели на нас. Один из них со сдавленным криком выступил вперед, и это не обещало нам ничего хорошего. Но двое других оттащили его назад, в свою группу. Херрел завел меня в маленькую нишу между двумя цветущими деревьями, исчез, а потом вернулся назад с едой и питьем в хрустальных сосудах — или мне показалось, что это так.

— Смейся, — тихо сказал он мне. — Покажи счастье невесты, потому что здесь есть те, кто за нами наблюдает, и то, о чем мы с тобой будем говорить, не предназначено для чужих ушей и не понравится им.

Я отломил кусок пирога и поднесла его к своим губам. Мне удалось улыбнуться и даже рассмеяться, но внутренне я все время была настороже.

Глава 5

— Я желаю тебе счастья, — Херрел тоже улыбнулся, поднимая свой бокал и отпивая пенистую, янтарного цвета жидкость.

— Но, может быть, это невозможно, — тихо возразила я. — Ты это хотел сказать мне? А если это так, то зачем?

Он протянул мне бокал, чтобы завершить церемонию поздравления. Я отпила, но над краем бокала мой взгляд задержался.

— Для этого есть основания, моя леди. Сначала первое: это не предназначалось ни одной из вас, — он коснулся накидки, которая все еще ниспадала с моих плеч зелено-голубым великолепием. — По Праву Братства они не могли отверг-

нуть мои притязания. Но никто из них не верил, что невеста выберет мою накидку. Ты сделала плохой выбор, Джиллан, потому что я в этом обществе самый бесправный... — Он произнес это легко, без боли или стыда, но так, что его происхождение сразу стало ясно, и на это нельзя было не обратить внимания.

— Я не верю этому.

— Улыбайся! — Он отломил себе кусок пирога. — Ты говоришь так из вежливости, моя Леди.

— Я говорю то, что чувствую.

Теперь он стал серьезен, его глаза изучали мое лицо, словно он мог проникнуть в мои мысли и прочесть в них и то, что мне было известно, и то, о чем я даже не догадывалась. Потом он глубоко вздохнул:

— Ты ошибаешься. Все время случается так, что я спотыкаюсь там, где остальные легко достигают своей цели. Я с ними одной крови, но во мне что-то не так; иногда я могу распоряжаться своими силами, а иногда они мне изменяют.

Я провела рукой по накидке на моих плечах.

— Но ведь было же что-то, что привлекло меня и, кажется, на этот раз твои силы не отказали тебе.

Херрел кивнул:

— И таким образом я получил то, что для меня не предназначено...

— И поэтому есть основания опасаться несчастья? — Я не верила, что он боится этого. Он, конечно, был воин не из последних, несмотря на то, что он думал о себе сам.

— Ты не понимаешь, — мягко произнес он. — Я могу только такую малость, которую ты узнала в первый час нашего знакомства, и, возможно, с этого часа у нас впереди не будет гладкой дороги. Мы запросили у вас двенадцать и одну невесту, но наш отряд насчитывает почти в два раза больше воинов. Мы предоставили выбор колдовству и судьбе, но некоторые из оставшихся никак не могут согласиться с тем, что выбор пал не на них. Кроме того — ты назвала себя пленницей людей из-за моря и ты не из рода Верхнего Халлака, потому что ни один из его жителей не может видеть нашего второго лица. Поэтому ты можешь быть нашей дальней родственницей...

«И поэтому не принадлежать к человеческому роду?» — спросила я сама себя.

— Не позволяй никому обнаруживать, что ты видишь наши вторые лица, — предупредил он меня. — Они не доверяют тем, кто не такой, как все, и, вероятно, еще меньше будут доверять той, которая выбрала м о ю накидку.

Некоторое время мы молчали, потом я спросила:

— Это ваш лагерь?

— На час-другой, — улыбнулся он. Если ты пытаешься увидеть замок или стены какого-нибудь огромного укрепления, то ты напрасно стараешься, моя Леди. У нас нет другого дома, кроме степей.

— Но вы же уедете отсюда — это часть договора. Куда же мы поедем?

— На север, далеко на север, а потом на восток. — Рука его легла на застежку с молочно-белым камнем. — Мы — изгнанники, и теперь снова хотим вернуться на родину.

— Изгнанники? Из какой страны? Из-за моря? — Может быть, мы были дальние родственники по крови.

— Нет. Наша родина может находиться далеко в пространстве и во времени, но она неотделима от этой земли. Мы потомки древнего народа, в то время, как народ Верхнего Халлака — очень юный народ. Раньше для наших странствий не было границ. Все наши мужчины и женщины обладали силой, которой они могли пользоваться по своему желанию. Хотел кто-нибудь ощутить свободу скачущего галопом коня — он мог стать юным конем. Или соколом, или орлом, парящим в воздухе. Если ему хотелось иметь богатую одежду и драгоценности, он получал их с помощью своих способностей, и они исчезали, когда их великолепие наскучивало владельцу. Но только обладание такой силой и её использование породило скуку, потому что со временем не осталось больше ничего такого, что можно было бы пожелать, никаких новых впечатлений для глаз, сердца и души.

Нам не стало покоя, мы искали всё новых ощущений и впечатлений, и пришло опасное время. Мы распахнули двери запретного и развязали силы, которые не смогли контролировать. Мы становились все старше и слабее. И некоторые из нас, снедаемые беспокойством и любопытством, стали искать другие развлечения. Они высвобождали силы, природу которых зачастую не понимали, и смерть нависла над страной. Мужчины, бывшие до тех пор друг для друга братьями, теперь встречали друг друга с недоверием и даже ненавистью.

Они убивали друг друга разными способами, один другого хуже.

И после одного из сражений на мужчин нашего народа наложили кару. С той поры каждый, кто родился с беспокойной душой, должен покинуть страну и превратиться в странника. Свободного выбора нет, хотя некоторые из нас и выбрали бы спокойную жизнь. Такие люди рассматриваются как потенциальные нарушители мира, и его необходимо поддерживать неукоснительно, иначе наша раса исчезнет с лица земли. И каждый из беспокойных духом должен странствовать до тех пор, пока звезды на небе не образуют новый узор. Когда это произойдет, они могут отыскать Врата и просить разрешения войти. И если они выдержат проверку, то смогут вернуться на родину к своему народу.

— Но люди Верхнего Халлака говорили, что знали Всадников с тех пор, как поселились в этой стране...

— Продолжительность жизни людей не сравнима с нашей. И теперь приближается день, когда мы снова должны попытаться счастья у Врат. Но, удастся наше возвращение или нет, наш род не должен вымереть. Поэтому мы взяли невест у людей. Мы хотим, чтобы у нас были потомки.

— Полукровки не всегда обладают теми же качествами, как чистокровные...

— Это правда. Но, моя Леди, ты забываешь, что мы всё же обладаем некоторыми способностями, и не всё наше колдовство всего лишь обман зрения.

— Но останутся ли девушки под властью чар и далее? — Я взглянула на двух своих спутниц, которые были так увлечены, что видели только тех, с кем делили кубок и блюдо. Хорошо это или нет, я не могла сказать.

— Они будут видеть только то, — ответил он, — что захочет тот, чью наикдку они носят.

— А я?

— Ты? Если ты изо всех сил будешь стараться делать это, то, может быть, будешь видеть то, что видят другие. Мои спутники будут недовольны, если узнают, что у тебя есть воля. Как опытный воин, я могу сказать, что для тебя будет лучше, если ты будешь видеть только то, что видят другие. За наше счастье, моя леди...

Его тон изменился так внезапно, что я сначала была ошеломлена, а потом насторожилась. Сзади к нам кто-то

приближался. Но я сделала вид, что ничего не заметила и глядела на Херрела так, словно он был единственным на всем свете.

Тот, кто подошел, молча стоял позади меня, он был один, и от него облаком исходило какое-то беспокойство... Ненависть? Нет, в нем было слишком много презрения. Это было что-то вроде досады, направленной против низшего члена группы, гнев за то, что тот осмелился воспротивиться власти, в которую подошедший так верил.

— А, Хальзе, ты пришел, чтобы выпить за мою невесту? — Херрел взглянул на того, кто стоял позади меня. На его лице не было заметно и следа беспокойства. Однако голос его стал острым, как лезвие боевого ножа, и я была уверена, что Хальзе не был другом Херрела, а относится к тем, кто завидовал ему, потому что волшебство, сотворённое Херрелом, принесло тому успех. Но я продолжала смотреть на Херрела с таким же восторгом, с каким другие девушки смотрели на своих избранников.

— Кажется, Херрел, который всегда был так неловок, все же преуспел в волшебстве, — заметил подошедший с явной насмешкой. — Позволь посмотреть, насколько тебе это удалось, позволь посмотреть, что за невеста подобрала твою накидку!

Одним быстрым движением Херрел оказался на ногах, готовый принять вызов насмешника.

— Мой Лорд? — Я схватила его за руку, гладкую и холодную. — Мой Лорд, что это значит?

Он помог мне встать, и я, наконец, смогла увидеть стоявшего за моей спиной. Он был на пару дюймов ниже Херрела, а его тело, такое же стройное и мускулистое, как и у Херрела, было намного шире в плечах. Но в целом от своих спутников он отличался только тем, что его брюки и сапоги были из коричневого меха и на застежке его пояса был небольшой красный камень. Но, походя внешне друг на друга, как братья или близкие родственники, внутренне они разительно отличались друг от друга. Гнев, надменность и самоуверенность одного из них были так велики, что он считал, что ничто в мире не сможет устоять против его воли — таков был Хальзе. Я поняла, что должна бояться его, как испуганная маленькая мышка боится охотящейся совы.

— Моя Леди, — Херрел все еще сжимал мою руку. — Я

хочу представить тебя моим спутникам-Всадникам. Это Хальзе, Сильная Рука.

— Мой Лорд, — я постаралась быть мужественной и как можно лучше сыграть свою роль. — Я уважаю твоих друзей и спутников, — слова мои были формальными, и я надеялась, что в них не было заметно фальши.

Глаза Хальзе пылали не зеленым, а красным, и улыбка его жгла, как удар бича по голому телу.

— Воистину, твоя леди прекрасна, Херрел. На этот раз счастье на твоей стороне. Но будет ли счастлива Леди?

— Мой Лорд? Я знаю, что вы имеете в виду. Но пламя, обжигающее меня — огромное блаженство, и оно мое в этот час.

Так я парировала его удар бичом, хотя это и не входило в мои намерения. Он, улыбаясь, отошел, но это была вымученная улыбка, за которой он с трудом скрывал свою ярость.

— Пусть и дальше это будет так же приятно, — он поклонился и пошел прочь, не попрощавшись.

— Так и будет, — заметил Херрел. — Но я думаю, что нам предстоит борьба. И ради всего святого, Джиллан, следи за своим языком, своей улыбкой и даже своими мыслями! Хальзе и представить себе не мог, что он уедет отсюда без невесты, и что мне повезет там, где он потерпит поражение, и это вдвойне разозлило его. А теперь пошли, время не ждет.

Я увидела, что остальные тоже поднялись, и праздник кончился.

Херрел обнял меня рукой за талию, и мы вместе с другими парами пошли к тому месту, где нас ждали лошади.

Меня привезли сюда на лохматом горном пони, а эти лошади были совсем другими. У них была странная пятнистая шерсть, серая и черная, и благодаря этой расцветке они сливались с зимним ландшафтом, когда стояли неподвижно. Теперь мы снова вернулись из весны в зиму.

Лошади Всадников были крупными и более гибкими и длинноногими, чем лошади, которых я видела в долинах. Покрывала на седлах были из меха, а сами седла были маленькие и немного неуклюжие. Некоторые из лошадей были навьючены тюками, хотя мне показалось, что мы не взяли с собой ничего, чем мы подкреплялись во время свадебной церемонии так же, как мы не взяли с собой ничего из оставленных нами палаток.

Так мы уехали в ночь от долины Свадьбы, и хотя я сама

не чувствовала себя настоящей невестой, я считала Херрела своим женихом. Я пока не нашла никого, кто мог бы разделить мои чувства и мое общество, и снова оказалась в стороне от тех, с кем мне придется жить.

Лошади бежали быстро и неутомимо. Я не могла себе и представить, что какие-нибудь четвероногие способны на такое. Проходили часы, но время не имело никакого значения. Может быть, Всадники с помощью своего волшебства смогли изменить ход времени. Вероятно также, что в том, что мы съели и выпили, было что-то, прогоняющее голод и усталость, потому что всё это время мы не ели и не отдыхали. Мы ехали всю ночь, весь следующий день и всю следующую ночь. Лошади не знали усталости, и всё было как во сне. Я не думаю, что мои спутницы замечали ход времени, потому что они ехали словно в трансе, и на их лицах застыло выражение восхищения.

Наконец степь кончилась, и мы въехали в высокогорную область, и здесь я впервые за все время увидела сооружение, сделанное руками человека: стену в два человеческих роста, сложенную из камней, и хижину с крышей из хвороста. Или это видела только я, потому что я услышала, как Кильдас сказала:

— Мой Лорд, как прекрасен этот зал!

И я сосредоточилась на том, чтобы видеть то, что я должна была видеть. А потом мы въехали во двор, окруженный каменными строениями с крышами из дерева, украшенного искусной резьбой.

Херрел повернулся ко мне:

— Здесь мы отдохнем, а потом поедem дальше, моя Леди.

Когда я спешила, на меня нахлынула такая усталость, какой я давно не чувствовала, хотя и должна была чувствовать, и я подумала, что мне нравится, что Херрел не стал поддерживать меня и помогать мне. Мой отдых начался с дремоты, которая перешла в глубокий сон.

Проснувшись я в полной темноте! И услышала возле себя спокойное дыхание. Я поняла, что на кровати рядом со мной кто-то лежит. Я лежала напрягшись и прислушиваясь. Но кроме равномерного дыхания не было слышно больше никаких звуков. Но я проснулась: меня разбудил внутренний зов.

Было очень темно, и я осторожно поднялась. В помещении было тепло, словно в камине горел яркий огонь, но здесь

не было ни камина, ни огня. Хотя на мне было только нижнее белье, мне было не особенно холодно. Но внутри меня словно разливался какой-то холод.

И внезапно для меня стало очень важно увидеть не только это помещение, но и то или того, кто лежал на этой кровати и спал.

Мои голые ноги ступили на мягкий мех, которым был выстлан пол. Я делала шаг за шагом, ощупывая руками пространство вокруг себя, чтобы не наткнуться на мебель. Откуда я знала, что впереди меня находится источник света? Я шла к нему, наполненная потребностью что-нибудь увидеть.

Стена. Я шла с вытянутыми руками, которые не повиновались моей воле. Окно со ставнями, закрытыми на засов. Мои пальцы отодвинули засов, и я распахнула ставни. Яркий лунный свет ворвался внутрь, и все стало хорошо видно.

— Arrr ... — голос или рычание?

Я обернулась и взглянула на кровать, на которой я только что лежала. Что это подняло голову и взглянуло на меня зелеными глазами? Мех, гладкий блестящий мех и острые зубы-клыки, обнаженные во внезапно пробудившейся ярости. Горная кошка и не кошка. Губы приподнялись, и клыки обнажились еще больше, готовые резать и поглощать... Это было самое ужасное и отвратительное зрелище из тех, что я видела до сих пор.

— В о т ч т о т ы в ы б р а л а ! — В то мгновение, когда в моей голове прозвучали эти слова, я подавила зарождавшуюся внутри злобу. Может быть, это тот, другой, пытался добиться меня и изменить мою судьбу. И то, что я видела, было двояким, одно под другим, серебристая шкура, гладкий мех, звериная маска на лице. Только зеленые глаза оставались все теми же. И они горели готовностью к бою. Когда они открылись, в них был разум и понимание.

Я подошла к тому, кто одновременно был зверем и человеком. И потому, что я смогла увидеть в нем человека, я больше не испытывала страха перед тем, кто находился рядом со мной в комнате. Я боялась только того, кто разбудил меня и направил к окну.

— Ты Херрел, — сказала я человеку-зверю. И после этих слов он полностью превратился в человека, а зверь исчез, словно его никогда не было.

— Но ты видела меня другим, — это было утверждение, а не вопрос.

— В лунном свете... да.

Он встал и теперь стоял в ногах кровати. Повернувшись к двери, он взмахнул рукой в воздухе и пробормотал несколько слов на языке, которого я не понимала. На двери появился свет, но не серебристый, как свет луны, а зеленоватый, как от светильников Всадников, и от этого света протянулись две световые дорожки: одна к кровати, возле которой стоял Херрел, другая — к моим ногам.

Я снова увидела смешение человека и зверя, на этот раз потому, что в нем закипал гнев. Херрел набросил на плечи накидку и пошел к двери. Но, положив руку на запор, он остановился и взглянул на меня.

— Может быть, это и лучше... Да, лучше. Только, — теперь он говорил мне, а не сам себе, — они должны увидеть, что ты испугалась. Ты можешь кричать?

Я не могла понять, что он задумал, но я доверилась ему. Я собрала все свое мужество и закричала, сама удивляясь тому, сколько ужаса мне удалось вложить в этот крик.

Тишина в здании царила недолго. Херрел распахнул дверь, а потом снова отскочил назад ко мне. Его рука обняла меня, словно он меня утешал. Он прошептал мне на ухо, что я и дальше должна разыгрывать испуг.

Послышались вопрошающий голос и торопливые шаги, потом к нам приблизился свет лампы. Предводитель Всадников Хирон стоял в дверях и смотрел на нас. До сих пор я видела его только издали. У него был вид человека, требующего удовлетворительного объяснения.

— Что здесь произошло?

Короткий вопрос Хирона помог мне.

— Я проснулась оттого, что мне стало жарко. Мне захотелось открыть окно..., — я подняла руку и неуверенно провела ей по лбу, словно почувствовала себя совсем ослабевшей. — Потом я обернулась и увидела огромного зверя...

На мгновение воцарились тишина. Херрел нарушил её.

— Посмотри сюда, — это прозвучало как приказ, а не как просьба. Он указал на мех у моих ног, по которому протянулась зеленая линия, уже побледневшая, но все еще заметная.

Хирон посмотрел, потом снова взглянул на Херрела.

— Ты требуешь права меча?

— Против кого, Хирон? У меня нет никаких доказательств.
— Это правда, и лучше не надо никого искать — особенно сейчас.

— Я никого не вызываю на поединок, — холодно ответил Херрел.

Хирон кивнул, но я почувствовала, что ему было противно, словно это была неприятность, которую он принял к сведению только из чувства долга.

— Ни это, ни что-либо еще не должно повториться, — продолжал Херрел. — Нет большего преступления, чем посягать на чужую избранницу. Разве мы все не клялись на оружии?

Хирон снова кивнул.

— Больше не будет ничего подобного.

Когда мы снова остались одни, я посмотрела на Херрела.

— Что за колдовство было направлено против нас сегодня?

Но он не ответил на мой вопрос, а только изучающе посмотрел на меня и спросил:

— Ты увидела зверя, но все же не побежала от него?

— Я увидела зверя и человека, а человека я не боялась. А теперь скажи мне, что все-таки произошло, потому что это, очевидно, было сделано со злым умыслом.

— Колдовство было направлено на то, чтобы сделать меня отвратительным в твоих глазах, и, может быть, на то, чтобы ты оставила меня и побежала к другому, который ждал тебя. Скажи мне, почему ты пошла к окну?

— Потому что... потому что мне было приказано, — да, это так. — Мне во сне приказали, чтобы я сделала это. Это Хальзе?

— Вероятно. Но есть еще и другие. Я уже говорил тебе, что никто не верил в то, что какая-нибудь из женщин может выбрать мою накидку. И то, что я достиг этого, принизило их в их собственных глазах, они с удовольствием смотрели бы на моё поражение. Они хотели отнять тебя у меня, напугав тебя изменением моего тела.

— Изменением твоего тела... Ты носишь человеческое тело потому, что тебе это нужно?

Он ответил мне не сразу. Он подошел к окну и выглянул наружу, в ночь, залитую лунным светом.

— Ты боишься того, что узнала обо мне.

— Я не знаю. В первое мгновение я испугалась, да. Но для моего второго зрения ты навсегда остаешься человеком.

Он снова повернулся ко мне, но лицо его было в тени.

— Я клянусь тебе на оружии, Джиллан, что никогда по собственной воле не буду пугать тебя.

Глава 6

На следующее утро мы выехали из опорного пункта Всадников, и на этот раз с нами было больше выючных лошадей, потому что возвращаться никто не собирался. Мы приближались к Вратам в их скрытую страну. Мы поднимались в горы все выше и выше, дул холодный ветер, хотя снега и не было. Херрел молча ехал слева от меня. Изредка он поднимал голову, и ноздри его расширялись, словно он чувал в воздухе опасность. Осторожно оглянувшись, я увидела, что остальные Всадники делают то же самое, и только девушки всё еще были под властью чар. На Всадниках были серебристые шлемы, и гербом Херрела была великолепно сделанная маленькая фигурка в виде присевшей и готовой к прыжку горной кошки. Гербом мужчины, ехавшего рядом с Кильдас, была птица — может быть, орел — с распростертыми крыльями, словно вот-вот готовая взлететь в воздух. А за ним ехал человек, на шлеме которого была фигурка медведя, очень злобного красно-коричневого обитателя горных лесов, которого охотники боялись больше, чем всех остальных диких зверей.

Человек с медведем на шлеме повернул голову, и я узнала Хальзе. Медведь, кошка, орел; я попыталась рассмотреть гербы других: дикий кабан, клыки которого подняты для нападения, волк... Оборотни, колдуны, могли ли они на самом деле превращаться в зверей и птиц по своей воле и желанию? Или то, что я видела в последнюю ночь, было только иллюзией и было направлено на то, чтобы оттолкнуть меня от Херрела?

На небольшой площадке мы сделали привал, чтобы перекусить. Я заметила, что Всадники беспокойны. Те, у которых были невесты, собрались вокруг Хирона, и трое из них через некоторое время поскакали вперед. Ни одна из девушек, казалось, не заметила этого беспокойства, так что и я должна была выглядеть беззаботной. Но когда Херрел принёс мне

стакан вина, я шепотом спросила у него, чем они все так обеспокоены.

— Опасность — к востоку отсюда. Люди, возможно, ализонцы...

— Но ализонцы на этом берегу уничтожены! Нет больше никаких... — я не смогла скрыть своего удивления.

— Некоторые из них в отчаянии бежали, потому что у них здесь не осталось ни одного корабля, а другого пути вернуться на родину у них не было. Эти люди укрылись в глухих местах и живут разбоем и налетами.

— Но так далеко на север...

— Они знают, что Люди Верхнего Халлака сюда не заходят, а к нам в степь они не заходят сами.

— Но они также знают, что Всадники все еще здесь, а на Всадников они нападать не отважатся! — Я переняла уверенность жителей долины о том, что те, с которыми я сейчас ехала, были непобедимы, и не было человека, который был бы могущественнее их и по собственной воле выступил бы против Всадников.

— Джиллан, — Херрел слегка улыбнулся. — Ты переоцениваешь нас. У нас есть способности, которых нет у других рас, но мы так же истекаем кровью, если нас ранят мечом, и так же умираем, если рана достаточно глубока. И, как ты видишь, нас немного. Ты сама должна понять, что очень трудно все время поддерживать иллюзию. Двенадцать из нас пошли своим путем. От каждого из тех, кто сопровождает невесту, требуется больше, чем просто желание поддерживать иллюзию. В последнюю ночь ты спросила у меня, было ли на самом деле то, что ты видела. Да, иногда я бываю таким — в бою. Мы изменяем свои тела ради своей собственной безопасности. Но для того, чтобы принять то или иное обличье, требуется воля и сила духа. Эти юные девушки из Верхнего Халлака видят нас такими, какими мы хотим казаться им. Однако, если сейчас нам придется принять бой, они увидят нас такими, какими видела нас ты, и это может погубить всё, что мы получили в результате нашего договора. Скажи мне откровенно, Джиллан, кто из тех, кто пришел сюда с тобой, примет нас в нашем настоящем виде, не делая никакой разницы?

— Я недостаточно хорошо знаю их...

— Но ты можешь предположить...

— Очень немногие, — может быть, я недооценивала девушек Верхнего Халлака, но я подумала об их разговорах и том страхе, с которым они ехали к перевалу, и я, вероятно, не ошибалась.

— Вот видишь. И это нам очень сильно мешает, а тем, кто на нас нападет, терять нечего. Но я не думаю, что они нападут на нас. Мы надеемся, что до сражения дело не дойдет.

Но надежда была напрасной. Через час после того, как мы покинули площадку отдыха, Всадники разделились на две группы. Часть Всадников направилась галопом на восток и скрылась из виду. Несколько остались с нами. Одним из них был Хальзе, который взад и вперед скакал вдоль нашей колонны, и каждый раз, когда он проезжал мимо, мне казалось, что он поворачивает голову ко мне, и медведь на его шлеме сверкает злобными глазами.

Зимой сумерки наступают рано, и вот уже тени выползли на дорогу, которая вилась между обломками скал, покрытыми снегом. Лошадь Херрела остановилась, и я натянула поводья своей кобылы. Остальные Всадники исчезли, и мы, наконец, остались одни.

Остановившись, Херрел спешил и осмотрел передние ноги своей лошади. К моему удивлению, он осматривал не копыта, а длинные волосы, защищавшие их. Внезапно пальцы его замерли и все тело напряглось.

— Что случилось? — спросила я.

Но не получила никакого ответа. В воздухе прозвучало тонкое, пронзительное пение. Лошадь Херрела встала на дыбы, всхрапнула, брыкнулась и сбила Херрела на землю.

Я не смогла удержать свою кобылу. Она слепо помчалась прочь. Напрасно я пыталась успокоить ее, совладать с ней при помощи поводьев, чтобы заставить ее снова повиноваться мне. Наконец, я в отчаянии вцепилась в ее гриву. На своей груди я чувствовала жжение, казалось, что что-то обжигало мою кожу. Мой амулет — я совсем забыла о нем. Однажды я тайно сделала его из трав и ягод, зашила его в платочек и вышила на этом платочке символы. Свои знания я черпала из старых книг, рецепты я испытывала сама, а заговоры, которыми я пользовалась, происходили от верований, старых, как сама религия. Я носила амулет на ленточке на шее, под костюмом и гербом. Даже монахиня Алюзан говорила,

что в старом, передающемся из поколения в поколение знании есть доля истины.

Одной рукой я схватила амулет и сорвала его с ленточки, а потом, почти не сознавая, что делаю, прижала амулет к покрытой пеной лошади. Та взбрыкнула, испуганно заржала и замедлила свой головокружительный бег. Моя воля, наконец, победила, и мы вернулись. Я была уверена, что мою кобылу и лошадь Херрела нарочно привели в состояние паники.

Я почти боялась, что не найду обратной дороги, потому что все скалы вокруг выглядели одинаково. Позади меня послышался стук копыт, и сразу же после этого возле меня оказался Хальзе. Я видела его сверкающие глазки человека... медведя. Он нагнулся, чтобы подхватить поводья моей лошади и заставить ее остановиться. Я оттолкнула его руку, и при этом амулет соскользнул с разорванной ленточки и ударил его по запястью.

— Аааа... — раздался крик боли, словно на него обрушился удар бича. Он отпрянул, и его лошадь встала на дыбы. А потом я снова оказалась вне пределов его досягаемости и поскакала к Херрелу.

Но там была только его лошадь, стоявшая со свисающими поводьями и опущенной головой. А потом я увидела на скальном выступе готового к прыжку зверя, такого же, как я видела в лунном свете на кровати.

— Херрел? — Я была так уверена в том, что зверь снова превратится в человека, что, забыв обо всякой осторожности, спрыгнула с лошади и побежала к скале. Но на этот раз мне не удалось прогнать призрак. Зеленые глаза пристально смотрели в том направлении, откуда мы прибыли. А потом хищная кошка издала долгий вой. Я испуганно отпрянула от скалы, и внезапно амулет, который я все еще сжимала в руке, снова нагрелся. Я торопливо убрала свою руку от скалы, о которую я опиралась, и увидела в щели скалы какой-то предмет, похожий на жезл. От него исходило такое зло, что я, не задумываясь, вытащила из трещины этот предмет и бросила его на землю. Предмет этот был длиной с мое предплечье, и он раскалится, когда я приблизилась к нему своей рукой. Я начала топтать его каблуками сапог и топтала до тех пор, пока он не разлетелся по камням мелкими осколками.

— Харроооо! — отразилось от скал, и этот звук исходил из

человеческого горла. Потом я услышала другой крик и шипение зверя.

А потом, так быстро, что я едва это заметила, мимо меня пронесся медведь, за которым следовал волк. Надо мной пролетела гигантская птица, потом я увидела огромного серого волка, еще одну кошку, на этот раз — красно-коричневую, с черными пятнами, второго черного волка: отряд Всадников на боевой тропе. Но самого боя я не видела. И, может быть, это было к лучшему, потому что я услышала крики, наполненные таким ужасом, что зажала себе уши и забилась в щель скалы. Мужество покинуло меня. У меня оставалось только одно желание: не видеть и не слышать ничего, что происходило там, где в полутьме сошлись звери и люди.

Я пришла в себя, когда кто-то потряс меня за плечо и назвал меня по имени.

— Джиллан!

Я взглянула в зеленые глаза, но на этот раз они принадлежали не кошке, кошка осталась лишь фигуркой на шлеме...

— Она видела нас! Она знает все! — услышала я голос по ту сторону моего маленького мирка, в котором я была заключена и в котором кроме меня был только Херрел.

— Она знает больше, чем вы думаете, братья по отряду! Посмотрите, что она держит в руках!

Гнев сгустился вокруг меня, и я почти ощущала его в виде плотного красного тумана.

Потом кто-то обнял меня и поддержал, словно обещая безопасность.

— Прекратите! Лучше посмотрите, что она держит в руке! Посмотрите же — Харл, Хизон, Хулор! Это волшебство, но оно не причинит зла, если только зло не будет направлено против него самого! Харл, скажи Семь Слов, держа это в руке.

Я услышала слова или звуки, такие резкие, что ушам стало больно. Слова чужой Силы.

— Ну?

— Да, это волшебство, но оно направлено только против Власти Тьмы!

— А теперь посмотрите туда!

Красный туман гнева исчез. Я снова видела, как обычно — глазами, а не чувствами. Там, где я растоптала тот предмет,

в небо поднималась тоненькая ниточка маслянисто-черного дыма, а скверный запах, появившийся, когда я его растоптала, исчез. Дым медленно принял форму жезла, подобного тому, что я нашла в расщелине скалы.

Ревун, один из тех, что используют Темные Силы.

Снова прозвучали странные слова, на этот раз произнесенные почти всеми одновременно. Предмет, образовавшийся из дыма, покачнулся и внезапно исчез с резким хлопком.

— Вы сами всё видели, — сказал Херрел. — Теперь вы знаете, что это было такое. Тот, кто носит такой амулет, как у Джиллан, не может заниматься черной магией. Джиллан, — он повернулся ко мне. — Что ты можешь сказать по этому поводу?

— Амулет обжег мне руку, когда я оперлась о камень. Я увидела в камне расщелину, и в этой расщелине находился тот предмет. Я... я вытащила его и раздавила ногами на мелкие кусочки.

— Вот видите, — Херрел снова повернулся к остальным Всадникам. — Мне кажется, братья по отряду, что мы должны быть благодарны ей за спасение. Если бы этот предмет не был уничтожен, могло произойти вот что: мы не смогли бы избавиться от нашего боевого обличья, не смогли бы снова превратиться в людей и вернуться назад, к тем, кто не должен знать о нас правду.

Среди Всадников послышалось быстрое перешептывание.

— В таком случае, нам нужно посоветоваться, — заявил Хальзе.

— Пусть будет так, — ответил Херрел. — Но есть ещё кое-что. Харл, я прошу тебя, взгляни на левую переднюю бабку Рошана.

Я увидела, как тот, у кого на шлеме была прикреплена фигурка орла, подошел к лошади Херрела, нагнулся к ее левой передней ноге и ощупал копыто.

— Путы колдовства?

— Да. И это не работа какого-нибудь нашего врага или врага моей Леди! Может быть, — Херрел бросил долгий взгляд на каждого из присутствовавших здесь Всадников. — Может быть, это было задумано, как шутка. Но это едва не послужило причиной моей гибели, а также каждого из нас, кто пришел сюда. А может, это была совсем не шутка. Кто-то надеялся, что я остановлюсь и паду жертвой судьбы или врага?

— Тогда у тебя есть право требовать удовлетворения с помощью меча, — сказал ему Хальзе.

— Я знаю и потребую этого, когда найду того, кто пытался сыграть со мной такую скверную шутку.

Херрел посадил меня в седло, а потом сел позади меня. Его руки обняли меня, но я все же чувствовала себя одиноко. Одиноко среди тех, кто, как мне казалось, ненавидел меня.

Глава 7

Потом мы где-то разбили лагерь, и я так устала, что все происшедшее казалось мне дурным сном.

На следующее утро мы поехали дальше, и я все еще чувствовала себя разбитой. Херрел ехал рядом со мной.

— Все это продлится не больше одного дня. Мы уже недалеко от Врат. Но я прошу тебя никогда не забывать, чего ты должна остерегаться.

Херрел говорил так, словно опасность угрожала нам обоим. Но я все равно чувствовала себя совершенно одинокой. Рядом со мной ехал не тот Херрел, на которого я могла бы положиться. Это был и человек и зверь, и я не отваживалась довериться ни одному, ни другому.

— Мне снилось, что была битва, но битвы не было никакой, — проговорила я, словно затвержденный урок.

— Да, не было никакой битвы, — подтвердил он.

— Итак, эта битва мне приснилась, — продолжала я. — Кто же следует по нашим следам, и какое оружие использует противник, чтобы разрушить ваши чары?

Он ответил мне со всей откровенностью.

— Это были охотники из Ализона, некоторые из них, должно быть, обучены тайному знанию, и их ненависть выплеснулась наружу. То, чем они воздействовали на нас, было Темной Силой, вызывающей видоизменение наших тел, а затем навсегда закрепляющей это изменение. И тем самым они сами себе рыли могилу. Для них лучше было бы, если бы они сделали так, чтобы мы навсегда остались людьми.

— Сколько их было? И почему они напали на нас?

— Мы насчитали двадцать человек. Их план был очень хитер. Они оставили след, чтобы разъединить нашу группу, а потом напали на ту ее часть, которую считали более слабой. Они носили щиты с гербами Халлака, и это значит, что они

хотели восстановить нас против Халлака. Но откуда у них Черная Стрела? Она не относится к их обычному вооружению.

Потом Херрел получил приказ ехать в арьергарде, и я присоединилась к другим девушкам. Один раз, когда Сольфинна немного отъехала от меня, рядом со мной появился Хальзе. Его красные медвежьи глазки изучающе глядели на меня, словно он пытался прочесть мои мысли.

— Настоящее зрение может угнетать, моя Леди, — заметил он. — Оно здесь не нужно.

— А если нужно, мой Лорд? Ведь именно оно помогло мне обнаружить эту вещь. По крайней мере, я так думаю. И оно может принести мне ещё пользу ...

Он пожал плечами.

— Может быть, мы несправедливы к вам, моя Леди. Но, по крайней мере, ваши сестры не разделяют ваших сомнений. И вам это также было бы полезно.

Все же я находила его улыбку жуткой, и когда он, наконец, повернул своего коня и исчез, я поехала быстрее, чтобы догнать Кильдас. Мне вдруг стало очень неприятно ехать в одиночестве.

— Харл сказал, что у Хальзе злой язык, — заметила Кильдас. — Хотя он и проявляет необходимую вежливость или, по крайней мере, кажется, что проявляет. Он в ярости от того, что ему не досталось невесты.

— Может быть, его накидка была недостаточно привлекательной.

Она рассмеялась.

— Только бы он не услышал этого! Он воображает, что в любом обществе является первым. А это правда, он же выглядит таким привлекательным...

Она находит его привлекательным? Для меня он был медведем, скрытой под густым мехом опасностью.

— Красивое лицо — это еще не все.

— Ты права. И мне Хальзе не особенно нравится. Он всегда улыбается, кажется таким довольным, но я думаю, что на самом деле это не так. Джиллан, я не знаю, что тебе сказал Херрел, но не разговаривай с Хальзе так открыто. Харл сказал мне, что между Хальзе и Херрелом старая вражда, а после свадеб отношения между ними еще больше ухудшились. Потому что Херрел получил то, что Хальзе хотел бы...

— Меня? — улыбаясь, спросила я.

— Может быть, не тебя, но невесту. Перед тем, как мы появились здесь, он много говорил о том, что его счастье было разрушено. Это сидело занозой в нём. И другие Всадники не забыли о его хвастовстве и постоянно напоминают ему об этом. Это плохо, — она посмотрела на меня. — Прежде, чем мы встретились с ними, я думала, что все Всадники похожи друг на друга и объединены в общую группу, которая думает и действует, как один человек. Но они оказались такими же, как и все остальные люди; у каждого из них свои собственные мысли и мечты, ошибки и страхи.

— Тебе Харл рассказал все это?

Кильдас улыбнулась, и улыбка ее была улыбкой безграничного счастья.

— Харл рассказал мне о многом... — и она снова погрузилась в мир грез и мечты, куда я не могла последовать за ней.

Долгий день подходил к концу, но Херрела я больше не видела. Мы, в конце концов, достигли узкого и длинного ущелья, вход в которое был так тщательно скрыт деревьями и кустами, что об его существовании невозможно было догадаться. Там нас ожидали скрытые отвесными скалами походные палатки, и авангард нашей группы уже достиг их. Стемнело, но в руках у Всадников мерцали зеленые лампы, и был разведен костер. Все вокруг походило на интерьер большого прекрасного зала.

Но, когда мы остановились, Херрел не подошел ко мне, чтобы помочь слезть с лошади. Это сделал человек, у которого на шлеме была фигурка волка.

— А где Херрел? — спросила я.

— Арьергард еще не подъехал, Леди.

Это было правдой. Но, честно говоря, я не могла сказать, что почувствовала облегчение и избавилась от своего страха, когда увидела искусно вырезанную фигурку кошки, прикрепленную к шлему, из-под которого на меня смотрели зеленые глаза.

Усталость, которую я совсем не ощущала, пока сидела в седле, волной нахлынула на меня, когда я с онемевшими ногами и руками приблизилась к костру. Одиночество стеной отделило меня от остальных, одиночество и то, что только я одна знала об их тайне. Мне все еще не было ясно, был ли Херрел зверем, который мог принимать внешность человека, или же он был человеком, который иногда принимал облик зверя? При нашей первой встрече я с готовностью

пошла на то, чтобы признать его странности, но теперь меня угнетала мысль, что путей к отступлению нет. И я больше не могла думать о будущем.

— Джиллан?

Я с трудом повернула голову. Ко мне подходил Херрел. Охваченная чувством одиночества, я смотрела на человека, для которого я, может быть, что-то значила. Я протянула ему руку и произнесла: — Херрел!

Глава 8

Руки Херрела обняли меня и вокруг всё сразу преобразилось. Теперь мы находились не в темном узком ущелье, окруженном каменными стенами, а в самом центре цветущей весенней долины. И хотя нас все еще окружала ночь, это была весенняя ночь. На травяном ковре, испуская сладкий аромат, распустились маленькие белые цветочки. Зелено-золотое сияние, исходящее отнюдь не от ламп, окружало палатки. Я увидела низкий стол, уставленный тарелками и кубками, а перед ними маты, на которых сидят во время еды. Все, у кого не было невест, исчезли. Только мы, двенадцать и одна, остались тут с мужчинами, которых мы выбрали.

Херрел повел меня к столу, и я последовала за ним, околдованная в тот момент так же, как и все другие девушки. Какое это было облегчение — забыть о реальности и погрузиться в иллюзию!

Мы с Херрелом, как обычно, ели из одной тарелки. Я не могла понять, что это была за еда, я знала только, что никогда в своей жизни не ела ничего более вкусного и изысканного. И темно-красная жидкость в бокалах, стоявших перед нами, пахла спелыми, напитанными солнцем фруктами ранней осени.

— За тебя, моя Леди, — Херрел поднял бокал.

Действительно ли он выпил или мне это только показалось? Когда он передал мне бокал, я только слегка смочила вином губы.

— Теперь мы, наконец, достигли цели нашего путешествия, мой Лорд? — спросила я у Херрела.

— В известном смысле. Но это также и начало его. И мы сегодня это отмечаем.

В этом обществе трезвы были только мы одни. Вокруг нас

слышался тихий нежный смех и бормотание голосов. Все, казалось, были счастливы, но мы не включились во всеобщее веселье.

— Перед нами находятся Врата, и мы должны проникнуть через них? Или овладеть ими?

— Овладеть? Нет, мы не можем силой пробить себе путь. Или Врата откроются сами, или они останутся закрытыми. И если они останутся закрытыми...

Он надолго замолчал, и я решилась задать вопрос:

— И что же тогда?

— Тогда мы должны будем странствовать дальше. Но мы надеемся, что время наших странствий подошло к концу.

— Когда вы это узнаете и как?

— Когда? Утром. И как? Я не могу тебе сказать этого.

Было ясно, что он *н е х о т е л* говорить мне этого.

— И что нас ожидает, когда мы минуем Врата?

Херрел глубоко вздохнул. Лицо его всегда выглядело юным, хотя и с глазами старика, а теперь мне показалось, что и глаза его стали молодыми. И от зверя... видела ли я когда-нибудь его в образе зверя?

— Как мне описать тебе это? Жизнь там совсем другая: это другой мир!

Одна из пар около нас поднялась, и, тесно обнявшись, направилась к палатке. Теперь мне предстояло то, чего я всегда подсознательно боялась.

— Дорогая, пойдем и мы? — голос его изменился и стал мягким и нежным.

Все во мне воспротивилось, но тело мое не оттолкнуло его, когда его рука легла на мою талию. Для постороннего наблюдателя мы были обычной влюбленной парой.

— За наше счастье, — он взглянул на бокал, который все еще держал руке. — Джиллан, выпей за наше счастье.

Это была не просьба, а приказ. Его глаза вынуждали меня пить, и я выпила. Передо мной все поплыло, и иллюзия снова стала совершенной. Я без сопротивления пошла с ним.

Губы его были мягкими, ищущими, а потом требовательными, и я ответила на это требование. Вдруг словно острие меча пронзило меня, и защитная реакция снова проснулась во мне. Нет! Это было не для меня! Это было бы концом сущности Джиллан, это было бы моей маленькой смертью. Против этой смерти поднялись все мои защитные силы, этому воспротивилась вся моя воля. Я забилась в самый

дальний угол палатки и выставила перед собой руки. Потом я увидела бледное лицо Херрела, покрытое кровавыми царапинами.

— Колдунья! — Я услышала, как он отодвигается от меня.
— Ты колдунья, Джиллан.

Я опустила руки и взглянула на него. Он не двигался. Только лицо его было таким же решительным, как после битвы, когда он выступил против своих братьев по отряду.

— Я не знал этого, — тихо сказал он, словно понимая меня.
— Я этого не знал, — он пошевелился и испуганно отпрянул назад.

— Не бойся, я не прикоснусь к тебе ни в эту ночь, ни в следующую! — Голос его звучал горько. — И в самом деле, судьба против меня. Такой, как Хальзе, принудил бы тебя сдаться для твоей же собственной пользы и для пользы всех нас. Но я не хочу делать этого. Хорошо, Джиллан, ты можешь выбирать, но ты должна взять на себя все последствия твоего выбора. И, возможно, ты обнаружишь, что твой выбор был неразумным.

Он, казалось, думал, что я все поняла, но его слова были для меня загадкой. Он взял меч и положил его в середине спального мата. Потом он лег по другую сторону меча и закрыл глаза.

Почему? Мне нужно было задать ему столько вопросов, но лицо его замкнулось. Хотя он и лежал справа от меня, мне казалось, что нас отделяет друг от друга бесконечная пустыня. И я не отважилась нарушить молчание.

Я думала, что теперь мне не заснуть, но едва я легла на своей стороне меча, как сон немедленно овладел мной.

Я проснулась на рассвете.

— Херрел? — Рука моя не ощутила холода стали. Я была в палатке одна. Но во мне зрело желание встать и выйти наружу, желание более сильное, чем тогда, в горах, когда подобное желание привело меня к разоблачению Лордом Имграем. Меня снова звали, но кто и куда?

Я быстро оделась и вышла наружу, в свет раннего утра. Видение исчезло, остались только суровые каменные утесы и догорающий костер. Я чувствовала, что остальные девушки всё ещё спят, и проснулась только я одна. И острое желание убедиться, что я не осталась здесь одна, взяло вверх надо всем.

Снедаемая этим желанием, я пошла к ближайшей палатке. Там лежала Кильдас, укрытая накидкой, и спала. Я заглянула в следующую палатку. Всадников нигде не было! Я вернулась к Кильдас и попыталась разбудить ее, но тщетно. Может быть, ей снился сладкий сон, потому что на ее губах играла улыбка. Попытки разбудить остальных девушек тоже не имели успеха.

И мое беспокойство становилось все сильнее и сильнее. Кожа моя зудела: меня переполняло возбуждение, которого я не понимала. Где-то происходило что-то, что меня притягивало...

Притягивало, да, это было так! Я отключила все свои мысли и постаралась сосредоточиться на этом влечении. Мне так хотелось, чтобы это влечение исчезло.

Я закрыла глаза, качнулась, как соломинка на ветру, и повернулась к засыпанному щебнем концу ущелья. Туда, это было где-то там!

Опасность... я забыла о всякой опасности, я чувствовала только магическое влечение. Я карабкалась по грудам щебня, досадуя на то, что платье мешает мне. Вверх, еще выше, вверх!

Пока я карабкалась всё выше и выше, моя кровь равномерно билась в такт ударам сердца, но одновременно с её пульсацией в воздухе чувствовалась иное биение, похожее на почти беззвучный барабанный бой и удары волн. Потом я услышала звук, на который во мне что-то отозвалось, и зуд в теле стал сильнее. Одновременно во мне росло разочарование, потому что я хотела узнать и понять — но не узнала ничего. Я стояла по эту сторону закрытой двери, по которой я могла молотить кулаками до крови, но я все равно не могла войти в нее, потому что не знала, как ее открыть.

Я достигла вершины каменного кряжа и глянула вниз. И обнаружила Всадников.

Они стояли тремя рядами, и лица их были обращены к концу ущелья. И это действительно был конец: массивная, гладкая каменная стена была непреодолима. Головы Всадников были непокрыты; их шлемы и все оружие было сложено в стороне, на месте, которое находилось почти за пределами моего поля зрения. Они с пустыми руками стояли перед стеной.

Они кричали, но не голосом, а своими сердцами. Этот крик причинял мне боль, и я сжала голову руками, чтобы не слышать его. Но это не помогло мне против чувств, вызванных этим криком: голода, скорби, одиночества и всего лишь искорки надежды. Они, как осадным тараном, ударили своими чувствами в стену, чтобы пробить Врата в свою страну.

Один из них вышел вперед — это был Хирон. Я поняла это, даже не увидев его лица. Он положил свою ладонь на каменную стену и замер, пока остальные все еще взывали о доступе в свою страну. Потом он отошел в сторону, и его место занял другой, потом следующий, и так все по очереди. Время шло, но я сознавала это так же смутно, как и Всадники.

Когда последним к стене подошел Херрел, я увидела его лицо прямо перед собой, как видела его вчера вечером: оно выражало чувство утраты и безграничной тоски. Они там, внизу, не пытались воздействовать на Врата своей волей, они только молили и унижались, идя против своей природы.

Ожидали ли они теперь какого-то ответа? Херрел отошел от стены и снова вернулся на свое место в последнем ряду. И мощные удары их чувств не ослабевали. Но я почти поверила, что все их усилия напрасны. Эта каменная стена, должно быть, несокрушимо стояла там с начала времен. Или во время бесконечных странствий по степям их охватило безумие, которое заставило их пытаться сокрушить эту стену? И была ли вообще эта затерянная страна?

Теперь, когда я привыкла к пульсации в моем собственном теле, и когда я узнала, что они здесь делают, я решила проявить осторожность и подумала о возвращении в лагерь. Но когда я попыталась покинуть свой наблюдательный пост, мне не удалось этого сделать. Я была словно прикована к камням, на которых я полулежала. Когда я это поняла, меня охватил страх, и я вскрикнула.

Они заметили, что я была здесь! Они обнаружили меня! Но ни одна голова не повернулась ко мне. Все глаза были устремлены на стену. Я напрягла всю свою силу воли, но не смогла порвать невидимые оковы. Всадники-Оборотни продолжали взывать к Силам, от которых они ждали милости, в то время, как я должна была бессильно лежать здесь.

Я справилась с охватившей меня паникой и снова попыталась подняться. Я не хотела беспомощно лежать здесь. Но

я не могла двигаться! Моя рука лежала на камне передо мной, и я сосредоточилась на своих пальцах. Давайте же, пальцы! Моя рука сжалась в кулак и оттолкнулась от скалы. Только рука! Рука, поднимись!

Я снова и снова отдавала мысленные приказы, и пот лился по моему лицу. Мне начали повиноваться конечности: сначала одна, потом другая. Я с трудом пошевелила ногой, согнула колено, чтобы освободиться из этой невидимой сети. Еле двигаясь, я отползала назад, пока Всадники не скрылись из моего поля зрения. Потом я устало вытянулась и отдохнула, прежде чем сконцентрировать свою волю на том, чтобы встать. Я стояла, пошатываясь, затем мне удалось переступить сначала одной ногой, затем другой, и чем дальше я удалялась от своего наблюдательного поста, тем свободнее становились мои движения.

Лучи солнца проникли в долину и согрели мое лицо и истерзанные руки. Когда я повернулась спиной к каменному горбу, который отделял меня от Всадников, я снова смогла двигаться нормально. И теперь мне хотелось только достичь лагеря и найти там убежище.

Однако, едва лишь я сделала пару шагов, как услышала удар колокола, похожий на тот, что звучал с колокольни монастыря, призывая к молитве; только этот удар был звучнее и глубже. Звук, казалось, исходил отовсюду: с неба, из-под камней у меня под ногами, от окружающих скал. И с этим гулом, казалось, все пришло в движение, все, что было прочным и неподвижным, вдруг закачалось. Вниз посыпались камни. Один из камней попал мне в руку и она онемела.

Колокольный гул затих, но эхо от него с грохотом катилось вдоль горной цепи. Никакие боевые барабаны, никакие гонги в замках, никакие другие звуки, которые я когда-либо слышала, не могли сравниться с этим гулом.

Итак, они добились своего, и закрытые Врата открылись. Их родина была перед ними. Их! А не моя...

Снова посыпались камни, и я огляделась. На меня смотрели горящие глаза медведя, за медведем я увидела узкую морду волка и услышала удары крыльев орла. Люди-оборотни или звери?

А потом они стали людьми, а не зверями. Херрел проби- вался через отряд вперед.

— Убить!

Вылетел ли этот приказ из горла волка, из клюва орла или же это было ржание жеребца? Слышала ли я вообще или я только прочитала это в их глазах?

— Я не могу убить ее, — сказал Херрел. — Разве вы не понимаете, что дал нам случай? Она из рода Мудрых: в ней течет кровь колдуньи!

Хирон подошел поближе, стал рассматривать меня прищуренными глазами, и от его внимания не ускользнула ни измятая одежда, ни мои окровавленные руки.

— Почему ты пришла сюда? — спросил он, и голос его был спокоен, очень спокоен.

— Я проснулась... И услышала зов.

— Разве я вам ничего не говорил? — вмешался Херрел. — Настоящая кровь должна была ответить на то, что мы...

— Замолчи! — Приказ был похож на удар бича, и я увидела, что тело Херрела напряглось и глаза его полыхнули. Он повиновался, но неохотно.

— И куда же ты пошла?

— Туда, вверх, — я указала на вершину каменного горба, с которого я наблюдала за ними.

— И все же ты не свалилась вниз, — медленно сказал Хирон. — Ты даже ухитрилась спуститься обратно сюда.

— Убей!

Это Хальзе? Или кто-то другой? Но Хирон покачал головой.

— Она не добыча для хищников, братья по отряду. — Он поднял руку и указал на символ, сгустившийся в воздухе между нами. Сначала возник туманный зеленоватый след, потом зеленое стало синим, а потом, когда линии стали бледнеть, серым.

— Да будет так, — Хирон произнес эти три слова, объявляя свое решение. — Теперь мы знаем.

Он больше не шевелился, но Херрел подошел ко мне, и я протянула ему руку. Мы медленно пошли прочь, а Всадники следовали за нами на расстоянии, которое становилось все больше и больше.

— Ваши Врата открылись?

— Да, открылись.

Мы подошли к палаткам. Костер погас, и мы никого не увидели. Другие девушки, должно быть, еще спали. Почему же я не спала вместе с ними? С тех пор, как мы пересекли

Перевал Соколов, я вообще уже ничего больше не делала как все.

Херрел привел меня обратно в лагерь, в палатку, в которой мы провели ночь, отделенные друг от друга мечом... Я так устала, что только хотела погрузиться во тьму сна и все забыть. Я легла и закрыла глаза. И мне показалось, что я заснула.

Если бы я упражнялась в применении своих особых способностей, то, может быть, смогла бы защититься от того, что случилось со мной в эту ночь. А я была как малый ребенок, играющий с оружием, которое может и защитить, и причинить вред. Хирон, проведя испытание, узнал, чем я на самом деле располагала: хотя во мне и текла кровь колдуньи, я совершенно не умела пользоваться этим и не могла направить свои способности на свою защиту.

То единственное, что Херрел возвел, чтобы защитить меня от Всадников, я сама же и уничтожила. Но поняла я это намного позднее.

Хирон действовал быстро, и на его стороне был весь отряд. Они были очень умелы в наведении иллюзий, и иллюзии эти могли быть как простыми, так и очень сложными. Открыв Врата, они присоединились к источникам энергии, которые долгое время были закрыты для них.

Я проснулась. Херрел стоял надо мной с кубком в руках. На лице его была озабоченность, и прикосновение его было осторожным. Он хотел, чтобы я выпила содержимое кубка — это была та живительная влага, которую я однажды пила. Я вспомнила ее вкус, ее пряный запах. Херрел... я протянула руку, и она показалась мне невероятно тяжелой, так трудно было ее поднять. На щеках Херрела были следы моих ногтей. Почему я кому-то сделала плохо... кому... ему?

Но на этих щеках не было никаких следов! Херрел? Эти глаза... глаза коня или медведя? Веки стали так тяжелы, что я не могла держать глаза открытыми.

Но, хотя я не могла видеть, мне казалось, что, по крайней мере, слух еще не отказал мне. Я слышала движение в палатке вокруг меня. Потом меня подняли и понесли... я парила, отрешенно слушая, что происходило вокруг меня.

— ...кого я должен бояться.

— Её? — усмешка. — Она не видит нас, брат! Она не может

даже шевелиться и не имеет ни малейшего понятия о том, что мы собираемся с ней сделать.

— Да, она едва ли поедет с нами утром.

Это было похоже на удар чужой воли, на требование Всадников там, в долине, перед каменной стеной, но теперь их объединенная воля образовывала огромное давящее облако, которое сталкивало меня в бездну, и у меня не было никакой надежды спастись.

Глава 9

Меня окружал пепельно-серый лес. Я знала, что за мной охотятся. У меня не было ни оружия, ни защиты, но я не бежала прочь. Я прислонилась спиной к сухому дереву и ждала.

Ветер шелестел блеклыми листьями — нет, это не ветер, это чужая воля, которая хлынула на меня таким мощным потоком, что задрожали листья. Я заставила себя остаться на месте и ждать.

Бледные серые тени появились между деревьями, и их бесформенные очертания были чудовищны. Но я спокойно ждала, и они, хотя и угрожающе собирались за деревьями, не нападали.

Затем раздался жалобный звук, такой высокий и резкий, что от него стало больно ушам. Тени закачались и разлетелись. Из леса вышли те, у которых были тела: медведь, волк, орел, кабан и другие, которых я не знала. Они шли на задних лапах, и это делало их более ужасными, чем если бы они шли на всех четырех.

Я судорожно попыталась заговорить с ними. Если бы мне удалось произнести их имена вслух! Но в горле словно засстрял ком.

Позади зверей снова собирались тени, и очертания их размывались, формировались и снова расплывались, только я чувствовала, что существа эти ужасны и враждебны человеку. Звери отступили в сторону и освободили место для своего предводителя, огромного дикого жеребца. Он тоже стоял на задних ногах и держал в человеческих руках оружие — серо-белый лук, кое-где посеребренный, и тетива его зеленоватого мерцала.

Медведь подал ему стрелу, и стрела тоже была зеленая. Казалось, что древко её сделано из луча света.

— Во имя Костей Смерти, Власти Серебра и Силы нашей Воли... — ни одно слово не было произнесено вслух, но это угрожающее заклинание болезненно отдавалось у меня в голове. — Мы разъединяем от имени этих троих, и никто больше не будет в силах соединить!

Стрела была наложена на мерцающую тетиву. В это мгновение мне захотелось бежать, но их объединенная воля сковывала меня с такой силой, словно я была намертво привязана к дереву. И стрела вылетела из лука.

Холод, горький холод так глубоко проник в меня, что превратился в боль, которую я должна была вынести. Я все еще стояла, прислонившись к дереву — или уже нет? Потому что я видела всю эту сцену странным двойным зрением, словно со стороны. Тут была Джиллан, которая стояла, прислонившись к дереву, и другая Джиллан, лежащая на земле. Потом стоящая Джиллан подошла к животным, которые окружили ее и вместе с ней исчезли среди деревьев. Но лежащая Джиллан не шевелилась. А потом я внезапно стала лежащей Джиллан. И все еще был холод, такой пронизывающий, какого я никогда еще не чувствовала.

Я открыла глаза. Память снова вернулась ко мне. Эти скалы я уже видела... Это было ущелье, в котором находились Врата, ведущие в затерянную страну Всадников. Но оно было покинуто. Тут не было ни палаток, ни привязанных рядом верховых животных. Падал снег, но он еще не успел покрыть кострище с почерневшими камнями. Огня, тепла, чтобы прогнать этот невыносимый холод из моего тела!

Я на четвереньках подползла к камням и погрузила пальцы в золу. Но зола уже давно остыла и была так же холодна, как моя рука.

— Херрел! Кильдас! Херрел! — звала я, и звук этих имен отразился от каменных стен. Но никакого ответа не последовало. Лагерь был свернут, и все, кто был в нем, ушли!

Я не могла поверить в это, но это был не сон. Это была правда, и я испугалась этой правды. По-видимому, Всадники действительно освободились от той, которая была им не нужна, и освободились очень простым способом: они бросили ее в дикой местности.

У меня есть две ноги... я могу идти... я могу пойти за ними...

Шатаясь, я поднялась на ноги и пошла в ущелье. Она

снова была здесь — высокая, все закрывающая стена! И были ли здесь когда-нибудь Врата? Я не видела их! Но если они были, то снова закрылись!

Мне было так холодно, мне хотелось лечь на снег и заснуть и больше никогда не просыпаться. Но сон, может быть, означал снова этот пепельно-серый лес и эти ужасные тени! Я с большим трудом опять вскарабкалась на каменный горб. Меховая подстилка, на которой меня оставили лежать, была покрыта снегом. А возле подстилки лежало кое-что ещё: моя сумка с лекарствами.

Почти бесчувственными от холода пальцами я достала флакончик, отпила из него и ждала, пока тепло не распространится по моему телу. Но ничего не произошло. Мне показалось, что какая-то часть меня заморожена или удалена, и образовавшаяся на ее месте пустота заполнена льдом. Но голова моя была ясной, и руки повиновались мозгу.

У меня остались подстилка, сумка и дорожная одежда, которая была надета на мне. И больше ничего — ни оружия, ни пищи.

Я нашла немного дров, которые Всадники привезли с собой, отнесла их к костру и положила там. Потом я кончиком пальца намазала мази на пару веток и добавила пару капель жидкости из одного флакона. Вспыхнуло пламя и быстро охватило все дрова. Всадники поступили очень глупо, оставив мне мою сумку. Я знала, что в ней находилось, а они и представить себе этого не могли.

Руки, лицо, и тело согрелись. Да, им было тепло. Но внутри все еще царил холод, леденящая пустота. Наконец мне удалось найти верное слово для того, что я чувствовала. Я была опустошена — или, вернее, меня опустошили. Но что у меня отобрали? Не жизнь, потому что я двигалась и дышала, испытывала голод и жажду. Укрепляющее питье из моей сумки смягчило муки голода, а жажду я утолила снегом. Но я была опустошена, и я никогда не буду чувствовать себя нормально, пока у меня снова не будет того, что у меня отобрали.

Ту часть моего существа, что увезли с собой звери, я должна снова обрести. Было ли это сном? Нет. Это был не только сон. Они использовали против меня свое колдовство, пока я спала? Как долго я находилась здесь? Говорят, с помощью колдовства можно менять субъективное течение времени. Они оставили меня в мире сна, и, может быть, для них это

один из видов смерти. Но на случай, если им не удастся устранить меня с помощью колдовства, как это не удавалось им раньше, они оставили меня умирать здесь, в этой глуши. Но почему они меня так боятся или ненавидят? Потому что я не поддаюсь чарам и не подчинилась их воле, как другие девушки из долин?

«Колдунья» — назвал меня Херрел, и он, казалось, понимал, о чем говорил. Действительно ли я колдунья? Я не понимала своих сил, не умела пользоваться ими. Неполноценная колдунья, так же, как, по словам Херрела, был неполноценен он сам. Неполноценная?

Я взглянула на каменную стену, где не было больше никаких Врат. Отнятое у меня действительно притягивало меня! Пока тело отдыхало, разум работал, и я все сильнее и сильнее чувствовала это влечение. Мне казалось, что я вижу те нити, которые ведут от меня прямо в скалу.

Снег прекратился, дрова в костре почти прогорели. Я должна была найти какой-нибудь способ проникнуть через этот барьер.

— Ни с места! Стоять!

Я вздрогнула. В ущелье въезжали люди, и на них тоже были шлемы. На шлемах были гербы и забрала, меховые накидки были короткими, а сапоги на пятках заканчивались шпорами.

Охотники из Ализона?

Я не шелохнулась. Стрелы в их натянутых луках были направлены на меня.

— Женщина! — один из них объехал меня, вылез из седла и подошел ко мне. В своем шлеме он выглядел еще более чужим, чем Всадники-Оборотни.

Мне некуда было бежать. Если я попытаюсь вскарабкаться на скалу, они без труда схватят меня, а если я побегу к Вратам — попаду в ловушку.

То, что я никуда не побежала, удивило его. Он медленно подошел ко мне, перевел взгляд с меня на костёр, а потом на своих спутников.

— Может быть, твои друзья бросили тебя, а?

— Осторожнее, Смаркл! — резко крикнул один из его товарищей, — ты разве не слышал о засаде с приманкой?

Он тотчас же остановился и прижался к скале. Воцарилось долгое молчание. Люди сидели в седлах и ждали, их стрелы были направлены на меня.

— Эй ты, иди к нам! — крикнул, наконец, один из всадников. — Иди сюда, или мы тебя пристрелим!

Может быть, было бы лучше не подчиниться и умереть быстрой, чистой смертью. Но подчинилась под властью какого-то порыва, пересилившего все остальные чувства, ведь мне необходимо было получить обратно то, что я утратила, и потому я не могла так просто расстаться с жизнью. Я прошла мимо кострища, к скале, за которой меня нетерпеливо ждал Смаркл.

— Это девушка долин, капитан! — крикнул он остальным.

— Иди сюда, ты!

Я медленно шла дальше. Я видела четырех воинов, предводителя и Смаркла. Сколько всего их въехало в долину, я не знала. Очевидно, они преследовали Всадников-Оборотней, и намерения у них были самыми серьёзными, ведь они ушли в степи так далеко от моря, где их могли подобрать корабли и через которое лежал единственный путь на их родину. Как говорил Херрел, они были в отчаянном положении и им нечего было терять. И они были чудовищами, куда более худшими, чем Всадники-Оборотни.

— Кто ты? — резко спросил предводитель.

— Невеста из долин, — я ответила правду.

— А где остальные?

— Уехали дальше.

— Уехали дальше? И оставили тебя здесь? За кого ты нас принимаешь...

Тут меня озарило.

— Я больна горной лихорадкой, а для них она вдвойне опасна. Разве вы не знаете, что Всадники-Оборотни не такие, как мы?

— Что ты об этом думаешь, капитан? — спросил Смаркл.

— Если бы это правда была их девушка, они бы давно уже уничтожили нас...

— Держи ее крепче!

Смаркл подошел ко мне и прижал всем весом своего тела к скале. От него дурно пахло, глаза его, видимые сквозь прорезы шлема, голодно сверкали. Потом он оторвал меня от скалы и крепко сжал, хотя я и не думала сопротивляться.

— Она не из Халлака! — Один из солдат пригнулся и уставился на меня. — Вы видели когда-нибудь, чтобы у кого-нибудь из них были такие волосы?

Косы мои растрепались, и на фоне снега казались еще

более черными и еще сильнее бросались в глаза. Люди из Алисона осмотрели меня с ног до головы, и мне показалось, что я заметила в их глазах настороженность, словно они внезапно почувствовали себя не в своей тарелке.

— Рога Клатара! — выругался один из солдат. — Взгляните на нее! Слыхали ли вы когда-нибудь о таком?

Губы предводителя изогнулись под забралом в недовольной гримасе.

— Да, Тактор, я слышал о подобных ей, но, конечно, не в этой стране. Но я также слышал, что есть одно средство обезвредить такую колдунью, очень приятное средство...

Смаркл усмехнулся и еще крепче сжал мою руку.

— Вы не должны глядеть ей в глаза, капитан. Она таким образом может выбить человека из седла. Колдуньи из Эсткарпа знают, как околдовать смертного мужчину.

— Всё может быть. Но она же тоже смертная. В любом случае, у нас есть великолепное развлечение.

Я не имела ни малейшего понятия, о чем они говорили. Насколько я поняла, они, очевидно, думали, что я принадлежу к одной из враждебных им рас.

— Принесите топлива для костра, — приказал предводитель солдатам. — Здесь становится холодно. Солнце заходит за скалы.

— Капитан, — сказал Тактор, — зачем она осталась здесь, если не для того, чтобы причинить нам вред?

— Причинить нам вред? Может быть. Но скорее, они обнаружили, что она представляет из себя и поэтому оставили её здесь!

— Но эти дьяволы тоже кое-что смыслят в магии!

— Да, это так. Но и волки в стае нападают друг на друга, когда голод достаточно силен. Может быть, между ними произошла ссора, о которой мы ничего не знаем. Может быть даже, эти овцы из долин придумали план, и привезли девчонку контрабандой, чтобы нарушить договор. Если это так, то, значит, её предали или раскрыли. В любом случае, они её бросили, и мы с её помощью узнаем кое-что!

Смаркл всё сильнее сжимал мою руку, и его прикосновение оскорбляло меня, я чувствовала стыд, понимая, о чем они говорят. Во мне всё ещё теплилось слабое воспоминание о том, что когда-то я была живой и мне было хорошо.

Они набрали много дров. Когда-то давно в этой долине

протекала река, и теперь между камней валялось множество обломков деревьев. Развели костер, и я словно воспряла к жизни. Смаркл набросил на мои руки и плечи кожаную петлю, потом связал мне лодыжки, и, таким образом, я стала их пленницей.

Желание поесть пересилило на время все их другие желания. Они принесли ременные силки с какой-то птицей и крупного кролика, которых затем разделали и подвесили над костром.

Предводитель стоял передо мной, широко расставив ноги.

— Колдунья, куда поехали Всадники-Оборотни?

— Дальше.

— И они оставили тебя, потому что обнаружили, кто ты такая?

— Да, — это могло быть так или не так, но, вероятно, он был прав.

— И их колдовство было таким же могущественным, как и твое...

— Я не могу судить об их могуществе.

Он задумался над этим, и мне показалось, что ему не понравились его собственные мысли.

— Что там дальше, впереди?

— Теперь там нет ничего, — правдиво ответила я.

— Что же, они улетели или испарились? — Смаркл грубо рванул веревки на моих лодыжках. — Тебе не удастся обмануть нас, колдунья!

— Они проехали через Врата, которые снова закрылись за ними.

Предводитель взглянул на солнце, которое уже почти скрылось за скалами, и по ущелью протянулись длинные тени. Потом предводитель осмотрел ущелье. Казалось, ему не понравилось то, что он увидел, но он был опытным воином, он сам хотел убедиться в правдивости сказанного мною. Движением руки он подозвал двух солдат, они вытащили мечи и стали карабкаться по насыпи на каменный горб.

В тени скалы я заметила наплечный ремень своей сумки и надеялась, что они не обратили на него внимания. Мне необходимо было заполучить свою сумку, заполучив её, я действительно смогла бы «колдовать»...

Предводитель снова повернулся ко мне, чтобы продолжить допрос.

— Куда они ушли? Что за этим барьером?

— Я не знаю этого. Я знаю только, что они искали другую страну.

Предводитель поднял забрало и снял шлем. Его волосы были очень светлыми, но не тепло-золотистыми или красно-коричневыми, как у мужчин Верхнего Халлака, а почти белыми, как у старика, но только он не был стар. У него был острый, похожий на клюв орла, нос, высокие скулы и маленькие глазки с узкими веками. Я увидела на его лице следы усталости и напряжения, как у человека, который находится на пределе сил. Он опустил на камень, больше не обращая на меня внимания, и устался на пламя костра.

Немного позднее вернулись разведчики.

— Кучи щебня и скалы. Они не могли уйти этим путем.

— Но они же проехали сюда, в ущелье, — неуверенно сказал другой разведчик. — Если бы они повернули, они не смогли бы проехать мимо нас. Они приехали сюда — а потом исчезли.

Взгляд предводителя снова остановился на мне.

— Как?

— Наверное, с помощью волшебства. Они просили, чтобы им открыли Врата. Так и случилось.

К сожалению, Врата открылись для них, а не для меня. Но меня это не останавливало, так же как и людей, которые были сейчас возле меня. Где-то по другую сторону каменного барьера теперь находилась часть меня. Она притягивала и звала меня, и мы должны снова стать единым целым.

— Она, наверное, сможет провести нас туда... — Тактор кивнул в сторону каменного барьера. — Говорят, что этим колдуньям подчиняются ветер и волны, земля и небо, растения и животные.

— Но ведь колдунья одна; разве может она сделать это, если никогда прежде не пользовалась своей силой? — Предводитель ализонцев покачал головой. — Вы думаете, она осталась бы здесь и стала бы дожидаться нас, если бы могла последовать за Всадниками тем же путем. Нет, мы, наверное, потеряли свою добычу...

Смаркл провел языком по губам, увлажняя их.

— Что мы будем теперь делать, капитан?

Тот пожал плечами.

— Поедим, а потом... — он с ухмылкой взглянул на меня, — потом развлечемся с ней. А завтра утром составим новый план.

Один из них усмехнулся, а другой хлопнул по плечу своего спутника. Они отбросили мысли о завтрашнем дне и жили лишь настоящим моментом, как это было в обычае у воинов. Я взглянула на мясо, жарившееся на костре. Скоро оно уже будет готово. Потом они поедят, а потом...

До сих пор я ничего не предпринимала. Хотя меня и связали, но со мной не обращались жестоко. Но время шло. Они поедят, а потом...

Но я обладала знанием. Это было внутри меня, я была уверена, что смогу использовать оставшийся у меня час, как щит и меч, если перейду в нападение. Воля — я могла противопоставить всему только свою волю. Сила воли... Могли ли я так сконцентрировать силу своей воли, чтобы она стала оружием?

Глава 10

В отчаянии я все время возвращалась к мыслям о сумке с лекарствами и снадобьями. Ализонцы пригоршнями набирали снега в маленький котелок и поставили его на костёр. Пара капель из одного флакончика в котелок, и... Но как мне сделать это?

Они ели, и запах жареного мяса пробудил во мне голод. Они не предлагали мне еды, и я догадывалась, почему. Что бы они не сделали со мной этой ночью — завтра они поедут дальше без меня. Почему они должны обременять себя женщиной, которая, к тому же была ещё и опасной колдуньей?

Сумка. Я пыталась не задерживать на ней свой взгляд, чтобы они случайно не проследили за моими глазами и не заметили ее. Но потом я все-таки украдкой взглянула туда — и испугалась. Это, наверное, были фокусы света костра, потому что сумка лежала теперь на освещенном месте, и её теперь мог увидеть каждый, кто поднял бы голову. Но как это это было возможно? Сначала она находилась между камнями, а теперь лежала на порядочном расстоянии от них! Казалось, что в ответ на мой молчаливый зов у сумки выросли ноги, и она смогла передвигаться на них.

Крышка у сумки была застегнута. Я больше не осмеливалась смотреть на неё. Глядя на пламя костра, я сконцентрировалась на том, чтобы мысленно отпереть застежку у сумки.

Насколько легко было действовать пальцами, настолько тяжело было проделывать весь этот процесс в уме.

Так. Шпенек в металлической щелке, теперь спустить его вниз. Так. Теперь повернуть. Верхний шпенек вынуть из щелки. Очень хотелось оглянуться, чтобы проверить, подчиняется ли сумка моему желанию? Нет, лучше не надо.

Теперь: как были расположены пузырьки там, внутри? Когда я заполняла сумку, я совала их внутрь в темной рабочей комнате монахини Алюзан. Я так углубилась в свои воспоминания, что картина четырех мужчин, сидящих у костра, расплылась. В сумке было пять карманов, в которые я и рассовала пузырьки. Я надеялась, что моя память не обманет меня именно теперь, когда я так надеялась на нее.

Одна из маленьких трубочек-пузырьков была не из стекла, а из кости, и была заткнута затычкой из черного камня. Вон из сумки, трубочка! Я спрятала лицо в тени, опустив голову на колени, и отважилась взглянуть на сумку. Воины Алисона, наверное, думали, что я впала в отчаяние, но создать именно такое впечатление и входило в мои планы.

Трубочка — наружу! Движение под крышкой сумки. Теперь я поверила в свои силы, до этого мгновения я даже и не надеялась подумать, что у меня что-то получится. И в результате увиденного мое удивление было так велико, что я сама чуть не погубила всё, сделанное мною. Я снова сосредоточилась и увидела трубочку, высовывавшуюся из-под кожаной крышки сумки, а потом она, хорошо видимая, упала на землю.

Трубочка... в котелок! Одно в другое. Горячее жирное мясо так хорошо пахнет. Трубочка, в котелок! Маленькая костяная трубочка приподнялась и устремилась к костру. Я вложила в этот посыл всю свою силу воли.

Она летела покачиваясь и рыская. Временами она опускалась на землю, когда воля моя слабела и концентрация усилий спадала. Но я сделала это. Трубочка упала в тающий снег в котелке, и ни один из воинов Алисона не заметил этого.

Теперь последнее. Затычка из черного камня — долой! Пот струился по моим вискам и плечам. Затычка — долой! Я старалась изо всех сил, но у меня не было никакой возможности узнать, удалось ли задуманное.

Рука солдата взялась за котелок. Я затаила дыхание, когда

в воду погрузили маленький рог для питья. Заметили ли солдаты, что находилось в котелке? Подчинилась ли трубочка моему приказу? Солдат жадно выпил воду из рога, потом еще один солдат сделал то же. Выпили трое, четверо. Теперь Смаркл. А предводитель? Только он не пил.

Они закончили свой ужин и разбросали обглоданные кости между камней. Моя отсрочка кончилась. Предводитель не пил. Да и по остальным я не замечала, что снадобье как-то подействовало на них. Может быть, затычка не... Но теперь было уже слишком поздно пробовать что-то ещё.

Смаркл встал и, ухмыляясь, вытер руки о бедра.

— Как насчёт удовольствия, капитан?

И только теперь предводитель повернулся к котелку с водой. Я вновь сосредоточилась и попыталась подчинить его своей воле. Его мучит жажда, он должен напиться! И он напился большими глотками, прежде чем ответить Смарклу.

— Как хочешь...

Смаркл испустил ликующий вопль и двинулся ко мне под смех и поощряющие крики своих спутников. Он поднял меня, прижал к себе и рванул мою одежду, хотя я защищалась, как только могла.

— Смаркл! — раздался крик, но Смаркл лишь улыбнулся идохнул своим смрадным дыханием мне в лицо.

— Ты должен подождать своей очереди, Мацик. Каждый возьмет её по очереди.

— Но ты только посмотри, посмотри! Капитан, Смаркл! — Один из солдат возбужденно указывал на землю. — Она... она не отбрасывает тени.

Смаркл испуганно отпустил меня, и я, так же, как и другие, устала на землю. Костер ярко пылал, и тени мужчин были великолепно видны. Но я — я не отбрасывала никакой тени. Я пошевелилась, но ни на камнях, ни на земле не отразилось никакого движения.

— Но она действительно существует, говорю я вам! — крикнул Смаркл. — Я касался её, она на самом деле существует! Посмотрите сами, если вы мне не верите!

Но остальные отступили назад, качая головами.

— Капитан, ты знаешь о колдуньях больше нас, — умоляюще спросил Смаркл. — Могут они заставить человека видеть то, чего нет на самом деле? Они же живые и существуют на самом деле, и мы легко можем уничтожить все их колдовс-

кие способности и при этом доставить себе немалое удовольствие.

— Если она захочет, мы сможем увидеть лишь то, что она нам позволит, — ответил один из солдат. — Может быть, это вообще не женщина, а оборотень, который остался здесь, чтобы задержать нас, пока отряд не вернется, чтобы нас уничтожить. Её надо убить, и тогда мы узнаем, существует ли она на самом деле или это всего лишь призрак. Используем проклятую стрелу...

— Когда у нас появится ещё одна, я её использую, Ясмик, — вмешался предводитель. — Но у нас осталась всего одна Черная стрела. Колдунья она или оборотень, но у нее есть колдовские силы. Мы лучше посмотрим, что она сможет сделать против холодной стали. — Он поднял меч и направился ко мне.

— Ааааа!... — Крик испуга, закончившийся вздохом, и солдат, первым выпивший воду, пошатнулся, ища поддержки ухватился за своих спутников и упал на землю, потянув соседей за собой. За ним зашатался и упал еще один человек.

— Колдовство! — Предводитель ударил меня мечом, но лезвие скользнуло по ребрам и руке. Оно рассекло мышцы, но смертельного ранения, как он рассчитывал, не нанесло, а потом с силой ударилось о скалу за моей спиной. Лицо предводителя исказилось от ярости и страха, и он уже готов был замахнуться снова.

Но придушенный крик еще одного солдата у костра отвлек его внимание, и он повернул туда голову. Одни из его людей уже неподвижно лежали на земле, другие шатались, как пьяные, и тщетно стараясь удержаться на ногах. Предводитель провел рукой по глазам, словно стараясь смести пелену с глаз. Потом он снова ударил, но на этот раз лезвие лишь рассекло мою одежду. Затем он осел на колени и упал на камни лицом вниз.

Я прижала руку к боку и почувствовала ток крови. Но я не отважилась пошевелиться, потому что два солдата все еще были на ногах. Они попытались достать меня, вытянув оружие, но в конце концов, на ногах осталась только я одна, а все остальные лежали на земле.

Они не были мертвы, но как долго будет действовать на них снадобье, в какой пропорции оно было разбавлено и сколько его было выпито, я не знала. Я должна была уйти

отсюда прежде, чем они проснутся. Но куда идти? Когда я убедилась, что все они потеряли сознание, я подошла к своей сумке, которую перед тем я открыла силой своей воли и достала оттуда мазь и бинты. Обработав раны, я обошла всех своих врагов и взяла у них вещи, которые могли понадобиться мне в борьбе за выживание. Первым делом я заткнула за пояс длинный охотничий нож, затем нашла пищу: компактный рацион, который имели все воины Алисона. Они, должно быть, берегли его и жили только охотой, если это им удавалось. Мечи, луки и полные колчаны стрел я собрала и бросила в огонь — хотя клинки мечей и не пострадают, все остальное будет уничтожено. Потом я прогнала из ущелья их лошадей, напугала их, и они убежали.

Потом я обрезала длинную юбку своего дорожного костюма и покрепче привязала нужное мне снаряжение к поясу, чтобы оно не мешало, когда я буду карабкаться по скалам. А карабкаться мне придется, потому что только таким способом я могла добраться туда, куда мне было нужно. И хотя уже стояла ночь, я должна была отправиться в путь, чтобы оказаться на приличном расстоянии отсюда к тому времени, как спящие солдаты Алисона проснутся.

Было бессмысленно пытаться преодолеть каменную стену, которая маскировала Врата Всадников, на гладкой поверхности этой отвесной стены не было ни одной трещинки, чтобы можно было поставить ногу или зацепиться пальцами. Оставались каменные откосы ущелья, на которых главную опасность представляли галечные осыпи. Но влечение к объединению частей моей души было так велико, что даже заполнило ледяную пустоту внутри меня. И сила, с которой меня тянуло на север, постоянно возрастала.

Я начала карабкаться вверх, радуясь, что никогда не испытывала страха высоты. Я часто слышала, как охотники в горах говорили, что во время подъема нельзя оглядываться назад или смотреть вниз. Но мне казалось, что я двигаюсь ужасно медленно, и я все время боялась, что, сделав хоть одно неверное движение, свалюсь вниз. Кроме того я не знала, когда охотники Алисона проснутся и начнут преследовать меня.

Я поднималась все выше и выше, и минуты казались мне часами. Дважды я в ужасе цеплялась за скалу, когда тяжелые каменные обломки с грохотом пролетали мимо, едва не задев меня. Наконец, я добралась до расщелины в скале, которая

представляла собой неплохую опору для ног. Вскоре я забралась внутрь этой расщелины и пробиралась все дальше и дальше, пока, наконец, не выбралась на относительно ровную площадку, которая, должно быть, лежала у вершины этой скалы, и, споткнувшись о кусок льда, упала. Тело мое так устало, что отказывалось мне повиноваться.

Отдышавшись, я заползла в щель между двумя скалами, отвязала со спины меховую подстилку и накрылась ею.

Когда я начинала подъем, высоко в небе ярко сияла луна, теперь же она побледнела. Я забралась на вершину самой высокой скалы, на этом же уровне должен был располагаться гребень каменного барьера. Я не спала, но погрузилась в какое-то странное состояние двойственности чувств. Время от времени я видела себя скорчившейся между двумя скалами, словно я смотрела на себя со стороны, а затем оказывалась в другом месте, полном света, тепла и людей, попытки рассмотреть которых мне не удавались.

Мазь оказывала свое действие, рана на боку перестала кровоточить, а меховая подстилка защищала меня от холода. Но меня снова охватило беспокойство: меня тянуло дальше. Занимался рассвет, и заря окрасила небо в красный цвет. За зубцами скал, которые утренними тенями скрывали меня, простиралась пересеченная местность, хаос выветренных скал и камней. Чтобы не заблудиться, я придерживалась края долины. Каменный барьер был около четырех метров шириной, и позади него лежало такое же узкое ущелье, как и то, по стене которого я вскарабкалась сюда. Только каменные стены у него были так круты, что о спуске нечего было и думать. Я должна была пробираться вперед по верхнему краю ущелья и надеяться, что мне все же удастся найти более удобное место для спуска.

Внезапно я заметила, что камни вокруг меня как-то странно изменились. Теперь они были не серого цвета, а темного, зелено-голубого, и ещё я заметила, что эти камни казались неестественными в этой местности. Я немного отдохнула и подкрепилась забранным у ализонцев рационом. И пока я ела и смотрела на цветные камни, я все больше и больше убеждалась в том, что они попали сюда не естественным путем.

Потом голова моя внезапно закружилась, глаза закры-

лись и снова открылись. Как в свадебной роще Всадников я во второй раз увидела картины, которые растворялись друг в друге, пока совершенно не перепутались, а потом наплывами стали сменять друг друга. На мгновение справа от меня показалась тропинка, и, хотя я не смотрела туда, в следующее мгновение она исчезла, и там снова появились каменные обломки. Я была уверена, что причиной двойного зрения была не слабость, а скорее затуманенное сознание. Если это будет продолжаться и дальше, я едва ли осмелюсь двинуться вперед из страха, что глаза предадут меня и я сделаю неверный шаг.

Пытаясь овладеть собой, я только на мгновение смогла завладеть двойным зрением. И каждая попытка, которую я предпринимала, очень утомляла меня. В то же время во мне нарастало желание продолжать путь сейчас же и без промедления.

Я встала, но непрерывно менявшиеся перед глазами картины так закружили мне голову, что я изо всех сил вцепилась в скалу. Казалось, что даже земля ходила у меня под ногами. Я была пленницей этого хаоса, и не было никакой возможности для бегства. Я закрыла глаза и долго стояла неподвижно, потом осторожно вытянула вперед ногу, и она ступила на видоизменявшуюся, но остающуюся твердой землю. Я шагала, вытянув перед собой руки, и они наткнулись на твердый камень. Но когда я снова с надеждой открыла глаза, взаимопроницающие картины были все еще здесь, и я закричала.

Я подняла сумку и меховую подстилку и попыталась мыслить логично. Я была уверена, что здесь какой-то обман или галлюцинация. И она затрагивала одно только зрение, но не осязание. Поэтому имелась возможность продвигаться вперед на ощупь. Но с закрытыми глазами я не могла следить за ущельем и, возможно, стала бы ходить по кругу. А как насчет силы, которая тянула меня? Что заставляло меня следовать за Всадниками? Могла ли я вслепую пройти весь этот хаос? Но у меня не было другого выбора, кроме как попытаться сделать это.

Я решительно закрыла глаза, вытянула руки и пошла в направлении, куда меня влекло. Это было нелегко, и я шла вперед очень медленно. Несмотря на вытянутые руки, я все время натывалась на обломки скал. Я часто останавливалась

и открывала глаза, но снова испуганно закрывала их перед картинами, которые теперь были не только двойными, но и тройными и даже четырехслойными.

Я не знала, действительно ли я иду вперед, или сбывались мои опасения относительно того, что я иду по кругу. Но тяга не ослабевала, и вскоре мне стало гораздо легче определять направление. Мои руки с обеих сторон задевали скалы, а ноги все более уверенно ступали по шероховатой каменистой почве. Внезапно мои руки наткнулись на твердую, гладкую поверхность, и эта поверхность была столь чуждой, что я открыла глаза.

Яркий свет ослепил меня, угрожая опалить. Но руками я не почувствовала никакого тепла. Передо мной не было ничего, кроме ослепительного света, на который невозможно было смотреть. Я принялась изучать преграду. Гладкая поверхность заполняла весь промежуток между двумя скалами, мимо которых я должна была пройти, и в высоту тянулась настолько, насколько я могла достать руками, а внизу уходила в почву. На всей этой невидимой поверхности не было ни единой щели, ни единой шероховатости.

Я отступила назад и попыталась найти другой путь, чтобы обойти этот барьер. Но другого пути не было, и сила, которая толкала меня вперед, тянула меня прямо в этот проход, который был блокирован невидимой стеной. В конце концов, я устало опустила на землю. Это был конец. Я подавленно опустила голову на колени.

И вдруг — я не сидела на камне, а ехала на лошади. Я отважилась открыть глаза, потому что не могла поверить в это, но я увидела Ратну, мою лошадь с развевающейся гривой. Мы находились в сказочно прекрасной зеленой и золотистой стране. И Кильдас — тут были Кильдас и Сольфинна с венками из цветов на головах и белыми цветами на упряжи. Они пели, как и все остальные, и я пела вместе с ними.

И я поняла, что вижу вторую сторону своего нынешнего существования, Я попыталась позвать, но губы моего двойника произносили только слова песни.

— Херрел! — Из меня рвался крик, но чужими губами я не могла издать ни звука. — Херрел! — Если он узнает обо мне, тогда, может быть, сможет объединить меня со вторым «я» в одно целое. Тогда я не буду больше частью Джиллан, которая

находится вместе со всеми невестами, и частью Джиллан, которая блуждает среди скал, а снова буду единой полноценной Джиллан!

Я оглянулась и увидела всю кавалькаду, ехавшую по прекрасной дороге, утопавшей в зелени. У Всадников на шлемах тоже были цветы. Всадники казались мне прекрасными мужчинами, не похожими на мужчин Верхнего Халлака, и их звериное обличье совершенно не проявлялось. Только одного, кого я все время искала, не было среди них.

— О, Джиллан, — сказала мне Кильдас, — был ли когда-нибудь в твоей жизни такой прекрасный день? Как будто Весна обвенчалась с Летом и подарила нам самое лучшее, что есть у них обоих.

— Так оно и есть, — ответила та, что была одной из половинок Джиллан.

— Это удивительно, — рассмеялась Кильдас, — но я напрасно пытаюсь вспомнить, как жила раньше в Халлаке. Все прошлое напоминает мне сон, который становится всё бледнее и бледнее. У нас нет никаких причин для того, чтобы возвращаться обратно...

— Но у меня есть причины для этого! — вскричало мое внутреннее «я». Потому что я все еще оставалась в горах и душа моя рвалась к объединению.

Один из Всадников подъехал ко мне и протянул ветку, усеянную цветами, которые испускали чарующий аромат.

— Прелестные цветы, моя леди, — сказал он, — но они не так хороши, как те, что я приготовил в подарок...

Рука моя коснулась ветки.

— Херрел... — Но когда я взглянула на того, кто протягивал мне ветку, я увидела на его шлеме красные глаза медведя. А из-под них на меня глядели странные узкие глаза, отвести взгляд от которых казалось невозможным. Потом его рука поднялась, и на ладони появился маленький белый предмет, который полностью приковал мое внимание, и я не могла более смотреть на что-либо иное.

Я подняла голову с колен. Темные тени вокруг меня резко контрастировали с зелено-золотой страной, где я только что была. Я больше не ехала украшенная цветами по весенней стране, а потерянно сидела между заколдованными камнями в стране холодной зимы. Но кое-что я приобрела: я узна-

ла, что на самом деле существуют две Джиллан. Одна, которая с трудом пыталась достигнуть другой стороны этой вершины и искала путь дальше, и другая, которая все это время была вместе с остальными невестами Халлака. И пока эти две Джиллан были порознь, для меня не существовало настоящей жизни.

Там, в золотой стране, возле меня ехал Хальзе. Он знал, что я стремлюсь к своей половине, и отгонял меня. Но где же был Херрел, и какие у него отношения с другой Джиллан?

Я осознала, что с наступлением темноты головокружительное мерцание взаимопроникающих картин прекратилось, и что я снова стала нормально видеть. Исчез ли этот невидимый световой барьер?

Я отползла назад меж двух камней и увидела перед собой не слепящий свет, а мерцающую зеленую стену. Но когда я коснулась рукой этой стены, ее поверхность была такой же твердой и гладкой, как и раньше. Это было колдовство, я была в этом уверена, независимо от того, сделали ли эту стену Всадники или кто-либо другой. Я не могла вскарабкаться здесь на скалы, как я это сделала в ущелье, и у меня с собой ничего не было, чтобы подкопаться под этот барьер. Яркость света стены между тем так сильно уменьшилась, что я могла видеть сквозь нее. По ту сторону стены находилась открытая местность, в которой не было хаоса камней и скал, до сих пор так мешавшего мне продвигаться вперед. Там, по ту сторону, может быть, мне не нужно будет больше бояться этой путаницы картин. Но как мне преодолеть этот барьер? Я не видела никакого способа сделать это, но я должна была найти его!

Глава 11

Я устремила взор на камни, между которыми стояла светлая стена. Перелезть через них я не могла: они были в два человеческих роста и такие гладкие, что на них нельзя было обнаружить никакой зацепки. Они казались частью какой-то древней насыпи или крепости. Но потом я поняла, что эти камни возвышаются над остальными камнями, словно столбы ворот. Перед моими глазами почему-то возникло изображение паутины. Если не дотрагиваться до опасных клей-

ких нитей, паутину можно разрушить, сломав ветку, к которой она крепится... Я извлекла костяную трубочку из своей сумки при помощи одной силы воли, но здесь были тяжеленные камни, а не легкая бутылочка. И как мне узнать, что барьер исчез, если мне удастся пошевелить один из этих массивных камней?

Я еще раз взглянула на каменные столбы, между которыми находился барьер. Они, казалось, были глубоко врыты в землю. Наконец, я сконцентрировалась на левом столбе и напрягла все свои силы.

Ты должен упасть! Падай! Я всей силой воли навалилась на столб, как если бы я навалилась на него всем телом. Падай! Времени у меня было достаточно, мне не нужно было торопиться, как в лагере охотников из Алисона. Время здесь не имело значения. Имели значение лишь столб, барьер и настоящая необходимость преодолеть этот барьер. Пошатнись и падай!

Все вокруг меня поблекло и затуманилось. Я видела только высокую темную тень, вокруг которой дрожало маленькое голубое пламя, сначала вверх, потом, когда я изменила направление — вниз. Земля, отпусти! Крепления, поддайся!...

Я сосредоточилась на одной лишь мысли... Поддайся, падай! И темный каменный столб поддался, покачнулся. Голубое пламя охватило его основание. Падай!

Каменный столб медленно клонился наружу, в противоположную от меня сторону... Раздался звук, пронзивший всё мое тело болью, болью такой сильной, что она возобладала над моей волей и сознанием, а потом я провалилась в ничто.

Когда я снова пришла в себя, я лежала головой на жестком камне. На лицо падал холодный дождь. Я открыла глаза. Странное место, совершенно незнакомое. Я с трудом поднялась.

Один из столбов наклонился наружу, словно указывал мне путь. На камнях виднелись черные отметины, между столбами больше ничего не было. Я проползла вперед, и рука моя коснулась почерневших камней. Я отпрянула, мои пальцы обожгло. Шатаясь, я встала на ноги, протаскилась через образовавшееся отверстие и вышла на открытое место по ту сторону исчезнувшего барьера.

Стоял день, хотя облака были так густы и мрачны, что вокруг царила полутьма. Шел холодный дождь со снегом. Но окружающее было хорошо видно. Здесь не было мешанины обломков скал, только обычные горы, которые мне с детства были близки. И тут было кое-что ещё: дорога. Но едва я дошла до неё, как вынуждена была снова опуститься на землю от усталости. И теперь, наконец, я утолила голод припасами охотников Алисона. Но меня снова тянуло в дорогу.

Это была старая, узкая дорога, частично покрытая красными и сине-зелеными пятнами лишайника. Дорога шла вниз, через ущелье, ведущее далеко вниз и открывающееся на далекую бескрайнюю равнину. Пройдя через арку ворот, я попала на овальную, окруженную высокими стенами площадку. Вдоль стен, на равном расстоянии друг от друга, находились ниши, закрытые на три четверти; только верхняя часть этих ниш была открыта. И на оправе каждой ниши был высечен символ. Некоторые из символов были почти полностью сглажены ветром и непогодой, другие были хорошо видимы, но для меня ни один из этих символов ничего не говорил.

В верхней части ниш было темно. Я подошла к первой нише и отшатнулась, почувствовав удар. Что это? Повернувшись к одному из отверстий, я ощутила вопрос. Это было требование дать ответ, но кому, как и почему? Там в нишах был какой-то разум.

И мне не показалось странным, когда я громко ответила, нарушив царившую здесь тишину.

— Я Джиллан из долин Верхнего Халлака, и я иду, чтобы вернуть другую часть своего «я». Ни больше, ни меньше.

Насколько я могла видеть и слышать, внешне ничего не изменилось. Но я чувствовала, что нечто, находившееся здесь немыслимое количество лет, пробуждается. Вокруг меня что-то шевелилось, и невидимые существа следили за мной. Может быть, мои слова не значили ничего; может быть, это нечто было так старо, что человеческие слова здесь не имели смысла. Но то, что меня проверяли — я з н а л а. Я медленно шла дальше, пересекая площадку, и поворачивалась от одной ниши к другой, пытаюсь увидеть это нечто.

Из ниш со стершимися от времени символами исходили гораздо более четкие сигналы. Это были охранники, и кто

знает, как давно они здесь появились, призванные выполнять свой долг? Может быть, я представляла опасность для того, что они здесь охраняли.

Я добралась до конца овальной площадки и теперь стояла перед аркой других ворот, под которой проходила дорога, ведущая дальше. Я повернулась и посмотрела на пройденный путь. Я ждала, сама не зная, чего. Может быть, одобрения, разрешения идти туда, куда я хотела, благословения моих поисков. Но чего бы я ни ждала, я была разочарована: меня освободили от вопросов, и все. И, может быть, ничего и не было нужно.

Вырубленная в камне дорога вела все дальше вниз, к подножию скал. Попадалось всё больше деревьев и коричневой травы. Все еще шел дождь, но он уже не был холодным. Я шла по дороге, пока не дошла до рощи. Хотя деревья были по-зимнему голые, ветки их были переплетены друг с другом так сильно, что полностью защищали меня от дождя. Мои руки и ноги налились свинцовой тяжестью от усталости, мне было так холодно. Неужели мне всегда будет так холодно?

Нет... Вдруг мне стало тепло. Солнце, тепло и аромат цветов окутали меня. На этот раз я не сидела верхом на лошади. Я открыла глаза и выглянула из палатки. Солнце уже клонилось к закату, и снаружи журчал ручеек. Это была зелено-золотистая страна другой Джиллан. Я увидела человека, которого стоял, полуотвернувшись от меня. Но я тотчас же его узнала.

— Херрел!

Он повернул голову и взглянул на меня своими зелеными глазами. Выражение его лица было твердым, как сталь, и замкнутым, и такая же твердость была в его взгляде, но только вначале. Потом он заглянул в глубину моих глаз, и выражение его лица изменилось.

— Херрел! — Я сделала то, чего еще никогда в жизни не делала: я попросила другого о помощи, изо всех сил пытаюсь войти с ним в контакт.

Он подошел ко мне — это был почти прыжок охотящейся кошки — опустился возле меня на колени и погрузил свой взгляд в мои глаза.

Все слова, что я хотела сказать, застряли у меня в горле. Я смогла лишь произнести его имя. Он обнял меня и забросал словами, вопросами, требуя у меня ответов, но я не слышала

и не отвечала ему. Я только хотела, чтобы он помог мне, и одна эта мысль стучала у меня в голове.

Внезапно около Херрела оказались люди, они набросились на него и потащили прочь, хотя он яростно отбивался. И тогда я увидела Хальзе. Рот его был искажен от ярости, глаза метали огонь, прожигавший меня насквозь. Он встал между нами, он прогонял меня назад, в ссылку.

— Херрел... — тихо прошептала я. Я всегда в душе надеялась и теперь убедилась, что была права: Херрел никогда не был в сговоре с теми, кто бросил меня там, в глуши. Может быть, та Джиллан, что теперь ехала со Всадниками, и его ввела в заблуждение? Хальзе подарил той Джиллан цветы, так как хотел добиться ее. Удалось ли ему добиться с помощью колдовства благосклонности Джиллан? Как сильно его влияние на нее? Была ли она галлюцинацией, или у нее было тело из плоти и костей? Удалось ли Хальзе с помощью остальных сделать её своей, или она ввела всех в заблуждение своим поведением, внешне приняв мое исчезновение без вопросов, но в душе также стремилась к воссоединению. Или ту, другую Джиллан, использовали, чтобы наказать Херрела так, чтобы он не узнал, кто это сделал? Если так, тогда та короткая встреча в палатке должна была объяснить ему истинное положение вещей. Я не сомневалась в том, что Херрел, за то короткое мгновение, пока остальные не утасовали его, узнал, что на самом деле существует две Джиллан.

Я снова отчаянно попыталась дотянуться до той, другой Джиллан, чтобы слиться с ней. Связь между нами все еще существовала, но мне никак не удавалось приблизиться к той Джиллан.

Они теперь были предупреждены и, должно быть, установили барьер на пути к нашему воссоединению.

Веки мои отяжелели от усталости, и голова моя опустилась на колени. Все, что угнетало меня, растворилось во сне.

Глава 12

Сон немного освежил меня, и на рассвете я снова тронулась в путь. Дорога теперь была не прямой, а извивалась по местности, становившейся все более приветливой. Деревья и кустарники покрылись листвой, и я из зимы вошла в весну или лето. А потом я увидела кусты с такими же белыми,

сладко пахнущими цветами, как те, что Хальзе подарил той, другой Джиллан. Я достигла золотисто-зелёной страны по другую сторону Врат, страны, к которой так стремились Всадники во время своих странствий.

Я дошла до реки, берега которой окаймляли деревья с ветвями, низко склонившимися над водой и усеянными розовыми цветами. Я спустилась по крутому откосу и погрузила руки в прохладную воду. Потом я торопливо расстегнула застёжки, крючки и пуговицы и сняла свою грязную, вонючую и местами порванную дорогую одежду, чтобы вымыться и поискать брод. Рана на моем боку хотя и была ярко-красной и припухшей, но уже почти затянулась. Несколько упавших цветов коснулись моих плеч, и их запах остался на коже и в волосах. Я упивалась ощущением свободы в воде и не могла заставить себя выйти на берег и снова отправиться в путь, туда, куда меня влекло. В конце концов я выкарабкалась обратно на берег и снова натянула на себя казавшуюся теперь еще более грязной одежду.

Дальше дорога шла по полям, но поля эти не были возделаны, не было видно ни коров, ни овец. Только птиц здесь было множество, и они без опаски летали рядом со мной и что-то клевали у меня под ногами. Они имели такое же яркое оперение, как и у птиц в долинах Халлака, но здесь были и другие виды животных. Дважды я видела покрытых мехом зверьков, которые глядели на меня безо всякого страха. Солнце припекало, и меховая подстилка, которая спасла меня в горах, стала меня обременять. Я остановилась, положила её на землю и случайно поглядела вниз.

Я действительно не отбрасывала тени! Ализонцы еще в лагере заметили это, но во время своего бегства я была так занята, что как-то не задумывалась над этим. Но ведь я же была живым существом, настоящим, из плоти и крови! И все же и деревья, и кусты, и даже высокая трава отбрасывали тень на освещенную солнцем землю, и это подтверждало их реальность, а я не отбрасывала. Может быть, я была невидимой? Но охотники Алисона видели меня и даже хотели меня, для них я была женщиной, видимой, осязаемой и привлекательной. Эти мысли поддерживали меня. Мне никогда не приходило в голову, что смыслом моей жизни станет стремление к встрече со своим другим «я».

Я в раздумье провела рукой по земле. Как странно: когда

у тебя есть тень, ты не придаешь ей никакого значения, а когда её нет — это совсем другое дело. Вдруг иметь тень стало для меня также важно, как иметь руки и ноги. Я попыталась воспользоваться своим вторым зрением, но тени у меня не появилось. Но окружающий меня ландшафт изменился, и я увидела...

Я больше не находилась в безлюдной местности. Туманные образования принимали четкие формы, когда я концентрировалась на них. У края дороги, слева от меня, стоял крестьянский дом, которого я прежде не видела, с крышей, с фронтоном, с пристройками и садом. Дом был таким же, как дома в долинах Халлака, с остроконечной крышей и резьбой на карнизе и наличниках окон. Перед домом был мощный двор, по которому двигались какие-то фигуры. Чем дольше я вглядывалась, тем четче становилось все это. И именно это было реальным, а пустые поля — иллюзией.

Я непроизвольно свернула с дороги и поспешила к мощному двору. Вблизи дом был еще более внушительным. Это был почтенный, старый дом, сложенный из такого же синезеленого камня, как я видела в горах. Крыша его была покрыта черепицей, а резьба выкрашена в золотистый и зеленый цвет. Мужчина вел из конюшни лошадь к корыту с водой, а служанка ощипывала какую-то птицу — курицу с блестящими пестрыми перьями и длинными гибкими ногами. Я не могла четко видеть ее лица, но она была так же похожа на человека, как и я. На мужчине были серебристо-серые брюки и серая кожаная куртка, подпоясанная усыпанным металлическими заклёпками поясом. На девушке было красно-коричневое платье и длинный фартук того же цвета, что и шапочка у нее на голове.

Девушка прошла по двору в моем направлении и стала разбрасывать зерна из плоской коробочки, висевшей у нее на руке.

— Пожалуйста... — Я истосковалась по людям. Я хотела, чтобы она увидела меня, но, хотя я говорила громко, она, похоже, не замечала меня, так как даже не повернула головы в моем направлении.

— Пожалуйста... — повторила я громче, но она все еще не замечала меня. И мужчина, который вел теперь лошадь от корыта с водой обратно в конюшню, прошел совсем рядом со мной. Выражение его узкого лица с раскосыми бровями и

узким подбородком — черты лица его были такими же, как и у Всадников — не изменилось.

Я не могла больше вынести это. Я протянула руку и дернула девушку за рукав. Она коротко вскрикнула, отшатнулась и начала пораженно что-то бормотать. Мужчина повернулся и громко задал вопрос на незнакомом языке. И хотя они оба глядели туда, где я стояла, они, казалось, не видели меня.

Я не могла больше удерживать двойное зрение. Все поблекло: и старый дом, и мужчина, и девушка-служанка, и лошадь, и куры. Они становились все бледнее и бледнее, пока не исчезли совсем, и я снова оказалась одиноко стоящей в поле. И все же что-то внутри говорило мне, что второе зрение еще вернется ко мне. Для меня это была страна-призрак, а для её народа я сама была призраком.

Я снова вышла на дорогу, спустилась на обочину и положила голову на руки. Стану ли я когда-нибудь настоящей в этой стране? Может быть, тогда, когда я снова отыщу ту, другую Джиллан? А была ли она сама здесь настоящей?

От рациона охотников-ализонцев остались только крошки. Где мне здесь найти пищу? Может быть, мне удастся достаточно долго удерживать второе зрение, чтобы в каком-нибудь крестьянском доме отыскать что-нибудь съестное, и, возможно, мне придётся взять это без спроса, потому что те, кто там живет, не могут видеть меня. Этот народ считает, что он хорошо защищен, — подумала я. — Сначала охранники наверху, в горах, а потом этот пустынный ландшафт. Отряд охотников из Алисона может проехать здесь много миль и не найти ничего, что можно было бы ограбить. Как многие, я проходила мимо и не знала, что тут было на самом деле. Замки? Дома? Города?

Мне нужна была пища, и если я хотела найти что-нибудь — я должна была видеть. Две усадьбы, которые я неясно различала вдаль, находились слишком далеко от дороги, потому что эта дорога существовала на самом деле, и она вела меня в нужном направлении, в ту сторону, куда меня все время тянуло. Было уже далеко за полдень, когда я обнаружила деревню, которая находилась при дороге. Это была маленькая деревушка, в которой было примерно двадцать домов и башнеподобное сооружение в центре. Люди по обеим сторонам улицы были для меня всего лишь тенью, и я

даже не пыталась разглядеть их получше. Я сконцентрировалась на домах; на пороге первого из них сидела женщина и пряла. Перед другим домом играли дети, а у третьего дома дверь была закрыта и, может быть, заперта. Но четвертым домом было большое здание, судя по вывеске гостиница.

Я напрягла всю свою волю, чтобы удержать все это видимым, и прошла внутрь здания через полуоткрытую дверь под вывеской. За дверью был короткий коридор, а налево была еще одна дверь, за которой находилось большое помещение с деревянным столом и лавками. И на этом столе стояла тарелка с коричневым караваем хлеба и куском желтого сыра. Я испугалась, что хлеб и сыр побледнеют и превратятся в ничто, когда мои пальцы схватят их, но ничего подобного не произошло. Я сунула все это в складку меховой подстилки и пошла назад, к двери. Но на пороге дома стояла фигура — один из туманных жителей этих домов. Я отпрыгнула, почувствовав какое-то беспокойство, и постаралась получше разглядеть вошедшего. Это был мужчина в кожаных штанах, сапогах и кованой кольчуге под верхней курткой из шелковистого сукна, похожей на ту, которую носили Всадники, но только без меха, и вместо шлема у него на голове была шапка.

Он с подозрением заглянул в помещение, взгляд его скользнул мимо меня, потом я увидела, как ноздри его расширились, словно он что-то учуял. Затем он заговорил на языке, которого я не поняла. Но мне показалось, что это был вопрос. Я затаила дыхание, чтобы не выдать себя. Он повторил вопрос и сделал пару шагов в мою сторону. Я осторожно прокралась мимо него и была почти у двери, когда он отвернулся от стола, с которого я взяла сыр и хлеб. В первое мгновение я подумала, что он увидел меня. Он чутко прислушивался и, казалось, смотрел прямо на меня. Вдруг выражение его лица изменилось и он направился прямо ко мне.

Из последних сил я выбежала из комнаты и побежала вдоль коридора. Человек громко крикнул, и с улицы донесся ответ. Когда я уже хотела покинуть дом, то вдруг увидела прямо перед собой какую-то фигуру. Защищаясь, я вытянула вперед руку, и она ударилась о твердую плоть, хотя мне виделись только расплывающиеся контуры. Я услышала удивленный вскрик, когда вновь вошедший отшатнулся назад,

но я уже была снаружи, на улице, и побежала прочь от деревни к той, другой дороге, где чувствовала себя в относительной безопасности.

Позади себя я услышала крики и топот ног. Видели ли они меня? Или я все еще была невидимой для них? Я не осмеливалась оглянуться назад. Призрачный мир вернулся снова, и я, тяжело дыша, оказалась на дороге и больше не видела ничего, кроме лугов, полей и неба. Но я все еще слышала крики, а потом стук лошадиных копыт, который быстро приближался. Я еще крепче прижала к себе подстилку с добычей и снова побежала по дороге прочь от исчезнувшей деревни с мощеными улицами. Когда я, наконец, тяжело дыша, остановилась, не было слышно больше ничего, кроме щебетания птиц. Может быть, они действительно не заметили меня? Я больше не боялась, по крайней мере, в этот миг. И все же, немного отдохнув, я снова побежала, чтобы увеличить расстояние между мной и моими возможными преследователями, и только потом опустила на небольшую, поросшую травой кочку возле дороги, чтобы воспользоваться своей добычей. Черный хлеб и сыр показались мне гораздо вкуснее всего, что Всадники предлагали своим невестам — для меня это была сама жизнь.

Я позволила себе лишь немного утолить голод. Маловероятно, что мне удастся ещё раз совершить что-нибудь подобное, поэтому я должна экономить припасы. Из кустов выглянула птица и стала клевать крошки. Потом она поглядела на меня и защебетала, словно прося еще. Я бросила ей еще пару крошек, чтобы понаблюдать за ней. Несомненно, птичка видела меня так же, как и другие животные, встретившиеся мне в пути. Может быть, я была невидима только для людей этой страны?

Солнце уже сильно склонилось к западу. Скоро настанет ночь, и нужно было найти какое-нибудь убежище. Далеко впереди виднелось темное пятно, это мог быть лес, и я решила искать убежище там.

Я думала только об этом и вдруг почувствовала, как изменилась атмосфера вокруг меня. Мне стало как-то неприятно. Это чувство не имело ничего общего с наступлением ночи. Меня преследовали. Это ощущение было так сильно, что я все время оглядывалась. Мне бросилось в глаза, как

увеличилось количество птиц вдоль дороги, они всё чаще пролетали над моей головой.

Мне расхотелось искать защиты среди деревьев, которые высились передо мной и казались теперь угрожающими. Лес был огромный, далеко простиравшийся на север и на юг. Я уже решила остановиться там, где и была, на краю поля, но всё же пошла дальше. Дорога становилась все уже, обочины исчезли, и надо мной нависали ветки, словно деревья по обеим сторонам дороги хотели сплестись друг с другом.

И в листве, и между деревьями слышались шорохи. Я видела белок, лису, других зверей, но не видела в их возросшей активности опасности для себя. Скорее мне казалось, что лесная охрана, состоявшая из зверей и птиц, сопровождала и наблюдала за мной, и у меня не было никакой защиты против неё!

Я старалась найти укрытие от наступающей ночи, но не видела нигде ничего подходящего.

Я подошла к дорожной развилке, и каждое ответвление было не шире обычной тропинки. В развилке, на маленьком островке земли, возвышался земляной холмик, а на его плоской вершине стояли три каменных колонны, и средняя из них была выше двух других.

Странно, пока я смотрела на эти колонны, неприятные ощущения почти исчезли. И хотя это место было ничем не защищено, я чувствовала, что меня туда тянет. Я взобралась наверх, разложила подстилку, опустилась на неё и прислонилась спиной к средней колонне.

Я снова поела сыра с хлебом, но меньше, чем хотелось. Меня мучала жажда, и было трудно глотать сухой хлеб.

Между тем солнце зашло, и я накинула подстилку на плечи. Лес был полон звуков, но я так устала и ослабла, что, несмотря ни на что незаметно заснула.

Проснувшись я в темноте, сердце мое колотилось, дышать было тяжело. Мне снился дурной сон, но проснувшись я не от этого. Вокруг разливался лунный свет, и колонны блестели серебром.

Мне приснилось, что я вслепую брожу по комнате, где спрятано что-то, имеющее огромное значение для меня. Что это, я могла только догадываться. Я чувствовала, что попала в такое место, где властвуют Силы, но что это за Силы, добрые или злые, я не знала. Я не боялась, я была только подавлена

тем, что не могу воспринять какую-то чрезвычайно важную для себя информацию, она проходила мимо меня.

Как долго я сидела так, очарованная, и пытаюсь прикинуть сквозь границу незнания? Внезапно я услышала стук копыт на дороге, но не с той стороны, откуда пришла я, а с другой. Вокруг меня зашелестело, словно множество маленьких существ убегало в лес, с дороги скакавшего галопом всадника.

Я сидела под своей серебристой колонной, не ощущая никакого страха, и ждала.

В лунном свете появилась покрытая пеной лошадь. Ее всадник так внезапно натянул поводья, что животное встало на дыбы и взбрыкнуло передними копытами.

Всадник-Оборотень!

Лошадь заржала и снова лягнула, но Всадник осадил ее. Увидев фигурку на его шлеме, я вскочила, и подстилка упала с моих плеч. Я протянула к нему руки.

— Херрел!

Он спешил к мне и пошел ко мне. Шлем скрывал лицо и я не могла видеть его выражение.

Глава 13

Я словно после долгих странствий по зимней ночи открыла дверь гостеприимного дома, из которого струились свет и тепло и который обещал близость людей. Я выбралась с моего безопасного, освещенного лунным светом островка и побежала к нему, и он устремился мне навстречу.

— Херрел! — Но вдруг между нами разлился зеленый свет, угрожающий и опасный, как змея, а когда он исчез...

Над обнаженными клыками светились глаза дикой кошки — не осталось и следа того, к кому я стремилась.

— Херрел! — Я не знала, почему я снова выкрикнула его имя. Ведь он больше не был человеком.

Я отпрянула назад, когда огромный зверь с серебристым мехом плотно припал к земле, изготоваясь для прыжка, и в его глазах я видела смерть. Я ощутила спиной твердую землю холма, но не отважилась повернуться и вскарабкаться наверх, к колоннам, у которых я могла найти спасение.

У меня за поясом был нож, но я знала, что сталью эту опасность не устранить. Я пристально смотрела в зеленые

глаза и не находила в них ничего человеческого. Но в этом звере было что-то от Херрела, скрытое, подавленное, но оно было. Напрягая последние силы, я пыталась высвободить человека, подавив его звериную сущность.

— Херрел... Херрел... — умоляла я его больше мысленно, чем вслух. — Херрел!...

Ничего не изменилось. Короткий звук вырвался из его покрытого мехом горла, и моя воля была окончательно парализована, когда чудовище, подняв круглую голову с плотно прижатыми ушами, издало долгое рычание, как во время боя с охотниками Алисона. Но я пыталась бороться дальше.

— Херрел! — животное мотнуло головой взад-вперед, а потом встряхнулось, словно отгоняя от себя что-то неприятное.

— Херрел! Ты человек, а не зверь! Ты человек! — Я кричала, потому что была убеждена, что внутри этой кошки человек. Или того Херрела, которого я знала, больше не существовало. Мне пришлось закрыть глаза, потому что воля моя отступила перед хлынувшими на меня отвращением и яростью, исходившими от него.

Горячая волна боли пронзила мою руку, которую я успела поднять в последнюю секунду, защищая лицо. Меня придавило к земляному холму, я не могла пошевелиться. Я не могла глядеть на то, что меня прижало, мне было не вынести этого.

— Джиллан! Джиллан!

Меня обнимали руки мужчины, а не лапы зверя, которые должны были рвать мое тело. Человеческий голос, хриплый от боли и страха, а не шипение кошки.

— Джиллан!

Я открыла глаза. Его лицо склонилось надо мной, и я прочитала на нем выражение такой муки, что удивилась.

— О, Джиллан, что я с тобой сделал?!

Потом он поднял меня, словно я была легкой, как перышко, и понес на площадку на вершине холма. Он положил меня на меховую подстилку и осторожно вытянул мою раненую руку. Разорванный рукав распался на два больших куса материи, и обнажились глубокие кровоточащие раны. Он издал странный звук, увидев это.

— Херрел?

Теперь его взгляд встретился с моим. Он кивнул.

— Да, я снова Херрел. Да съест желтая гниль их кости за

то, что они сделали с тобой! В этом лесу есть лечебные травы, я пойду поищу их.

— В моей сумке есть лекарства... — Боль, как расплавленный металл, жгла мою руку до самого плеча, я едва могла дышать, и колонны в лунном свете поплыли у меня перед глазами. Я почувствовала, как Херрел достал сумку из-под моего платья, и попыталась показать ему, какую мазь взять. Когда он дотронулся до раны, я вскрикнула и погрузилась в ничто, где не было ни боли, ни мыслей.

— Джиллан! Джиллан!

Мне так не хотелось покидать это целебное ничто, но голос звал и звал меня.

— Херрел?

Он опустился возле меня на колени, его лицо осунулось от усталости. Он поднял руку, словно хотел коснуться меня, но потом снова опустил ее.

— Джиллан, как ты себя чувствуешь?

Я пошевелила рукой, боль почти не ощущалась. Я осторожно приподнялась. Рука была забинтована, чувствовался хорошо знакомый острый запах мази; значит, он перерыл мою сумку. Когда я начала двигаться, на меня упали маленькие кусочки разорванных листьев, которые пахли лекарственными травами. Я лежала, покрытая плотным слоем таких листьев.

— Как ты себя чувствуешь? — снова повторил Херрел свой вопрос.

— Хорошо. Мне кажется, хорошо.

— Но не все так хорошо. Времени у нас в обрез.

— Что ты имеешь в виду? — Я зачерпнула горсть листьев, чтобы вдохнуть их запах.

— Тебя разъединили...

— Я знаю это.

— Но, возможно, тебе известно не все. На некоторое время можно из одного человека сделать двоих, хотя это и злое дело. Но если эти двое не соединятся, один из них погибнет.

— Другая Джиллан? — Листья лежали на моей руке, и я снова ощущала холод внутри, и меня снова потянуло куда-то.

— Или ты, — он, наверное, прочёл по моему лицу, что я его поняла, — они надеялись, что ты погибнешь в горах или в пустыне. У этой страны мощная защита.

— Я знаю это.

— Они не верили, что ты сможешь выжить. А когда ты умрешь, останется только та Джиллан, которую они взяли с собой, и она будет жить и не будет такой, как ты. Когда ты появилась в Арзене, они узнали об этом. Они узнали, что в их страну пришёл кто-то чужой и поняли, что это ты. Они снова воспользовались магией и...

— И послали тебя, — сказала я мягко, и он ничего не ответил.

Он повернул голову так, что я могла видеть его лицо. На нем была написана такая боль, что я не смогла найти слов, чтобы облегчить его мучения.

— При первой нашей встрече я рассказал тебе, что я не такой, как остальные. Они могут меня принудить, если захотят, или ослепить мои глаза, когда это им нужно. Когда они привели с собой ту, другую Джиллан, она отвернулась от меня и отдала предпочтение Хальзе, как тому хотелось с самого начала!

Я испугалась Хальзе! Действительно, мое другое «я» находилось в руках Хальзе, и если она действительно отдала ему предпочтение... Жгучий стыд пронзил меня. Нет... нет...

— Но я существую, — наконец смущенно сказала я. — У меня есть тело... я живая... — Но было ли это на самом деле так? В этой стране я была привидением так же, как здешние люди были нереальными для меня. Я провела рукой по ранам, радуясь боли, которую вызвало движение, потому что почувствовала реальность своего тела.

— Ты — это ты, и она — тоже ты, часть тебя. Вы обе — малые и слабые части одного целого. Вот если бы ты погибла, она стала бы полноценной, такой, какая нужна Хальзе.

Мои братья по отряду боятся тебя, потому что тобой нельзя управлять как другими. Они воздействуют на тебя с помощью колдовства, Джиллан, потому что только так они могут избавиться от тебя.

— И если ты...

Он снова читал мои мысли.

— Если я убью тебя, как они рассчитывали? Им всё равно, узнаю я правду или нет. Они ничуть не боятся меня, и если бы я сделал что-нибудь с собой из-за этого вынужденного убийства, это было бы для них облегчением. Они всё хорошо продумали.

— Но ты не убил меня.

Лицо его помрачнело.

— Посмотри на свою руку, Джиллан. Нет, я тебя не убил, но я тебя ослабил, и это тоже выгодно им. Время — наш враг, Джиллан; чем дольше вы будете разделены, тем сильнее ты ослабнешь, и, может быть, объединяться вам будет уже слишком поздно. Будет лучше, если ты узнаешь правду.

— Я думаю, что ты можешь больше, чем думаешь о себе, — мужественно произнесла я. — Иначе почему ты не выполнил возложенного на тебя задания? Колдовство — могущественная сила, и с ней так просто не справиться.

Херрел посмотрел на меня.

— Не думай обо мне так хорошо, Джиллан. Я благодарю высшие силы за то, что я так вовремя очнулся от околдовавших меня сил. Или это ты меня разбудила, потому что твой голос донесся до меня в бесконечную тьму, в которую меня загнали... Если ты сможешь ехать, то мы должны немедленно отправиться в путь. Мы должны догнать отряд.

Он помог мне встать и укрыл меня — не моей тяжелой меховой накидкой, а своим плащом. Потом он взял меня на руки и понес по склону холма к дороге. Лунный свет угас, рассвет был уже недалеко. Херрел свистнул, и его конь подошел к нам. Херрел усадил меня в седло, а сам сел позади меня. Его жеребец, казалось, и не заметил двойного груза.

Пока мы ехали, мне было хорошо и удобно в руках Херрела.

— Я не понимаю, почему Хальзе так домогается меня, — сказала я. — Только ли это уязвленное самолюбие и досада от того, что ты получил невесту, а он нет?

— Так было вначале, — ответил он. — А потом он делал это из-за того, что ты не такая, как остальные. Это была единственная возможность привязать тебя к нам, и ты стала жертвой того, что они с тобой сделали.

— Последняя возможность?

— Той ночью, когда ты отвергла меня. Ты не отдалась мне, и все наши заклинания оказались бессильными.

Я была рада, что он сидел позади меня и не мог видеть моего смущения.

— Ты тогда назвал меня колдуньей, — сказала я после долгого молчания. — Ты сказал так, потому что рассердился?

— Рассердился? Какое право я имел сердиться на тебя? Я назвал тебя так потому, что ты и есть колдунья. И поэтому

тебе не оставалось ничего другого, как только отвергнуть меня.

— Колдунья, — повторила я задумчиво. — Но я изучала только искусство врачевания, а это не колдовство. Если бы я была той, что ты сказал, я никогда бы не жила в монастыре. Меня выгнали бы оттуда через час после моего прибытия.

— Колдовство — это не так плохо, как думают люди Халлака. В тебе другая кровь. Она должна дать тебе не только умение пользоваться своими силами, но и власть над ветром и водой, землей и огнем — это твое естественное дарование, и никто не может тебя этому обучить. В старые времена Арзен не был закрыт от остального мира, и мы знали о других народах по ту сторону моря, для которых, как и для тебя, колдовство — неотъемлемая часть жизни. Есть страна, в которой живут колдуньи. И пока мы странствовали по степям, мы много слышали об этой стране. Эта страна тоже находится на закате своего существования, потому что она так же стара, как и Арзен. Но в Эсткарпе все еще есть колдуньи, и Ализон ведет с ними войну.

— И ты думаешь, что во мне течет кровь этих колдуний?

— Да. Ты не изучала искусства колдовства, но у тебя есть Сила. И еще одно. Если колдунья отдает свое тело мужчине, она теряет свои колдовские способности.

— Но если они не делают этого, как же существует их народ?

— Говорят, что они вымирают. Но это тоже не совсем так. Время от времени колдуньи выбирают тех, кто готов принести себя в жертву. И потом, не все женщины в этой стране — колдуньи, и у них, простых женщин, рождаются дочери с такими способностями. И каждой, кто обладает Силой, нелегко отказаться от неё.

— Я не знала об этом. Я не настоящая колдунья.

— Если в тебе есть способности, они сами направят тебя на правильный путь.

— А другая Джиллан?

— Джиллан, которую они попытались создать — не колдунья. Они не решились идти на такой риск.

Слова Херрела падали в мою опустошенную душу.

— Херрел... когда я на мгновение вернулась к другой Джиллан там, в палатке, и звала тебя... ты меня узнал?

— Да, я тебя узнал, и понял, что произошло.

— Они уволокли тебя прочь, и тогда Хальзе прогнал меня от нее.

— Да.

— Если бы они не послали тебя, ты пошел бы, чтобы отыскать меня?

— Я пошел по их приказу, — он отклонил мой вопрос.

И внезапно я поняла.

— Ты пошел, потому что они использовали твоё желание найти меня, поэтому они смогли и заколдовать тебя. Если бы между нами не было никакой связи, они, может быть, не смогли бы тебя послать... — я услышала позади себя учащенное дыхание. — И потому, что ты все время думал обо мне, Херрел, ты смог разрушить это колдовство. Не забывай этого! Я никогда не слышала о человеке, который мог сопротивляться наложенным на него чарам, — я положила ладонь на руку, которой он держал поводья. — Слишком долго ты не хотел согласиться. Благодарю меня за то, что я взяла твою накидку в то время, как другие смеялись, когда ты клал ее. До сих пор нам удавалось разрушить все их козни. И ты не отказался от борьбы, иначе ты не стал бы догонять отряд. — Я замолчала, но когда он ничего не ответил, я продолжила. — Я видела тебя таким, каким и должна была видеть околдованная невеста; я видела тебя как Всадника-Оборотня и как зверя. Может быть, есть и другие Херрелы, которых я не знаю, но все они настоящие, потому что у правды множество лиц. Но я выбрала тебя, и я не раскаиваюсь в своем выборе.

Он долго молчал, только его руки крепко обнимали меня. Вокруг нас разгорался серый рассвет, и жеребец ровной рысью нёс нас к цели.

— Ты все еще живешь надеждой, — наконец тихо произнес Херрел. — В конце концов, все мы живем надеждой, а это самая неверная вещь на свете. Джиллан, худшее впереди. Колдовство разрушено, но они не сложили оружия, Джиллан. И нам придется пойти за ними. И чтобы что-то сделать, нам придется выступить против Всадников.

— Они встретят нас в обличь зверей?

— Тебя они могут встретить в обличь зверей, но меня нет. Мы должны потребовать от них соблюдения устава отряда — если я ещё могу чего-то потребовать. Я могу потребовать у Хальзе удовлетворения мечом за то, что он взял себе другую Джиллан. И, предъявив им тебя, я смогу этого добиться.

— И если тебе это удастся?

— Тогда я смогу потребовать сатисфакции у Хальзе, а может быть, и у других. Но они всеми силами постараются помешать этому.

Глава 14

— Почему я могу видеть только иллюзию этой страны, если я не напрягаю всю свою волю? — спросила я у Херрела немного погодя.

— Ты пришла сюда не через Врата, а через горы, — он снова крепко обнял меня. — А горы эти полны ловушек. То, что ты там прошла и уцелела — это тоже колдовство, твое колдовство. Расскажи мне, каким путем ты пришла.

Я рассказала ему всё с момента моего пробуждения в покинутом лагере, и когда я рассказывала ему о появлении ализонцев, ритм его дыхания изменился. Я рассказала ему, каким образом мне удалось избавиться от них, и он сказал:

— Это и было настоящее колдовство! Ты должна признать, что обладаешь способностями. Я убежден, что ты можешь вызвать на поединок весь отряд и ускользнуть от них невредимой...

Когда я рассказала ему о своём хождении среди изменчивых камней, он кивнул.

— Это руины Кар Ра Деган, созданная с помощью колдовства крепость против сил зла, но с тех пор прошло много времени. Ты нашла очень древний путь, представители нашей расы не пользуются им уже несколько тысячелетий.

Я рассказала ему о световом барьере, и каким образом я его преодолела, а потом о дороге, которая привела меня к площадке стражей.

— Это место захоронения королей, — объяснил Херрел. — Они царствовали здесь в прежние времена. Когда мы впервые пришли в Арзен, в народе, жившем здесь, была ещё их кровь. Мы смешались с ними и переняли некоторые из их обычаев. Они хоронили своих королей стоя, чтобы они могли смотреть на происходящее снаружи. И если потомкам требовался совет мудрого короля, они шли туда и оставались там на ночь, и во сне получали ответ на свой вопрос. Древние короли также охраняют нашу страну.

— Я чувствовала, что меня проверяли, но мне позволили пройти.

— Потому что они почувствовали родство с тобой...

Я рассказала ему остальное, потом мы сделали остановку у речки, и я вволю напилась. Все же я чувствовала себя очень ослабевшей и сказала ему об этом.

Он отвёл глаза.

— Они уже знают, что я не выполнил их приказа и вытягивают из тебя жизненные силы, чтобы влить их в другую Джиллан и сделать её сильнее. Время — наш враг, Джиллан. Они не смогли убить тебя никаким способом, но они могут так ослабить тебя, что будет уже поздно что-либо предпринимать.

Я взглянула на свои руки. Они дрожали.

— Херрел, страна, по которой мы едем, действительно пуста, или здесь есть жизнь, которую они могут использовать против нас?

— Здешные места не так населены, как равнина по ту сторону леса, здесь есть только отдельные дома и замки. Будь ты одна, они приказали бы стражам, на которых ты наткнулась в гостинице, выступить против тебя. Но теперь ты едешь со мной, и все остальные рассматривают это как личное дело Всадников.

— Херрел, разве в Арзене нет никаких законов? Разве мы не можем обратиться к верховному властителю и попросить соблюдения закона?

Херрел покачал головой.

— Всадники не подчиняются этим законам, ты тоже пришла из другой страны. Нас не приводят к присяге. Новые власти не могут запретить нам въезд в Арзен, потому что это наше право по рождению, и условия древних договоров должны исполняться. Со временем Всадники могут наняться на службу к одному из семи Лордов. Но сейчас никто не будет вмешиваться, пока они выступают только против члена своей группы — против меня, и против тебя, Джиллан, чужестранки из Халлака.

Херрел достал из седельной сумки еду, и мы поели. Это подкрепило меня, и тело мое налилось новой жизнью. Я уже не верила, что Всадники ослабили меня, чтобы дать силы другой Джиллан.

— У тебя здесь нет никаких родственников, Херрел? — спросила я. — Ты же не всегда был только Всадником. Разве ты никогда не был ребенком, у тебя не было матери, отца и, может быть, даже братьев и сестер?

Он снял шлем, присел у ручья и зачерпнул руками воду, чтобы умыть лицо.

— Родственники? О, да. Но так же, как ты, чужая народу Дэйла, не нашла у них убежища, так и я не полностью принадлежу народу Оборотней. Моя мать происходила из дома Кар До Пран на севере. Она поддалась любовному колдовству одного из Всадников-Оборотней и последовала за ним через горы. Её отцу заплатили деньги, чтобы увезти её с собой, и я не знаю, пошла ли она добровольно или её увезли силой. Когда у нее родился ребенок, его приняли как ребенка Всадников. Но однажды, когда я был еще очень мал, мне удалось изменить свое тело — может быть, я был рассержен или перепуган — чем обнаружил свое происхождение. Я был больше Всадником-Оборотнем, чем Красным Плащом, и они отправили меня к Серым Башням. Но я был все же полукровкой, а не настоящим Всадником. Со временем отец стал для меня таким же чужим, как и клан в Кар До Пран. Я не мог ждать никакой помощи от клана Красных Плащей.

— Но твоя мать...

Он пожал плечами.

— Я знаю ее имя — леди Элдрис, только и всего. А мой отец... — Он поднялся и, отвернувшись от меня, взглянул вдаль, — мой отец среди тех, кто лишил тебя твоего второго «я». Его гордость уязвлена тем, что его сын — всего лишь полукровка.

— Херрел... — Я дотронулась до него, подойдя ближе, но выражение его лица все еще было отсутствующим.

Херрел свистом позывал своего жеребца и, наконец, обратил на меня внимание.

— Пора ехать.

Мы снова вернулись на дорогу и долго ехали молча.

— Разве нет никакой другой возможности, кроме как догонять Всадников? — спросила я наконец.

— Мне кажется, у меня есть план или только намек на него, — ответил он, и я не стала настаивать.

Уже под вечер мы снова подъехали к месту, где дороги разветвлялись перед таким же земляным холмиком, как и на прошлой развилке. Но на этом холме стояла только одна колонна в самом его центре. Херрел натянул поводья.

Он поднял меня, снял с седла и поставил на землю.

— Заберись наверх и обещаю тебе, что останешься у под-

ножья колонны, пока я не вернусь. Там ты будешь в безопасности.

Я схватила его за руку.

— Куда ты едешь?

— Я должен найти то, что нам должно сегодня помочь. Помни, что у подножия колонны ты будешь в безопасности. Там может находиться только тот, у кого добрая душа и чистые помыслы.

Я послушалась его и вскарабкалась на площадку на вершине холма. Снова почувствовав себя слабой, я опустилась на землю у подножия колонны. Херрел свернул с дороги и поехал по равнине. Временами он слезал с лошади и, как мне показалось, рассматривал выступающие корни самых высоких деревьев. Может быть, это всё ещё был лес, но деревья здесь стояли друг от друга на значительном расстоянии и были довольно низкими. Херрел внимательно осматривал их. Наконец, он начал копать своим мечом землю под одним из деревьев. Он рубил корни и собирал их в пучок. Потом он вернулся ко мне. Он бросил горсть корней к подножию холма, и я увидела, что это действительно были корни или обрывки корней. Он еще трижды выкапывал, отсекал и приносил сюда обломки сухих корней, пока их не набралось достаточно для того, чтобы сформировать из них тщательно выровненную кучу конусообразной формы.

Потом он взобрался ко мне наверх, принес свою седельную сумку с продуктами и фляжку, наполненную свежей водой из ручья.

— Зачем это всё? — я указала на кучу корней. И когда он промолчал, я спросила: — Скажи мне, что ты хочешь делать, Херрел? Ты думаешь, это защитит нас?

Глава 15

Херрел улыбнулся.

— Ты права, это действительно важнее, чем щит и меч для меня — лучшее и желать нельзя, Джиллан. Ладно, слушай, что я хочу сделать. Я не буду ждать, пока они по своему желанию назначат время и место сражения. Я хочу сделать это сам, и потому я вызываю их! Когда взойдет луна, я подожду эту кучу корней, и это привлечет их сюда...

— Сложное колдовство?

Он рассмеялся.

— Сильное колдовство. Произойдет вот что: пламя поднимется над кучей горящего дерева, такого же древнего, как сами Всадники, и высветит их сущность. Никогда, за все тысячелетия существования Халлака, никто не осмеливался заставить Всадника-Оборотня отвечать, раскрыв его происхождение. Я не думаю, что они ожидают от меня такого вызова. Они думают, что я всем доволен и живу одной надеждой. Если я вызову их сюда, я должен быть готов встретиться со всем их могуществом.

— И ты думаешь, можно...

— Будет ли счастье на нашей стороне, решится сегодня ночью, Джиллан. Я не знаю, в каком облике они появятся, но когда я назову имя Хальзе и потребую права меча, они вынуждены будут признать мои права. И тогда я смогу действовать.

Херрел знал свой отряд и эту страну. Он не выбрал бы такой рискованный путь, если бы был другой. Наши шансы таяли.

— Херрел, а когда мы вызовем их, у меня не будет права потребовать у них удовлетворения?

Он вынул свой меч и провел кончиками пальцев по его лезвию.

— Существует такой обычай, но...

— Говори же!

— Если ты в свете пламени костра сможешь назвать имя оборотня, он снова примет человеческий облик. И тогда ты сможешь попросить меня выступить в качестве защитника твоих прав. Но если ты неправильно назовешь имя, то он может потребовать удовлетворения от тебя.

— А если нам удастся победить?

— Ты получишь право требовать своё — другую Джиллан. Но если брошу вызов я, то, возможно, они выступят против меня всем отрядом, и у меня не будет другого выбора, кроме жизни, позора и смерти.

— Ты думаешь, я не смогу узнать Хальзе? Он — медведь.

— Звери, которых ты видела — не единственные образы, которые мы можем принимать, а просто наиболее часто употребляемые. При таких обстоятельствах он не будет медведем.

— Но ты можешь мне помочь...

Херрел покачал головой.

— Я не смогу сделать этого ни словом, ни жестом, ни даже

мыслью! Назвать имя — это только твое дело, и только ты можешь сделать это или потерпеть поражение. Когда ты встанешь перед ним с мечом, ты будешь одна.

— У меня есть двойное зрение. Разве оно не поможет мне?

— Как хорошо оно служит тебе теперь? — вопросом на вопрос ответил он.

Я вспомнила туманные дома, которые я случайно заметила во второй половине дня, и моя уверенность исчезла.

— Риск велик, — продолжал Херрел. — Я сам брошу вызов и буду действовать, как только смогу...

Голос его звучал решительно, но я не сдалась. Я прислонилась к колонне и провела руками по древнему камню. Если бы ко мне вернулось мое двойное зрение, хотя бы на несколько мгновений, которые необходимы для того, чтобы назвать настоящее имя! Я лихорадочно искала пути разрешения проблемы. В моей сумке с лекарствами были травы, которые проясняли голову и обостряли разум, а также, которые излечивали многие болезни. Моя раненая рука больше не болела. Наверняка существовала возможность усилить мои способности настолько, насколько это было необходимо.

— Херрел... пожалуйста, подай мне мою сумку.

Он изучающе поглядел на меня, словно попытался прочесть мои мысли и понять мой план, но потом взял сумку и положил ее мне на колени.

— Сколько времени у нас осталось до их прихода? — спросила я.

— Не знаю. Я зажгу костер, когда взойдет луна, а потом мы будем ждать.

Это было слишком неопределенно. Я взяла сумку и нашла в ней маленький кварцевый флакончик.

— Что ты хочешь сделать?

Я открыла руку. Кварц засветился в полутьме.

— Мой Лорд, ты когда-нибудь слышал о траве моли?

Он посмотрел на меня.

— Откуда это у тебя?

— Из сада, где мы выращивали травы. Монахиня Алюзан использует травы, но не для колдовства, а потому что эти настои имеют целебные свойства, которые могут защищать от колдовства. Я применяла свои знания только дважды: причем в последний раз на воине, который утверждал, что

Всадник-Оборотень взглянул на него дурным глазом, и с тех пор у него отнялись руки и ноги. Была ли это болезнь, порожденная страхом, или это было настоящее колдовство — я не знаю, — я улыбнулась. — Но после того, как он в течение трех дней принимал по несколько капель настоя на этой траве, он снова мог ходить и даже бегать. Это значит, что моли обладает и другими свойствами. Она может разрушать иллюзии.

— Но ты же не знаешь, кто придет, и при ком надо это употреблять...

— Это не важно. Это ведь мои иллюзии, которые я должна разрушить. Но я не делала этого раньше. И я также не знаю, сколько времени пройдет, пока настой окажет свое действие. Если я приму его не вовремя, двойное зрение придет ко мне либо слишком рано, либо слишком поздно. Ты не сможешь меня предупредить?

— Это огромный риск...

— Все, что нам предстоит сегодня сделать — к лучшему. Не лучше ли нам так и поступить?

— А если ты ошибешься?

— Нужно верить в удачу. Ты сможешь меня предупредить?

— Я могу сказать тебе, когда они будут приближаться, потому что я тоже буду следить за знаками в пламени и узнаю, насколько они сильны.

На этом мы и порешили, но когда мои пальцы обхватили выдолбленный кусочек кварца, я поняла, как ничтожна была наша надежда.

Пока мы ждали восхода луны, я попросила Херрела рассказать мне об Арзене и о тех, кто живет в этой стране. Оказалось, что все, кто живет в Арзене, сведущи в магии, но только в различных ее видах и в различной степени. Имелись адепты, которые жили в одиночестве, погруженные в изучение нашего мира и времени, и они почти никогда не принимали человеческий облик. Зато четыре клана — Красные Плащи, Золотые Накидки, Синие Накидки и Серебристые Накидки — очень мало пользовались магией, и в основном проводили время в человеческом облике. Между этими двумя крайностями было множество других, чуждых обыкновенным людям форм жизни: Всадники-Оборотни, кото-

рые отдавали свою силу и могущество на службу кланам, раса, живущая в реках и морях, раса, представители которой никогда не отходили далеко от лесов, и еще другие расы, которые никогда не меняли свою внешность животных, но все же были разумными и сильно отличались от животных, живших в этой стране.

— Я почти уже поверила, что в этом твоём Арзене имеется множество чудес, — сказала я наконец. — Что можно вечно скитаться по нему, смотреть, слушать и все же ничего не понимать.

Херрел встал и соскользнул по склону холма к куче корней. Тут я увидела, что на небе появилась серебристая луна. Херрел ударил мечом в середину кучи сухих корней и высек сноп зеленоватых искр.

Дерево загорелось, но не ярким пламенем, а, скорее, затлело. Херрел трижды ударял мечом, и каждый раз его острие глубоко погружалось в кучу корней. И, наконец, вверх поднялся маленький язычок пламени, и в небо потянулся серовато-белый столбик дыма.

Херрел поднял голову. Глаза его блестели зеленым, тени скользили по лицу. Перед нами никого не было, но он всё стоял с обнаженным мечом в руке. Наконец, он повернул ко мне голову и сказал:

— Их влечет сюда...

Я встала. Он даже не пошевелился, чтобы помочь мне спуститься с земляного холма. Казалось, он был прикован к своему месту. Я подошла к нему и протянула ему свою правую руку. В левой руке я сжимала кварцевый флакончик.

— Твой меч, воин.

Херрел с трудом поднял руку, словно преодолевая чьё-то сопротивление, чтобы протянуть мне меч. И мы стали ждать, стоя возле костра. Луна освещала дорогу, но там ничего и нигде не двигалось, насколько я могла видеть. Через некоторое время Херрел заговорил, и голос его прозвучал так, словно он находился далеко от меня.

— Они идут.

Как близко были они или как далеко? Когда мне следует воспользоваться защитой, которую давала пара капель золотистой жидкости? Я вытащила пробку и приложила флакончик к губам.

— Они скоро...

Я выпила. Жидкость была острой и неприятно щипала язык. Я быстро проглотила ее. Дорога оставалась пустой недолго. Это были не звери и птицы, как я ожидала, несмотря на предупреждение Херрела, а множество изменяющихся форм и фигур: от воина к лошади, которая оседала и превращалась в ползущее чудовище; чешуйчатый дракон, который вставал на дыбы и превращался в человека, но в человека с крыльями на плечах и лицом демона. Все непрерывно изменялось, и мне стало ясно, что я была слишком самоуверенна. Как я могла среди такого множества издевающихся надо мной масок найти Хальзе? Если моли не поможет моему двойному зрению, я буду побеждена прежде, чем начнется борьба. Я должна постараться сосредоточить свое внимание на какой-нибудь одной фигуре в этом хаосе растворяющихся и снова меняющихся существ. А потом...

Из моей руки, сжимающей рукоятку меча Херрела, вырвалось голубое пламя и окутало клинок. И я увидела...

За сетью изменяющихся форм я увидела группу человекообразных существ, которые поддерживали сплетенную ими колдовскую картину.

— Я вызываю вас! — громко сказала я.

— Всех или одного?

В действительности ли я услышала это, или это был только мысленный ответ, который я восприняла?

— Одного, от которого зависит все.

— И что это за «все»?

— Мое другое «я», колдуны!

Я изо всех сил удерживала свое двойное зрение. Хальзе, да, я нашла его, был слева от того места, где стояла я.

— Ты назовешь имя, колдунья?

— Я назову имя.

— Согласны.

— Согласны во всем? — продолжала настаивать я.

— Во всем.

— Тогда... — я указала мечом на Хальзе, — я называю среди вас Хальзе!

Тени забурили и забушевали, а затем они слились и исчезли. Перед нами стояли люди.

Хирон вышел вперед.

— Ты назвала имя правильно. Чего ты требуешь?

— Это требование — одно из моих прав, — рука моя скользнула по рукоятке меча, и я протянула его Херрелу, чьи пальцы в то же мгновение перехватили рукоятку.

— Да будет так! — Хирон говорил так, словно оглашал смертный приговор, и это относилось к нам, а не к одному из его спутников. — По обычаю отряда? — спросил он Херрела.

— По обычаю отряда.

Теперь все мужчины задвигались. Хирон снял накидку со своих плеч и положил блестящую шкуру лошади на дорогу. Харл и трое других сняли свои шлемы и положили их по углам накидки так, что гербы их были обращены внутрь. На расстоянии метра от края накидки четверо мужчин вонзили глубоко в почву четыре меча. Другие четыре накидки скатали валиком и положили между мечами, так что образовался четырехугольник.

Хальзе отложил свой щит и накидку в сторону и подошел к накидке Хирона. Херрел встал перед ним. Хальзе улыбнулся. Я уже видела у него такую улыбку и ненавидела его за нее, за улыбку хищника, который уже протянул руку, чтобы схватить то, что считал своим.

— Итак, у нее гораздо больше сил, чем мы думали, неудачник. Но теперь она допустила ошибку, потому что выбрала меч и тебя, чтобы действовать им.

Херрел ничего не ответил. Лицо его было лишено всякого выражения. Он бросил взгляд на Хирона, который вышел в центр лошадиной шкуры и теперь стоял между двух бойцов.

— Это поле боя. Вы будете сражаться, пока у одного из вас не пойдет кровь или один из вас не переступит край поля боя. Тот, кто хотя бы одной ногой переступит край, считается сбежавшим с поля боя, и все права на победу переходят к другому.

Потом он повернулся ко мне.

— Если твой боец проиграет, ты будешь принадлежать нам, и мы сделаем с тобой все, что захотим.

Я знала, что он имеет в виду: они отдадут остатки моих жизненных сил своей фальшивой Джиллан. И это наполнило меня еще большим страхом. Но я надеялась, что он не сможет прочесть по моему лицу, каких усилий мне стоило ответить ему холодным тоном.

— Если ваш боец будет побит, мой Лорд, вы добровольно отдадите мне то, что вы похитили у меня. Это наш договор.

И хотя я не задала ему больше ни одного вопроса, он сказал:

— Это наш договор, — потом он взмахнул платком в воздухе и крикнул: — Давай! — И спрыгнул с накидки.

Я не боец, который понимает толк во владении мечом, и я думала, что Всадники, которые ходили в битву в обличьи животных, такое умение не считали нужным. Но, оказалось, они умели сражаться не только зубами и когтями, но и мечами.

Они кружили друг возле друга и не спускали друг с друга глаз. Изредка они атаковали друг друга, чтобы проверить силу и ловкость противника. Медленное начало внезапно перешло в дикий танец и быструю смену ударов и контрударов звенящими мечами. Вел ли себя при этом Херрел правильно, я не знала. Но крови не было, и хотя однажды Херрел на полступни сошел с накидки, он снова быстро вернулся на место.

Какое-то время я была так захвачена их смертоносной игрой, что кроме этого не замечала ничего. Может, это действовала моли, которая обострила мой разум, но я внезапно осознала, что вокруг поля боя облаком нависла объединенная воля всех остальных. Может быть, эта злая воля и не могла физически ослабить Херрела, но она желала его поражения. Я сама очень хорошо ощущала волю этих людей, а Херрел давно уже не ставил свою жизнь ни во что. Его гнев и необходимость заставляли его забыть обо всем и обо всех, но он все же оставался достаточно чувствительным, и в нем стали прорастать семена сомнения.

Я снова попыталась использовать свою волю в качестве оружия, на этот раз для того, чтобы применить ее как щит против злой воли отряда. И тут я сама напугалась — здесь было нечто, что почти превосходило мои силы.

Мое двойное зрение отказало. Я видела не двух мужчин, сражавшихся на мечах, а только медведя, стоявшего на задних лапах и огромными передними лапами пытавшегося схватить кошку и раздавить её, но та с шипением и фырканием увертывалась от него.

— Ты...

Требование прозвучало так резко, что взгляд мой оторвал-

ся от борьбы, и я посмотрела на того, кто окликнул меня. Жеребец, мужчина, чудовище.

— Хирон, — назвала я его имя, и он стал человеком.

— Ты ошиблась, колдунья, когда выбрала себе половину...

Капитан Всадников, он хотел отвлечь меня, чтобы ускорить поражение Херрела?

— Я должна была выбрать лучшего среди вас?

— Ты дура! Взгляни на свои руки! Ты сама уничтожаешь себя! Каждый раз, когда ты пользуешься своей магией, колдунья, ты сама уничтожаешь себя, а та, другая Джиллан, от этого становится сильнее. Скоро ты станешь просто тенью, а она получит всю твою плоть. И зачем тогда тебе нужна будет победа?

Выслушав его, я почувствовала слабость. Моя рука в лунном свете была бледна и странно прозрачна. Рука тени...

Нет! Они хотели отвлечь меня от сражающихся! Херрел отступал и опасно приблизился к границе из скатанных накидок. Если Хальзе не сможет его ранить, он попытается опозорить своего противника, вытеснив его за пределы четырехугольника.

Нет! Я вновь попыталась защитить Херрела, укрепить его силы и уверенность. — Херрел. Ты можешь... ты можешь победить медведя! Херрел...

— Дура... ты уничтожаешься...

И я почувствовала, что Хирон сказал правду, что мои старания поддержать Херрела означали мою гибель. Но я должна была разогнать туман поражения, который отряд насылал на Херрела. Я должна была сломать их объединенную волю, а это могло стоить мне жизни.

Я услышала крик, призыв, или это был крик птицы, рёв зверя, ржание жеребца? Я протерла глаза, чтобы лучше видеть. Кошка присела перед медведем, стегая себя хвостом и обнажив клыки, но одна задняя лапа медведя находилась за пределами ограждения. Хальзе должен считаться сбежавшим с поля боя!

Они снова были людьми, все они, и они всё ещё были против Херрела, но исходивший от них туман поражения исчез, словно развеянный порывом ветра. Херрел поднял меч и острием его указал на Хальзе.

— Он сбежал! — громко и требовательно произнес он.

— Он сбежал, — сухо подтвердил Хирон.

— Сделка есть сделка. Мы требуем все.

Когда Хирон не ответил, Херрел подошел к нему.

— Мы требуем все, — повторил он. — Или закона отряда больше не существует? Я могу ведь подумать, что ты хочешь запретить нам воспользоваться своим правом.

— Я не могу вам этого дать.

Херрел глядел на него, в его глазах запылал зеленый огонь, но он все же продолжал оставаться человеком, а не кошкой.

— Ты сам объяснишь, почему потерял свою честь, предводитель Всадников?

— Я не могу дать вам того, чего у меня нет.

— Чего у тебя нет? Что же тогда стало с другой Джиллан, которую вы сами сделали?

— Посмотри, — Херрел указал на меня, — связь разорвана; то, что мы сделали, исчезло.

Связь разорвана... Я покачнулась. Куда делось влечение, притяжение, которое влекло меня по этой дикой стране? Я больше не чувствовала связи. Я услышала злорадный смех.

— Она сама виновата, — сказал Хальзе. — Она злоупотребила своей силой, и это убило ее. Ухаживай за своей невестой, пока можешь, Херрел. Скоро она совсем превратится в тень!

— Что ты с ней сделал? — Херрел промчался мимо Хирона и схватил Хальзе. Его руки сомкнулись на горле противника, и они оба повалились на землю.

Остальные оторвали Херрела от его врага и крепко держали его, несмотря на все его старания освободиться и снова наброситься на Хальзе, который, тяжело дыша, лежал на земле.

Потом Хирон сказал:

— Мы поступили честно, как могли, но связь разорвана, и другая Джиллан исчезла...

— Куда?

— Туда, куда мы не можем последовать за ней. Она из другого мира. Когда связь оборвалась, она вернулась обратно в свой родной мир.

— Вы создали ее. На вас лежит обязанность вернуть ее обратно — или вы совсем потеряли всякое понятие о чести! — Херрел освободился. — Я требую этого, Джиллан требует этого, и ты дал нам клятву. Теперь выполняй её!

Херрел подошел ко мне и коснулся меня рукой, но я ничего не почувствовала. Я попыталась поднять руку. Она была тонкой и прозрачной. Связи больше нет... Я была слаба, бесконечно слаба и опустошена, и я никогда больше ничего не буду ощущать...

Глава 16

— Другой мир, — повторил Херрел. — Пусть так! Но у тебя есть ключ к двери в этот мир, Хирон. Открой дверь, или с этого времени ты станешь клятвопреступником. — Он взглянул на остальных членов отряда, выстроившихся в ряд. — Все вы — клятвопреступники!

— Ты не знаешь, чего требуешь, — возразил Хирон.

— Я очень хорошо знаю, чего требую. Это ты нарушаешь договор. Я требую, чтобы нас обоих провели через ту дверь, и я требую, чтобы вы своими силами поддерживали Джиллан, пока договор не будет выполнен. Вы допустили несправедливость, и теперь должны помочь исправить ее.

Хирон смотрел на него, словно не веря своим ушам. Среди всадников возникло движение, и послышалось перешептывание, но Херрел не обратил на это никакого внимания. Он видел только Хирона.

— Здесь и сейчас это сделать нельзя — ответил Хирон.

— А где же и когда? — спросил Херрел.

— В Башнях.

— В Башнях! — Херрел явно не поверил. — Вы сделали это в глуши, вдали от Врат, так почему же теперь вы говорите, что надо вернуться туда? Сможете ли вы открыть для нас дверь в другой мир?

— Ты требуешь, чтобы мы сделали всё, чтобы помочь ей, а я не уверен, что это в наших силах. А мы, кроме всего прочего, должны еще и сами закрепиться здесь, иначе мы можем потерять всё.

Всё это я слышала как во сне. Руки Херрела обнимали меня, и мы ехали дальше.

— Джиллан, ты должна держаться за жизнь, Джиллан... Джиллан, посмотри вокруг, Джиллан...

Солнце? Но ведь была ночь, и два мужчины или зверя сражались друг с другом. Моих губ коснулся флакончик, и голос приказал мне выпить. Я послушалась, и туман перед моими глазами рассеялся. Херрел обнимал меня, и мы скакали

галопом. Накидки развевались на плечах у тех, кто ехал с нами. Было светло.

— Держись, Джиллан! — Но я воспринимала окружающее как во сне, словно оно не имело ко мне никакого отношения.

А потом оказалось, что я уже сижу не на лошади, а на кровати или на кушетке, и Херрел лежит рядом. Вокруг кровати клубился дым, он наплывал и окутывал меня, затем клубы дыма подхватили меня, я воспарила и стала его частью.

А потом... На земле среди искалеченных деревьев с серо-белыми остатками листьев лежал серо-белый пепел. Джиллан! Я должна была найти Джиллан! Где в этом чужом мире мне найти Джиллан? Джиллан? Моя воля задавала этот вопрос: Джиллан, где ты?

Никакого ответа. Я шла по этому пепельно-серому лесу все дальше и дальше. Я оглядывалась вокруг, но тут не было ничего, кроме мертвого леса, ничто не двигалось в сером свете.

Как долго я блуждала? Среди деревьев внезапно появились тени, которые меня уже однажды напугали в таком лесу. Страх снова вернулся ко мне.

Сверху ко мне спланировало крылатое существо с морщинистой кожей и головой, которая на три четверти состояла из огромного клюва.

— Д ж и л л а н!

Я уставилась на эту странную птицу. Она летела впереди меня. — Д ж и л я а н... И д е м... и д е м...

Я снова взглянула на это крылатое существо. Оно хотело вести меня? Я с трудом сформировала в своем сознании вопрос:

— К т о т ы?

Существо торопливо ударило крыльями:

— И д е м... и д е м...

В любом случае, с таким проводником в этом страшном лесу лучше, чем блуждать вслепую. Может быть, это ловушка, но я, снова взглянув на птицу, не почувствовала никакого беспокойства.

Существо вывело меня из леса и провело через густой кустарник на равнину. Я подумала об опасностях, поджидающих меня здесь, но голоса в своей голове я больше не слышала. Я все пыталась вызвать свое другое «я», но не получала ответа.

И вдруг... Д ж и л л а н? Мне пришлось ухватиться за куст.

Ответ! Не от птицы надо мной, а откуда-то впереди меня. Я побежала. На этот раз меня тянуло так сильно, что я не могла сбиться с пути.

Наконец, я заметила, что осталась одна: та странная птица, что вела меня через лес, исчезла. Она была больше не нужна, теперь у меня был гораздо лучший проводник...

Я выбежала на площадку, окруженную высокими стенами, надо мной было небо. Здесь всё было не серым, появился желтоватый свет. Я остановилась и осмотрелась.

— Джиллан? — Мои губы шевельнулись в первый раз, я попыталась заговорить вслух.

Мне ответило такое сильное эхо, что я прижала ладони к ушам. Имя мое прозвучало искаженно, как чужое, оно больше не было моим.

Джиллан вышла на мой зов. Не одна и не две, они шли сквозь свет, Джиллан, стократно отразившиеся в бесконечности.

Стройное тело с бледной кожей, ребра пересекал красный шрам от меча ализонца, на руке след от зубов чудовища, почти полностью залеченный. Темные волосы, высоко поднятая голова — я видела себя саму, но не одну, а множество самих себя.

И все они отвечали мне тысячами голосов одно и то же:
— Я здесь.

— Ты должна найти среди нас ту Джиллан, которую ищешь, — услышала я голос в своей голове. — Используй свои силы, если можешь...

Я заметила тень у Врат, увидела зеленые глаза. Человек или кошка?

— Ищи, Джиллан... Я охраняю Врата...

Свет становился все ярче, среди множества Джиллан я должна найти ту, которая мне нужна. Я встала перед ними всеми, закрыла глаза и сосредоточилась, используя всю силу воли, чтобы найти искры истины в бесконечном ряду видений. Я не должна думать ни о чем, кроме настоящей Джиллан.

В своём стремлении найти другую Джиллан я вырвалась из телесной оболочки. Я ничего не видела, не чувствовала, не думала...

И вдруг я стала Джиллан, другой Джиллан. Я была в ней,

заполнила ее пустоту. Но мой триумф был подобен искре, которая скоро погасла. Я все еще не была целой. Я нашла свою Джиллан среди тех, что висели в этом сиянии, а теперь я должна была доставить ее к той Джиллан, тело которой я оставила.

Я снова шла сквозь раздражающе яркий свет, а потом споткнулась обо что-то, лежавшее на земле... Я упала возле Джиллан, которой я была раньше. Мои пальцы коснулись холодного тела. Глаза ее были открыты, но в них не было жизни. Она была мертва!

Мне кажется, я закричала, положив руки на безжизненное тело Джиллан. Она была мертва. Неужели Всадники-Оборотни победили?

Я глядела в мертвое лицо. Меня изгнали из моего тела и поместили в Джиллан, созданную Всадниками, и я не стану полноценной личностью, пока не вернусь в своё настоящее тело, в то, что лежало сейчас передо мной мёртвым. Но как? Говорят, я колдунья, колдунья, которая не управляет своей силой.

Впервые обе Джиллан были рядом друг с другом, тело к телу. Как всё началось? В Джиллан попала стрела и она осталась лежать под деревьями, а другую Джиллан увели звери; смерть и жизнь... Одна Джиллан умерла здесь, чтобы дать жизнь другой Джиллан, Джиллан, в которой я теперь была... Следовательно, теперь эта Джиллан должна была умереть, чтобы другая снова смогла ожить. Но как? У меня не было никакого оружия...

Херрел потребовал от Всадников, чтобы они мне помогли. **Х и р о н, д а й м н е с м е р т ь!** Никакого ответа. Мои мысли искали Хирона. Херрел мог дать мне смерть, что означало жизнь. Я ползла назад, к Вратам, с трудом волоча за собой безжизненное тело Джиллан.

— **Х е р р е л...**

Я услышала слабый ответ. Я поползла дальше, и, наконец, добралась до Врат. Тень всё ещё охраняла Врата, ее окружили другие тени, те, которых я боялась в том пепельно-сером лесу. Гнев наполнил меня, я не знала, проснется ли во мне пылающий факел моих сил, когда я устремила к этим теням, но они отступили и побежали назад.

Я вернулась назад, к Вратам, и зеленые глаза встретили меня.

— Ты... н е о н а...

— Я — другая Джиллан, — начала я.

Тень вздрогнула.

— Где она?

— Там... — Я указала на тело, которое вытащила из света.

Он покачулся, его призрачная фигура изменилась, теперь он стал мужчиной, который опустился на колени так же, как я опустилась на четвереньки.

— Она мертва, — прошептал он.

— Послушай меня, Херрел! Сделай что-нибудь с Джиллан, в которой я нахожусь, убей ее для меня в этом мире. Ведь если я буду убита в теле другой Джиллан — я снова оживу, но уже в своём теле.

Я не была уверена, что он понял меня или даже услышал, и стояла возле тела мертвой Джиллан. Но он глянул на меня, и глаза его яростно блеснули. Он больше не был кошкой, он был призрачным человеком с мечом, он был тенью, и он ударил.

Боль пронзила меня, боль, разорвавшая меня надвое.

Кругом растекался золотистый свет, и в этом свете я должна была найти мою Джиллан. И я нашла ее! Я лежала на холодном камне, потом стала приподниматься. Я видела перед собой белое тело, которое медленно исчезало, словно таяло в тумане. Их Джиллан — фальшивая Джиллан! А я снова существовала и стала полноценной! Я больше не чувствовала себя опустошенной, я, наконец, чувствовала, как мои руки касались моего настоящего тела.

— Херрел! — Я огляделась. Тень, чей меч освободил меня, исчезла.

— Херрел! — Эхо моего крика отдавалось в ушах, но ответа не последовало. Неужели мне теперь придется искать Херрела, как он до этого искал мое другое «я»?

Передо мной появилась тень лошади.

— Идем... — Это был властный призыв, но я не повиновалась ему.

— Херрел? — Я вложила в ответ одновременно вопрос и отказ.

Жеребец нетерпеливо встряхнул головой.

— Где он?

— Он убежал от того, что сделал здесь.

— Но он освободил меня!

— Для него Джиллан погибла от его рук.

— Нет! — Мне стало всё ясно, и я не могла поверить, что Херрел не смог понять правды.

— Ну, а теперь, идем. Мы не можем держать дверь между мирами открытой так долго.

— А Херрел?

Жеребец, который был Хироном, снова вздернул голову.

— Он сам решил прийти сюда, хотя и знал об опасности. Он сам определил свою судьбу.

— Нет, нет и нет! Херрел должен идти с нами.

— Тогда ты тоже останешься здесь, колдунья...

— Вы же поклялись помочь нам...

— Все клятвы выполнены. Теперь твоя целостность восстановлена, в чем Херрел помог тебе. Но даже наши объединенные силы не могут держать Врата открытыми так долго. Иди назад, к жизни, или в ничто, меж временем и пространством.

Он поставил передо мной выбор. Я не была связана клятвой, но знала, что если рядом со мной не будет Херрела, я не смогу сделать ни шага назад, к жизни.

Я взглянула на призрачного Хирона.

— Продержи Врата открытыми столько, сколько сможешь. Может быть, я найду еще что-то — часть Джиллан или часть её жизни, о которой я не знала раньше.

Призрачный жеребец стоял неподвижно, и золотистые глаза — его единственное живое место — серьезно смотрели на меня.

— Ты выбрала, колдунья, — тень Хирона покачнулась и исчезла.

А теперь я должна была спросить у себя самой, чем был для меня Херрел. Я вспоминала о нашей первой встрече в свадебном ритуале, когда он подошел ко мне через туман, потому что я подобрала его накидку. Он был выше меня, стройным, с гладким лицом юноши и глазами, старыми, как горы Верхнего Халлака. Это был первый Херрел, которого я знала. Потом была дикая кошка, лежавшая на освещенной лунным светом кровати и проснувшаяся, учуяв опасность, когда нас спугнуло злое колдовство. Это был второй Херрел. Потом снова была кошка, бившаяся с врагами из Ализона и после боя вернувшаяся в человеческий образ, чтобы защитить меня от гнева Всадников-Оборотней. Был Херрел, который ухаживал за мной и которого я оттолкнула от себя, и

Херрел, который, как чудовище, напал на меня и ранил мою руку. Херрел, который заботился о моей ране и засыпал меня целебными листьями. Херрел, который ехал со мной по лесной долине и вечером ждал восхода луны, рассказывая мне о своей стране и своем одиночестве.

Кем же все-таки был Херрел? Он был частью меня, и без него все мои дни будут пусты, как были пусты дни без другой Джиллан.

Я напрягла все свои силы, чтобы найти Херрела. И я почувствовала, что меня куда-то тянет. Я полностью сосредоточилась на этом чувстве и воспользовалась им, как проводником. Но оно повело меня не обратно в пепельно-серый лес, а в холмистую местность.

Не знаю, как долго я шла, пока, наконец, не увидела вдали туманную фигуру.

— Херрел!

Туманная фигура остановилась. Я мысленно окликнула его, потом снова и снова звала его, и он подошел ко мне!

— Кто ты? — с трудом спросил он. — Кто ты? — Рука его шевельнулась и начертила в воздухе символ.

Вспыхнул голубой огонь, такой яркий, что ослепил меня, и я вскрикнула:

— Я Джиллан! В самом деле, Херрел, я — Джиллан!

Глава 17

Лицо его оставалось туманным, но глаза пристально вглядывались в меня.

— Я убил Джиллан...

— Ты соединил нас! — Я подбежала к нему. — Другая Джиллан должна была умереть, чтобы мы снова стали одним целым, и это произошло при помощи твоего меча!

— Джиллан... Но что ты тогда делаешь здесь? Врата?.. — Он выпрямился. — Они не могут держать Врата открытыми так долго...

— Это же мне сказал и Хирон, — без раздумий ответила я.

Он снова взглянул на меня своими зелеными глазами.

— Хирон?.. Он сказал тебе это! Но почему тогда ты не ушла?

— Мне вернуться? Ты хочешь бросить меня?

Его туманное лицо ничего не выражало, и в зеленых гла-

зах тоже ничего нельзя было прочесть. Может быть, его путь не был моим? Между нами воцарилось молчание, потом я отважилась нарушить его:

— Если эта дверь закроется, нет ли другой, которую мы сможем открыть? — Нет, я не ждала, что он сможет ответить мне на вопрос, я только надеялась, что мне удастся отвлечь его от мыслей.

— Я не знаю. Хирон напрасно обнадежил тебя, сказав тебе об этом...

— Хирон ни о чем не предупредил меня. Но я раньше уже была в этом мире, и мне все это представляется сном. Но ото сна можно проснуться.

— Сон? — Он шевельнулся и снова ожил. Он протянул ко мне руку, словно хотел притянуть меня к себе, но я почувствовала только прикосновение чего-то туманного; тень, а не плоть. Херрел отпрянул назад.

— Что это? — прошептал он.

— Для меня ты — всего лишь тень, — спокойно ответила я.

Он поднес свою руку к глазам, словно хотел убедиться в его реальности.

— Но она настоящая, из мяса и костей.

— Для меня ты — всего лишь тень, — повторила я.

— Сон! — Он ударил своим нереальным кулаком по камню. — Если мы попали в мир снов...

— Как же нам вернуться?

— Да, пробуждение... Расскажи мне все, что ты можешь вспомнить об этом мире!

Я не знаю, почему он этого хотел, но я повиновалась и рассказала ему о лесе и появлении птицы.

— Птица? — прервал меня Херрел. — Ну что ж, они не нарушили своей клятвы. Это был проводник, посланный отрядом.

Когда я закончила свой рассказ, Херрел некоторое время задумчиво молчал.

— Если это сон, — сказал он наконец, — тогда мы все еще лежим в одной из Серых Башен. И если мы не сможем проснуться, то потеряем все. Чем глубже наш сон, тем меньше шансов проснуться, — Херрел поглядел вдаль. — Если мы всё ещё хоть частично связаны с нашим временем, нашим миром и нашими телами, то, возможно, нам удастся вернуться. Может быть, мы сможем проснуться, если попыта-

емя объединиться с нашими телами, находящимися там. Я не вижу другого пути.

— Но я не вижу ни одной четкой картины, на которой я смогла бы сосредоточиться... — Я только бегло вспомнила кровать, которую установили в одной из Серых Башен, кровать, на которой лежала я, а рядом со мной лежал Херрел.

— Я знаю одно! — Он положил свою руку на мою, и я почувствовала только лёгкое прикосновение, словно к моей плоти прикоснулось перышко. — Слушай меня внимательно... — И он в подробностях описал мне всё помещение в одной из башен, пока я не увидела его, часть за частью.

— Теперь ты видишь, Джиллан?

— Ты заставил меня увидеть все это. А что теперь?

— Теперь мы оба сделаем то, что уже делали прежде. Мы направим всю свою волю на то, чтобы вернуться в наши спящие тела и проснуться. Начнем!

Я закрыла глаза и представила комнату, которую Херрел обрисовал мне. И в центре этой комнаты — кровать, на которой лежала Джиллан, Джиллан, которую я должна была найти. Я сконцентрировалась на этой Джиллан, не только на ее спящем теле, но и на всем остальном, что было Джиллан, и что во сне так далеко отстояло от этого тела...

Я проснулась. Но действительно ли я спала? Я испугалась, что, открыв глаза, снова увижу свет чужого мира. Я собрала все свое мужество...

И увидела серые, очень древние стены, увидела настенные занавеси, подгнившие от времени. Я проснулась! Джиллан снова стала Джиллан, и я знала, что я, наконец, снова стала совершенно полноценной.

Херрел! Я быстро повернула голову, чтобы увидеть того, кто лежал рядом со мной на кровати. Это был Херрел, и он был словно мертвый. На нем была кольчуга, его сильные руки покоились на рукоятке обнаженного меча. Шлем его лежал рядом с головой.

— Херрел? — Поднявшись, я увидела, что одета в богатую одежду из зеленой и серебристой ткани, вышитую маленькими, молочно-белыми драгоценными камнями, которые вспыхивали при каждом моем движении.

Я озабоченно нагнулась над Херрелом.

— Херрел?

Он открыл глаза.

— Да...

Затем он отложил свой меч в сторону, чтобы протянуть руки и привлечь меня к себе. Несколько мгновений мы лежали, прижавшись друг к другу, потом я нашла его губы, вся охваченная желанием, которое было так же велико, как и его.

Потом он немного отстранился, и взгляд его стал изучающим, но губы улыбались.

— Мне кажется, моя дорогая леди, что в этой войне мы стали хорошими товарищами, а теперь нам надо постараться остаться ими и в мирное время.

Я тихо рассмеялась.

— Я буду твоей верной спутницей, мой храбрый Лорд!

Он встал с кровати и помог встать мне. Длинные складки на платье из тонкой материи тяжело ниспадали к моим ногам и мешали мне двигаться.

— И все это великолепие для меня? — заметила я.

Херрел взглянул на платье.

— Они сочли нас мертвыми и оказали нам последние почести, которых никогда не оказывали нам, когда мы были живыми.

Внезапно у меня появилось ощущение, что это тяжелое платье связывает меня с прошлым. Я отпустила руку Херрела, и мои пальцы принялись быстро расстегивать застёжки и развязывать завязки, пока я, наконец, не смогла снять это тяжелое великолепие и не осталась в коротком нижнем белье. Я бросила это великолепное платье на кровать.

Херрел взглянул на меня.

— Мы уже идем? — и его рука снова нашла мою руку.

— Куда, мой Лорд?

Он улыбнулся.

— На этот вопрос я не могу дать ответа, потому что сам не знаю его. Я знаю только, что мы покинем этот мир и других Всадников, чтобы самим искать свое счастье. Ты хочешь этого?

— Да. Ты выбрал свой путь, он будет и моим путем.

Херрел снял пояс с ножнами и бросил его к мечу, своему шлему и моему платью, лежавшим на кровати.

— Мне эти вещи больше не понадобятся.

Херрел провел меня через длинный коридор и дверь во двор. Снаружи была ночь: светила луна, и блестели звезды. Вокруг нас поднимались семь Башен. Ничто не двинулось, когда Херрел и я подошли к стойлу, в котором стояли серо-черные пятнистые лошади Всадников. Он взнуздal и вывел

наружу мою кобылу и своего жеребца, и мы повели животных за собой, пока не вышли через ворота наружу.

— Кто идет?

Из-под темного навеса портала вышел Хирон, и обнаженный меч в его руке ярко блестел в лунном свете.

— Да, кто идет? — ответил мой суженый. — Назови наши имена, если ты нас узнал.

Предводитель Всадников-Оборотней взглянул на нас. Он не выказал ни малейшего удивления.

— Итак, вы нашли путь назад...

— Мы нашли его. И мы прошли через другую дверь, — он указал на портал позади Хирона.

— Ты Оборотень по крови, и эти Башни — твой дом.

Херрел покачал головой.

— Я не знаю, кто я, но я не принадлежу к вам, и Джиллан тоже не принадлежит. Поэтому мы уходим, чтобы узнать, кем мы являемся на самом деле.

Хирон на мгновение замолк, потом несколько неуверенно произнес:

— Ты — один из нас...

— Нет, — Херрел во второй раз отрекся от своего родства с Всадниками-Оборотнями.

— Ты хочешь уйти к своей матери?

— Ты этого боишься? Ты, который никогда не хотел признавать себя моим отцом? — ответил Херрел. — Я же сказал тебе, мне не нужен никто из вас — ни мать, ни отец. Теперь ты позволишь нам пройти через ворота?

Хирон отошел в сторону.

— Как хотите. — Голос его был так же лишен выражения, как и его лицо.

Херрел и я выехали из ворот, и ни один из нас не оглянулся назад. И это были последние ворота между нашим прошлым и нашим будущим. Нас было только двое — Джиллан и Херрел. И этого было достаточно.

ГАРАН ВЕЧНЫЙ

В Пещере Спящих лежит Гаран, чью историю поведала мне Трэла. Но до него — задолго до него — там были другие.

Поэтому, когда я попросил Дочь Древних, она привела меня в удивительную комнату, где в столы были вделаны зеркала видения. Она села и посадила меня рядом с собой.

— То, что мы сделали вдвоем в забытом мире Кранда, долго-долго лежало между нами. Наконец, оно ушло, но я побаиваюсь вызвать это снова. Мы дорого заплатили за это. Мы платили трижды: один раз в Ю-Лаке и два раза в Пещерах. И все-таки мне будет приятно снова посмотреть на самое великолепное зрелище, которому я когда-либо была свидетельницей.

Смотри, Лорд!

Она подняла над зеркалом свою тонкую руку. И зеркало затуманилось.

Часть первая

Глава 1

Через голубой туман

Через шесть месяцев и три дня после того, как вконец измученная Великой войной 1965–88 года Земля подписала Шанхайский мир, в парке Нью-Йорка на скамейке сидел молодой человек и безнадежно разглядывал гравий под своими скверными, изношенными башмаками. Его научили сидеть на месте пилота в кабине управления истребителя, а больше ничему. Поиски надлежащего места в цивилизованном мире стоили ему здоровья и гордости.

Кто-то подошел и сел на другом конце скамейки. Летчик внимательно оглядел его. Вот у этого типа приличная обувь, теплое пальто, видно, что он обеспечен и доволен жизнью. Хотя человек этот был уже не первой молодости, он был легок в движениях и выглядел подвижным и деятельным.

— Вы — капитан Гарайн Фитерстон?

Удивленный летчик кивнул. Два года назад он, капитан Гарайн Фитерстон из Объединенной Демократической Армии, руководил опасным Истребительным рейдом в опустошенных странах Азии и нанес сокрушительный удар большой экспедиционной армии, тайно сгруппировавшейся там. Это было эффектное дело и принесло пережившим его некоторую славу.

Новоприбывший достал из бумажника газетную вырезку и показал ее летчику.

— Вы — тот человек, которого я ищу, — сказал незнакомец, пряча вырезку обратно. — Храбрый, инициативный и умеющий думать пилот. Человек, командовавший таким рейдом, стоит того, чтобы в него вложить деньги.

— Это — предложение? — устало спросил Фитерстон. Он уже не верил в удачу.

— Я — Грегори Фарсон, — сказал тот, как будто это было ответом на вопрос.

— Антарктический человек?

— Именно. Как вы, вероятно, слышали, моя последняя экспедиция была остановлена распространением военных действий на тот район. Теперь я снова собираюсь плыть под парусами на юг.

— Но я не понимаю...

— Каким образом вы можете мне помочь? Очень просто, капитан Фитерстон. Мне нужны пилоты. К сожалению, большинство из них взяла война. Мне повезло, что я встретил такого, как вы...

Это было действительно просто. Однако, Гарайн окончательно поверил в это, лишь когда они через несколько месяцев достигли ледяного берега полярного континента. Увидев на берегу три больших самолета, он заинтересовался движущими мотивами, которые скрывались за планами Фарсона.

Когда грузовой корабль отплыл, чтобы вернуться только через год, Фарсон собрал всех. В группе были трое летчиков, все ветераны войны, и два инженера, которые большую часть своего рабочего времени тратили на вычерчивание карт.

— Завтра, — шеф оглядел всех, — мы отправляемся вглубь континента. Сюда, — он указал на красную линию на разложенной перед ним карте. — Девять лет назад я участвовал в экспедиции Вердена. Однажды, когда мы летели к югу, наш самолет попал в какой-то причудливый поток воздуха и сбился с курса. Мы летели вслепую и вдруг увидели вдалеке плот-

ный голубой туман. Он как бы поднимался прямой линией от плоскости льда до неба. К несчастью, горючее у нас было на исходе, и мы не рискнули приблизиться, чтобы исследовать этот туман, и повернули назад, к базе.

Верден, кстати, не заинтересовался нашим рапортом, и мы так и не провели исследования. Три года назад экспедиция Каттака искала по приказу Диктатора залежи нефти и тоже видела этот туман. Так вот, сейчас мы отправимся его исследовать!

— Почему, — с любопытством спросил Гарайн, — вы так жаждете попасть в этот туман?

Фарсон замялся было, но ответил:

— Есть предположение, что подо льдом, покрывающим этот континент, скрываются богатые залежи минералов. Я думаю, что этот туман является результатом какой-то формы вулканической активности и, возможно, трещин в земной коре.

Гарайн хмуро взглянул на карту. Он не очень верил этому объяснению, но Фарсон платил, так что Гарайну пришлось откинуть сомнения — приходится многое прощать человеку, который тебя регулярно кормит.

Четыре дня спустя они вылетели. Хэмли, один из инженеров, Раульсен, пилот, и Фарсон заняли один самолет; другой инженер и пилот — второй, а Гарайн, по особой просьбе — один в третьем самолете.

Он радовался своему одиночеству, когда они поднялись в бело-голубую пустоту. Его самолет был тяжело нагружен, поэтому не мог и пытаться следовать за другими в верхние слои атмосферы. Они переговаривались по радио, и Гарайн, защелкивая наушники, вспомнил, что говорил утром Фарсон:

— Туман искажает радиоволны. В нашей последней экспедиции слышимость была очень скверной, вроде как, — он засмеялся, — речь на иностранном языке.

Пока они шли над ледяной поверхностью, Гарайн подумал, что, может, то была и в самом деле речь какой-нибудь тайной экспедиции, вроде экспедиции Каттака.

В герметически закрытой кабине он не чувствовал мороза, и машина шла гладко. С легким вздохом удовлетворения он откинулся на мягком сиденье, не сводя глаз с курса, которым следовали самолеты над ним и впереди него.

Примерно через час после вылета с базы Гарайн увидел впереди темное облако. И тут же зазвучал в наушниках голос Фарсона:

— Вот он. Держите прямо вперед.

Облако росло и стало уже пурпурно-голубой стеной между небом и льдом. Первый самолет приблизился к этой стене и нырнул в нее. Внезапно машина сильно затряслась и качнулась к земле, как будто потеряла управление, затем она выпрямилась и пошла вниз. Гарайн слышал, как Фарсон спрашивал, в чем дело, но первый самолет не отвечал.

Самолет Фарсона снижался на полной скорости. Действия первого самолета внушали тревогу. Может, этот туман был ядовитым газом?

— Подойдите ближе, Фитерстон! — внезапно пролаял Фарсон.

Гарайн послушно двинулся вперед, пока не встал крыло в крыло с Фарсоном. Туман был прямо перед ними, и Гарайн видел в нем движение маслянистых, непрозрачных волн. Мотор прорезал их. На стеклах была липкая, мглистая влага.

Вдруг Гарайн почувствовал, что он не один. В пустой кабине был другой разум, куда более сильный. Гарайн яростно боролся с ним, с самой мыслью о нем. Однако после долгой, мучительной минуты, в течение которой его, видимо, изучали, невидимка взял верх. Руки и ноги Гарайна еще управляли машиной, но чужак контролировал его.

Самолет мчался сквозь плотный туман. Машина Фарсона пропала из виду. И, хотя Гарайн все еще боролся против давившей на него воли, силы его слабели. И тогда пришел приказ идти в самую сердцевину темных волн.

Их закружило. Один раз, когда туман раздвинулся, Гарайн мельком увидел искореженную серую скалу с желтыми ребрами. Фарсон был прав: здесь были разломы в ледяной коре.

Они опускались все ниже и ниже. Если приборы не врали, самолет был уже ниже уровня моря. Туман редел и, наконец, исчез. Внизу расстилалась долина, покрытая яркой зеленью. Там и сям виднелись группы чего-то похожего на деревья. И он увидел желтый поток воды.

Но что-то в этом ландшафте было пугающе-чуждым. Пока Гарайн кружился над ним, он все время пытался освободиться от чужой воли, что захватила его. В наушниках раздалось какое-то кваканье, и Присутствие тут же исчезло.

Подчиняясь пилоту, машина снова начала набирать высоту. Гарайн яростно стремился вверх, подальше от этой зеленой местности. И вот туман снова поглотил его. Он видел капли воды на стеклах. Еще сотня футов — и он освободится от тумана и от этого неправдоподобного мира внизу.

И вдруг левый двигатель зловеще зашипел и сдох. Аэроплан накренился и заскользил в пике. Внизу он снова завертелся в ровном свете зеленой страны.

Там росли деревья — высокие растения, похожие на папоротники, с чешуйчатыми малиновыми стволами. Самолет неся прямо на них. Гарайн пытался справиться с управлением. Машина выравнилась, пике сменилось планированием. Он увидел открытое пространство земли и тут же почувствовал, что самолет царапает поверхность. Прямо перед ним высилось дерево-папоротник. Самолет неся прямо на него. Далее — страшный грохот, взлетели вверх обломки дерева и металла. Поднялась алая туча, а затем глаза Гарайна заволокли мраком.

* * *

Гарайн очнулся. Тело было наполнено болью. Он был закован в искореженной массе металла, бывшей когда-то кабиной. В стенке, у самой его головы, пробил дыру длинный зеленый шип, за который еще цеплялись разрезанные листья. Гарайн смотрел на него, боясь шевельнуться, чтобы боль не усилилась.

Затем он услышал снаружи какие-то шлепки, как будто мягкие руки толкали и тянули обломки самолета. Ветка затряслась, и часть кабины с лязгом отвалилась.

Гарайн медленно повернул голову. Через отверстие пробиралась гоблиноподобное существо.

Оно было примерно пяти футов ростом и шло на двух ногах, как человек, но ноги были короткие, похожие на обрубки, и заканчивались ступней с пятью пальцами равной длины. На тонких руках с маленькой кистью было только по четыре пальца. У создания был высокий, красиво округленный лоб, но подбородка не было, а лицо сильно напоминало морду ящерицы. Спина была тускло-черная, бархатистая. Нижнюю часть тела покрывала короткая металлическая юбка с поясом удивительной работы, украшенным драгоценными камнями.

Некоторое время существо разглядывало Гарайна, и эти немигающие золотые глаза отогнали от летчика всякий страх. В их глубине не было ничего, кроме неподдельной жалости.

Человек-ящер шагнул и легко отвел со лба Гарайна взмокшую от пота прядь волос. Затем он дотронулся до металлических оков, державших летчика, как бы оценивая их прочность, повернулся к отверстию и, как видно, отдал приказ, а затем снова присел на корточки возле Гарайна.

Появились еще двое и стали разламывать остатки кабины. Они делали это очень осторожно, но Гарайн потерял сознание еще до того, как они его освободили.

Когда Гарайн снова начал воспринимать окружающее, он обнаружил, что лежит на носилках, покачивающихся между двумя неуклюжими животными. Их можно было бы принять за маленьких слонов, только у них было по четыре бивня и совсем не было хобота.

Они пересекли равнину и поднялись по холму в высокую пещеру, где четверо людей-ящеров взяли носилки. Гарайн разглядывал потолок. На черном камне была вырезаны ветви и цветы. В воздухе танцевали блестящие пылинки, излучавшие слабый свет. Когда они собирались группами, свет становился ярче.

В середине длинного коридора носильщики остановились, а их шеф повернул ручку в стене. Открылась овальная дверь, и они вошли в круглую комнату, стены которой были отделаны кварцем молочного цвета с сиреневыми прожилками. В самой высокой точке круглого потолка висел большой шар из светящихся пылинок, который бросал вниз мягкий свет.

Два человека-ящера в длинных мантиях сначала поговорили с шефом носильщиков, а затем склонились над Гарайном. Один из них покачал головой, глядя на искалеченное тело летчика, и знаком велел нести носилки во внутреннюю комнату.

Здесь стены были бледно-голубые. В самом центре комнаты находился длинный блок кварца. Носильщики поставили носилки рядом и вышли. Человек в мантии разрезал острым ножом одежду на летчике и обнажил тело. Затем они положили Гарайна на кварцевый стол и закрепили металлическими обручами. Один из людей-ящеров подошел к стене и потянул за светящийся рычаг. Феерический голубой свет потоком полился с потолка на беспомощное тело Гарайна.

Он чувствовал, как у него пульсирует каждый мускул, каждый сустав, как покалывает кожу, и скоро боли как не бывало.

Свет погас. Три человека-ящера подошли к Гарайну, завернули его в мягкую мантию и отнесли в другую комнату. Она была круглая, как гигантский пузырь. В центре пола было углубление, заполненное подушками. На них и положили Гарайна.

Наверху сформировалось розоватое облачко. Гарайн смотрел на него, пока не уснул.

Что-то теплое прижалось к его голому плечу. Он открыл глаза и некоторое время не мог сообразить, где он. Затем почувствовал, что кто-то вертится рядом с ним под мантией, и заглянул туда.

Если люди-ящеры напоминали своей гротескностью гоблинов, то у этого посетителя было что-то от эльфа. Обезьянье тельце сплошь покрывала шелковистая белая шерсть. Крошечные ручки — безволосые и вполне человеческие, а ноги очень напоминали кошачьи лапы. По бокам круглой головки торчали широкие веера — уши. Мордочка мохнатая, и на верхней губе — жесткие кошачьи усы. Как потом узнал Гарайн, это была Ана.

Беспечные маленькие существа выбирали себе хозяина или хозяйку из Народа, а одно из них пришло к Гарайну. Они охотно сопровождали своих покровителей и молчаливо радовались самому незначительному подарку. Честные и храбрые, они могли выполнять мелкие поручения, носить письма выбранному ими другу и оставались с ним до смерти. Это были не люди, но и не животные. Считалось, что они появились много веков назад в результате какого-то эксперимента Древних.

Похлопав Гарайна по плечу, Ана заинтересовалась его волосами, сравнивая бронзовые пряди со своей белой шерсткой. Поскольку Народ был безволосым, волосы выглядели в Пещерах странно. С довольным мурлыканьем Ана потерлась головой о руку Гарайна.

С легким щелчком открылась дверь в стене. Ана вскочила на ноги и бросилась приветствовать вошедших. Один из Вождей Народа, первым нашедший Гарайна, вошел в сопровождении нескольких подчиненных.

Летчик сел. От боли не осталось и следа, кроме того, он чувствовал себя сильнее и моложе, чем был несколько меся-

цев назад. Он улыбнулся и радостно протянул руки к человеку-ящеру. Тот сделал то же самое.

Люди-ящеры захлопотали вокруг Гарайна, надевая на него короткую юбку и драгоценный пояс — по-видимому, это была единственная одежда в Пещерах. Когда это было закончено, вождь взял Гарайна за руку и повел к двери.

Они прошли по коридору с резными и инкрустированными блестящими камнями и металлом стенами и, наконец, вошли в громадную пещеру, стены которой скрывались в тени. На Возвышении стояли три высоких трона. Гарайна подвели к подножию помоста.

Самый высокий трон был из розового хрусталя. Направо от него — зеленый нефритовый, гладкий от времени. Левый трон был вырезан из цельного агата. Розовый и агатовый троны были пусты, а на нефритовом восседал один из Народа. Он был выше остальных, и в его глазах, устремленных на Гарайна, светились мудрость и печаль.

— Хорошо! — прозвучало в мозгу летчика. — Мы сделали мудрый выбор. Этот юноша достоин быть мужем Дочери. Но его надо испытать, как огонь испытывает металл. Он должен вывести Дочь и сразиться с Кинтой...

Шипящее бормотанье эхом прокатилось по холлу. Гарайн прикинул, что тут собралось не менее сотни людей Народа.

— Ург! — скомандовал сидящий на троне, — возьми этого юношу и обучи его. Затем я снова поговорю с ним. И тогда, — печаль засквозила в его словах, — розовый трон снова будет занят, а черный сгорит в порошок. Время течет быстро.

Вождь увел изумленного Гарайна.

Глава 2

Гарайн узнает о Темных Существах

Ург привел летчика в одну из шарообразных комнат, в которой была низкая мягкая скамья, а перед ней — металлический экран. Они сели.

Начался урок языка. На экране появлялись изображения различных предметов, а Ург называл их, отчетливо произнося, чтобы Гарайн мог повторить. Позднее американец узнал, что лечебное излучение, которому он подвергся, усилило его умственные способности, поэтому он усвоил словарь в немыслимо короткий срок.

Судя по картинкам, ящерный Народ управлял миром кратера. Тут были и другие формы жизни: слоноподобные т а н д ы — животные для переноски грузов; похожие на белок э р о н ы жили под землей, занимались сельским хозяйством при малом освещении и два раза в год застенчиво выходили, чтобы обменять зерно на жидкую резину, производимую Народом; еще были г и б и, гигантские пчелы, также дружившие с Народом. Они снабжали пещерных жителей медом и воском, а в обмен получали убежище во время Великих Туманов.

Народ был высокоцивилизованным. Руками они делали только тонкую резьбу или ювелирные изделия, а все остальное — металлическую одежду, пищу — делали машины; они же убирали урожай, выкапывали новые жилища.

Освобожденные от физического труда, люди стали приобретать знания. Ург показывал на экране обширные лаборатории, громадные научные библиотеки. Однако все они знали, что в самом начале их учили Древние Существа другой расы, которая ранее правила миром Тэйв. И сам Народ появился в результате направленной эволюции и экспериментов, проведенных Древними.

Вся их мудрость заботливо охранялась, но от кого или от чего — Ург не говорил, только утверждал, что существует вполне реальная опасность. Что-то об этом было записано на голубой стене кратера, что-то, что оспаривало владычество Народа.

Гарайн хотел было продолжать расспросы, но зазвучал гонг.

— Пора обедать, — сказали ему. — Пошли.

Они пришли в большую комнату с тяжелым столом из белого камня, идущим вдоль трех стен, и скамейками перед ним. Ург сел и нажал на круглую ручку в столе, предложив Гарайну сделать то же. Стена напротив них раскрылась и появилось два подноса. На подносе стояла тарелка с горячим мясом под вкусным соусом, каменная чашка с овсянкой и кисть каких-то плодов прямо на ветке с листьями. Аня смотрела так тоскливо, что Гарайн отдел фрукты ей.

Народ ел молча. Закончив, быстро вставал, и подносы исчезали в стене. Гарайн обратил внимание, что здесь были одни мужчины, и вспомнил, что еще ни разу не видел женщин. Он рискнул спросить. Ург рассмеялся.

— Ты думаешь, что в Пещерах нет женщин? Ну, что ж, пойдем в Зал Женщин, и сам увидишь.

В Зале Женщин захватывало дух от богатства камней, на которые можно было выкупить целую страну. Камни сверкали на куполообразном потолке, на расписных стенах. Здесь находились женщины и девушки Народа. Их темные тела покрывали платья из серебряной сетки. На каждом пересечении нитей сидели крошечные камешки, словно женщины были покрыты сверкающей чешуей.

Их было немного — наверное, не более ста. Некоторые держали на руках свои уменьшенные копии, которые тарасились на Гарайна круглыми желтыми глазами и робко сосали кончики темных пальцев.

Женщинам поручалась самая тонкая ювелирная работа, и они с гордостью показывали незнакомцу свое рукоделие. В дальнем конце холла изготавливалась удивительная вещь: серебряная сетка, которая служила основой для платьев, была укреплена, и три женщины вставляли в каждое микроскопическое отверстие маленький розовый камень. Кое-где они клали по узору крошечные изумруды или пламенные опалы, так что в конце концов получалась радуга.

Одна из работавших погладила рукой платье и, искоса взглянув на Гарайна, с легким поддразниванием в голосе объяснила:

— Это для Дочери, когда она взойдет на трон.

Дочь? Как это говорил Лорд Народа? «Этот юноша достоин быть мужем Дочери». Но ведь Ург говорил, что Древние ушли из Тэйва.

— Кто это — Дочь?

— Трэла Света.

— Где она?

Женщина вздрогнула, в глазах ее появился страх.

— Трэла лежит в Подземелье Мрака.

Подземелье Мрака? Имеется в виду, что Трэла умерла? Значит, он, Гарайн Фитерстон — жертва для какого-то ритуального жертвоприношения, которое соединит его с мертвой?

Ург дотронулся до его руки.

— Нет. Трэла еще не вошла в Место Предков.

— Ты читаешь мои мысли?

Ург засмеялся.

— Мысли читать легко. Трэла жива. Сэра служила Дочери,

когда та была еще среди нас. Сэра, покажи, пожалуйста, Трэлу, какая она была.

Женщина подошла к зеркалу, вделанному в стену, такому же, каким пользовался Ург для уроков языка, и, пристально взглядевшись в него, подозвала летчика.

Зеркало затуманилось, и он увидел, как сквозь стекло, комнату со стенами и потолком из розового кварца. На полу лежал толстый розовый с серебром ковер. В центре находилось ложе из груды подушек.

— Комната Дочери, — возвестила Сэра.

Подвижная панель в стене отошла, и в комнату вошла женщина. Очень молодая, почти ребенок. Счастливая улыбка пухлых алых губ, радостный блеск фиолетовых глаз. Сложена она была как человек, но красоты неземной. Нежные краски слабо играли на ее жемчужно-белой коже, и Гарайну вспомнился перламутр с его переливами от света к тени. Иссиня-черные волосы спускались до колен. Платье из серебряных нитей опоясывалось под грудью темно-розовыми драгоценными камнями.

— Такой была Трэла, когда Темные Силы взяли ее, — сказала Сэра.

Ург опять засмеялся, услышав разочарованный вздох Гарайна, когда изображение исчезло.

— Зачем тебе жалеть о видении, когда сама Дочь ждет тебя? Тебе остается только вывести ее из Подземелья Мрака...

— Где это Подземелье..., — Гарайна прервал трезвон гонга.

— Темные силы! — воскликнула Сэра.

Ург пожал плечами.

— Если уж они не щадят Древних, можем ли мы надеяться на спасение? Пойдем в Тронный Зал.

* * *

Перед нефритовым тронном Лорда Народа стояла небольшая группа людей-ящеров и двое носилок. Когда Гарайн вошел, Лорд произнес:

— Пусть иноземец подойдет ближе и посмотрит на работу Темных Существ.

Гарайн неохотно подошел и остановился у носилок. Лежавшие на них изо всех сил старались передать сообщение, прерывая его стонами и криками агонии. Это были люди

Народа, но кожа их была не черного, а зеленого с плесенью цвета.

Лорд наклонился вперед.

— Достаточно, — сказал он. — Можете умереть.

И, как бы повинуясь приказу, измученные люди оставили жизнь, за которую до сих пор цеплялись, и затихли навсегда.

— Взгляни на работу Темных Сил, — сказал правитель Гарайну. — Джейв и Бети были захвачены ими, когда шли с поручением к Гиби. Видимо, Темные Существа нуждаются в материале для своих лабораторий. Они собираются и Дочь отдать своим страшным работникам.

Ужасный вопль ненависти поднялся в Зале. Гарайн стиснул зубы. Отдать это чудесное видение, которое только что было перед его глазами, на такую смерть!...

— Джейв и Бети были заперты недалеко от Дочери и слышали угрозы Кипты. Наши братья были заражены страшной болезнью и отпущены, чтобы они принесли заразу нам. Но они выкупались в луже кипящей грязи. Они умерли, но вместе с ними умерло и зло. И поскольку мы воспитываем таких людей, как они, я думаю, что Темные Силы не успокоятся. Слушай, иноземец, рассказ о Темных Существах, и о Подземелье Мрака, и о Древних Существах, которые вывели Народ из грязи давно высохшего моря и сделали его великим, о Древних, которые в конце концов пришли к своему упадку.

До того, как страны внешнего мира родились из океана, до того, как Страна Солнца — Мо, и Страна Моря — Атлантис поднялись из расплавленных скал и песка, далеко на юге была страна. Сухая страна скал, равнин и болот, где жила, плодилась и умирала грязная жизнь.

Тогда пришли с далеких звезд Древние Существа. Их раса была старше нашей Земли — их мудрецы следили за ее зарождением. И когда их мир погиб, унеся в небытие большую часть людей, оставшаяся горсточка бежала в новый мир.

Когда они вышли из космического корабля, они попали в ад. Вместо своего любимого дома они получили голые скалы и зловонную грязь.

Вырыв этот кратер — Тэйв, они вошли в него с сокровищами из своих кораблей, а также с несколькими живыми существами, пойманными в болотах. Из этих существ они

произвели Народ, Гиби, Тандов и обрабатывающих землю Эронов.

Народ оказался наиболее способным к мудрости и стремлению вверх. Но познания Древних все еще остаются для него недостижимыми.

За тысячелетия, которые Древние прожили за охраняющей их стеной тумана, внешний мир изменился. На север и на юг пришел холод; в Стране Солнца и в Стране Моря появился настоящий человек. Древние следили в своих зеркалах видения, как человек расселяется по всему миру. Они умели продлить жизнь, но все-таки раса вымирала. Нужен был новый приток крови. Поэтому было приглашено несколько человек из страны Солнца. И на время раса расцвела.

Древние решили оставить Тэйв ради внешнего мира. Но океан поглотил Страну Солнца. Раса Древних своевременно пополнилась от Страны Моря и снова приготовилась к Исходу, но океан снова обманул их.

Люди, оставшиеся во внешнем мире, одичали и возвратились к первобытному состоянию. Древние не хотели смешивать свою кровь с этими полуживотными; они укрепили стену тумана и остались. Однако некоторые из них решили вкушать запретный плод и пригласили дикарей. От этих чудовищных браков произошли Темные Существа. Они живут только ради зла, которое могут сделать, и Могущество, которого они достигли, применяется для жестокости.

Грех был обнаружен не сразу. Когда он стал явным, другие Древние могли бы уничтожить их потомство, но Закон запрещал убийство. Древние могли пользоваться своим могуществом только для добра, в противном случае они могли его лишиться.

Поэтому они выселили Темные Существа на крайний юг Тэйва и отдали им Подземелья Мрака. Никто из Темных Существ не бывал севернее Золотой Реки, а Древние не ходили южнее ее.

Примерно в течение двух тысячелетий Темные Существа соблюдали закон. Но они работали, создавали силы разрушения. Тем временем Древние обшаривали мир, ища людей, которые могли обновить расу. Однажды здесь появились люди с далеких северных островов. Шестеро из них сумели пробиться сквозь туман и выбрали себе жен из Дочерей

Древних. Потом нашли светловолосых людей другого племени, племени великих мореплавателей.

Темные Существа тоже призывали людей, но в то время, как Древние искали их для добра, Темные в основном брали творящих зло. И в конце концов им удалось закрыть путь посланцам, так что Древние не могли больше никого приглашать.

Затем Темные пересекли Золотую Реку и вошли в страну Древних. Трэн, Житель Света и Лорд Пещер, созвал наш Народ.

— Только одно может помочь нам, — сказал он. — Попробуемся вызвать Темных и создать им видимость победы. Трэла, Дочь Света, не войдет в Комнату Приятной Смерти с остальными женщинами, но отдаст себя в руки Темных Существ, чтобы они окончательно уверовали в свою победу. Вы, Народ, удалитесь в Место Рептилий до тех пор, пока Темные не уйдут. Не все Древние погибли — большая часть их будет спасена, но каким образом они уцелеют — я не могу сказать. Когда из внешнего мира придет золотоволосый юноша, пошлите его в Подземелья Мрака освободить Трэлу и покончить со злом.

Тогда встала Леди Трэла и тихо сказала:

— Пусть будет так, как сказал Лорд Трэн. Я сама отдамся в руки Темных Существ, чтобы на них пришла гибель.

Лорд Трэн улыбнулся ей и промолвил:

— И на нашу долю выпадет счастье! Ведь после Великих Туманов всегда приходит свет!

Затем женщины Древних простились со всеми и прошли в комнату Приятной Смерти, в то время как мужчины стали готовиться к битве. Три дня они сражались, однако новое оружие Темных Сил взяло верх, и глава их сел на этот агатовый трон в знак своей власти. Но Темные Существа, привыкшие к темноте, не ужились в наших Пещерах и скоро ушли обратно к себе, а мы, Народ, вернулись.

Но теперь настало время, когда Темные Существа хотят принести Дочь в жертву своему злу. Если ты не сможешь освободить ее, чужеземец, Древние погибнут навсегда.

— А что случилось с Древними? — спросил Гарайн. — С теми, о которых Трэн сказал, что они спасутся?

— О них мы ничего не знаем, кроме того, что когда мы

относили тела погибших в Место Предков, некоторых не хватало. Для того, чтобы ты поверил в правдивость моего рассказа, Ург отведет тебя в галерею над Комнатой Приятной Смерти, и ты сам увидишь тех, кто спит там.

И Ург повел его. Гарайн поднялся по ступеням лестницы, идущей от Тронного Зала, и вышел в узкую галерею, одна стена которой была из прозрачного хрусталя. Ург показал вниз.

Они находились над большой комнатой со стенами из зеленого нефрита. По полированному полу были разбросаны подушки. На каждой лежала спящая женщина. Некоторые прижимали к себе детей. Их длинные волосы рассыпались по полу, загнутые ресницы бросали тень на бледные лица.

— Они же спят! — сказал Гарайн.

Ург покачал головой.

— Это сон смерти. Каждые пять часов от пола поднимается пар. Такое дыхание их не разбудит, и, если их не тревожить, они пролежат так тысячу лет. Взгляни сюда... — Он показал за закрытые двойные двери другой комнаты. Там лежали мужчины. Они тоже, казалось, спали, подложив руки под свои красивые головы.

Трэн приказал, чтобы те, кто останется жив после последней битвы в Тронном Зале, вошли в Комнату Приятной Смерти, чтобы Темные не мучили их для своей потехи. Сам Трэн оставался позади, чтобы закрыть дверь, и так умер.

Среди спящих совсем не было старых. Девять мужчин выглядели не старше тридцати, а остальные были явно моложе. Гарайн сказал об этом.

— Древние выглядят так со дня их смерти, хотя многие жили двести лет. Облучение сохраняет их. Даже мы, Народ, можем задерживать возраст. А теперь пойдем. Наш Лорд Трэр хочет еще поговорить с тобой.

И снова Гарайн стоял перед нефритовым тронном Трэра и слышал возбужденные голоса Народа в полумраке. Трэр вертел в своих мягких руках небольшой блестящий прут из зеленоватого металла.

— Слушай внимательно, иноземец, — начал Трэр. — У нас мало времени. Через семь дней начнутся Великие Туманы. Никто не сможет выйти из убежища и остаться в живых.

Трэлу надо вывести из Подземелий до наступления Туманов. Этот пруток будет твоим оружием, Темные не знают его секрета. Смотри!

Двое из Народа поставили перед ним металлический брусок. Трэр прикоснулся к нему прутком. Хлопья ржавчины быстро распространились по всей поверхности бруска, и он рассыпался кучкой пыли, на которую наступил ногой один из Народа.

— Трэла находится в самом сердце Подземелий Мрака, но люди Кипты с годами стали беспечны. Смело входи и надейся на удачу. Они не знают о твоём появлении здесь и о словах Трэна относительно тебя.

Ург выступил вперед и поднял руку в знак просьбы.

— В чем дело, Ург?

— Лорд, я хотел бы пойти с иноземцем. Он ничего не знает о Лесе Моргелей и о Кипящей Луже. В лесной стране легко заблудиться.

Трэр покачал головой.

— Нельзя. Он должен идти один. Так говорил Трэн.

Ана, весь день ходившая следом за Гарайном, пронзительно засвистела, на цыпочках подошла к нему и дернула его за руку.

Трэр улыбнулся. — Это создание может пойти; его глаза отлично послужат тебе. Ург проводит тебя до внешнего портала Места Предков и покажет дорогу к Подземельям Мрака. До свидания, иноземец, и да пребудут с тобой духи Древних!

Гарайн поклонился правителю и вышел в сопровождении Урга. Недалеко от двери стояла кучка женщин. Сэра выступила вперед с небольшим мешочком.

— Иноземец, — быстро сказала она, — когда ты увидишь Дочь, скажи ей, что Сэра ждет ее много лет.

Он улыбнулся.

— Скажу.

— Не забудь, иноземец. Я считаюсь красивой леди, у меня хватает ухажеров, но, мне кажется, я могу позавидовать Дочери. Нет, я не буду объяснять, — она лукаво засмеялась. — Ты потом поймешь. Вот тут — еда. Теперь иди быстрее, чтобы успеть вернуться сюда до Туманов.

Их провожали добрые пожелания женщин. Ург пошел вниз по лестнице. Внизу была каменная ниша, где горел тусклый

розовый свет. Ург пошарил внутри, достал пару высоких котурнов и помог Гарайну зашнуровать их. Они были точно впору. Их обычно носили Древние.

Проход перед ними был узким и кривым. Под ногами лежал толстый слой пыли с отпечатками ног Народа. Обогнув угол, они подошли к высокой двери, выступившей из мрака. Ург нажал на нее. Раздался щелчок, и камень отошел назад.

— Здесь место Предков, — сказал Ург, входя внутрь.

Они стояли у входа в колоссальный зал, куполообразный потолок которого исчезал в тени. Толстые колонны из светящегося хрусталя разделяли его на проходы, ведущие внутрь к овальному возвышению. Проходы были заполнены ложами, и в каждом мягком гнезде лежал спящий. Ближе к двери лежали мужчины и женщины Народа, а ближе к возвышению — Древние. На некоторых ложах были надписи. Сын пра-нормана Ирландии, Ург провел согнутым пальцем по архаическим буквам, вырезанным в камне, который служил основанием ложу:

«Спи спокойно, любимец Света. Свет вернется в назначенный день».

Гарайн подошел к возвышению.

— Кто лежит здесь?

— Первые Древние Существа. Подойди и посмотри на тех, кто создал Тэйв.

На возвышении ложа стояли в два ряда. Между ними, в центре, стояло одинокое ложе выше остальных.

Пятьдесят мужчин и женщин выглядели так, будто прилегли на часок отдохнуть. Спокойные лица улыбались, глаза окружали тени усталости. У них были нечеловеческие особенности, которые исчезли у их потомков.

Ург нагнулся к высокому ложу и подозвал Гарайна. Там лежали мужчина и женщина. Голова женщины лежала на плече мужчины. Ург остановился перед ними.

— Смотри, иноземец, это один из тех, кто был призван из вашего мира. Марена из Дома Света благосклонно взглянула на него, и счастье их длилось долго.

У мужчины на ложе были золотисто-рыжие волосы. На его руке был тяжелый золотой браслет... Однажды Гарайн видел такой.

В их лицах было что-то такое, что заставило Гарайна отвернуться — будто он вторгся туда, где человеку быть не следует.

— Здесь лежит Трэн, Сын Света, первый Лорд Пещер, и его Леди Трэла, Жительница Света. Они лежат так тысячу лет и будут лежать так до тех пор, пока планета не обратится под ними в прах. Они вывели Народ из грязи и создали Тэйв. Таких, как они, больше не будет.

Они молча прошли по проходам. Гарайн мельком увидел еще одного белокурого мужчину — видимо, тоже иноземца, поскольку Древние все были брюнетами. Ург еще раз остановился, прежде чем выйти из зала. Он подошел к ложу мужчины, завернутого в длинную мантию. Лицо мужчины было искажено агонией.

Ург назвал его имя:

— Трэн.

Это был последний Лорд Пещер. Гарайн хотел было подойти ближе, чтобы рассмотреть мертвое лицо, но Ург нетерпеливо повлек его к двери.

— Это южный вход в Пещеры, — объяснил он. — Положись на Ану, она поведет тебя и убережет от кипящей грязи. Если встретишь моргелей — быстрее убивай, это слуги Темных Существ. Да сопутствует тебе удача, иноземец!

Дверь открылась, и Гарайн вышел на поверхность Тэйва. Мягкий голубой свет был таким же сильным, как и тогда, когда Гарайн впервые его увидел. С Аной на плече, с зеленым прутком и котомкой с пищей в руках он зашагал по сырой почве.

Ург поднял руку в прощальном салюте, и дверь захлопнулась. Гарайн пошел один с обязательством вывести Дочь из Подземелий Мрака.

Глава 3

В Подземельях Мрака

На Тэйве не было смены дня и ночи, и голубой свет был всегда. Народ искусственно делил время. Однако Гарайн, недавно прошедший через лучи здоровья, не чувствовал усталости. Когда он колебался в выборе дороги, Ана начинала щебетать и уверенно показывала вперед.

Перед ними вырос густой лес папоротниковых деревьев. В лесу было тихо и мрачно, и Гарайн впервые обратил внимание на особенность Тэйва: здесь не было птиц.

Им пришлось пересечь только западную часть леса. Через час они вышли к реке. Мутные воды ее были густо-шафранового цвета. Гарайн решил, что это и есть Золотая Река, граница владений Темных Существ.

Он обошел излучину и пошел по мосту, такому старому, что угловые камни истончились от времени. Мост вывел их в обширную долину, покрытую высокой увядшей желтой травой. Налево слышалось шипенье и бульканье, в воздух поднималось огромное облако пара. Гарайн задыхался от ветра, наполненного химикалиями и дувшего в их сторону. Пока они шли по долине, во рту и в носу все время ощущался серный налет, и Гарайн обрадовался, попав в папоротниковую рощицу, в которой скрывался родник. Там Гарайн смог умыться, в то время как Ана развязывала мешочек с едой, который дала ему Сэра.

Они поели лепешек из зерна и сухих фруктов. Затем Ана дернула Гарайна за руку и показала вперед.

Гарайн осторожно полз через густой кустарник. Наконец он вылез на свет и увидел вход в Подземелье Темных Сил. Две высокие колонны, высеченные в виде отвратительных чудовищ, охраняли грубо прорезанное отверстие. Легкий зеленоватый дымок вился и танцевал в их разинутых пастьях.

Гарайн внимательно пригляделся ко входу. Никого не было видно. Он сжал в руке разрушающий прут и потихоньку двинулся вперед. Дойдя до зеленого тумана, он собрался с духом и вошел внутрь.

Туман окутал Гарайна. В легкие вползал горячий, влажный, слабо окрашенный воздух с тошнотворно-сладким запахом разложения. Зеленые пылинки в воздухе давали очень мало света и, казалось, цеплялись за незваного гостя.

Пустив Ану вперед, он спустился по ступенькам вниз; мягкие подошвы его котурнов ступали бесшумно. В стенах располагались с правильными интервалами ниши, в которых стояли небольшие статуи. Над каждой извращенной фигурой была корона из зеленых пылинок.

Ана остановилась, ее широкие уши расправились, чтобы уловить малейший звук. Откуда-то из-под земли донесся

бешеный собачий лай. Ана вздрогнула и попятилась поближе к Гарайну.

Лестница становилась все уже и круче, и все отчетливее звучал захлебывающийся лай. Затем проход перегородила черная каменная решетка. Гарайн увидел сквозь нее лестничный пролет, ведущий вниз, в шахту. Из шахты несясь рычащий смех.

Снующие там существа казались придуманными демоническим умом: гладкие, бесшерстные крысopodobные звери величиной с пони. С острых морд стекала рыжая слюна. Но в глазах их светился разум. Это были моргели, сторожевые псы и рабы Темных Существ.

Со второго пролета лестницы, идущего непосредственно через шахту, донесся стонущий зов. Открылась дверь, и внизу появились двое. Моргели прыгнули было вперед, но быстро отступили под ударами бича.

Хозяева моргелей по виду были людьми. На них были черные набедренные повязки и длинные плащи-крылатки. На головы были надвинуты капюшоны с зубчатыми гребнями, напоминающими петушине. Насколько Гарайн мог судить, они не были вооружены, если не считать бичей.

Появилась вторая группа: двое Темных тащили пленника. Он делал отчаянные и безнадежные попытки освободиться, но они подтащили его к краю шахты и остановились. Моргели, почуяв обещанную добычу, насторожились внизу.

На лестнице, несколькими ступеньками выше, стояли две фигуры, на которых смотрели стражники, ожидая приказаний. Один был мужчина их породы, стройный, красивый и злой, с холодным лицом патриция. Его рука властно держала за локоть спутницу.

Этой спутницей была Трэла. Голова ее была надменно поднята. Былая улыбка исчезла, лицо выражало только печаль и покорность, однако дух белым пламенем метался в ее глазах.

— Смотри! — приказал ее тюремщик. — Разве Кипта не выполняет свои обещания? Если ты не возьмешь обратно свои слова, Леди Трэла, мы бросим Дандэна в пасти наших рабов.

За нее ответил пленник:

— Кипта, сын подлости, Трэла не для тебя. Помни, возлюбленная, — обратился он к Дочери, — день освобождения близок!

Гарайн почувствовал непонятную пустоту от легкости, с которой пленник назвал Трэлу «возлюбленной».

— Я жду ответа от Трэлы, — сказал Кипта.

И та ответила:

— Зверь из зверей, ты можешь послать Дандэна на смерть, можешь как угодно оскорблять меня и вредить мне — все равно я знаю, что Дочь не для тебя. Скорее я своими руками оборву нить своей жизни и понесу за то кару от Старших. — Она перевела взгляд на пленника: — Я прощаюсь с тобой, Дандэн. Мы снова встретимся за Завесой Времени, — и она протянула ему руку.

— Трэла, дорогая...

Один из стражников ударил пленника по губам, оборвав его речь.

Но теперь Трэла смотрела мимо него, прямо на решетку, за которой скрывался Гарайн. Кипта потянул ее за руку, чтобы привлечь ее внимание.

— Смотри! Так умирают мои враги! В шахту его!

Стражники толкнули своего пленника к краю шахты, и моргели подползли ближе, пристально глядя на молодое скорчившееся тело. Гарайн понимал, что он не должен вмешиваться. Ана потянула его направо, где был проход под аркой. Оттуда можно было попасть на балкон, идущий вокруг шахты.

Те, внизу, так увлеклись своим развлечением, что не заметили чужого. Однако Трэла взглянула вверх, и Гарайн подумал, что она его увидела. Что-то в ее позе привлекло внимание Кипты, и он тоже поднял глаза и на мгновение застыл от изумления, а затем втолкнул Дочь в дверь позади.

— Эй, иноземец! Добро пожаловать в Подземелья! Итак, Народ сунулся...

— Привет, Кипта! — Гарайн сам удивился словам, так легко слетавшим с его языка. — Я пришел, как обещал, и останусь, пока Черный Трон не будет уничтожен.

— Даже моргели не хвастаются добычей, пока она не попала им в зубы, — вспыхнул Кипта. — А что за зверь у тебя?

— Чистый зверь, Кипта, такого у тебя нет. Вели своим двуногим моргелям оставить юношу в покое, пока я не рассердился, — и он покачал зеленой палочкой.

Глаза Кипты сузились, но улыбка не увяла.

— Я давно уже слышал, что Древние не могут убивать...
— Как иноземец, я могу и не придерживаться их ограничений, — ответил Гарайн, — и ты сам это увидишь, если не отзовешь своих вонючих скотов.

Хозяин Подземелий засмеялся:

— Ты безмозглый, как танд. В Пещерах тебя больше не увидят!

— Выбирай, Кипта, да побыстрее!

Темный главарь, казалось, размышлял некоторое время, а затем махнул своим людям:

— Оставьте его! — приказал он. — Чужеземец, ты храбрее, чем я думал. Мы можем договориться...

— Трэла вернется обратно, и Черный Трон будет уничтожен — таково условие Пещер.

— А если мы не согласимся?

— Тогда Трэла вернется, Трон будет уничтожен, а на Тэйве будет такой Судный День, какого еще не бывало.

— Ты вызываешь меня?

И снова Гарайн произнес неизвестно откуда взявшиеся слова:

— Я воспользуюсь, как в Ю-Лаке...

Прежде чем Кипта успел ответить, в шахте началась суматоха: Дандэн, отпущенный стражниками, помчался скачками, преследуемый моргелями. Гарайн упал плашмя на балкон и опустил вниз конец своего пояса.

В следующее мгновение он уже тащил туго натянувшийся пояс. Пятки Дандэна уже были над щелкающими челюстями моргелей. Летчик схватил юношу за плечо и помог перебраться через перила.

— Они ушли! Все! — кричал Дандэн, как только встал на ноги.

Он был прав: моргели лаяли внизу, а Кипта и его люди исчезли.

— А Трэла? — воскликнул Гарайн.

— Они увели ее обратно в камеру. Они считают, что сбегут ее так.

— Ну, так они ошибаются! — Гарайн поднял прут. Его товарищ засмеялся.

— Нам лучше скорее идти, пока они не приготовились.

Гарайн поднял Ану.

— Куда идти?

Дандэн показал на проход позади. Затем он забежал в

боковую комнату и вышел с двумя плащами с капюшонами, чтобы они могли сойти за Темных.

Они шли по совершенно пустым туннелям. Им никто не препятствовал. Все Темные ушли из этой части Подземелья.

Дандэн обеспокоенно засопел:

— Неладно это. Я боюсь ловушки.

— Пусть себе ставят, лишь бы мы прошли.

Проход повернул вправо, и они вошли в овальную комнату. Дандэн опять покачал головой, но не протестовал, а наоборот, рывком открыл дверь и вошел в маленькую прихожую. Гарайну показалось, что в темных углах что-то шелестело и скрипело. Дандэн так резко остановился, что американец налетел на него.

— Это комната стражей — и она пуста!

Гарайн заглянул в большую комнату. По стенам висело странное оружие, спальные матрасы стражников были аккуратно сложены, но людей не было.

Они пересекли комнату и прошли под аркой.

— Даже перегородка не опущена, — заметил Дандэн и указал наверх. Там висела каменная решетка. Гарайн озабоченно осмотрел ее, но Дандэн потянул его в узкий коридор, где по обе стороны шли зарешеченные двери.

— Камеры, — объяснил он и потянул засов у одной из дверей. Дверь качнулась, и они вошли внутрь камеры.

Трэла поднялась им навстречу. Забыв о переодевании, Гарайн был поражен ее ледяным приемом и отступил назад. Однако, Дандэн шагнул вперед и схватил Трэлу в объятия. Она отбивалась, пока не увидела лицо под капюшоном. Тогда она радостно вскрикнула и обняла его за шею.

— Дандэн!

Он улыбнулся.

— Да, но это заслуга иноземца.

Она подошла к Гарайну и внимательно поглядела ему в лицо.

— Иноземец? Такое холодное название не для тебя, раз ты так служишь нам. — Она протянула ему руки, и он поднес их к губам. — Как тебя зовут?

Дандэн засмеялся:

— Извечное женское любопытство!

— Гарайн.

— Гарайн, — повторила она, — похоже...

Рука Дандэна легко опустилась на плечо спасителя.

— Он и вправду на него похож. Пусть он с этого дня носит другое имя: Гаран, Сын Света.

— А почему бы и нет? — спокойно ответила она. — В конце концов...

— Вознаграждение, которое полагалось тому Гарану? Расскажи ему историю его тезки, когда мы вернемся...

Дандэна прервал испуганный писк Аны, а затем насмешливый голос:

— Итак, добыча сама вошла в ловушку. Немногие охотники могут этим похвалиться.

В дверях стоял Кипта. Порок и злоба плясали в его глазах. Гарайн бросил свой плащ на пол, но Дандэн, видимо, прочел его мысли, потому что схватил его за руку.

— Ты, видно, набрался мудрости, Дандэн, если встаешь между нами? Если бы это сделала Трэла... — Кипта так посмотрел на ее надменную фигуру, что Гарайн охотно придушил бы его, если бы не Дандэн. — Теперь у Трэлы еще один шанс. Как тебе понравится, Леди, что эти мужчины окажутся в комнате Инструментов?

— Я тебя не боюсь, — ответила она. — Трэн однажды сделал пророчество, а он никогда не говорил зря. Мы завоюем свободу.

— Это уж как решит судьба. А пока что я оставлю вас одних.

Он вышел и с шумом захлопнул за собой дверь. Они услышали скрежет задвинутого засова и удаляющиеся шаги.

— Зло ушло, — тихо шепнула Трэла. — Наверное, лучше было бы позволить Гарайну убить его. Нам надо уходить...

Гарайн снял с пояса палочку. Зеленые блестящие пылинки собрались на ее полированных гранях.

— Дверь не трогай, — посоветовала Трэла, — возьми только петли.

Под действием палочки камень начал разрыхляться и опадать хлопьями. Дандэн и Гарайн взяли дверь и положили ее на пол. Трэла быстро схватила с пола плащ Гарайна и закуталась в него, чтобы скрыть блеск расшитого камнями платья.

В коридоре стоял безжизненный холод. Светоносные пылинки исчезли, как отцвели.

— Быстрее! — приказала Дочь. — Кипта убрал живой свет, и мы можем заблудиться в темноте.

Когда они достигли холла, там тоже не было света, и Гарайн

ощупал решетку, которая на этот раз оказалась опущенной. Откуда-то с другой стороны раздался тихий смех.

— Эй, иноземец, — насмешливо позвал Кипта, — с твоим оружием тебе не трудно пройти через решетку, но темноту победить не так просто, бегом не побежишь!

Гарайн уже работал прутком и через пять минут очистил путь. Но когда он хотел идти вперед, Трэла остановила его.

— Кипта спустил охотников.

— Охотников?

— Моргелей и... других, — пояснил Дандэн. — Темные ушли, и здесь идет только смерть. Моргели видят в темноте...

— Ана тоже.

— Хорошая мысль, — одобрил Сын Древних. — Ана выведет нас.

Как бы в ответ Ана потянула Гарайна за пояс. Гарайн взял Трэлу за руку, а другую она протянула Дандэну. Они цепочкой прошли через комнату стражей. Затем Ана остановилась и прислушалась. Ничего не было видно, тьма, висевшая над ними, казалась складками занавеса.

— Что-то идет за нами, — прошептал Дандэн.

— Не бойтесь, — сказала Трэла, — ЭТИ не смеют нападать. Я думаю, они смоделированы Киптой. Те, кто не имеет настоящей жизни, больше всего боятся смерти. Это создания...

Кто-то медленно полз позади.

— Кипте не стоило бы и пытаться, — пренебрежительно продолжала Дочь, — он знает, что его уроды не нападут. Они только внушают ужас своим видом.

Ана снова подергала пояс хозяина, и они вошли в узкий проход. Там ощущение преследования возобновилось, и, хотя Трэла продолжала уверять, что никакой опасности нет, Гарайна наполнило чувство отвращения.

Они прошли через три зала в длинный коридор, который заканчивался в шахте моргелей. Здесь, как думал Гарайн, их ждала самая большая опасность — моргели.

Ана резко остановилась и прижалась к ноге Гарайна. Из темноты выступили два желтых диска с шафрановыми искрами в глубине. Гарайн сунул палочку в руки Трэлы.

— Что ты хочешь делать? — спросила девушка.

— Пойду расчищать путь. Здесь слишком темно, чтобы пользоваться этим оружием против движущихся тварей... — и он двинулся к немигающим глазам.

Глава 4

Исход из Подземелий

Не сводя глаз с этих бездушных желтых дисков, Гарайн оторвал капюшон, свернул его в комок и прыгнул вперед. Его пальцы скользнули по гладкой коже. Острые клыки схватили его за плечо, тупые когти царапали по ребрам. Зловонное дыхание било в лицо, горячая слюна капала на шею и грудь Гарайна.

Капюшон был всунут в глотку моргеля, и зверь начал задыхаться. Из ран Гарайна текла кровь, но он мужественно держался, пока желтые глаза не погасли. Умиравший моргель сделал последнюю попытку освободиться и протаскил своего противника по каменному полу. Затем тяжелое тело зверя застыло в неподвижности. Задыхаясь, Гарайн привалился к стене.

— Гарайн! — закричала Трэла. Ее рука коснулась его плеча и протянулась к лицу. — Ты жив?

— Да, — выдохнул он. — Пошли дальше. — Теперь она шла рядом, ее плащ шуршал, задевая за стену и пол.

— Подожди, — сказала она вдруг, — это шахта моргелей... Дандэн подошел к ним и шепнул:

— Я проверю дверь.

Через минуту он вернулся: — Открыта.

— Кипта думает, — задумчиво сказала Трэла, — что мы пойдем в безопасную галерею. Поэтому он пустил нас через шахту. Моргели лучше охотятся на почве.

Они прошли через шахту. Из-под пола поднималось удушающее зловоние, и они шли очень осторожно. Дандэн шел впереди.

— Гарайн! — окликнул он, когда они поднялись по лестнице, — дай-ка свое оружие: эта дверь закрыта.

Гарайн протянул ему прут, а сам прислонился к скале. Его тошнило, голова кружилась. Глубокие раны на плече и руке дергало и жгло. Кругом было темно, поэтому его спутники не замечали его страданий.

— Что-то не то, — пробормотал он. — Мы идем чересчур легко...

Из темноты до него донесся ответ:

— Правильно замечено, иноземец. В настоящий момент

ты свободен, так же как Трэла и Дандэн. Но наш счет еще впереди. А теперь — прощай, до новой встречи в Тронном зале. Я аплодирую твоей храбрости, иноземец. Возможно, ты мне еще послужишь.

Гарайн метнулся в сторону голоса, но ударился о стену. Кипта захохотал:

— Не с твоей ловкостью танда схватить меня!

Его смех оборвался, как будто за ним закрылась дверь. Тройка молча шла по лестнице. Наконец они вышли на дневной свет Тэйва.

Трэла сбросила плащ и протянула руки к стране в кратере. Сверкающее платье плотно облегалo ее. Она тихо запела, увлеченная собственной радостью. Дандэн протянул к ней руку, и она ухватилась за нее, как смущенный ребенок.

Гарайн тупо размышлял, сможет ли он дойти до Пещер: его рука и плечо горели, как в огне. Ана подобралась поближе к нему, вглядываясь в его побледневшее лицо.

Из Подземелий донесся вой. Трэла вскрикнула, и Дандэн ответил на ее невысказанный вопрос:

— Они пустили моргелей по нашему следу.

Вой из подземелий эхом отозвался в лесу. Значит, моргели были и впереди, и позади их! Гарайн мог убить одного, Дандэн — другого. Трэла могла защититься от третьего разрушающим прутком, но в конце концов моргели их убьют.

— Мы потребуем защиты у Гиби с Утесов. По закону они должны помочь нам, — сказала Трэла и, приподняв длинное платье, пустилась бежать к скалам. Гарайн поднял с земли плащ и накинул его на плечи, чтобы скрыть раны. Он не мог бежать вровень с Трэлой, однако она не догадывалась об истинной причине его отставания.

Впоследствии Гарайн мало чего мог вспомнить об этом бегстве по лесу. В конце концов до его ослабевшего слуха донеслось журчание воды. Он был далеко от своих товарищей, которые уже шли по песчаному берегу реки, а затем без колебаний прыгнули в маслянистую воду и легко поплыли к другому берегу. Гарайн сбросил плащ и подумал, что не сможет побороть поток, если войдет в него. Но Ана уже бегала кругами по берегу, приглашая Гарайна следовать за ней.

Солоноватая вода смыла кровь и пот с его ноющего тела, но нестерпимо начала жечь раны. Он не мог бороться с течением, и его сносило вниз. В конце концов ему удалось

выползти, когда течение прибило его к берегу, и он лег, задыхаясь, уткнувшись лицом в мох. Когда Трэла и Дандэн нашли его, вода капала с его запачканной одежды, а Ана гладила его мокрые волосы. Трэла положила его голову себе на колени, а Дандэн осматрел его раны.

— Почему ты не сказал нам? — спросила Трэла.

Он не ответил, радуясь, что лежит так, и ее рука поддерживает его. Дандэн исчез в лесу, но быстро вернулся, неся кучу размятых листьев. Он покрыл ими раны Гарайна.

— Вам лучше было бы идти, — сказал Гарайн.

Дандэн покачал головой.

— Моргели не умеют плавать. Чтобы добраться сюда, они должны бежать до моста, а мост далеко.

К ним подбежала Ана. В ее маленькой ручке была гроздь пурпурных плодов. Гарайн лежал на ложе из папоротников, а Трэла кормила его с рук.

В травяном пластыре Дандэна явно было что-то целебное, потому что после короткого отдыха Гарайн смог встать, всего раза два поморщившись от боли. Они пошли уже медленнее. Дорога шла через узкие мшистые долины и солнечные прогалины, где цвели странные цветы. Поток, которому они следовали, дважды разветвлялся, и одна из ветвей пошла через луг к стене кратера.

Трэла внезапно наклонила голову и издала громкий, мелодичный свист. Сверху упало желтое с черным насекомое величиной с ястреба. Оно дважды облетало вокруг ее головы и затем уселось на вытянутую руку.

Пухлое тело насекомого было агатово-черным, согнутые ноги — по три с каждой стороны — хромово-желтыми. Круглая голова с большими фасеточными глазами заканчивалась острым клювом. Крылья, слабо трепетавшие в воздухе, были черными с золотыми крапинками.

Трэла погладила круглую головку, а насекомое нежно обнюхало ее щеку, затем снова поднялось в воздух и улетело.

— Нас ждут, и теперь мы можем идти спокойно.

Скоро они слышали вдалеке бормочущие звуки. Показалась стена кратера, где росли низкорослые деревья.

— Это город Гиби, — заметил Дандэн.

За скалу цеплялись башни и башенки из множества восьмигранных сот.

— Они готовятся к туманам, — сказала Трэла, — и будут сопровождать нас к Пещерам.

Они миновали деревья и подошли к восковым небоскре-
бам, высившимся кругом. Над ними парила громадная туча
Гиби. Гарайн чувствовал, как их крылья касаются его тела. И
все они толпились возле Трэлы.

Мягкий шорох крыльев утих, когда появилась крупная
Гиби выдающейся красоты. Остальные отлетели, и Трэла
приветствовала королеву сот, как равную, а затем поверну-
лась к своим компаньонам и передала им предложение
королевы Гиби.

— Мы пришли как раз вовремя. Завтра они покидают свой
город. Моргели перешли через реку и вышли из-под контро-
ля: вместо того, чтобы охотиться за нами, они бросились
опустошать лесные земли. Весь Тэйв предупрежден. Но их
захватит Туман и погубит. Мы же отдохнем в скальных
пещерах, и Гиби придут за нами, когда настанет время
уходить.

* * *

Гарайн проснулся от громкого шепота. Над ним нахло-
нулся Дандэн.

— Нам пора идти. Гиби запечатывают последние соты.

Они торопливо поели медового печенья. Снова появилась
королева. Первый рой уже вылетел к востоку.

С народом Гиби, грозовой тучей нависшим над ними, они
пошли через луга.

— Туман приближается. Нам надо торопиться, — произ-
нес Дандэн.

Они прошли через лесок, окаймляющий луг, и вышли на
центральную равнину Тэйва. Здесь царила тягостная тиши-
на. Ана, сидевшая на плече Гарайна, вздрогнула.

Они перешли на рысь: Гиби держались рядом. Трэла чуть
не плакала:

— Они летят медленно — из-за нас. А еще так далеко...

— Смотри! — Дандэн указал на равнину. — Моргели!

Стая моргелей, объятая страхом, неслась вскачь. Они
пробежала в сотне ярдов от людей, но не свернули со своего
пути. Некоторые лишь зарычали.

— Они уже, считай, мертвые, — заметил Дандэн. — Им не
успеть добраться до убежища в Подземелье.

Прошлепав по мелкой воде ручья, тройка припустила бегом.

Трэла споткнулась и сбила ритм. Гарайн сунул Ану Дандэну и, прежде чем девушка успела запротестовать, подхватил ее на руки.

Туман становился гуще и как занавесом окутывал их. Тонкие как шелк черные волосы бились на горле Гарайна, голова Трэлы лежала на его плече, грудь ее тяжело поднималась, когда она вдыхала душный воздух.

Затем они неожиданно столкнулись с толпой Народа. Кто-то бросился к Трэле с напевным криком: это Сэра приветствовала свою госпожу.

Женщины унесли Трэлу, оставив Гарайна слегка разочарованным.

— Туман, иноземец, — сказал Ург, показывая на отверстие Пещер. Двое из Народа нажимали на рычаг. На отверстие опустилась хрустальная крышка и, щелкнув, встала на место. Пещеры были наглухо закрыты.

Туман снаружи стал теперь чернильно-черным и волнами бился о защитный барьер. Ночью он будет еще чернее.

— Так будет сорок дней. Все, что по ту сторону защиты — умрет, — сказал Ург.

— Значит, у нас есть сорок дней для подготовки, — вслух подумал Гарайн. Лицо Дандэна просветлело.

— Хорошо сказано, Гарайн. Сорок дней до прихода Кипты. У нас много дел. Но сначала надо принести дань уважения Лорду Народа.

Они пошли в Тронный зал. Увидев Дандэна, Трэр поднялся и протянул ему скипетр с нефритовым наконечником. Сын Древних коснулся его.

— Приветствую Жителя Света и иноземца, который выполнил завет Трэна. Трэла снова в Пещерах. Теперь мы превратим Черный Трон в пыль.

Гарайн достал из-за пояса разрушающий прут, но Дандэн покачал головой:

— Еще не время, Трэр. Кипта должен закончить то, что начал. Темные придут сюда через сорок дней.

Трэр задумался.

— Значит, дело идет к концу. Но Трэн не говорил о новой войне...

— Но он говорил о конце Кипты!

Трэр выпрямился, как будто сбросил с себя тяжесть.

— Ты правильно говоришь, Лорд. Чего нам бояться, если она сядет на Розовый Трон? Слушай, о Народ, в Пещеры вернулся Свет!

Народ эхом откликнулся на его крик.

— А теперь, лорд, — Трэс с уважением повернулся к Дандэну, — каковы твои приказания?

— Перед тем, как немного поспать, я пойду в Комнату Обновления вместе с этим иноземцем, который более не иноземец, а Гарайн, принятый Дочерью согласно Закону. А пока мы отдыхаем, пусть все готовят...

— Слово Жителя Света — закон!

И Трэс сам проводил их до двери.

Они прошли по извилистым переходам к глубокому бассейну, в котором прятались странные пурпурные тени. Дандэн разделся и нырнул в него. Гарайн последовал его примеру. Вода бодряще пощипывала тело. Они быстро вышли из бассейна и вошли в шарообразную комнату вроде той, где Гарайн лежал после лечения световыми лучами. В середине комнаты лежали подушки, и они с наслаждением вытянулись на них.

Гарайн проснулся с тем же ощущением экзальтации, какое было и в прошлый раз. Дандэн смотрел на него с улыбкой.

— Теперь за работу, — сказал он и нажал кнопку в стене. Вошли двое из Народа и принесли парадную одежду. Они оделись, поели, а затем Дандэн пошел в лабораторию. Гарайн пошел было за ним, но его остановила Сэра.

— Дочь хочет поговорить с Лордом Гарайном.

Дандэн засмеялся.

— Иди, — сказал он, — приказами Трэлы не пренебрегают.

В Зале Женщин было пусто. И в дальнем коридоре, где стены и пол были выложены плитами розового хрусталя, тоже никого не было. Сэра отвела в сторону золотой занавес, и они очутились в комнате для аудиенций Дочери.

Полукруглое возвышение из прозрачного хрусталя покрывали розовые с золотом подушки. Перед возвышением фонтан в виде цветка на изогнутом стебле посылал водяную пыль в неглубокий бассейн. Стены комнаты разделялись на альковы мраморными колоннами, изгибавшимися наподобие древесных стволов.

С куполообразного потолка спускались на крученых золо-

тых цепочках семь ламп, выточенных из цельного желтого сапфира. Они давали желтый свет. Пол был из золотой и хрустальной мозаики.

Две маленькие Аны, лежавшие на подушках, прыгнули, чтобы приветствовать Гарайна. Но хозяйки комнаты не было и в помине. Гарайн повернулся к Сэре, но прежде чем успел произнести хоть слово, Сэра насмешливо спросила:

— Кто такой Лорд Гарайн, что не может подождать?

Тем не менее, она пошла за Дочерью.

Гарайн недовольно оглядел комнату. Столь роскошное помещение — не место для него. Он шагнул к двери, но тут появилась Трэла.

— Приветствую Дочь! — его голос прозвучал официально и холодно.

Ее руки, поднятые для приветствия, упали. Лицо ее затуманилось.

— Приветствую тебя, Гарайн, — медленно ответила она.

— Ты послала за мной...

Он торопился скорее уйти из этой драгоценной шкатулки и от недостижимого сокровища, которое в ней находилось...

— Да, — холодно проговорила Трэла. — Я желала узнать, не беспокоят ли тебя еще раны?

Он взглянул на свое гладкое тело, полностью излеченное мудростью Народа.

— Я в полном порядке и готов делать ту работу, которую мне поручит Дандэн...

Она резко повернулась к Гарайну, так что ее платье как бы зашипело на полу.

— Ты можешь идти, — прозвучал приказ.

Он слепо повиновался. Она говорила с ним, как со слугой, которого можно вызвать и отослать. Даже если ее любовь принадлежала Дандэну, она могла бы предложить Гарайну хотя бы дружбу. Но в глубине души он знал, что дружба была бы жалкой крохой того пиршества, к которому стремилось его сердце.

Позади послышались шаги. Значит, она позовет его обратно! Его гордость возмутилась. Но это оказалась Сэра.

— Дурак! Моргель! — зашипела она. — Даже Темные не третировали ее так! Убирайся из Зала Женщин, пока тебя не разорвали на куски!

Гарайн старался не обращать внимания на ее брань и упрёки. Он попросил одного из Народа проводить его в лабораторию.

Пройдя глубоко под поверхностью Тэйва, где светонесные пылинки разгоняли даже тень мрака, они вошли в место непрерывающейся деятельности. Там стояли столы с грудой инструментов, стеклянных колец, металлических трубок и других материалов. Бесперывный поток Народа протекал через помещение. В дальнем конце платформы Гарайн увидел высокого Сына Древних, работающего над каркасом из металла и блестящих кристаллов.

Дандэн благодарно взглянул на подошедшего Гарайна и быстро проинструктировал его. Вскоре Гарайн стал лучшим помощником Дандэна. Они лихорадочно работали над устройством защиты, чтобы успеть закончить его до конца сезона Туманов. Они проводили в лаборатории дни и ночи, ни разу не покинув её, не считая двух походов в Комнату Обновления. От Трэлы не было никаких известий, и никто о ней не говорил.

Жители Пещер располагали двумя способами защиты: ядовитой зеленой жидкостью, которую наливали в хрупкие стеклянные шары и бросали на врага, и энергетическим экраном. Незадолго до конца Туманов это оружие было перенесено к входу и установлено там. Дандэн и Гарайн в последний раз проверили все.

— Кипта сделал ошибку, недооценив своих врагов, — рассуждал Дандэн, ласково поглаживая край экрана. — Когда я был взят в плен в день гибели моего народа, меня доставили в лабораторию Темных, чтобы их ученые могли изучить секреты Древних. Но я оказался более способным в роли ученика, чем в роли учителя, и открыл защиту от Черного Огня. Впоследствии я узнал, что Кипту раздражала моя мнимая глупость, и он попытался воспользоваться мной, чтобы вынудить Трэлу подчиниться ему. За это — как и за многое другое — он заплатит. Давай подумаем об этом...

Он повернулся, чтобы приветствовать Трэра, Урга и других вождей Народа, незаметно подошедших к ним.

Между ними стояла Трэла. Ее взгляд был устремлен на прозрачную стену и рассеивающийся Туман. На Гарайна она обращала не больше внимания, чем на Ану, игравшую с ее шлейфом, или на шептавшихся позади женщин. Однако

Гарайн отступил в тень — и видел не военные орудия, а облако черных волос и прекрасные белые руки под роскошной вуалью.

Ург и еще один вождь налегли на рычаг. С протестующим скрипом стеклянная стена ушла в скалу. Зелень Тэйва звала всех прогуляться по ее свежести; жизнь возрождалась. Но на всем пространстве лугов и леса царила странная тишина.

— Выставить часовых! — приказал Дандэн. — Темные скоро появятся!

Он подозвал Гарайна и сказал Трэле:

— Пройдем в Тронный Зал.

Но Дочь не ответила на его улыбку.

— Сейчас не время заниматься пустяками. Лучше звать к помощи тех, кто ушел до нас.

Она бросила на Гарайна ледяной взгляд и пошла обратно. Сэра несла ее шлейф.

Дандэн взглянул на Гарайна:

— Что произошло между вами?

Гарайн пожал плечами.

— Не знаю. Мужчине никогда не понять женщину.

— Но она на тебя злится, и ты должен знать, почему.

На мгновение Гарайном овладело искушение сказать правду — что он не осмелился сломать барьер, который она воздвигла между ними; объяснить Дандэну, что дело не только в его гордости. Но он молча покачал головой.

Никто из них больше не видел Трэлы до того, как в Пещеры вошла Смерть.

Глава 5

Битва в Пещерах

Гарайн и Дандэн смотрели на равнину Тэйва. На некотором расстоянии от них стояли две стройные башни со стальными верхушками. В действительности это были полые трубы, содержащие Черный Огонь. Перед ними хлопотали фигуры в черной одежде.

— Видимо, они считают, что мы уже разбиты. Пусть себе считают! — прокомментировал Дандэн, касаясь экрана, который они установили перед входом в Пещеры.

Пока он говорил, Кипта важно прошел по высокой траве и крикнул:

— Эй, скальный житель, я хочу поговорить с тобой!

Дандэн обогнул экран. Гарайн шел на шаг позади.

— Я слушаю тебя, Кипта.

— Хорошо. Надеюсь, уши и глаза служат тебе исправно. Вот мои условия: Трэла будет жить в моих комнатах, а иноземец будет развлекать моих капитанов. Открой Пещеры без сопротивления, чтобы я мог по праву занять место в Тронном Зале. Тогда мы будем жить в мире...

Дандэн неподвижно стоял перед экраном.

— Вот наш ответ: вернись в Подземелье, сломай мост между нашими странами, и пусть Темные никогда больше не появляются здесь...

Кипта расхохотался.

— Значит, таково ваше решение! Тогда мы сделаем так: Трэла будет моей на время, а потом я отдам ее своим капитанам...

Гарайн прыгнул вперед и ударил Кипту кулаком в зубы; его пальцы схватили Кипту за горло, но Дандэн, пытавшийся оттащить Гарайна от его жертвы, вдруг закричал:

— Берегись!

Из травы выскочил моргель, зубы которого сомкнулись на запястье Гарайна и вынудили его отпустить Кипту. Дандэн свалил моргеля тяжелым ударом ремня.

Кипта ползком добрался до своих людей. Нижняя часть его лица была залита кровью. Он с дикой яростью выкрикнул приказ.

Дандэн потащил Гарайна за экран.

— Будь осторожнее! — задыхаясь от ярости, говорил он. — С Киптой надо расправляться не голыми руками, а другими средствами.

Башни качали своими верхушками над входом. Дандэн приказал плотно заклинить экран.

Моргель, сбитый Дандэном, пошатываясь, поднялся на ноги. Когда он наполовину прошел расстояние, отделявшее его от хозяина, Кипта приказал открыть огонь. Широкий луч черного света вылетел из верхушки ближайшей башни и ударил зверя в голову. Раздался агонизирующий визг — и моргель обратился в серый пепел, тут же развеянный ветром.

Черный луч ударил в экран и был отражен с глухим треском. Трава под ним сгорела, осталась лишь голая сухая земля. Те, кто стоял в Пещере за своей хрупкой защитой, почти ослепли от едкого дыма, клубами выходившего из трещин скалы.

Затем луч погас. Тонкий дымок вился над верхушками башен, от почерневшей земли шел пар. Дандэн облегченно вздохнул.

— Выдержало! — воскликнул он, отбросив наконец державший его страх.

Люди Народа тащили к экрану трубчатые машины, другие несли сосуды-шары с зеленой жидкостью. Дандэн стоял в стороне, как будто эта работа была исключительно делом Народа, и Гарайн вспомнил, что Древним было запрещено отнимать жизнь.

Теперь здесь командовал Трэп. По его приказу шары были помещены в ложкообразные патроны. Бойницы экрана щелкнули и открылись. Трэп дал сигнал. Шары медленно поднялись, проскользнули в бойницы и поплыли к башням. Один ударился о выжженную землю и лопнул. Жидкость медленно вытекла наружу и обратилась на воздухе в серо-зеленый газ. Другое облако газа поднялось от подножия сначала одной башни, а затем и другой...

Последовали мучительные вопли, которые скоро ослабли до стонов. Гарайн видел смутные очертания людей или животных, некоторое время качавшихся в тумане.

Дандэн отвернулся, лицо его побелело от ужаса. Гарайн зажал уши, чтобы не слышать криков.

Наконец все затихло. Никакого движения не было. Ург заложил в машину светящийся розовый шар и выпустил его во вражеский лагерь. Шар втянул в себя остатки газа, очистив воздух. Тут и там лежали сморщенные, мертвенно-бледные существа. Башни нависли над ними.

Одна из прислуживавших Трэле женщин ворвалась в их круг.

— Скорее! — крикнула она Гарайну. — Кипта схватил Трэлу!

Она помчалась обратно, американец за ней. Они вбежали в Тронный Зал и увидели перед возвышением борьбу.

Гарайн услышал звериное рычание и не сразу понял, что оно исходит из его собственной глотки. Через секунду его

кулак врезался в отметины на лице Кипты. С воплем ярости Темное Создание выпустило Трэлу и бросилось на Гарайна, вцепившись ногтями в его лицо. Дважды Гарайн ухитрялся вырваться и нанести хороший удар по ребрам врага. Наконец ему удалось захват, которого он жаждал, и его пальцы сомкнулись на горле Кипты. Несмотря на сопротивление Темного, он держал его до тех пор, пока обмягшее тело не перестало двигаться.

Задышавшись, Гарайн поднялся с залитого кровью пола и ухватился за Нефритовый Трон.

— Гарайн! — руки Трэлы обхватили его, нежные пальцы касались его ран. В эту минуту он забыл Дандэна, забыл все то, что старался помнить. Она была в его объятиях, его рот искал ее губы. Она не отвечала, но уступала, как цветок уступает ветру.

— Гарайн! — прошептала она и вдруг почти испуганно отшатнулась.

Перед ней стоял Дандэн с белым лицом, плотно сжатыми губами. Гарайн опомнился и опустил глаза, стараясь не смотреть на любимую.

— Итак, иноземец, Трэла бросается в твои объятия...

Гарайн быстро обернулся. Кипта сгорбился на агатовом Троне.

— Нет, я не умер, иноземец. Таким образом, как ты пытался, меня не убьешь. Сейчас я уйду, но я вернусь. Мы уже встречались раньше, сражались и умирали — ты и я. Ты был тогда неким Гараном, Маршалом Воздушных Сил Ю-Лака в исчезнувшем мире, а я был Лордом Кума. Это было во времена, когда Древние еще не вышли в космос. Ты, я и Трэла связаны вместе, и даже смерть не может разбить эти оковы. Прощай, Гарайн. А ты, Трэла, вспомни конец того Гарана. Он был не из легких.

С последним злобным хихиканьем он откинулся назад своим избитым телом. Четкие линии Трона стали расплываться и мерцать, а затем трон и сидящий на нем исчезли. Люди уставились в пустое пространство, над которым возвышался Розовый Трон Древних.

— Он сказал правду, — прошептала Трэла. — У нас была другая жизнь, другие встречи — и так будет и впредь. Но сейчас он вернулся во тьму, которая его породила. Все кончено.

Глухой шум неожиданно наполнил Пещеры. Стены закачались. Люди и ящеры скучились вместе, пока качание не прекратилось. Наконец появился вестник с сообщением от Гиби, что Подземелье Мрака завалено землетрясением. Угрозе Темных Сил пришел конец.

* * *

Поскольку в Пещерах произошли обвалы и некоторые проходы оказались заваленными, несколько людей Народа пострадало. Разведчики Гиби донесли, что местность над входом в Подземелья осела, Золотая Река вышла из берегов и разлилась озером.

Насколько они могли узнать, никто из Темных не пережил битвы и обвала Подземелья. Но не было уверенности, что горсточка Темных все же не могла остаться где-нибудь на Тэйве.

Сам кратер изменился. На центральной равнине появилась цепь холмов, деревья в лесу попадали, как подрубленные гигантским топором.

Вернувшись в свой город, Гиби нашли большую часть восковых небоскребов разрушенными; не жалуясь, они принялись строить все заново. Белки-фермеры появились из своих нор и снова принялись работать на полях.

Гарайн почувствовал себя лишним во всей деятельности, охватившей Пещеры. Больше чем когда-либо он был здесь иностранцем, а не жителем Тэйва. Он исследовал Пещеры, изучая людей другого мира, бывших его предшественниками в этой странной земле.

Однажды ночью, когда он вернулся в свою комнату, он нашел там Дандэна и Трэра, ожидавших его. В позе Дандэна была какая-то удивительная жесткость, а в манерах Трэра — трезвая рассудительность.

— Был ли ты в Зале Женщин после битвы? — резко спросил Сын Древних.

— Нет, — коротко ответил Гарайн, думая, что Дандэн обвиняет его в двойном проступке.

— Посылал ли ты послание Трэле?

Гарайн сдержал поднимающееся раздражение.

— Я не делаю того, чего не могу.

Дандэн кивнул Трэру, как будто его подозрения подтвердились.

— Теперь ты сам видишь, Трэр, как обстоят дела.

Трэр медленно покачал головой.

— Но такого проступка никогда не было...

— Ты забыл, — резко напомнил ему Дандэн, — однажды это было — и наказание было уточнено. Так будет и теперь.

Гарайн растерянно переводил взгляд с одного на другого. Дандэном, видимо, овладела безжалостная злоба, а Трэр выглядел несчастным.

— Это должно произойти после Совета, так желает Дочь, — сказал Лорд Народа.

Дандэн шагнул к двери.

— Трэла не знает, что Совет соберется сегодня ночью. А пока присмотри, чтобы он, — Дандэн указал большим пальцем на Гарайна, — не выходил из этой комнаты.

Таким образом, Гарайн оказался пленником под охраной одного из Народа. Он не мог понять, в чем Дандэн обвиняет его и возбудил против него ненависть правителя Пещер; наверное, ревность разыграла, и Дандэн решил окончательно избавиться от соперника.

Решив так, американец охотно пошел в комнату, где ждали судьбы. Дандэн сидел во главе длинного стола, по правую руку его — Трэр, а остальные вожди Народа — поодаль.

— Вы знаете обвинение, — со злобой сказал Дандэн, когда Гарайн вошел и остановился перед ним. — Этот иноземец собственным языком обвинил себя. Поэтому я прошу, чтобы вы вынесли ему такой же приговор, как и иноземцу второго призыва, который возмутился против требования.

— Иноземец признал свою вину? — спросил один из вождей.

Трэр печально наклонил голову.

— Да.

Гарайн открыл рот, чтобы спросить, в чем его обвиняют, но Дандэн сказал:

— Что вы скажете, Лорды?

Они долго молчали, затем дернули своими головами ящериц в знак согласия:

— Поступай как хочешь, Житель Света.

Дандэн невесело улыбнулся.

— Смотри, иноземец. — Он провел рукой над вделанным в стол зеркалом. — Такова смерть мятежника...

В гладкой поверхности зеркала Гарайн увидел пролом в стене Тэйва. У подножия стены стояла группа мужчин Древних, и в их кругу боролся пленник. Они заставили его влезть

на стену кратера. Гарайн видел, как он добрался до края и пополз по нему, шатаясь от испарений и стараясь увернуться от пара горячего источника, пока не скатился вниз, в кипящую грязь.

— Так он кончил. Таков будет и твой конец...

Жестокое спокойствие этого приговора подняло в Гарайне волну гнева.

— Лучше умереть, чем задерживаться в вашем притоне, — с ненавистью выкрикнул он. — Я спас тебе жизнь, а ты посылаешь меня на такую смерть, даже не сказав, в чем меня обвинили. Ты ничем не отличаешься от Кипты, за исключением того, что он был открытым врагом!

Дандэн вскочил, но Трэр удержал его за руку.

— Он говорит справедливо. Спроси его, почему он не выполнил требования?

Дандэн колебался. Гарайн наклонился над столом и выплюнул слова, которые как пули отлетали от его холодного лица:

— Я признаюсь, что люблю Трэлу. Я полюбил ее с той минуты, когда увидел ее на ступеньках шахты моргелей в Подземельях. С каких пор любовь к тому, что не принадлежит тебе, является преступлением, если ты не пытаешься отнять его?

Трэр выпустил руку Дандэна. Его золотые глаза блеснули.

— Если ты любишь Трэлу — требуй ее, это твое право.

Гарайн повернулся к нему:

— Разве я не знаю, что она принадлежит Дандэну? Когда Трэн высказал свою волю насчет нее, он не знал, что Дандэн выживет. Неужели я унижусь до того, что стану принуждать ее к нежелательной для нее сделке? Пусть идет к тому, кого любит...

Дандэн мертвенно побледнел, руки его, все еще лежащие на столе, задрожали. Лорды Народа один за другим выскользнули из зала, оставив их вдвоем.

— А я хотел твоей смерти! — хрипло прошептал Дандэн. — Гарайн, мы думали, что ты знаешь — и все-таки отказываешься от нее.

— Что знаю?

— Что я — сын Трэна и брат Трэлы.

Пол закачался под ногами Гарайна.

— Какой же я дурак! — медленно произнес он.

Дандэн улыбнулся.

— И какой благородный дурак! А теперь иди к Трэле. Она заслуживает того, чтобы услышать обо всей этой путанице.

И они с Дандэном пошли по коридорам. Гарайн раздвинул золотые занавеси и очутился перед Дочерью Древних. То, что она прочла в лице Гарайна, заставило ее вскочить с подушек и броситься в его объятия. В словах не было нужды.

С этого часа началась жизнь Гарайна на Тэйве.

Часть вторая

Глава 1

Лорд Ю-Лака

Я, бывший Гарайн Фитерстон из мира по ту сторону Барьера Тумана, а ныне Гаран Пламени, муж королевской леди Трэлы, Дочери Древних, часто слышал полузабытые легенды о царственной расе, которая летела с умирающей планеты через космос, покружилась над антарктическим континентом своего нового мира и выжгла в нем громадный кратер Тэйв для будущего своего жилья.

Время от времени, как мне рассказывали, они обновляли род, приглашая людей из-за барьера, который они воздвигли. Я был одним из таких приглашенных. Но я пришел поздно и в смутное время, потому что в кратер пришло зло, и между жителями возник конфликт. Однако сейчас, с тех пор, как мы нанесли сокрушительное поражение Кипте, Лорду Черного Пламени, и его приверженцам, из Древней Расы осталось в живых только двое: моя жена и ее брат.

В момент своего низвержения Кипта дал несколько непонятных обещаний насчет нашего неопределенного будущего, а также несколько насмешливых упоминаний о далеком прошлом, которые меня заинтересовали, поскольку он сказал, что мы трое — Трэла, Кипта и я — связаны вместе, мы жили и сражались в далеком прошлом, и снова будем жить и сражаться в далеком будущем.

Трэла рассказала мне историю Гарана, который лежит в

Пещере Спящих. Но задолго до него — очень задолго — были другие.

Поэтому, когда я спросил Дочь Древних насчет слов Кипты, она привела меня в любопытную шарообразную комнату, где были магические зеркала, вделанные в столы. Она села на скамью, покрытую подушками, и пригласила меня сесть рядом.

— Мы пришли издалека во времени и пространстве, любимый, — мягко заговорила она, — но все же не настолько издалека, чтобы я не могла вспомнить начало. А ты помнишь?

— Нет, — ответил я, глядя в зеркало.

Она вздохнула.

— Может быть, это справедливо: то была моя вина — мне и нести груз памяти. То, что сделали мы вдвоем в великом городе Ю-Лаке в исчезнувшем мире Кранда, надолго легло между нами. Очень надолго. Теперь оно, наконец, ушло, но я боюсь, как бы оно не возникло снова.

Я резко встал:

— Тогда оставим это.

— Нет! — Она схватила меня за руку. — Мы дорого заплатили. Мы платили трижды: один раз на Ю-Лаке и два раза в Пещерах. Теперь наши несчастья ушли, и мне хочется снова увидеть самое замечательное действие, которому я когда-либо была свидетельницей. Смотри же, мой Лорд!

Она протянула свою тонкую руку над зеркалом, и оно затуманилось...

Я стоял на балконе с причудливой резьбой из опалесцирующего камня и смотрел, еще не вполне проснувшись, на фантастический город. В розовом небе, странном для моих полужемных глаз, но все-таки знакомом, появилась первая золотая полоса близкой зари. Подо мной лежал могущественный Ю-Лак, а я был Лордом Гараном, Маршалом Императорских Воздушных Сил, пэром Империи.

По рождению я не имел права ни на этот титул, ни на должность, так как моя мать была придворной дамой, а отец — офицером. Они нарушили закон, запрещавший браки между различными кланами и кастами, и поженились тайно, и я с самого рождения был осужден стать государственным воспитанником и низайшим из низких.

К счастью для меня и других таких же неудачников, Император Форс, взойдя на Розовый Трон Дворца Света,

издал декрет, позволяющий государственным воспитанникам служить в армии. Я сделал свой выбор в пятнадцать лет и подчинился военному мечу.

Жизнь была тяжелая, но избавляла от худшей участи. Кроме того, унаследовав от отца честолюбие и способности, я шаг за шагом поднимался вверх. Через четырнадцать лет я стал Маршалом Императорских Воздушных Сил и военным Лордом, произведенным самим Императором.

Но солдат, стоявший на балконе и глядевший на удивительную красоту утреннего Ю-Лака, не был ни счастлив, ни доволен. Все его с трудом завоеванные почести значили для него не более, чем многочисленные рубцы на его теле, потому что он осмелился поднять глаза на особу, столь же далекую от него, как красное солнце Кранда далеко от желтых полей.

Я, ветеран бесчисленных пограничных стычек и рейдов, был подавлен и томился, как мальчишка-рекрут, беспокойно дремлющий в казарме под моей башней. В течение дня я решительно отгонял свои нечестивые желания, зато ночами и на заре память и сны выходили из-под контроля, как ни старался я держать их в узде.

Как жрецы, кающиеся в великом Храме Суна, я терзался воспоминаниями, которые причиняли мне куда больше страданий, чем любая телесная рана. Среди товарищей я слыл настоящим испытанным воином с холодным сердцем, интересующимся только неотложными делами своей службы. А теперь...

Три года... Великий Оун, неужели так давно? Тогда я командовал Императорским флагманским кораблем, трижды счастливым судном, прославившемся тем, что он перевозил Леди Трэлу из ее храмовой школы в родительский хрустальный дворец, венчавший центральный холм Ю-Лака.

Имперская принцесса была окружена бесчисленными придворными ее свиты, но одной благословенной ночью она ускользнула от них и вошла в кабину управления, где я — несомненно, по указанию Свыше — остался дежурить в одиночестве.

И когда прошел наш краденый час, она была для меня не Имперской Светлостью, а Трэлой...

С тех пор я видел ее дважды: один раз в тот день, когда я преклонил колено перед Императором, получая от него жезл

моего звания, я осмелился поднять глаза на золотой трон по правую руку Императора. А второй? Это было в королевских садах удовольствий, где я ожидал аудиенции. Она прошла мимо со своими дамами. Кто я такой, с выжженным на плече военным клеймом, чтобы смотреть на Несравненную Особу?

Касты на Кранде были строго разграничены. Человек мог высоко подняться в одной касте, но не мог перейти в другую. Крестьянин мог стать Лордом и дворянином, но его сын не мог служить ни при дворе, ни во флоте. Так же и военнослужащий, даже если он рожден с титулом, не имел права жениться на дочери Ученых. Они были нашими правителями и великими дворянами и были бесконечно выше обычных людей по объему своих знаний. Они обладали способностью так же подчинять своей воле людей и силы природы, как я властвовал на полях над безмозглыми рабами, сублюдьми, которых производили Ученые в своих лабораториях. Ученые были особой расой — благословенной или проклятой — со сверхчеловеческим могуществом.

Однако, Трэла была моей возлюбленной, и все декреты Императора и цепи древних обычаев не могли ни уничтожить этого факта, ни стереть образ Трэлы из моего сердца. Я думал, что так и закончу свою жизнь, довольствуясь лишь поклонением ей в моих снах, но судьба совершенно иначе решила будущее людей-пигмеев, ползающих по планете Кранд.

В это утро я недолго предавался сожалениям и бесплодным желаниям: крошечный колокольчик звякнул в комнате позади, давая знать, что кто-то желает войти в мою спальню. Я подошел к диску на стене и провел по нему рукой. На его полированной поверхности появилось изображение моего адъютанта, этого молодого пройдохи Анатана из Хола.

— Войди, — сказал я в отверстие трубки, помещавшейся рядом с диском. Мой голос отпер дверь.

— Привет, бездельник! Во что ты опять впутался? — покорно спросил я, привыкший принимать с раннего утра покаяние виновного младшего офицера, являвшегося ко мне, чтобы я вытащил его из какого-нибудь затруднения, в которое он попал по юношеской беспечности.

— Как ни странно, — ответил он, — ни во что, благодарение Оуну. Но внизу ждет посыльный из дворца.

Несмотря на все мое самообладание, сердце у меня екну-

ло. Я снова повернулся к диску и приказал солдату моей внутренней службы заверить посланца, что я приму его, как только должным образом оденусь.

Анатан сам разложил мой мундир и снаряжение, пока я плескался в ванной, находившейся рядом со спальней. Одновременно он болтал о слухах и сплетнях в казармах и при дворе.

— Лорд Кипта приехал с визитом, — сказал он.

Я уронил тунику, которую собирался одеть.

— Кипта из Кума? — спросил я, надеясь, что мое смятение не будет замечено.

— Какой же еще? Я знаю только одного Кипту.

Его внезапно округлившиеся невинные глаза не обманули меня. Но Анатан, несмотря на свои небрежные слова и манеры, был верен мне, и я не боялся, что он изменит мне теперь. Ни к кому я не чувствовал такой ненависти, как к Кипте из Кума, который мог придавить меня, как мошку, и не преминул бы использовать эту возможность, знай он только о моих истинных чувствах к нему.

В гряде фруктов всегда найдутся помятые и более склонные к порче плоды, и, если их не убрать, они со временем испортят и остальные. По моему мнению, хозяин Кума как раз и был таким гнилым плодом среди Ученых.

Он более не общался с членами своей касты, а жил в высокой черной каменной цитадели своего темного, продуваемого ветрами города и вел тайные эксперименты в подземных лабораториях. В чем именно заключались эти эксперименты, никто из Ученых не знал, и я подозревал, что они были не из приятных. Всякое знание имеет свои светлые и темные стороны, но, если слухи были справедливыми, Кипта поворачивался к мраку куда чаще, чем к свету. Я слышал рассказы и даже записал кое-что, но что сделаешь, не имея доказательств? Лорд Кипта был ученым по рождению, а я — всего лишь воспитанник государства, по императорской милости добившийся положения и некоторой славы. Если я хочу удержать то и другое, даже просто свою жизнь, мне лучше забыть о некоторых рассказах.

Кипта был весьма популярен в некоторых офицерских кругах моего корпуса. Время от времени он устраивал приемы, и его кошелек был всегда открыт для тех, кто временами испытывал финансовые затруднения. Но мой подозри-

тельный ум рассматривал это как желание Кипты сделать как можно больше военных, обязанных ему. Я всегда очень вежливо благодарил за его частые приглашения, но ссылаясь на неотложные дела. Глядя на меня, Анатан и лучшие из его товарищей поступали так же.

Мастер Кума не часто покидал свою башню. Он предпочитал приглашать компанию к себе, а не искать ее вне своей крепости. Но в прошлом месяце был сбор ученых в Ю-Лаке, и он, несомненно, был вызван Императором.

Когда он приезжал занять свое место среди пэров, я об этом знал. Как Командующий аэропортом Ю-Лака, я получал предупреждение о его приезде, чтобы я мог приготовить стоянку для его личного самолета среди прогулочных и походных машин Императорской семьи. Его внезапное, можно сказать, необъявленное прибытие должно было встревожить всех.

Я застегнул чешуйчатую броню, служившую больше для церемониала, чем для защиты, защелкнул замок перевязи для меча. Взяв из рук Анатана свой военный серебряный плащ, я вышел из квартиры.

Лестница от моей личной резиденции к служебным кабинетам шла изящной крутой спиралью над центром конической башни. Стены ее были украшены фресками со стилизованными сценами войны и охоты — занятий, всегда соединявшихся воедино в умах моей расы. То тут, то там в гладкую отделку окрашенной поверхности были вделаны обзорные зеркала, так что идущий мог за минуту войти в контакт с любой частью громадного военного депо, сердцем которого была коническая башня.

Мне интересно было проверить деятельность моих младших офицеров, пока я шел. Я мельком увидел один из почти устаревших верховых отрядов, возвращавшийся с утренних маневров. Люди легко и непринужденно сидели на своих маленьких чешуйчатых животных. Животные стремились в конюшни и тяжело волочили свои бронированные хвосты по пыли учебного плаца. Таких отрядов осталось только два, и у них были четкие обязанности: быть стражами Императора, когда он желал путешествовать по стране.

Торговцы первыми поняли преимущества воздушного транспорта для переезда через пустыни, горные страны и в переполненных островах морях. Военные быстро последо-

вали их примеру. Пехота и отряды наездников были расформированы. Воздушные Силы расширили и укрепили свое положение за одно десятилетие. Военно-морской флот исчез из гаваней Кранда, исключая горстки судов, гнивших, как и раньше, на якорях; может быть, они удостоятся титула, который гордо носило когда-то полмиллиона военных кораблей.

Я нет-нет да и трогал свой меч, пока шел. Люди давно уже не пользовались металлом для разрешения проблем страстей или ненависти; мое оружие было всего лишь приятной игрушкой, символом моего звания. На войне использовались более хитрые вещи: сжигающая или заволаживающая жидкость, смерть, свертывающая воздух вокруг жертвы, и всякое такое. А в различных лабораториях разрабатывались небывалые ужасы для человечества в целом. Выскочила вспышка — и конец.

Тут еще этот сбор Ученых... Ни в одном диком племени не было мятежа; пять великих наций много лет живут в мире. Однако я волновался, и моя рука невольно касалась меча для большей уверенности, хотя говорят, что против страха нет лекарства.

Посланный из дворца изящный молодой офицер из Императорской гвардии ждал моего появления.

— Трон желает присутствия досточтимого Лорда Гарана, — официально проговорил он. — Он будет иметь честь присутствовать в зале Девяти Принцев в третьем часу.

— Слышать — значит повиноваться как этому, так и всему другому, — пробормотал я стандартный ответ, который полагалось давать королевскому посольному.

Он преклонил колено и коснулся пола передо мной в знак приветствия.

В третьем часу? Тогда у меня еще есть время перекусить. Взяв под руку Анатана, я пошел в столовую, которой пользовались жившие в башне. Мы сели за полированный стол у стены. Анатан дважды нажал крохотную кнопку на конце стола. В стене опустилась панель, оттуда выскользнули чаши с едой. Пища была очень вкусная и чрезвычайно питательная. Цвет и вкус ее был создан искусственно, и никогда нельзя было сказать, каково происхождение того или иного блюда. Этот обычай, введенный жителями сверхцивилизованного города, мне никогда не нравился, я хотел бы менее обработанной еды, более сочной, какую подавали в пограничных лагерях или в маленьких деревенских гостиницах.

Горожане, пресыщенные всем, что могла предложить им утонченная жизнь, разучились радоваться жизни. На их душистые «дворцы удовольствий» крепкий деревенский люд смотрел с праведным ужасом. И если то небольшое, что мы слышали, было обосновано, тайная полиция должна была бы проявить больше интереса к некоторым из этих прекрасных, почти сказочных замков.

Как бы читая мои мысли, Анатан прервал молчание:

— В квартале Сотан появился новый «дворец».

— Значит, — снисходительно заметил я, — тебе повезло там прошлой ночью?

Он покачал головой с притворной печалью.

— Он не для таких, как я. Я шел мимо и видел, как туда вошел Канддон из Стала, а у двери стояла охрана Лорда Пэлкуна.

— Видимо, крупная игра?

Я удивился, услышав имена двух самых богатых и влиятельных людей из низшего ранга ученых, имевших резиденцию в Ю-Лаке.

— И это, и кое-что еще, — усмехнулся Анатан знакомой усмешкой, которая так не шла к его мальчишескому лицу. — Если Лорд Гаран посетит этот мир, не понадобится ли ему компаньон?

— Щенок! Когда это я бессмысленно тратил время за занавесками дворцов удовольствий? Но я обещаю, — добавил я легкомысленно, не умея читать в будущем, — когда я войду во дворец в Сотане, ты будешь рядом со мной.

— Договорились! Ты обещал, Лорд! — радостно подхватил он. Затем мы расстались, потому что я влез в одномоторный флайер и полетел через город.

Я приземлился за хрустальными стенами Императорского дворца.

Глава 2

Мастер Кума

Было раннее утро. Воздушные линии над городом не были переполнены развлекательными и деловыми самолетами, которые парили бы, ныряли вниз и поднимались вверх целыми часами. Кроме одного или двух патрульных, никто не пересек мне путь.

Я послал свой флайер на тот участок стоянки, что наклонялся к шпилю цитадели, но случилось так, что черный двухместный флайер, чьи плавные линии указывали на скорость и легкость в управлении, грубо пролетел перед самым носом моего аппарата, пошел вниз и приземлился плоским брюхом как раз на то место, которое я наметил для себя.

Я приготовил бурную речь для бессовестного мальчишки, который своевольно узурпировал облюбованное мною место, и посадил свой крошечный флайер рядом со сверкающим черным скоростным. Но, выйдя из машины, я увидел отнюдь не отпрыска какого-нибудь придворного.

С пренебрежительной улыбкой, содержащей, по-моему, более чем подозрительную насмешку, скривившую тонкие губы, у трапа стоял Мастер Кума. На его надменно поднятой голове не было ни церемониальной короны, ни шлема, и утренний ветер трепал его черные кудрявые волосы и рвал тяжелые складки длинного оранжевого плаща.

Рядом с ним стоял его пилот, хмурый парень Джеплен из Тока, с давних пор слышавший драчуном. Он, по крайней мере, не претендовал на мою дружбу, а хмурился так воинственно, что его брови сошлись, как колючий кустарник.

— Наш достопочтимый Лорд Гаран, — промурлыкал Кипта. — Нельзя ли нам поздравить победителя Тарнана с подвигом? Джеплен исходил завистью, когда до нашего захолустья дошли известия о ваших успехах. Я даже удивился, что он сумел прийти в себя. Полностью или нет, Джеплен? — съязвил он по адресу грубого офицера.

— О, да, — проворчал тот, стараясь прочесть по лицу Кипты, каково его истинное мнение обо мне и моих действиях.

Моя военная тренировка не могла мне помочь в словесных и мысленных изгибах короткой речи, когда хвалят человека в глаза, в то же время презирая его. Я склонен был говорить прямо то, что думаю, и не старался казаться более вежливым, чем это было необходимо.

— Вы оказываете мне чересчур большую честь, Милорд, — ответил я насколько мог вежливо. — Слово похвалы от Мастера Кума зря не бросается.

Его опущенные веки слегка приподнялись, улыбка стала более явственной.

— В наше время воспитанные военные в конце концов становятся придворными, Лорд Гаран, — заметил он уже с прямой и нескрываемой насмешкой.

Человек моей касты и ранга не досчитался бы зубов; положение Кипты защищало его от проявления моего негодования, и он отлично это знал, но никогда еще не был так открыто враждебен. Я подумал — и кровь моя ускорила свой бег — не открыл ли он какой-нибудь след моей деятельности и недоверия к нему. Его маска доброго друга слетела, и я увидел подлинное лицо человека, который пользовался этой маской в своих целях.

Итак, хоть мои мышцы и напряглись, я обуздал свой гнев; но когда-нибудь, если Оун позволит, я встречу с этим насмешливым дьяволом, как мужчина с женщиной.

Я постарался ответить как можно холоднее, но формально вежливо:

— Я приношу Мастеру Кума свою благодарность.

Он плотнее запахнул плащ на широких плечах и круто повернулся к Джеплону. Я подождал минутку, чтобы пропустить его вперед, и пошел за ними по спуску.

Пока я стоял, меня заинтересовали плавные линии кумского флайера. Самолеты были моей жизнью, и новые очертания меня всегда привлекали. Я не осмелился подойти ближе, но понял, что его форма, в особенности внешний вид моторного отсека, предполагает какое-то совершенно новое развитие, не имеющее ничего общего с нашей самой современной продукцией. По-видимому, ученым темного северного острова удалось продвинуться в некоторых новых формах, и в результате появилась машина меньше и компактнее, чем я когда-либо видел.

Я неохотно подался назад, зная, что Кипта заподозрит что-нибудь, если я чересчур задержусь здесь. Но, спускаясь по откосу, я решил открыть секрет его флайера, прежде чем он улетит обратно.

Откос закончился единственной широкой ступенькой, и я вышел на зеленую и янтарную мостовую, которая вела в зал Девяти Принцев. Высокие полированные колонны поддерживали потолок в крытом проходе, но с боков проход был открыт ароматным ветрам.

Налево от меня четыре ступени из тусклого зеленого камня вели в первый из удивительных садов, который делал внутреннюю часть цитадели местом чудес и наслаждений.

Направо ступеньки, ведущие вниз, были круче и вели на бронзовую площадку, где полдюжины ярко раскрашенных лодок плавали в желтой, усыпанной лепестками воде одного

из пяти каналов. Так как было еще рано, никто, кроме одинокого стража, не шел по проходу. Ни одна дама, несмотря на мои смелые надежды, не гуляла по дорожкам сада, не плыла по лепесткам канала. Там царило полное спокойствие.

Когда я пришел, зал Девяти Принцев оказался занятым. В одной из меньших совещательных и приемных комнат дворца стоял массивный стол, вырубленный из ствола обычного дерева и обработанный знаменитыми углеродными процессами в Императорских лабораториях, так что он достиг прочности и твердости скал Имурского моря. В центре у стола, поставленного так, чтобы сидящие за ним видели единственный вход в комнату, стояло кресло той же выработки, а по обеим сторонам кресла — низкие скамьи.

Благодаря моему положению, я хорошо знал Императора и членов его всемогущего Совета. Последние по большей части были справедливые, но строгие люди, требовавшие от своих подчиненных стойкой и полностью преданной государству честности. Убедившись в моей честности, они даровали мне почти полную свободу в моем ведомстве, требуя только полумесячных рапортов. В прошлом, с тех пор как я получил высокое звание, наши отношения были достаточно дружескими, хотя никогда не становились теплее, чем допускала строгая формальность двора.

Но сейчас их отношение ко мне изменилось. Долгие годы почти постоянной войны и солдатчины дали мне шестое чувство, появляющееся у тех, кто ходит по краю опасности. И теперь я постоянно чувствовал напряжение и некоторую холодность, как только оказывался в их кругу.

То ли я олицетворял какую-то личную опасность, то ли какой-то неизвестный мне случай встревожил их — я не знал, но то же ощущение, что тянуло мою руку к мечу сегодня утром, когда я торопился встретиться с посланцем Императора, сейчас снова дернуло мои пальцы к оружию на бедре. Я почувствовал, как свело кожу на моих плечах. Здесь пахло тревогой.

— Маршал Флота приветствует Лорда Авиации, Правителя Пяти Морей, Любимейшего... — начал я официальное приветствие.

— Достаточно, — сухо оборвал меня голос Императора. — Садись, Лорд Гаран — вон там!

Он указал на табурет шагах в шести справа от меня. Я

повиновался, но во рту у меня пересохло. Да, опасность есть — для меня!

— Ты содержишь тайную службу информации?

— Да, Великий. Это часть моих обязанностей.

— А это тоже часть твоих обязанностей? — Император передал человеку, сидевшему сбоку, две металлические пластинки. Тот встал, обогнул стол и остановился передо мной, чтобы я мог увидеть то, что он держал.

На мягкой поверхности металла был вырезан чертеж и совершенно незнакомая мне формула. Я ошеломленно поднял глаза на холодную маску лица Императора.

— Я никогда не видел этого, Сир, я не понимаю, что это означает.

— А они были найдены в секретных документах твоей разведывательной службы.

Я взглянул ему прямо в лицо.

— Я повторяю, Великий, что никогда не видел этого.

Малкус из Трота, тощий — кожа да кости — человек, начисто лишенный каких-либо добрых чувств, захихикал, прикрыв рот волосатой рукой. Эта злая пародия на человека с его клекотавшим в горле смехом, разозлила меня. Малкус, бесспорно, этого и добивался.

— Значит, Маршал Авиации стоит перед судом за совершенное им преступление, Великий? Прошу вас, Милорды, быть чуточку откровенней с вашим слугой.

Император нахмурился:

— На этот твой отдел и на тебя жаловались люди Кума ...

Кум! Одно это слово подняло во мне волну ненависти. Кум! Значит, я был прав, подозревая какой-то дьявольский замысел в неожиданном появлении Кипты.

— Шпионили за личными делами Мастера...

Тут моя совесть действительно была нечиста: я искал ключ к черным загадкам Кипты. В этом я был виновен.

— А теперь, как и сказал Лорд Кипта, в твоих документах было найдено это, — жестко скривил рот Император.

— Сир и Милорды! Я могу повторить только то, что уже говорил: я никогда не видел того, что вы мне сейчас показали. Если они действительно найдены в моих ящиках, я не знаю, как они туда попали. Но обещаю вам, — закончил я дрожащими губами, — что я дознаюсь до сути этого странного дела.

Малкус снова захихикал, и этот взрыв неприличного веселья был слышен по всему залу.

— Оскорбленная добродетель! — со смехом произнес он. Я быстро обернулся к нему.

— Вы насмехаетесь надо мной, Милорд?

Он пожал плечами и не ответил. Я встал, спокойно отстегнул перевязь с мечом и снял ее.

— Великий, по-видимому, я более не достоин вашего доверия, и я возвращаю вам этот символ моего звания. Я был простым солдатом и буду им снова. Я мало что знаю о государственной политике, но мне ясно, что стране зачем-то нужен козел отпущения. Если мое личное разжалование пойдет на пользу Ю-Лаку, я готов. Но я знаю, что был честным и преданным во всем.

— Не так уж много людей в Ю-Лаке могут сказать так, Милорды, — быстро и отчетливо произнес кто-то.

Я обернулся.

В проходе стоял человек моих лет, судя по одежде — ученый. Но даже среди Великих я знал только троих с такой могучей духовной силой: такими были леди Трэла, Император и ... Кипта. Но у куминца была чуждая воля, не такая, как у других. Я не знал, кто был этот новоприбывший, но где-то глубоко во мне таилось несокрушимое убеждение в том, что это — вождь людей.

— Приветствую тебя, Трэн, — сказал Император, вставая.

— Мир и тебе, Сир. Мир всем вам, Лорды, — он легко пересек комнату и остановился передо мной. — Что я вижу? Почему благородный капитан снял свой меч? Может ли хоть один человек в чем-нибудь упрекнуть Гарана из Ю-Лака?

Я горько сказал:

— Я только что просил ответить мне на этот последний вопрос, Милорд.

Наши глаза встретились, и я почувствовал, что в меня проникает какое-то тепло.

— Я наблюдал за тобой, Лорд Гаран, и открыто скажу перед этим собранием, что в пределах наших границ нет ни одного человека, которому я мог бы так доверять, как тебе. Это говорю я, Трэн из Гурла!

Император улыбнулся.

— Возьми свой меч, Лорд. Раз доказательств преступления нет, значит, нет и обвинений против человека. Однако тебе стоило бы добраться до сути этого дела, хотя бы для

собственного удовлетворения. Слово, сказанное мудрецом, стоит больше, чем свист ветра.

Совершенно ошеломленный этим неожиданным оборотом, я снова опоясался мечом и преклонил колено перед Императором.

— Могу ли я уйти, Великий?

Император кивнул. Я повернулся и пошел, чувствуя на своей спине взгляд Трэна. Разыгрывалась какая-то игра, ставки или цели которой я не мог угадать, но у меня была тут роль — в этом сомневаться не приходилось.

Помаю голову над странной встречей в зале и прощальными словами Императора, я повернул к садам, вместо того, чтобы отправиться напрямик на стоянку к своему флайеру.

Мне было недвусмысленно приказано возвратиться домой и выявить особу, ответственную за появление куминских документов в моих делах. Мне полагалось немедленно пустить в ход свою секретную машину наблюдения и следствия.

Однако я целиком погрузился в размышления о том, что кто-то пытался дискредитировать меня перед Советом, хотел лишить меня звания. Это означало только одно: я для кого-то опасен. Министры Авиации с их все возрастающей властью или Кипта из Кума, при одном упоминании о котором у меня сжимался каждый нерв — кто из них сейчас против меня? Я достаточно рылся в их секретах, стараясь обнаружить нечто таинственное, что — я был уверен — там есть.

Где-то в Кранде был центр, ответственный за каждую пограничную стычку, за городские смуты, даже за несчастные авиационные катастрофы — в этом я был совершенно убежден. Но где доказательства? Одни лишь смутные ощущения.

Я задумался еще над одной любопытной деталью, почему Трэн из Гурла, которого я до сих пор и в глаза не видел, вдруг появился как раз в тот момент, когда его слова смогли мне помочь? Я полагал, что знаком со всеми Лордами из Ученых, но его я не знал. А человек с таким могучим личным магнетизмом и властью должен быть хорошо известен. Гурл был скалистым островом далеко на севере; там не было сколько-нибудь значительных городов, а его жители в основном были рыбаками. Кто был Трэн из Гурла?

Размышляя обо всем этом, я забрел в сады глубже, чем

предполагал, и вдруг оказался на широкой лужайке с густой желтой травой, где собралась группа девушек, играющих с двумя маленькими существами — Анами. Я собрался ретироваться, но одна из девушек обратилась ко мне:

— Милорд, помогите нашему горю: Ана удрала в кусты и не хочет выходить, потому что эти две злючки дергали ее за шерсть, так что она даже кричала. Не спасете ли вы бедняжку?

Это была Аналия, младшая сестра Анатана, из благородной военной семьи. Выполняя ее просьбу, я снял мешающий мне плащ и шлем и подбадриваемый криками леди полез в кустарник.

Ана сама подошла ко мне, и я вылез со взъерошенными волосами и двумя длинными кровавыми царапинами от кустарника на руках. Аналия громко поблагодарила меня и заставила пойти на соседнюю полянку к источнику, где позаботятся о моих незначительных повреждениях.

В их бесхитростной компании я забыл о своих постоянных тревогах. Я в сущности никогда не был молодым и беспечным юношей. В день своего пятнадцатилетия я взял на себя работу и заботы мужчины, и с тех пор никогда не ослаблял бдительности против мира, в котором, как я знал по опыту, было нелегко существовать. Но теперь, в эти короткие полчаса в компании придворных девушек, я вдруг получил обратно небольшую часть неопытной юности.

Все это очень скоро кончилось, но я ничуть не огорчился, потому что из-за тонких ветвей папоротниковых деревьев вышла та, которую я хорошо знал.

Нам улыбалась Трэла.

Ее блестящие черные волосы казались мне сеткой, в которой запуталось мое сердце. Я увидел чудо и в оцепенении застыл перед ним. Я стоял и смотрел на ее лицо, а ее леди с радостным визгом собрались вокруг нее.

Глава 3

Дворец удовольствий в Сотане

— Привет тебе, Лорд Гаран.

Она улыбалась, глядя мне в лицо.

— Привет и тебе, цветок Ю-Лака.

Я приложил к губам и ко лбу протянутую мне руку.

— Ты пренебрегаешь нами, Милорд. Неужели работа в твоём департаменте так тяжела, что ты не можешь часок другой провести с нами?

Я стоял, разинув рот, и не мог собраться с мыслями, чтобы быстро ответить на милую насмешку.

— Я всегда в твоём распоряжении, Королевская Леди, — запинаясь, пробормотал я.

— Тогда повинуйся сейчас, — быстро сказала она. — Поможешь мне в Голубом бассейне, девочки, побудьте здесь.

Оставив своих девушек, она повела меня с собой, но вместо того, чтобы идти по тропинке к Голубому бассейну, она вошла в крошечный каменный сад и села там на скамью.

— Садись, Гаран; я многое должна сказать тебе, а времени у меня мало. Во-первых, дай посмотреть на тебя. Сколько времени прошло? Три года, не так ли? Я могла бы даже сказать, сколько дней и часов прошло. Ах, почему ты не родился... Но достаточно: ты сам создал себе положение, Гаран.

— Только потому... — начал я, но ее нежный палец прижался к моим губам, преградив путь потоку слов.

— Не об этом речь, Гаран! Нам надо поговорить о другом. Ты, кажется, рылся в опасных омутах знания, задавая неудобные вопросы неподходящим людям. И что ты узнал?

Я пожал плечами.

— Немногое. Каждая тропа приводит в конце концов к черному барьеру.

Она кивнула.

— О, они очень умны и ловки. Но для начала ты кое-что сделал. И потому — будь бдительным, оглядывайся назад по ночам, Гаран. Ты идешь по прогнившему мосту и не думаешь о том, что он может рухнуть в бездну вместе с тобой. Но с этого часа ты больше не будешь сражаться в одиночку, воин. Ты знаешь Трэна из Гурла?

— Я впервые увидел его час назад.

— Трэн, как и ты, прикладывает ухо к земле и слышит то, что не предназначается ему. Его путь тайного расследования дважды скрещивался с твоим, и тогда он понял, что не он один не доверяет будущему. Не все мы, Гаран, бездельники или дети, играющие на солнышке. Некоторые из нас готовятся к шторму...

— Значит, у тебя есть определенная идея насчет этого шторма? — прервал я.

— Нет еще. Неделею назад открылся новый дворец удовольствий в квартале Сотан.

Я нахмурился, не понимая такой быстрой смены разговора.

— Да, мой помощник говорил мне.

— Было бы неплохо, если бы ты посетил его, Гаран.

— Но... — торопливо запротестовал я.

— О, всем известно, что ты не ходишь в подобные места, но позволь мне уговорить тебя побывать там сегодня ночью. Большого я не могу сказать. Будь осторожен, Гаран. А теперь уходи, пока мои девушки не пришли за мной. Три года, Гаран...

Я слышал ее голос за своей спиной, но оглянуться не посмел.

Ошеломленный собственными спущенными с цепи эмоциями, я добрался до места, где стоял мой флайер. Черный самолет из Кума все еще был там, но я бросил на него лишь беглый взгляд. Мои мысли были далеки от самолета и от всего того, что не касалось ее двух слов: «Три года».

Я пришел в себя, когда мой самолет сел на площадку защитной башни, и мальчишеская фигура Анатана бросилась мне навстречу. Я вспомнил обещание, которое так небрежно дал ему сегодня утром: невозможное сбывается.

— Приехал Закат из Ру, Милорд. Он ждет в офицерской комнате, — быстро заговорил он, как только я вышел из машины.

— Немедленно отведи его в мои личные комнаты, — приказал я.

Ру был самой северной колонией Ю-Лака. Три месяца в году его продуваемые ветром равнины бывали полностью необитаемыми. Но скрытые в их промерзших горах богатства привлекали нас, и мы крепко держали Ру в кулаке. Линия укрепленных постов, крошечные оазисы цивилизации — таковы были границы этой утрюмой страны.

Закат был офицером старой школы. Он правил людьми и страной тяжелой, но всегда справедливой рукой. Я доверял ему как никому другому из своих подчиненных. Он появлялся в Ю-Лаке только в случаях достаточно серьезных, поэтому я вошел в свою квартиру с ощущением холодка в спине.

— Да здравствует Лорд! — дородная фигура вытянулась в официальном приветствии.

— Входи, Закат. Рад снова пожать твою руку. Какими судьбами ты здесь?

— Дурными, Гаран. — Он оглядел меня прищуренными глазами и удовлетворенно прибавил: — Все в порядке. Ты еще не стал надменным городским жителем. Нет ни жира, ни дрожащих рук, ни мрачности в глазах; ты не изменился, ты все тот же парень, что ходил со мной в Улал в давние времена.

— Я не изменился. Вижу, и ты тоже. Дай мне открытое сражение, и я буду рад...

— Открытое сражение! — Он скривился. — Этого я не могу тебе предложить. Может ли человек бороться с призраками и победить?

Странно было слышать от этого северного капитана мои собственные мысли.

— Что случилось в Ру?

— Ничего такого, на что я мог бы наложить руку, иначе я покончил бы с этим, можешь быть уверен, — многозначительно сказал он. — Это всего лишь растущее беспокойство, шепоток, источник которого я не могу найти, необоснованные слухи, тихие разговоры. Откровенно говоря, Гаран, я сейчас одинок в Ру.

— Тебе нужна помощь? — предположил я.

Он покачал головой.

— Ты должен знать меня лучше. Когда это было, чтобы я с визгом бежал к хозяевам? Нет, дело не в помощи, но одна голова хорошо, а две лучше, чтобы подумать об этой проблеме. Я хочу откровенно поговорить с единственным человеком в Империи, которому я полностью доверяю. В Ру спокойно, и я не могу проследить, в чем дело. И в первый раз я нуждаюсь в поддержке...

— Не ты один страдаешь, — резко сказал я.

— Что ты имеешь в виду?

— Кроме тебя еще Анатан из Хола и еще один человек, — я подумал о Трэле, — и я тоже сейчас одинок. Сегодня утром Император проверял мою лояльность.

— Что?! — Закат вскочил и уставился на меня в страшном изумлении.

— Это правда. Как и у тебя, все началось с того, что я попытался обнаружить источник всей этой массы интриг, которые растут и увеличиваются по всему Кранду. И я тоже сражался с призраками, Закат.

— Так. — Он снова уселся. — Что же теперь делать? Ну, парень, похоже, мы снова в Улале, только драться нам надо не кулаками, а умом. Давай поговорим и выясним, что случилось с тех пор, как мы вместе сражались.

— Расскажи о Ру, — потребовал я.

Он нахмурился.

— Трудно выразить в словах то ощущение, которое охватывает меня, когда я обхожу посты. Внешне все в порядке; в этом смысле никакого беспокойства. С варварами мы в мире, на рудниках никаких нарушений. Однако, у меня ощущение, будто я иду по мосту, подпорки которого сгнили. Навязывается мысль, что сердцевина этого проклятого дела лежит под самым моим носом, и я мог бы увидеть ее, будь я чуточку поумнее. Это дело задумано дьяволом.

В прошлом месяце добыча в Сапитских рудниках была на десять процентов ниже обычного. Инженеры выложили мне кучу оправданий, а у меня не хватает знаний, чтобы проверить. За последние три месяца несколько сот самоубийств. Новобранцы никудышные — и умственно, и морально, и физически. Близ Главного Форта убиты три скотовода, и непонятно, каким образом они попали так далеко вглубь страны, и их никто не видел. В небе появился неестественный свет, и дважды была подожжена таинственным образом легковоспламеняющаяся руда. У горцев появилась новая тайная религия. Всё по отдельности вроде бы и пустяки, однако собранное вместе заставляет человека крепко задуматься.

— Кого ты подозреваешь?

Он пожал плечами и уклончиво ответил:

— Через горы проезжал человек из Кума.

— Кум! Везде Кум! — Я ударил кулаком по подлокотнику кресла.

— Да, везде Кум, — тяжело отозвался Закат. — Ну, а какие призраки преследуют тебя?

— Хлебные бунты в провинции Кэт из-за необъяснимого неурожая. Дождей там хватало, почва — самая плодородная в Империи, но, как ни странно, ничего не уродилось. Ученые не смогли объяснить этого, по крайней мере, мне. Затем появился новый культ Блуждающей Звезды или чего-то вроде этого. Я подверг наказанию четверых своих людей за организацию митингов с подстрекательством к мятежу. Кто-то принес в казармы контрабандные бутылки портукала. Одно-

го человека я приказал повесить за распространение практически вдыхания дыма листьев райта. Ты знаешь, что это такое?

Он кивнул, и я продолжал:

— Как и ты, я почувствовал интерес к Куму, и не раз за последние три месяца пускал в ход кое-какой механизм.

— И каков результат? — с воодушевлением спросил он.

— В сущности, никакого. Однако, я не думаю, что люди, которых я посылал, были абсолютными дураками.

— Изменники? — предположил он.

— Возможно. Но что я могу сделать? Час тому назад меня предупредили, чтобы я остерегался. Затем это дело о появлении секретных кумских документов в моих бумагах. Император приказал мне пайти того, кто их туда подложил, либо отвечать самому за это дело.

Я рассказал Закату все, что произошло со мной на суде, и в заключение спросил:

— Что ты знаешь об этом Трэне?

— Ничего, — ответил он. — Гурл — место незначительное; пропахшие рыбой голые скалы над морем, вот и все. Я посетил дежурный гарнизон только один раз, вскоре после своего назначения. Во всяком случае ученых там нет. Но Лорд Гурла с какой-то целью интересовался нашими делами. Я запомнил его. Ну, так что же делает здесь Кипта? Раньше он не слишком жаловал общество членов своей касты.

— Когда ты возвращаешься в Ру? — вместо ответа спросил я.

— Завтра утром, — ответил он с некоторым удивлением. — Почему ты спрашиваешь?

Я улыбнулся.

— Тогда сегодня ночью ты будешь традиционным солдатом-отпускником.

— Что ты хочешь сказать?

— Мы с тобой пойдем в новый дворец удовольствий в квартале Сотан.

Он взглянул на меня почти с отвращением.

— Никак не думал, что Гаран из Флота ходит по дворцам увеселений, — начал он, но я перебил его:

— Мы пойдем с поручением. У меня есть основания предполагать, что проницательный человек может там обнаружить кое-какие интересные факты. Ты должен был бы знать меня лучше, Закат, и не ударяться в подозрения.

Хмурые морщины на его лбу разгладились.

— Три года абсолютной власти и изнеженной жизни часто изменяют человека к худшему, парень. Но я не хотел бы думать, что этот мир наложил на тебя печать.

— Значит, ты пойдешь?

— С радостью. В конце концов, — добавил он со смехом, — почему бы и не побывать во дворце удовольствий за чужой счет?

— Ладно, значит, договорились. А теперь что ты скажешь насчет того, чтобы провести со мной утренний смотр?

— Давай! Это мне более знакомо, чем всякие там дворцы увеселений в вашем тепличном городе.

Итак, я пошел в свой ежедневный обход с Анатаном и Закатом. Похоже, что в моем мозгу, обостренном утренним делом, появилось достаточно подозрений в слабости моих людей. Частичные отклонения в выполнении точных приказов, следы расхлябанности, несмотря на мои выговоры, начало разложения в первоклассных ранее отрядах, удивительная беспечность у самых молодых — все это я видел и убедился, что ничего нельзя сделать, что я и другие, подобные мне, стоят перед растущим призраком какой-то неизвестной опасности.

Я понял, что Закат также видел, что лежит перед нами, и что он тоже тщательно проверял и взвешивал впечатления от утренней проверки. Мы пообедали в столовой, но почти не разговаривали до тех пор, пока не вернулись в мою квартиру.

— Ну?

Он покачал головой.

— Как может человек подчинить себе призраки? Я видел здесь то же самое, что и в Ру. И что я могу посоветовать тебе, если сам не умею навести порядок в собственном доме? Но клянусь Меченосной Рукой Самого Оуна, парень, что пойду с тобой до конца, что бы ни случилось. А теперь давай пойдем в этот ваш дворец, раз ты решил.

Мы пошли в мою гардеробную и переоделись в богатую, но не бросающуюся в глаза повседневную форму, потому что мне хотелось, чтобы нас не узнали, если это возможно. Анатана также предупредили, и, пока я закладывал в пояс тяжелый мешочек с монетами, он уже выскочил за дверь, тяжело дыша от возбуждения.

— Запомни, — сказал я ему, — что мы должны по возможности остаться неузнаваемыми, и ночь у нас для работы. Не

вздумаю отстать от нас и, самое главное, держи язык за зубами.

— Слышать — значит повиноваться, Лорд.

Я напоследок оглянулся вокруг; какое-то внутреннее чувство подсказывало мне, что я очень не скоро вернусь сюда.

— Пошли!

На стоянке нас ждал флайер без каких-либо опознавательных знаков. Анатан взял управление на себя, и мы по спирали поднялись над военным кварталом. Мы с моим помощником договорились приземлиться на общественной стоянке поблизости от дворца, поскольку специальной стоянкой на его крыше пользовались только хорошо известные люди и постоянные посетители.

Закат протестовал, но мое желание секретности одержало верх. Очень скоро под нами заблестели фиолетовые огни общественной стоянки, и Анатан посадил флайер. Служащий вперевалку подошел к нам и получил плату, которую Анатан приготовил заранее. Закат и я выскочили из машины, низко надвинув шлемы так, чтобы их клювоподобные козырьки затенили наши лица.

Анатан сунул в карман квитанцию, и мы пошли к скату, спускавшемуся ниже уровня улицы. Никем не замеченные, мы замешались в толпу. Ю-Лак всего прекраснее с наступлением ночи. Ритм его жизни становится громким и полным; иллюзия беззаботного веселья покрывает праздное времяпровождение горожан.

— Направо, — сказал Анатан.

Я буквально задохнулся, когда впервые увидел объект нашего изучения. Деньги, видимо, лились рекой при постройке той сказки, что стояла теперь перед нами. Стены с вырезанными на них животными и цветами были сделаны из кремового хрусталя, чуть розоватого наверху и густо-шафранового у основания.

Широкий портал был открыт в согласии с правилами, только слабо мерцающая портьера скрывала внутреннее помещение от глаз случайных прохожих. На двенадцати розовых ступенях сидели телохранители и слуги в ливреях, по крайней мере, шести самых богатых лордов Ю-Лака. Все касты, кроме военной, были представлены здесь.

Изящная темнокожая девушка-рабыня с вызывающими раскосыми глазами Терианки стояла у портьеры. Она лукаво вскинула на меня глаза и с усмешкой сказала:

— Вы решили сегодня почтить нас своим посещением, Лорд Гаран?

Пропала моя надежда на секретность!

— Да, Лунный Цветок. Разве скромному солдату Флота запрещено принять участие в ваших радостях?

— Ничуть! — странно рассмеялась она и, вытащив из-за пояса похожий на флейту свисток, привезенный с ее пустынной родины, извлекла из него низкую, мелодичную ноту.

Тонкая белая рука показалась из-за портьеры и поманила нас внутрь. Терианка улыбнулась:

— Гид ждет вас, Лорд. Входите.

И я со своими двумя спутниками прошел за портьеру.

Глава 4

Айла и Лания

Квадратный холл, в котором мы оказались, освещался мягким желтым светом одной из новых солнечных ламп. Напротив нас был широкий проход под аркой, задернутый пурпурной с зеленым металлическим отливом занавесью. Возле нее стояла ожидающая нас проводница — девушка с покрытых льдом берегов Северного Ахола. Ее стройная фигура была затянута в янтарный шелк, широкие полосы из мягкой меди охватывали ее грудь и талию. Хитро причесанные густые золотисто-рыжие волосы скрывали почти все лицо, оставляя лишь узкий белый клинышек.

При нашем появлении она опустила на колени и коснулась ладонями пола.

— Не соблаговолят ли благородные Лорды следовать за мной?

Голос ее был тонкий и звонкий.

Закат дернул меня за руку.

— Похоже, она тоже получает удовольствие от нашего общества, парень. У меня такое ощущение, что я лезу в клетку сапта.

Я предупреждающе сжал его пальцы, но тоже почувствовал, что мой пульс участился. Иллюстрация Заката была весьма точной: всего три дня назад я был свидетелем, как усталого старого грифона ласково уговаривали спуститься по скату, ведущему к клетке гигантского сапта. И он охотно пошел навстречу своей смерти, доверяя провожавшим его людям.

Девушка отодвинула занавеску. Я без колебаний вошел.

Комната была похожа на золотую чашу, сделанную для какого-нибудь горного бога. Она была овальной формы и окружена двенадцатью арками, такими же, как и та, через которую мы вошли. Все они были задернуты разноцветными драпировками. Стены сходились вверх конусом, острие которого открывалось в звездное небо.

С того места, где мы стояли, пол опускался широкими ступенями, идущими вокруг всей комнаты. В центре этих сужающихся рядов было небольшое овальное отверстие, откуда медленно поднимались струи окрашенного душистого пара. На массивных ступенях груды лежали бесценные металлические ткани, флаконы, украшенные драгоценными камнями, стояли маленькие столики, заваленные лакомствами. Здесь в компании красоток сидело большинство тех, кто пришел до нас.

А красавицы тут были редкостные. Я никогда не видел, чтобы все расы, живущие под солнцем Кранда, были собраны вместе, и все поражали своей красотой. Темнокожая терианка у входной двери и белая ахолианка рядом с ними — обе были чудесными образчиками своих рас.

Я услышал тяжелое дыхание Анатана и смехок Заката.

— Приятно грабить такое место, — сухо сказал Закат. — Нетрудно понять, почему эти дворцы закрыты для офицеров-летчиков низшего ранга. Тут есть несколько моих рунцев...

— Ты только взгляни, — прервал Анатан, — на ту девушку в черном. Видел ли ты когда-нибудь такую?

Он указал на одну из пещерных жительниц Лапидиана. Ее волосы, выбеленные до белизны кости веками жизни без света, обвивали гордую голову тяжелыми кольцами. Она была вся в черном от горла до пят, но белые руки обнажены. Фигура ее поражала красотой, когда она медленно двигалась среди своих куда более нарядных подруг.

— Не хотите ли остаться здесь, Милорды? — мягко спросила ахолианка, когда мы вдоволь насмотрелись. — Или, может быть, пойдете во внутренние дворы?

— Пойдем во внутренние дворы, — быстро ответил я, прежде чем Анатан успел запротестовать.

Мы пошли по верхней ступени, на которую выходили занавешенные арки. Анатан потянул меня за плащ и шепнул:

— Попроси ее показать Хозяйку дворца. Так полагается при первом посещении.

Я был удивлен его познаниями и послушался. Ахолианка кивнула и немедленно отвела в сторону огненную с серебром портьеру. Мы прошли мимо многих чудес. Я запомнил комнату, стены которой были из прозрачного хрусталя, а за ними плавали чудовища из чужих морей, странные создания с фосфоресцировавшими или сверкавшими в тусклом свете, как драгоценные камни, телами. Были и другие комнаты, такие же странные и такие же жутко-прекрасные.

Наконец мы вошли в маленькую комнату с белыми стенами и полом, а купол был блестяще-черный с большими хрустальными звездами. В комнате стояло ярко-алое ложе, и на нем покоилась та, что правила всем этим сказочным лабиринтом.

Судя по одежде и грубо раскрашенному лицу, это была женщина Арита. По контрасту с девушками по ту сторону двери, она была отвратительно плоской и худой до истощения. Туго обтягивающее серебряное платье ясно выделяло все ее кости и впадины. Лицо было раскрашено, как принято на ее родине: глубоко посаженные глаза обведены большими пурпурными кругами, на губах оранжевые рубцы, все остальное густо набелено.

Только ее роскошные волосы по праву находились в этом дворце очарования: черные и очень длинные, они не были изуродованы шпильками и заколками, а падали свободно и лежали на полу, когда она сидела.

Однако я устался, вне себя от изумления, не на хозяйку дворца радостей, а на мужчину, который развалился у ее ног. Трэн из Гурла, держа нетвердыми руками чашу с вином, искося взглянул на меня и, пошатываясь, встал, опираясь на ложе.

— Новые друзья, Айла? Могу я жаловаться, что другие приходят в нашу компанию, или нет? Увы, твоя сладость не для меня одного. Но могу я хоть остаться или должен уйти?

Она покачала головой. Ее глаза, обращенные к нам, смотрели холодно и недружелюбно.

— Останься, милорд. А вас, Милорды-незнакомцы, я рада видеть в своем доме. Вам стоит только шепнуть Лании о своих желаниях, и перед вами окажется все, чего бы вы ни пожелали. — Она показала в сторону ахолианки и небрежно кивнула нам.

Трэн глумливо захохотал и качнулся ко мне.

— Эта сладость не по твоему носу, солдат. Иди баловаться в другие сады.

Что-то слабо щелкнуло о застежку моего плаща и упало в складки кушака. Разыгрывая смущенного простака, я быстро вышел со своими спутниками из комнаты, оставив Айлу и ее дружка одних, чего они и хотели.

Я дотронулся до плеча Анатана и шепнул ему:

— Отвлеки на минутку Ланию.

Он бросил на меня быстрый взгляд и пошел рядом с ахолианкой. Я полез в кушак и достал овальную серебряную бусину величиной с ноготь. Быстро осмотрев ее при свете коридорного светильника, я обнаружил проходящую по ее середине тонкую линию. Я уже встречался с таким способом передачи секретных посланий. Покрутив бусину в пальцах, я раскрыл ее. Там лежал скатанный кусочек шелка. Я развернул его и прочел:

«Через час в комнате Грифонов. Никому здесь не доверять».

Я молча протянул записку Закату. Он внимательно прочел и хищно усмехнулся:

— Похоже, мы идём по горячему следу, Гаран, теперь наше дело — разыгрывать гуляк. Твой парень, Анатан, поможет нам.

Я встревожился, увидев темную голову Анатана, прижатую к золотистой головке ахолианки, потому что они явно достигли взаимопонимания и увлеклись флиртом. Необходимо было предупредить мальчика, чтобы он не свалил дурака.

Я прибавил шаг и поравнялся с ними. С развязной манерой кабацкого забияки я оттеснил плечом Анатана и резко окликнул его спутницу:

— Эй, хозяйка, мы отдали долг вежливости вашей леди. Теперь повесели нас. Покажи нам чудеса.

Анатан готов был возмутиться моим необычным поведением, но я под прикрытием плаща сунул ему в руку записку Трэна. Толчок в спину сказал мне, что Анатан прочел и понял.

— Чего бы вы хотели, Милорды? — спросила Лания с нежной покорностью. — Вина? У нас самое лучшее. Крепкое белое с виноградников Ру, густое пурпурное из Хола, золотистое из Кума и множество других. Не позабавят ли вас танцовщицы? В одном из наших залов золотые девушки из забытых храмов Кора следуют мистическим лабиринтам древних богов. Во всем Ю-Лаке вы не увидите ничего подобного. А может быть, вам нужны подруги на вечер? Девушки из пустынь Териата, закаленные ветрами своей родины,

лапидианки с серебряными волосами и страстными губами, женщины Аркта, знающие все сладостные городские пороки? У нас здесь все нации, все характеры.

— Храмовые танцовщицы, — быстро решил Закат, и я одобрил его выбор, потому что Лания оставит нас втроем, и это, по всей вероятности, избавит нас от дальнейших затруднений.

Она молча повернула в поперечный коридор, который скоро начал понижаться. Тут я впервые заметил тень тревоги на лице Заката. Анатан был явно мрачен и плелся позади, как бы сомневаясь в удаче нашего предприятия. Сначала я подумал, что у него были основания не доверять нашему поспешному выбору вечернего развлечения. Зал граничил с тропическими джунглями страны Кора, и Анатан представлял себе, что может находиться у подножия этого зловещего ската.

Хотя Кранд веками исповедовал религию Оуна, у таких примитивных наций, как Кор и Ру, все еще существовали храмы древних богов, чьим темным именам когда-то поклонялся наш народ, пока не выполз из звериных логовищ. Я мало что знал об этих забытых и теперь тайных обрядах; в сущности, приверженцев их было всего несколько человек, и они были последним оплотом древней религии.

Тонкий звук трубы, такой высокий, что человеческое ухо его с трудом воспринимало, разорвал тишину. Вместе с ним пришло низкое биение, как будто воздух, мертвый и отяжелевший от груза неисчислимых лет, пульсировал в каком-то нечеловеческом ритме.

Закат неожиданно покачнулся и сменил шаг.

— Это гипнотизирующий ритм, — шепнул он. — Не поддавайтесь ему.

Анатан тоже все время менял шаг — то широко шагал, то волочил ноги, замедляя шаг. Я начал неуклюже подражать им. Склон, казалось, бежал вглубь самого Кранда. В гладких полированных стенах не было ни одного прохода. Плавающие светильники, размещенные на потолке с правильными интервалами, постепенно меняли свой цвет от жаркого золотого до ледящего голубого, а затем до какого-то мистически серого. И по-прежнему чуждый визг трубы и глубокая пульсация отбивали такт для наших шагов, и мы то прыгали, то тащились, чтобы избавиться от наваждения. Только Лания равнодушно шла вперед, не оглядываясь на нас.

Наконец мы пришли в комнату вроде прихожей с тускло-

серыми стенами и потолком. Лания издала громкий жалобный крик, и часть стены ушла внутрь. За ней была тьма.

— Мы должны принимать предосторожности, — сказала Лания, кивнув на тайную дверь. — Некоторые из наших чудес не для обычных глаз.

Через узкую дверь жуткая музыка слышалась громче, звуки ее, казалось, имели какую-то странную жизнь и существовали сами по себе. Ахолианка прошла внутрь, и мы последовали за ней. Закат сообразительно снял свой меч в ножнах и сунул его в дверную щель, чтобы она не могла захлопнуться.

Мы стояли в полной темноте, такой непроницаемой, что она казалась осязаемым покрывалом. Кто-то коснулся моей руки, и мои пальцы сжались на украшенном камнями браслете Анатана. И тут же я услышал справа от меня тяжелое дыхание Заката.

— Идите и смотрите, солдаты, — слабо донесся до меня насмешливый голосок Лании.

Чуждый ломаный ритм становился все более громким, угрожающим.

— Двигайте пальцами, руками против этого ритма, — прошептал Анатан.

Я чувствовал, как его запястье свободно вертится в моем захвате. Я послушно старался выполнять его советы.

Затем из темноты вылетел странный луч света, зеленый, переходящий в серый. Этот свет казался гниющей эманацией чего-то гнусного, давным-давно умершего. В нем чувствовалось осторожно задуманное зло. Пока мы, как околдованные, следили за этим лучом, через него проплывали золотые крылатые призраки, спускались вниз, касаясь черного пола, плиты которого, видимо, были вырублены в каменоломнях Древней Расы, правившей Крандом до появления человека.

Большие золотые крылья опустились, сложились и вдруг исчезли, как бы за ненадобностью, а пятнадцать живых золотых призраков начали танцевать. Этот танец был буйным и прекрасным, все еще полным древнего символа абсолютного зла. Каждая поза обольщала, каждый скользящий шаг как бы стремился извлечь из глубин души наблюдателя ту темную часть, что унаследована им от зверя.

Каждая частица моей силы боролась с этим ощущением и стремилась обуздать те давно покинутые мысли и страсти, которые вызвали во мне танцовщицы сплетением своих чар.

Я снова увидел залитые кровью улицы Улана и все, что произошло там, когда, опьяненные кровью и вожделением, мы устремились в столь долго сопротивлявшийся город. Что делалось там в эти дни...

Я ухватился в темноте за своих товарищей и закричал:
— Пошли отсюда!

Я чувствовал, как они очнулись под моими руками и как бы стряхнули с себя оцепенение сна. Мы повернулись и вышли, оставив позади золотых танцовщиц и ту паутину, которую они раскинули вокруг нас.

Сунув пальцы в щель потайной двери, мы распахнули ее. Закат поднял свой меч, и мы вышли на скат с напряженными, широко раскрытыми глазами, с колотящимся сердцем, как будто нас испытывали на силомере.

Мы уже прошли полпути вверх, когда нас догнала янтарная тень.

— Танцовщицы — крепкий орешек, солдаты, — произнес голос с легкой насмешкой, — похоже, чересчур крепкий для вас.

Я повернулся к Лании наполовину всерьез, наполовину играя выбранную мною для себя роль:

— Хватит с нас дьявольских обрядов! Мы желаем человеческих радостей, а не тех, что вызывают ночные демоны!

— Слышать — значит повиноваться, Лорд. Что вы скажете о спокойном ужине в отдельной комнате с подходящими компаньонами?

— Идет, хозяйка, — проворчал Закат.

Как бы вполне поняв, наконец, что нам по вкусу, она повела нас по лабиринтам изгибающихся коридоров и нарядных комнат, пока мы не оказались в маленькой причудливой голубой комнате. Стены и потолок образовывали полушарие, на котором размещались четыре великолепных серых грифона в натуральную величину.

Закат схватил меня за руку, но я сам понял, где мы. Это и была та комната, в которой Трэн назначил нам встречу.

В дальнем конце комнаты был низкий диван; Лания усадила нас и пошла распорядиться насчет ужина. Уходя, она заглянула мне прямо в лицо.

— Нравится ли тебе эта комната, Лорд?

— Вполне, — коротко ответил я.

К моему величайшему изумлению, она засмеялась, откинув голову назад, и я впервые отчетливо разглядел ее лицо под густой массой рыжих локонов. Анатан вскочил и с тревогой воскликнул:

— Аналия!

— Она самая, брат! — она снова засмеялась и, подойдя к стене, отдернула висевшую там портьеру. За ней стоял Трэн. Все признаки опьянения слетели с него. Снова король, властный образ которого я видел сегодня утром в зале Девяти Принцев.

И он держал за руку Айлу, но теперь она была чуть-чуть иная, как будто под ее гримом скрывался кто-то другой.

— Ты не узнаешь меня, Лорд Гаран? — тихо спросила она.

Я тут же упал на колени, глядя в отвратительно раскрашенное лицо, потому что это была Леди Трэла, размалеванная и одетая, как женщины Аркта.

Она с улыбкой обернулась к Трэну.

— Мы оказались лучшими актерами, чем предполагали, Милорд. Нет, Гаран, я не Айла, нет Айла, которую ты видел, Айлы и Лании сейчас здесь нет. Мы заменили их. Настоящая Айла совсем не такая...

— Что неудивительно, — сухо заметил Трэн, — поскольку она ставленница Кипты. А теперь к делу. Часы летят быстро, когда над миром кружит опасность.

Глава 5

Похищение Трэлы

— Достаточно ли разумно говорить здесь? — резко спросил Закат. — Стены дворцов удовольствий славятся своими ушами.

— Здесь их нет. Это особая комната: здесь встречаются Айла и Кипта, когда это требуется для их целей, — ответил Трэн. — Что случилось с Лордом из Ру, что он стал так подозрителен?

— Ничего такого, что я мог бы пощупать, — проворчал Закат.

— Ничего, что ты можешь пощупать. Мы все можем сказать то же. И ты, Лорд Гаран, два года выслеживаешь и подглядываешь тайными способами. Даже на расстоянии Гурл ощущает в здешнем воздухе тревогу. И никто из нас не ошибся, — Трэн торжествующе возвысил голос, — поэтому мы и собрались здесь откровенно поговорить о мире на нашей планете. Знаете ли вы, кто стоит позади Айлы, кто хитро планирует каждое пятнающее душу удовольствие в этой куче навоза? Кипта из Кума! Именно он сегодня утром пытался привлечь тебя к суду Совета, Лорд Гаран, и, таким образом,

избавиться от человека, который начал подозревать слишком много.

Этот ночной демон — Айла — равна ему по изворотливости ума, и этот ларец с чудесами — западня для тех, кого желает уловить Кипта — Каддена из Стала, Палкуна и прочих. А кто есть у нас, еще не ослепший, кто может еще видеть ясно и отвернуться от Кипты и его работ? Горсточка против всего мира: человек двадцать из моей касты, Лорд из Ру, ты и твой молодой помощник. На кого еще мы можем положиться?

— Откровенно говоря, ни на кого, кроме тех, кого ты назвал. Мой корпус весь пропитан пороком, который я не могу определить. Мне кажется, весь Ю-Лак прогнил от какой-то чумы.

— Потому что Ю-Лак — это Кранд, и ты близок к истине. Кипта сделал даже больше, чем предполагал. Если бы он знал свою силу, мы уже не существовали бы. Кипта серьезно занимался тем, что мы называем Темным Знанием, и близко познакомился с Темными Силами, которые откликаются на его зов, и он так этому рад, что хочет заставить весь Кранд принять участие в его радости.

— Виноваты мы — каста Ученых, — прервала его Трэла. — Мы слишком давно плывем по течению, утратив интерес ко всему, что не относится к нашей науке. Будь мы более подвижными, более внимательными к потустороннему Мраку, как были когда-то, это зло не застало бы нас врасплох. Разве Эн-Лин, основатель нашей расы, позволил бы Кипте прожить хотя бы один час после того, как узнал о его действиях?

— Ты забыла, — печально прозвучал голос Трэна, — что Эн-Лин правил объединенным народом. А разве армия пойдет за нами? Нет. Нам придется бороться в одиночку и, скорее всего, проиграть.

— Каким образом ты предлагаешь бороться? — спросил Закат. — Силой оружия? Я думаю, у Кипты более современное оружие.

— Именно. Поэтому мы должны хитростью проникнуть в его оборону, ибо прежде чем составлять план, мы должны знать обстоятельства и место его атаки. Кто-то из нас должен проникнуть в Кум.

— Невозможно, — коротко сказал я.

— Почему?

— Думаешь, я не пытался это сделать? — я повернулся к

Трэн. — Хотя я и не Ученый, но знаю свой долг и всегда выполняю его, как могу лучше. Когда я был в отпуске три месяца назад, я лично сделал такую попытку. И вернулся ни с чем. Только с этим, — я расстегнул свой военный плащ и показал тонкий голубой шрам на горле. — Я едва остался жив.

— Так. — Трэн внимательно посмотрел на меня. — Я этого не знал.

— И никто не знал. Какой мужчина признается в своем промахе?

— Значит проблема остается, — сказал Трэн.

— Напротив, — покачала головой Трэла. — Она решена.

— То есть?

— В Кум поеду я. Меня Кипта не будет подозревать. С чего бы? Я ведь держусь в стороне от всяких лабораторных работ, не выказываю интереса к научным исследованиям, так что даже мой отец считает, что я позорю касту. Я поеду в Кум из любви к приключениям, и его хозяин ничего не заподозрит.

— Нет! — слово вылетело из моих уст, как удар меча. — Ты не знаешь! Если мои подозрения насчет Кума справедливы, ни один чистый человек не рискнет идти туда в надежде вернуться незапятнанным. Кипта играет со смолой.

— А кто такой Лорд Гаран, чтобы указывать мне?

Ясное дело, в эту страшную минуту я выдал свою столь ревниво охраняемую тайну.

— Нижайший из твоих слуг, Королевская Леди. Однако даже я осмеливаюсь сказать, что это дело не для тебя.

— И он прав, — поддержал меня Закат. — Кум — не место для женщины.

Трэн согласно кивнул. Но Трэла не уступала. Следующего аргумента, который она собиралась привести в защиту своего плана, мы так и не услышали, потому что над нами мягко зазвенел колокольчик.

— Это предупреждение, — сказал гурлиец. — Кто-то идет по проходу. Надо уходить.

— Во внутренний коридор, — посоветовала Трэла. — Покажи им, Трэн.

Он встал и шагнул к портьеру, из-за которой они с Трэлой вошли. Стена разошлась, образовав узкую дверь, и мы по одному протиснулись в нее.

— Проходи, Трэн, — шепнула Трэла. — Ты ведь помнишь, что этот портал закрывается только женским голосом.

Он послушно вышел к нам в коридор, но Леди Трэла не последовала за ним. Половинки двери сомкнулись, и мы очутились в темноте.

— С ума сойти! — прорычал он. — Она же не сможет сыграть роль Айлы ни перед одной из здешних женщин.

Тут только я понял, какую штуку сыграла с нами Трэла. Выставила нас из комнаты и осталась встречать новоприбывшего, кем бы он ни был.

Я навалился плечом на стену, помогая Трэну в его бесплодных попытках открыть проход.

Длинные ногти вцепились мне в спину.

— Оставь! — кричала мне в ухо Аналия. — Эта дверь открывается только на звук одного голоса. Дай я попробую.

Мы с Трэном отступили и хранили молчание, пока она читала какое-то заклинание высоким пронзительным голосом Лании.

Глухо щелкнув, снова появилась широкая щель, и мы увидели и услышали то, что происходило в комнате Грифонов. Что касается меня, то я не удивился, увидев красивое темное лицо Кипты с его слегка насмешливой улыбкой. Но рядом с ним стоял некто. Трэн схватил меня за локоть:

— Айла!

Да, это была настоящая Айла, Айла из белой с черным комнаты. Ее тощее тело, великолепные волосы, ее размалеванное лицо и насыщенный злобой голос. Напротив нее, гордо выпрямившись, стояла Трэла. Две Айлы, теперь совершенно разные.

— ...неожиданная радость, — ровным голосом говорил Кипта, — Леди Айла польщена, что вам показалось интересным примерить одежду, которую она привезла в Ю-Лак. Но боюсь, что мы вынуждены спросить о причине этой восхитительной встречи...

Айла положила конец его насмешкам, так как увидела предательское колыхание портьеры, за которой мы прятались. Материал занавеси был выткан таким образом, что просвечивал со стороны двери, но из комнаты был плотнее.

— Дурак! — зашипела она на Кипту. — Она не одна. Забирай ее отсюда...

Я рванул занавеску и влетел в комнату с мечом в руке, но было уже поздно: Кипта с быстротой древесной змеи из лесов Кора схватил Трэлу и толкнул ее в безжалостные объятия Айлы, а затем развернул мне под ноги диван.

Я, ругаясь, упал. Закат и Трэн свалились на меня. Я мельком увидел споткнувшегося о наши тела Анатана и позади него Кипту.

В дикой ярости я вскочил. Закат был уже на ногах, но мы недалеко ушли: за поворотом коридора мы увидели Анатана, яростно колотившего по стене рукояткой меча.

— Они прошли здесь! — крикнул он нам.

На гладкой изогнутой стене не было и признака двери. Подошли Трэн и Аналия. Ученый превозмог свою ярость.

— Они удрали в Кум, — сказал он. — Только там они будут в безопасности, потому что знают, что против них поднимется весь Ю-Лак.

— В Кум, значит, — сказал я, — хорошо... — Я повернулся, но Трэн схватил меня за руку:

— Куда ты?

— В Кум.

— Как ты туда попадешь?

— У меня есть флайер...

— Они заставят тебя сесть не далее чем в шести милях от границы, — перебил он. — Есть другой путь.

— Какой?

— Через зал, где ты видел танцовщиц Кора. Этот зал — часть Древних Путей Мрака — туннели, выкопанные под поверхностью Кранда теми, кто работал здесь до появления людей. Эта дорога в Кум — для человека, который осмелится идти по ней.

— Я осмелюсь пойти по любой дороге, — с жаром сказал я.

Закат показал желтые зубы:

— С хорошей сталью в руке мужчина может выбирать свой путь. Когда мы идем?

Трэн достал из мешочка на поясе пачку листов для письма и протянул мне.

— Напиши просьбу об отпуске для Заката и для себя.

— И для Анатана тоже! — воскликнул мальчик. — Нет, — упорствовал он, глядя мне в лицо, — я обязан следовать за тобой!

— Тогда пиши на троих. Посмотрим, насколько хватит вашего авторитета. Нам нужны запасы пищи и оружия...

Закат коснулся своего меча, но Трэн покачал головой:

— Если верить легендам, мы встретимся с опасностями, против которых нужно нечто большее, чем сталь.

— Вот как? — прервал я его. — Что ж, ресурсы моей службы для нас открыты. Оставь меня на полчаса в большом оружейном складе, и я клянусь, что добуду средства сравнять с землей весь Кум.

Аналия вынесла решение:

— Пусть Лорд Гаран возвращается к себе и берет оружие, о котором он говорит. Я встречу его в частных путях. За час до рассвета мы встретимся в десятом дворе.

— За час до рассвета? Так долго? — спросил я, мысленно видя Трэлу, бьющуюся в костлявых руках этой женщины-демона, и улыбку Кипты, отражающую безымянное зло. Спокойно идти, собирать оружие, провизию — каждый нерв во мне возмущался. Мне хотелось броситься на Мастера Кума и бить, бить его, пока его кровь не зальет пол. Сознание того, что Кум находится в сотне миль по воздуху от нашего побережья, а Путиами — еще дальше, не уменьшало моего нетерпения.

— Он не причинит ей вреда, — спокойно сказал Трэн. — Не сможет даже, если бы и хотел.

— Ты думаешь?

— Сегодня он просил Императора отдать Трэлу ему в жены.

Мои пальцы сжались, как бы встретив призрачное горло. Никогда еще я так ненавидел Кипту. Этот ползучий гад тьмы желает — ЕЕ! Я улыбнулся и увидел, что Аналия поморщилась от этой улыбки.

— Еще один счет между нами, — прошептал я и громко добавил: — Будь добра, хозяйюшка, покажи мне эти ваши частные пути. Чем скорее я примусь за дело, тем скорее мы сможем выйти на след нашей дичи!

— За час до зари в десятом дворе, — напомнил нам Трэн.

Я кивнул, и мы с Анатаном вышли вслед за Аналией. Мы пробирались извилистыми тайными ходами, проложенными в стенах. Впоследствии я узнал, что эта тройка — Трэн, Трэла и Аналия — с самого начала следила за строительством дворца радостей, угадывая его цели. Мастер-дизайнер всех его чудес за плату показал им планы, где были отмечены все тайные места. Все дни и ночи со времени открытия дворца Трэла и Аналия проходили по этим проходам в стенах, которые Кипта и Айла считали известными только им.

Наконец мы вышли в узкую аллею, пустынную и плохо освещенную.

— Запомните хорошенько это место, — приказала нам Аналия, отпуская нас. — Когда вернетесь, трижды постучите рукояткой меча. А теперь идите, пока вас не увидели.

Выйдя из темного переулочка, Анатан не сразу нашел дорогу к общественной стоянке, где мы оставили флайер. У нас было в запасе немного времени, потому что город уже погружился в сон на несколько часов — до восхода солнца. Я, по правде сказать, мало обращал внимания на улицу, по которой мы шли, потому что мои мысли были заняты военным складом, и я мысленно прикидывал, какое оружие и снаряжение нам больше пригодится.

Таким образом, первое предупреждение я получил, когда что-то неистовое и слюнявое напало на меня в проходе между двумя домами. Я хотел было выхватить меч, но сразу же отбросил эту попытку — для стали уже не было времени.

Я мельком увидел лицо нападавшего, перед тем как он навалился на меня. Черты его застыли в странной неподвижности курильщика райта. Из потрескавшихся губ текла слюна. Скрюченные пальцы готовились вцепиться мне в глаза — излюбленная манера атаки тех, кого райт превращает в зверя. В дополнение к моему ужасу я увидел на нем мундир унтер-офицера моей армии.

Мой испуганный крик и пронзительный вопль напавшего слишком поздно донеслись до Анатана. Я был крепко прижат парнем, и Анатан не мог его ударить из опасения ранить меня.

Я оправился от неожиданности и ухитрился нанести резкий удар по горлу нападавшего, как раз когда его пальцы с обломанными ногтями готовились разорвать мою шею над воротником. Видимо, этот единственный удар спас меня: мне повезло угодить в нерв, и это на время остановило парня. Мы с грохотом покатались по мостовой. Мой противник все еще терзал мое горло, в то время как я, извиваясь, как заморская змея, пытался вырваться из его рук. Его окрашенные райтом зубы щелкали в полудюйме от моего тела, и я со страхом и отвращением сознавал, что бьюсь в руках одного из тех несчастных, кого райт превращает в хищников. Я был всего лишь мясом для этого прожорливого существа.

Я схватил его за запястье приемом, заимствованным у лапидиан, которым можно заставить человека сломать собственные кости. Существо сидело на мне верхом, завывая, и вновь защелкало зубами, задевая мою кожу.

Я нажал на его запястья, и тогда его зубы впились в мою левую руку, прокусив ее до кости. Благодарение Оуну, я удержал его руки до тех пор, пока Анатан не спас меня: он изо всей силы ударил тяжелой рукояткой меча по непокрытой голове наркомана.

Тот заморгал, вздохнул и скатился с меня. Я кое-как поднялся. Кровь каплями стекала из моей раненой руки. К моему удивлению мы были одни — шум нашего сражения и крики наркомана не привлекли внимания людей. Я посмотрел на пустую улицу, затем на Анатана. Он мрачно кивнул, и я понял, что мы подумали об одном и том же. Вся эта история была запланирована заранее.

Кто-то расставил нам ловушку, и мы попались в нее. Курильщика райта поставили здесь заблаговременно.

— Пусть лежит, — Анатан кивнул в сторону неподвижного тела. — Пойдем к флайеру, пока можно.

Полностью согласившись с ним, я обмотал краем плаща кровоточащую руку, и мы дали ходу. Не снижая скорости, мы проскочили по ярко освещенным и усыпанным народом улицам и вскоре вышли к стоянке.

Там нам пришлось подождать, пока сонный дежурный найдет наш флайер. Я свободно вздохнул только тогда, когда очутился в тесной кабине самолета.

— Веди к оружейному складу, — приказал я Анатану, — и садись на его крышу. Мне не хотелось бы еще раз рисковать сегодня. Когда будем возвращаться, постарайся посадить машину в аллее.

— Трудное дело, — заметил он.

— Легче, чем встретиться с другим наркоманом. А сесть там можно, если будешь осторожным.

Через минуту мы коснулись плоской крыши квадратного здания, где хранились секреты моей армии для обороны всего Ю-Лака.

Глава 6

Пути Мрака

В неясном свете крошечного фонаря, который был в моем пояском кармашке, я отыскал дверь люка на крыше. Я всегда носил на шее ключ, открывающий и эту, и любую другую дверь в моем военном квартале. Теперь он мне пригодился...

Однако потребовалась помощь Анатана, чтобы поднять тяжелую плиту, окованную железом, и откинуть ее. Мой фонарик осветил глубокую темноту внизу.

Точно зная, в какие кладовые я хотел бы попасть, я спустился по лестнице и пошел по узким коридорам, пока не подошел к двери, отмеченной широкой алой полосой. Пока я открывал ее, мои пальцы так дрожали, что ключ стучал о плоскую щеколду. Я твердо верил, что бегу наперегонки с самим временем.

Внутри, в застекленных ящиках, были аккуратно уложены кольчуги, покрывающие человека с головы до пят — даже, до кончиков пальцев. Они были легки по весу, но изготовлены так, что защищали от всех известных газов и сжигающих лучей. Указав Анатану на них, я сказал:

— Возьми на всех. Мы встретимся на крыше.

Оставив его, я спустился по другой лестнице в комнату, где хранились некоторые новые лучеиспускатели, которые еще не были взяты на вооружение. На испытаниях они показали себя великолепно как в точности, так и в дальности, но их стоимость не вполне устраивала наших экспертов.

Я отложил шесть штук — маленькие, похожие на факелы, палочки и заряды к ним — зеленые, фиолетовые и инфракрасные линзы. К новому и недостаточно испытанному оружию я добавил равное число обычных моделей, также с зарядами, и, когда уже собрался уходить, нашел пояс из кожи грифона с большой осветительной камерой — вроде снаряжения, которое носили те смельчаки, кто спускался в подземелья Лапидиана. Я добавил его к своей добыче.

Поднявшись на крышу, я нашел там Анатана. Кроме указанных ему кольчуг, он нашел еще четыре боевых меча старинного образца, которыми пользовались в рукопашном бою — не то что наши декоративные мечи.

Мы опустили дверь на место, и я запер ее. Когда мы сели в самолет, Анатан нажал на рычаг, поднявший нас высоко в небо. Мы летели по более высокой трассе, чем раньше, чтобы избежать патрулей, совершающих свой регулярный облет над городом.

К счастью, дворец удовольствий легко было обнаружить с высоты, и Анатан быстро отыскал нашу аллею. Несмотря на свои сомнения, он мастерски выполнил маневр, приземлившись на мостовую в десяти шагах от двери. У нас был самый маленький частный флайер, иначе этот номер не удался бы.

Его полированные бока находились всего лишь на расстоянии вытянутой руки от стен аллеи.

Мы выгрузили нашу добычу и подошли к двери. Она бесшумно открылась на мой стук, и появилась Аналия в яркой блестящей одежде с темным орнаментом...

Мы снова пошли по кривым проходам в стенах, пока не остановились у отверстия в маленький узкий дворик. Трэн и Закат склонились там над рваной полоской пожелтевшей рыбьей кожи, которой пользовались для различных надобностей наши предки.

— Вы уже вернулись? Хорошая работа, Лорд Гаран. Что вы принесли?

Я торопливо объяснил, что именно выбрал из оружия, и протянул Трэну для осмотра одну из кольчуг. Прозрачные восьмиугольные чешуи кольчуги сверкали, как драгоценные камни. Закат погладил ее с любовью, какую испытывает каждый воин к орудию своего ремесла. Его интерес возрос, когда Анатан достал старинные боевые мечи.

— Хорошая сталь, — он провел большим пальцем по сверкающему лезвию, — мне это больше нравится, чем лучеметы Кранда. Сталь никогда не подведет. Ты молодец, Анатан.

— Похоже, ты с умом ограбил свой арсенал, — добавил Трэн, вторично оглядывая нашу добычу. — Мы тоже не сидели тут без дела.

Он показал в угол двора, где лежали небольшие контейнеры с продуктами и сосуды с так называемыми «водяными леденцами», с которыми ходили через пустыни. Так приготовленная пища и вода, которой хватит человеку на много дней, помещается в поясном кармане не шире двух моих кулаков. Вдобавок, была карта, над которой они стояли, когда мы пришли.

— Мы очень мало знаем о подземных путях. Все человечество, кроме извращенных лапидианцев, избегало нижних дорог, — Трэн указал на карту. — Но во все времена бывали люди, которые в поисках знания посещали необычные места. Таким был солдат Ким-каменщик, живший в Ю-Лаке около пяти тысяч лет назад.

Они тогда рыли котлованы под фундаменты первых крупных защитных башен и, желая обеспечить основанию нераз-

рушимость, прошли много глубже, чем вначале предполагалось. На тридцать седьмой день работ они обнаружили часть Путей Мрака.

Ким-каменщик добился разрешения исследовать неизвестный проход для возможного использования его в дальнейшем в военных целях. Никто из товарищей не захотел идти с ним, и он пошел один. Снаряжение в те времена, конечно, было куда хуже того, что сейчас полагается при подземных исследованиях, однако, он сумел составить карту обширной части Путей, идущих сквозь скалы, на которых стоит Ю-Лак. Все указывало на то, что громадные туннели и комнаты были выдолблены механическими средствами, и было высказано предположение, что это делали искусные мастера той нечеловеческой расы, что когда-то жила на этой планете.

Первая подземная экскурсия возбудила в Киме жажду дальнейшего знания. Он ходил снова и снова и в конце концов не вернулся. Амист Великий, Император Ю-Лака, счел за благо закрыть вход. Он принял это решение сразу после того, как получил конфиденциальный рапорт Кима, когда тот вернулся из своего предпоследнего путешествия. Видимо, воин-исследователь открыл какую-то большую опасность для города, но его рапорт никогда не был опубликован.

До прошлого года все официальные рапорты и карты Кима спокойно хранились в библиотеке Ученых в Семте. Но, когда я из любопытства захотел взглянуть на них, оказалось, что они исчезли. Осталась только одна карта, случайно зацепившаяся за крышку ящика, в котором хранились эти документы. Служащий сообщил мне, что Кипта из Кума пришел с разрешением от начальника библиотеки и взял их для изучения.

Когда строился этот дворец, вырытый проход скрестился с одним из Путей, нанесенных Кимом на карту. Как раз в это время Кипта и проявил неожиданный интерес к древним храмам Кора и несколько раз полусекретно побывал в них. А Кор, как известно, последняя опора этой страшной религии, вышедшей из забытых ритуалов Древних Существ.

Оставив эту единственную карту, Кипта оставил нам могущественное оружие, потому что нам сейчас больше всего нужна дорога под океаном Кума. И есть указания, что имен-

но по этому пути пошел Ким в свое последнее путешествие, из которого не вернулся. Судьба, постигшая Кима пять тысяч лет назад, может и сегодня грозить тому, кто пойдет этим путем. Но я уверен, что Кипта и Айла сегодня ночью ушли именно этим путем. Где-то на этой дороге лежит опасность, которая заставила Амиста закрыть Пути. Лежит ли она там и теперь?

— Пойдем и посмотрим, — фыркнул Закат.

Я уже разложил кольчуги и оружие. Трэн улыбнулся:

— Похоже, что порода Кима не перевелась. Давайте готовиться!

Мы разделись до белья и облачились в плотно пригнанные кольчуги. Основная материя, к которой крепилась защитная чешуя кольчуги, имела эластичные свойства и плотно прилегалла к коже. Гротескные маски, снабженные окс-линзами, которые давали мощное увеличение отдаленных предметов и, кроме того, позволяли видеть в абсолютной темноте, висели у нас за плечами.

Упакованные таким образом, мы были, как я надеялся, недоступны для любого известного оружия. Гладкая поверхность кольчуги затупляла и отводила самое острое лезвие, и она прекрасно защищала от сжигающих или замораживающих лучей.

Поверх кольчуг мы опоясались найденными Анатаном мечами, прицепив к поясу еще лучеиспускатели нового и старого образца. Заряды для них и баночки с провиантом поместились в сумки из кожи грифона, привязанные к нашим спинам.

Когда мы были готовы и повернулись к двери, мы увидели ожидавшую нас пятую чешуйчатую фигуру. Аналия, скинув свой рыжий парик и свободно распустив свои темные волосы, застегивала на талии пояс с осветительной камерой. Она спокойно прицепила лучемер, перед тем как наклониться за сумкой с продовольствием.

— Аналия! — закричал ее брат. — С ума сошла!

— Я тоже иду, — спокойно ответила она. — Где Трэла, там и я. И вы не можете запретить мне. Я знаю, что делаю. На Путих Мрака вряд ли больше опасности, чем было в этом дворце. Я иду.

Она повернулась и исчезла за дверью. Я взглянул на Трэна,

который складывал последнюю оставшуюся кольчугу — Анатан взял шесть штук — в небольшой сверток, чтобы сунуть его в продовольственный мешок. Он слегка улыбнулся и сказал:

— Когда женщина говорит таким тоном, Лорд Гаран, лучше оставить ее в покое. Пусть делает, что хочет — отговорить ее не удастся. Аналия не помешает нам: служа своей госпоже, она не раз доказывала свою храбрость и силу. Пусть идет.

Я вынужден был отступить, хотя мне претила мысль, что женщина разделит с нами неизвестную, но явную опасность. Один Закат ни о чем не беспокоился и страстно желал узнать, какие опасности нас ожидают.

Аналия ждала нас в зале. Под ее опытным руководством мы прошли через сеть коридоров и комнат, чтобы найти тот спуск, по которому мы шли так недавно — и уже так давно. В комнатах, через которые мы проходили, никто не обращал на нас внимания. Полупьяные глупцы, которых мы встречали, сочли нас за каких-то гостей, для развлечения вырядившихся в странные костюмы.

Наконец мы нашли спускающуюся дорогу, но теперь там не было слышно навязчивого ритма трубы, запутывающего ноги и мысли — лишь сухое, пыльное молчание, как в примитивных горных храмах Ру, молчание, полное пыли забытых столетий. Освещение больше не меняло цвет, оно было серым и, по мере нашего продвижения, бледнело и угасало. Мы натянули наши маски с их пронзающими темноту глазами.

Снова перед нами был черный пол, но не было уже искажающих лучей, и крылатые танцовщицы исчезли. Здесь вперед пошел Трэн и повел нас по громадному пустому залу.

Другой спуск, на этот раз такой крутой, что пришлось ухватиться за перила из выглаженного временем камня, открылся перед нами, и Трэн, не колеблясь, ступил на него. По дороге он наклонился и поднял какой-то предмет, а затем протянул его мне. На ладони его кольчужной перчатки мерцал обрывок блестящей ткани, украшавшей платье Трэлы и Айлы.

— Этот посланец говорит нам, что мы идем по верному пути, — сказал он и бросил лоскуток, но я поднял его и спрятал в мешочек.

Мы спускались все ниже и ниже в сгущающуюся тьму, которая целиком поглотила бы нас, если бы не наши окс-

линзы. Аналия хотела было включить камеру-лампу, так как не знала, кто или что может поджидать нас внизу, но Трэн не позволил. Пока мы видели, лучше было не предупреждать о нашем приближении.

Теперь я заметил, как изменился характер стен. Сначала они были из гладкого блестящего камня, а теперь из больших блоков какого-то серого вещества, неприятно поблескивающего, как бы покрытого слоем грязи. Трэн показал на них:

— Мы вошли в Пути. Кто хоть раз видел работу Древних Существ, не ошибется в этом.

Мы шли по склону, становившемуся все круче, так что нам пришлось отчасти смирить наш стремительный шаг и крепко держаться за перила. Я уже начал опасаться, не станет ли этот спуск чересчур крутым для моих ног, когда он внезапно сменился похожей на глубокий желоб тропой, идущей почти вровень с густой тьмой перед нами. Когда я вступил на эту жуткую дорогу, я почувствовал, что тот, кто строил эту часть пути для собственных надобностей, был полностью чужд мне и всем теплокровным, настолько чужд, что я не мог себе представить его формы и их назначение. Для чего служила эта дорога и другие, подобные ей? Кто ходил по ним?

Первые несколько шагов убедили меня в том, что дорога была сделана отнюдь не для человеческих ног, поскольку она имела возвышение посредине, так что мы все время соскальзывали. Чтобы устоять, мы замедлили ход и почти ползли, волоча ноги.

Не могу сказать, сколько миль и сколько часов мы шли этой тяжелой, неразветвляющейся дорогой. Три раза мы останавливались перекусить. Ничего не видно, не слышно, только темнота, разгоняемая нашими линзами в пределах нескольких шагов.

Во время третьей остановки Трэн достал свою карту из рыбьей кожи, и Аналия посветила ему своей лампой, чтобы он мог определить, сколько мы прошли и сколько нам еще осталось.

— Здесь есть крутой поворот направо, и нам надо идти туда. Мы уже почти дошли до него.

— Тогда пошли, — сказал Закат, вставая. — В этой змеиной норе мало интересного для бойца. Где живет то опасное, о чем Ким жужжал в уши своему хозяину?

— Где-нибудь впереди, Милорд. А я все-таки верю Киму и его рассказам. Пойдем, проверим? — Трэн скатал карту и спрятал ее.

Мы поднялись на усталые ноги и пошли. Именно так, как показывала карта, дорога резко разделялась надвое. Одна ветвь шла направо. Анатан и его сестра уже повернули на нее, когда мне бросилось в глаза что-то блестящее на другой ветви дороги. Я поднял второй лоскуток платья и показал свою находку остальным.

— Неужели карта ошибается? — спросил я Трэна. — Судя по лоскутку, это так.

— Если только это не приманка, чтобы направить нас по фальшивому следу.

— Тоже возможно. Значит, есть только один способ выяснить это.

— А именно?

— Разделиться на две партии. Я сейчас поставлю в свой лучевой стержень инфракрасный заряд. Пока он горит, я пойду по левой дороге. Если я никуда не приду, значит, я неправильно выбрал, и я вернусь сюда догонять вас. Вы сделаете то же самое.

Трэн сразу согласился.

— Наиболее разумный выход. Кто пойдет с тобой?

— Закат, — немедленно ответил солдат. — Мы и раньше охотились вместе.

— Хорошо. — Трэн порывлся в кармане и достал такой же заряд. Оба стержня были зажжены, и мы отправились в разные стороны: Трэн, Анатан и Аналия — направо, а мы с Закатом — налево. По дороге я сжимал в кармане оба лоскутка.

Отойдя на некоторое расстояние, Закат поднял край маски и понюхал воздух.

— Ты не чувствуешь запаха?

Я тоже принюхался. В затхлый сухой воздух пробивался слабый запах, сладковатый и гнилостный.

— Да. — ответил я.

— Не нравится мне это. Вонь, как из старых могильных холмов. Нас ждет что-то неприятное, но это отнюдь не причина для возвращения.

По мере нашего продвижения зловоние усиливалось, и, к моему изумлению, свет нашего лучемета стал медленно менять цвет, принимая пурпурный оттенок. Я обратил на это внимание Заката.

— Какая-то дьявольская работа. С этими вещами человеку лучше не связываться. Наш друг из Кума охотился на запретных тропах. Однако теперь охотятся за ним, а это совсем другое дело. Пошли по этому запаху.

Мы резко свернули в первый же поворот. Осторожно обходя изгиб, мы оказались у входа в ничто...

Глава 7

Существа из бездны

Тропинка резко оборвалась у края неизмеримой бездны. Из глубины ее до нас доносилось слабое вздыхающее бормотанье, отдаленное жужжанье, как будто какая-то форма жизни плавала там, далеко под нами.

— Конец, — сказал Закат. — Наш выбор оказался ошибочным.

— Странно, — промямлил я. Мое внимание привлекло что-то висящее в бездне. Две длинные цепи из того же материала, что и стены Путей, туго натягивались, как бы поддерживая невидимый груз; я отстегнул от пояса лучевой стержень и поднял его над головой, чтобы луч света попал на то, что висело между цепями.

— Ах, — мурлыкнул Закат, как гигантская Ана, когда луч высветил мост из какого-то светопроницаемого материала, мост, уходящий во тьму.

Перемещая луч, я пошел по очертаниям моста, чтобы увидеть, где он касается нашего края пропасти. Но до края он не доходил: он обрывался в трех футах кучей обломков. Сломался ли он недавно или столетия назад — мы не знали, но в любом случае это оказывалось для нас барьером.

Я прикинул длину туннеля позади нас. Достаточно ловкий и не боящийся высоты человек может преодолеть эту брешь хорошим прыжком — если Оун будет добр к нему. Но неизвестно, гладкая ли поверхность у моста, или изогнута гребнем? Последнее оказалось бы с самого начала помехой для нас, а внизу зияла бездна.

Закат тут же подхватил мою идею.

— Один должен стоять здесь, — сказал он, — и освещать край этой смертельной ловушки, пока другой прыгает. Затем, если с помощью Оуна ему этот прыжок удастся, он в

свою очередь будет освещать путь товарищу. Просто, но смертельно, — засмеялся он.

Выбора у нас не было. Затянув пояс и крепко привязав за спину мешок с пищей, я приготовился, и прежде чем Закат успел запротестовать, сунул ему в руки свой светильник и вернулся назад, в коридор, для разбега. Затем я пронесся мимо Заката, освещавшего мне путь, и прыгнул в пустоту.

Сердце мое колотилось, в ушах звенело. Мои ноги коснулись гладкой поверхности моста — и соскользнули. Падая, я метнулся вперед и ухватился за середину гребня. Кривизна, казавшаяся такой опасной, спасла меня. Я намертво вцепился в гребень и лежал вниз лицом на этой полупрозрачной поверхности, пока мое дико бившееся сердце не успокоилось. Наконец я смог встать, держась за одну из громадных цепей. Из своего мешка я достал два мотка тонкой и прочной кожаной веревки, которыми снабдил нас Трэн. Одной я привязался к цепи, а к другой привязал груз — банку с едой — и перебросил Закату. Он прицепил к ней мой осветительный стержень, и я потянул веревку обратно. Пока она качалась в пространстве, я испытывал такое жуткое ощущение, какого никто из моего мира и вообразить себе не мог: когда луч света ненадолго скрылся за мостом, мост исчез с поля зрения, и мне показалось, что я повис в пустоте, хотя ноги мои стояли на твердой поверхности.

Факел тут же оказался в моей руке, и снова разбитый в куски конец моста появился из небытия.

Закат приготовился и исчез в том направлении, откуда мы пришли, а затем снова вылетел из коридора. Видимо он оттолкнулся с большей силой, чем я, потому что он приземлился хорошо и благополучно встал на ноги с моей помощью.

— Это и есть дьявольское гнездо, если оно вообще когда-нибудь существовало, — выдохнул он, когда встал. — Я даже боюсь подумать, как мы будем возвращаться. Зажги оба факела, у меня нет желания шагать по воздуху, даже если мои ноги утверждают обратное.

Я отвязался от своей якорной цепи, и мы двинулись в это невероятное путешествие над бездной. Мозг инженеров и строителей Древних Существ явно был совершенно отличным от человеческого. Я поражался мужеству Кима, который шел по Путям один, с хилым снаряжением. Возможно,

разрушение моста объясняет, почему он не вернулся из своего последнего путешествия.

— Запах заметно усилился, — прервал мои мысли Закат. Он поднял факел и посветил далеко вперед. В круге света что-то двигалось. Закат застыл на месте.

— Это и в самом деле проклятое место. Похоже, кто-то нас тут поджидает. Я никогда не предполагал, что поверю в ночных демонов, но теперь, когда эта штука появилась при освещении... Ты представляешь, что это значит?

Я представлял даже слишком хорошо. Это «что-то» было невидимым при обычном освещении, как и мост. Их видно было только в инфракрасном свете. И это «что-то» шло к нам.

— Я думаю, нам надо остаться здесь, — сказал Закат и, увидев, что я понял смысл его слов, продолжал: — Идти к незнакомцу лучше тогда, когда знаешь его сильные и слабые стороны.

Гнилостный запах разложения тяжело поднимался в неподвижном воздухе и непрерывно усиливался. Мне показалось, что я слышу слабый шаркающий звук.

Закат снова поднял стержень и направил луч вперед. Объемное «что-то» попятилось от света.

— Прекрасно. Значит, этот свет ему не нравится, — заметил с удовлетворением мой товарищ. — Эта его слабость может оказаться нам полезной. Заряди другие стержни, и мы заставим его уйти.

С четырьмя сияющими палочками мы шагнули вперед. И то, что загораживало нам путь, посторонилось. Мы не видели ничего, кроме темной массы, неуклюже, но быстро отступающей от наших лучей.

Отступление оказалось непродолжительным. То, что убежало от нас, набралось храбрости или, может быть, разгадало секрет нашего освещения, потому что через минуту мы увидели, что оно не двигается, а сидит и ждет нас.

Я видел кошмарных рептилий в подземных лапидианских болотах и летающих ужасов в холианских солончаковых равнинах, но то, что было перед нашими глазами на невидимом мосту Путей, было еще более отвратительно для человека. Во-первых, его нельзя было рассмотреть — свет наших стержней выхватывал только слабо очерченные контуры. Это

существо было странно текучим, словно оно могло изменяться по собственному желанию.

Но самым страшным были его глаза, горящие как неяркая пурпурная лампа в складке его рыхлой серой плоти. Существо, по-видимому, не имело членов, кроме массивных жирных кусков, оканчивавшихся мягкими присосками, с помощью которых оно передвигало свое дьяволом придуманное тело.

Закат выругался.

— Поглядишь на этого ползуна, так и не поверишь своим глазам. Неудивительно, что Ким испугался, если увидел такое...

Существо, как видно, предварительно изучило нас и теперь медленно поползло вперед. Его присоски и производили тот шаркающий звук, который я отметил ранее. Но его глаза крепко держали нас в паутине ужасного очарования.

У этого создания был мыслящий мозг, возможно, очень далекий от нашего, но выше нашего по силе влияния. В этих страшных глазах светился разум высокого порядка.

Эта встреча ошеломила как нас, так и ползуна. Я чувствовал волну любопытства, исходившую от него. Как только я увидел эти горящие глаза, я сразу поверил в устрашающую цивилизацию, расу, далеко отстоящую от наших моральных стандартов. И хотя я чувствовал тошноту и некоторый ужас, я не боялся.

Не доходя до нас, существо собралось в комок и приподнялось. Создавалось впечатление, что оно сидит и размышляет о смущающих его проблемах. Быстро взглянув на нас, оно повернуло круглую, как у червя голову и посмотрело вниз, в бездну.

Из глубины донесся тонкий плачущий крик, и из темноты молнией вылетело что-то сверкающее, как серебро, с широкими крыльями. Оно легко кружилось и порхало над мостом и, наконец, сложило крылья и встало рядом с бесформенным чудищем.

По виду оно походило на человека; во всяком случае, у него было стройное тело и члены, соответствующие нашим рукам и ногам, только заканчивались они присосками, как у ползуна. На круглой голове не было лица, только большие пурпурные глаза, вместо волос — бахромчатые перепонки. Когда он посмотрел на нас, они медленно выпрямились и встали над головой, как сияющий нимб.

В моем мозгу зазвучали слова:

— Зачем ты топчешь Древние Пути, человек?

Я кое-что знал о передаче мыслей, практиковавшейся Учеными, так что осторожно обдумал ответ, вместо того, чтобы произнести его вслух:

— Я преследую врага из моего мира.

Серебряный человек обернулся к ползуну, и у меня сложилось впечатление, что был задан вопрос и получен ответ. Затем снова вопрос ко мне:

— Он прошел этой дорогой?

— Думаю, что да.

Мой ответ, видимо, подействовал на них. Я кое-как понял, что они смущены и выбиты из привычного равновесия. Теперь уже я задал вопрос:

— Вы те, кого мы называем Древними? — и почувствовал презрительную усмешку.

— Нет, мы только глина на их гончарном круге. Древние давным-давно исчезли. Мы остались. Мы должны здесь кое-что делать. Глупец ты, глупец! Тратишь время на охоту за врагами, когда на этот слабый мир скоро обрушится гибель!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Спроси того, кто прошел забытыми Путями до тебя. Найди его, человек!

Затем связь наша прервалась, потому что опалесцирующий свет внезапно скользнул по массе ползуна. Он поднялся и опустился. На жирных складках его тела появились громадные раны. Его плоть расплзлась кусками. Я вздрогнул от удара мысленных волн, бьющихся в несказанной агонии. Его товарищ взлетел, с минуту парил над ним, а затем улетел.

Ползун снова приподнялся и, видимо, ослепший, пополз к краю моста. С минуту он покачался там, а затем нырнул через борт и исчез. Мы остались одни.

Закат встряхнулся, как бы просыпаясь от страшного сна.

— Что это было?

— Ползающее существо встретило свою смерть, как понимают ее жители преисподней, но это не естественная смерть, — ответил я. Другой, очевидно, полетел искать причину.

— Давай-ка уйдем с этого места, — Закат вздрогнул, поглядывая вниз, в пустоту, поглотившую мертвого ползуна.

Мы снова пошли по этому скользкому пути, отбросив всякую осторожность, потому что нам необходимо было вновь почувствовать под ногами твердую землю. Сухость в горле

и острые спазмы в животе заставляли меня достать пищу, но Закат не хотел останавливаться, говоря, что лучше пройти мост до конца, а потом уже делать привал. Больше мы не видели ни крылатой фигуры, ни другого ползуна, и я почти готов был уверить себя, что все это было лишь плодом нашего воображения.

Наконец мы прошли этот сверхъестественный мост и спокойно шагнули с невидимого на твердую поверхность. Но Закат споткнулся и упал на одно колено. Когда он встал, в руках его был тонкий металлический конус — лучемет с разрушающими лучами.

— Я думаю, что если бы не ползун, мы получили бы это. — Он задумчиво повертел конус. — Эта смерть предназначалась нам. Хозяин Кума перестал видеть в нас забаву. Над нашими головами раздалось жужжание. Широко раскинув крылья, над нами парил серебряный из бездны. Он задержался всего на секунду и снова исчез, но за это время я почувствовал холодную, смертельную ненависть, направленную не на меня, а на того, кто бросил здесь предательский конус.

Закат с немалым удовлетворением взглянул на меня.

— Похоже, вместо двух охотников стало три. И это существо из бездны враг не из приятных. Кипта возмутил сам Ад. Но, может быть, Оун позволит нам первыми добраться до нашего врага!

Я от всего сердца поддержал это его желание и шагнул на извилистую дорогу. Смерть ползуна доказывала, что мы на правильном пути, и я отключил наши лучевые стержни, чтобы сохранить оставшиеся заряды.

Мы шли много часов, и наш путь был повторением того, что мы прошли до моста. Дорога шла меж гладких стен, мы ничего не видели и не слышали. Три раза мы останавливались отдохнуть и поесть, а затем шли дальше. Я размышлял о том, пошел ли Трэн за нами и как он проходил по мосту.

Я потерял счет времени в этой темной норе, но, по всей вероятности, мы шли несколько дней после встречи с серебряным. Неожиданно мы обнаружили, что стены засветились мягким фосфоресцирующим светом. Он усиливался по мере нашего приближения, так что мы в конце концов смогли снять наши маски.

Коридор кончался у подножия ската, и мы без колебаний стали подниматься. Наверху мы увидели тяжелую дверь из неизвестного материала, который мы уже встречали в Путиях. Она была заперта.

Мы навалились на нее, и она начала поддаваться нашим усилиям. Когда образовалась достаточно широкая щель, мы подняли наши стержни и вошли.

Коридор, в котором мы очутились, полностью соответствовал нашему миру; чуждая атмосфера Путей исчезла. Мы, крадучись, пошли, но как ни старались идти бесшумно, наша кольчужная одежда шуршала по полу.

В конце коридора оказалась другая дверь. Мы снова навалились изо всех сил и сдвинули массивную створку.

Я был полностью ошеломлен и чуть не вскрикнул, войдя в эту дверь: перед нами была гигантская лаборатория. Мой нетренированный ум не мог охватить значение даже одной тысячной доли чудовищных приспособлений, собранных здесь. Мы были в тайной лаборатории Кипты, куда не проникали даже ученые.

Закат, не обращая внимания на то, чего не понимал, пошел вдоль низкой платформы с этой коллекцией сверхнаучных приборов, но тут же издал приглушенное восклицание. Я подошел к нему и увидел в узком проходе ряд ящиков с прозрачными крышками. Даже теперь я не могу позволить себе остановиться на том, что содержали эти ящики. Достаточно сказать, что мозг, ответственный за это содержимое, должен быть нечеловечески безумным.

Отвернувшись от этого омерзительного зрелища, мы побежали по проходу, забыв об осторожности. Если бы я не ненавидел Кипту до глубины души еще раньше, я почувствовал бы к нему отвращение, едва взглянув на результаты его ужасающих экспериментов.

Мы снова подошли к подъему и стали подниматься, желая как можно скорее покинуть это место безумных ужасов.

Наверху был небольшой холл вроде прихожей. Дальше за занавесом была комната. Звук голосов остановил меня, когда я собирался отдернуть ткань.

— Таким образом, это связано, дорогая моя Трэла! Разве не ясно? — донесся до нас сладкий голос Кипты.

Ответ был невнятный, как будто говоривший смотрел на что-то страшное.

— Ясно.

— Тогда согласишься, что наши надежды связаны... — дальнейшие слова слились в неразборчивое бормотание, как будто Кипта отходил от нас в глубину комнаты. Я не стал ждать и рванул занавес.

Глава 8

Обреченный мир

— Гаран!

На меня смотрели широко раскрытые глаза Трэлы.

Кипта быстро обернулся. С искривленных губ сорвалось рычание.

— Дьявольщина! Я думал, ты...

— Умер, Кипта? Нет еще. Твой луч убил другого.

— Трэна?! — вскричала Трэла.

— Нет. Существо из бездны. Его товарищ выследил тебя. Я бы на твоём месте держался подальше от Путей, Кипта. Конечно, в том случае, если ты живой переступишь порог этой комнаты. Что будет: сталь против стали, или голая сила? Между нами счеты...

Он захохотал мне в лицо. Его минутное замешательство исчезло.

— Не думаешь ли ты, что я стану драться с таким как ты, солдат? Здесь я хозяин, и ты скоро это поймешь.

Он отступил к дальней стене. Трэла закричала, предупреждая меня. Я прыгнул к нему, но опоздал: стена за ним как бы растаяла, и он исчез. Я ударился о твердую поверхность и тяжело грохнулся на пол.

— Он скользкий, как ящер из глубин, — сказал Закат.

Разъяренный падением, я мог бы попытаться сломать стену, но бесполезность такой попытки была очевидна. Поэтому я оглянулся в поисках двери, чтобы пуститься вслед за Мастером Кума.

— Нет! — Трэла оттащила меня назад. — Сейчас не время для личных распрей или мести. Смотри!

Она указала на лежавшую на полу пластинку. На тусклой черной поверхности горели крошечные искорки.

— Что это? — с недоумением спросил я.

— Гибель идет на Кранд и на всех нас!

Я еще никогда не слышал от нее такого тона печальной уверенности.

— Не понял? Это карта неба, звезд миллионов и миллионов миров, делящих с нами эту вселенную. Один из этих далеких миров сошел со своей орбиты и мчится в пространстве — снаряд, нацеленный богами на Кранд! Сотни и сотни лет он шел к нам, и было время, когда мы могли избежать гибели... — Она замялась, ее пальцы дергали рваное платье, — ...могли уйти, понимаешь? И спокойно ждать, пока разрушение пройдет мимо нас! Но Кипта погубил этот наш единственный шанс. Ему нужна была энергия для его отвратительных опытов, и он совершил непростительную вещь, деяние, которое Ученые еще сто тысяч лет назад поклялись никогда не совершать: он использовал энергию нашего Солнца! И это нарушило тонко сбалансированный ритм нашей солнечной системы. Мало по малу, наша орбита изменялась. Мы, каста Ученых, знали это, знали с самого начала, но не могли установить причины. Теперь мы видим эту причину — но уже поздно!

— Но Кипта... Он же понимал, что это грозит разрушением...

Она дико захохотала, топая по светящимся точкам, изборождавшим звезды.

— Кипта умен и хитер, он не попадет в собственную ловушку. Он решил покинуть Кранд, найти новый мир и завоевать его с помощью своего темного знания. Кранд будет предоставлен своей судьбе, а Кипта эту судьбу обойдет!

— Но Ученые... — начал я.

Она некоторое время смотрела на меня. Дикое выражение сошло с ее лица, и она снова стала спокойной женщиной с крепкими нервами, какой она была, когда играла роль Айлы во дворце удовольствий в Сотане.

— Ты вправе упрекать меня, Гаран. У нас уже нет времени для пустых слов и бесцельных действий. Пойдем обратно в Ю-Лак, посмотрим, что можно сделать. И давай скорее, пока Кипта не вернулся со стражниками.

— Значит, опять по Путям, — решил я. — Сейчас весь Кум против нас. Только вот мост...

— Там увидим, — сказал Закат, — когда придем... Слушайте! — Откуда-то из стены донеслось бормотанье. Трэла бросилась ко мне.

— Идут! Кипта и...

— А мы уходим. Пошли!

Мы снова прошли через внушающую ужас лабораторию, мимо содержащихся там чудовищ, через обе тяжелые двери во мрак Путей. Тут Трэла крепко прижалась ко мне, потому что у нее не было наших пробивающих тьму линз, и она шла как слепая, однако мне эта ситуация не казалась такой уж неприятной.

Мы ковыляли по гребневидной дороге, когда эхо донесло до нас звуки погони. Трэла остановилась, опираясь рукой о стену.

— Вы идите, — прошептала она чуть слышно. — Идите в Ю-Лак. Я не могу.

Я засмеялся, однако нашел в ее словах зерно мудрости.

— Ты права, один из нас должен остаться и задержать их. Закат, бери принцессу, и идите!

— Неужели ты не видишь, Гаран? Меня уже не держат ноги. Дай мне свой лучемер...

Тут я понял, что она действительно выдохлась. Значит, было только одно решение. Я повернулся к Закату:

— Иди!

Он упрямо покачал головой. Я вынужден был пустить в ход свое последнее оружие:

— Это приказ! — резко сказал я.

Он поднял голову и пристально посмотрел мне в глаза.

— Если ты приказываешь, я должен повиноваться. Ты не оставляешь мне ничего — даже чувства собственного достоинства.

Он повернулся и пошел — медленно, как будто прожитые годы вдруг навалились на него. Трэла взглянула на меня:

— Иди, иди! Не оставляй хоть этого на моей совести.

Я улыбнулся.

— Я предвидел это три года назад, но, вероятно, смутно. Моя судьба — служить тебе, Леди, и так будет до конца. Ты от своих щедрот дала мне кое-что для борьбы, и Оун добр ко мне, потому что я до конца буду видеть тебя.

— Гаран! — она открыто смотрела на меня. — Гаран, раз это конец нам и Кранду — его глупые обычаи теперь не имеют значения. Гаран, неужели ты не понимаешь? Я твоя, как была твоей три долгих года, когда минуты, часы, дни были пронизаны мыслью о тебе. Нужны ли нам легкое ухаживание, сентиментальный флирт? Мы знаем!

Ее руки обвились вокруг меня, ее губы крепко прижались к моим. Пути, Кипта, Кранд — все было забыто в розовом тумане сбывшейся мечты. Трэла была моей! Моей! Ее нежное тело трепетало в моих руках, ее чудесные волосы, о которых я столько времени грезил, щекотали мою шею...

Так мало мгновений украли мы у времени, так скудна была наша нежность, однако она обогатила мою жизнь навечно, и я знал — много ли, мало ли осталось мне дней, я гордо пройду по ним, благодаря этим мгновениям.

— Значит, это наш конец? — прошептала она.

Желание жить вспыхнуло во мне, и я не хотел больше покорно ожидать грозной судьбы.

— Если мы дойдем до моста... — Я понял ее, и мы пошли.

Жуткое окружение, видимо, пугало наших преследователей, и они шли медленно, но все-таки продвигались вперед, поскольку звуки позади стали громче. Но теперь я был полон воли к победе и мне казалось, что моя сила возрастает с каждой минутой. Временами нам приходилось останавливаться, и после короткого отдыха Трэла снова шла твердым шагом впереди меня, освещая путь лучевым стержнем. На нашей последней остановке до моста я заставил ее надеть мою защитную кольчугу, а себе оставил только отделяющую маску. Воздух Путей охлаждал и увлажнял мою кожу, поскольку я был до пояса голым, но зато Трэла была защищена.

И вот мы снова рискнули ступить на невидимый мост, который был перекинут через бездну мастерами ушедшей расы. Когда мы медленно, шаг за шагом, шли по призрачной поверхности, выявленной нашим факелом, звуки охоты за нами стали еще громче. Мы прошли едва ли треть моста, как увидели их светильники, которые они держали над головой. С такого расстояния мы видели только темные фигуры, двигавшиеся туда и сюда, но было отчетливо видно, что люди Кипты не горят желанием преследовать нас в невидимости, оказавшейся перед ними.

После долгих и шумных споров от группы отделилась одна фигура и осторожно пошла за нами.

— Кипта! — негромко воскликнула Трэла.

Я решил, что он вооружен и, боясь, что он применит свой дьявольский разрушающий луч, толкнул Трэлу дальше. К моему удивлению, Кипта этого не сделал, а просто шел за нами с мрачной решимостью. Когда он благополучно ступил

на мост, его люди испуганно взвыли и врассыпную бросились кто куда. Мы остались втроем.

Кипта, бросив долгий взгляд на своих отступивших соратников, пошел твердым шагом, и я знал, что он жаждет нашей смерти. Я оттащил Трэлу в сторону, так как решил пойти ему навстречу. Я увидел жаркое пламя, метавшееся в его глазах, и понял, что черная всепоглощающая ненависть ко мне победила его осторожность. Ярость сжигала его, для ее утоления он должен был убить меня голыми руками, и он отбросил свое оружие.

Итак, мы шли по гребню друг другу навстречу, балансируя на безопасной ниточке. Трэла подняла свой факел, чтобы я мог видеть, куда ступаю, но у Кипты не было такого помощника, и он только интуитивно ставил ноги. По дороге я откинул маску и заплечный мешок в сторону и шел налегке. Он тоже разделся для битвы, но, пока я подбирался на расстояние удара, его рука скользнула на широкий пояс, и я увидел блеск стали.

И вот мы сошлись, как сражающиеся рептилии джунглей. Он оскалился, и его слюна брызнула на мое плечо. Мои пальцы схватили запястье его зловеще сжатого кулака, другой рукой я вцепился ему в горло. Он был умным и опытным бойцом, этот Кипта из Кума. Я и сам участвовал в сотнях казарменных драк, но никогда еще не сталкивался с таким узором великолепных мышц и крепких нервов.

Я использовал все уловки, какие только знал, но обнаружил, что он на каждую из них знал противодействие. Пот заливал нам глаза, наши пальцы соскальзывали с мокрых, скользких тел. Один раз он почти освободился, и я почувствовал жгучую боль, хлестнувшую меня по ребрам, но удар оказался неточным, и, прежде чем он успел ударить меня еще раз, я навалился на него. По его искаженному от ненависти лицу прошла тень, краска злобы погасла; я догадался, что к нему вернулась мудрость, заставившая его понять, что ему не следовало встречаться со мной на той почве, которую выбрал я. Ему надо было вырваться и вести бой на свободе, чтобы иметь возможность воспользоваться каким-нибудь оружием, а не только одной силой.

Как скользкий сорианин, с которым его сравнил Закат, он вертелся и извивался, в то время как я старался только удерживать свой соскальзывающий захват. Наконец он вырвался, отскочил от меня и бросился бежать обратно к началу моста.

Я не мог преследовать его: я шатался от головокружения в опасной близости от края моста. Обессиленными руками я ухватился за большую цепь, поддерживающую мост. Меня тошнило от слабости.

— Гаран!

Я с усилием поднял голову и глухо крикнул:

— Назад! Надень маску и стой спокойно. Он хочет сжечь нас лучом!

— Не думаю, — твердо ответила она, направляясь в мою сторону. — Посмотри, из глубин поднимается месть, как ты и предсказывал!

Сквозь туман, все еще застилавший мои глаза, я увидел серебряных существ; они по спирали поднимались из бездны мрака. Ровно взмахивая мощными крыльями, они поднимались над нами и понеслись, как боевые стрелы, за Киптой.

Что произошло, когда они спикировали на мчащегося куминца, какое ужасное дело свершилось в темноте — мы не видели, но когда до нас долетел страшный крик, вопль нездешнего ужаса, я понял, что жители внутреннего мира рассчитались с Киптой сполна. Плоды греховных изысканий Кипты в конце концов принесли ему смерть.

Крылатые вернулись и стали снижаться, не взглянув на нас. Мне показалось, что один из них держал в своих присосках безвольно обвисшее тело, но, может быть, мои глаза обманули меня.

Мы думали, что они все исчезнут, но последний взлетел над нами. Он покружился и спустился так низко, что его ноги с присосками коснулись поверхности моста. Несколько секунд жуткие пурпурные глаза рассматривали нас.

— Итак, человек, твое желание исполнилось, и ты возвращаешься в свой мир? Только, я думаю, ненадолго. Мы тоже можем читать предупреждения со звезд, которых мы никогда не видели. Кранд породил нас, теперь мы можем оставить его, как сброшенную кожу. Не бойся нас, человек, мы веками стоим в стороне.

Быстро взмахнув крыльями, он поднялся вверх и исчез в бездне.

Пока мы собирались с мыслями, мы услышали вдали крик.

— Это подмога, — сказал я, и мне показалось, что Трэла вздрогнула и слегка изменилась в лице. Затем она повернулась и тяжело двинулась вперед.

Мы шли, и я вновь отвечал на оклики. Потом мы увидели свет лучевых стержней.

Но вместо того, чтобы ускорить шаг, Трэла шла все медленнее, не сводя с меня глаз, но я не мог прочесть в них, о чем она думала. Она поникла, как под холодным ветром. Радость покинула меня. Разве не по своей воле она упала в мои объятия? Разве она не была моей?

Над разбитым концом моста наклонились Закат, Анатан и Трэн. Они сплели из веревок сеть, так что мы могли добраться до них сравнительно безопасно и избежать неопределенности моего первого прыжка. Трэла пошла первой, а затем и я обвязался веревками. Минутное покачивание в темноте — и рука Анатана уже вытаскивала меня.

— А Кипта? — спросил Трэн.

— Существа из бездны рассчитались с ним.

— Ты ранен! — рука Анатана дотронулась до запекшейся крови на моих ребрах.

— Царапина!

Но Трэн осмотрел меня при свете лампы Анатана и перевязал рану шелковой повязкой, которую извлек из кармана. Затем он достал запасную кольчугу и помог мне надеть ее. Все это время я не спускал глаз с Трэлы, которая стояла в стороне со своей фрейлиной. С растущим беспокойством я увидел, что она избегает моего взгляда.

— Значит, Кипте конец, — заметил Трэн.

— Да, и конец не из приятных. — И я описал появление и исчезновение крылатых существ из бездны.

— Кипты нет, — размышлял гурлианец, — значит, власть Кума наконец сломлена. Но Кранд остается.

Трэла подняла голову.

— Да, — ее голос был тверд, хотя губы дрожали, — да, Кранд остается.

Глава 9

Исход

Мы поспешно отправились в обратный путь, поскольку теперь знали, что у нас впереди, и стремились выбраться на поверхность. Я не сомневался, что был какой-нибудь способ избежать надвигавшегося бедствия. Те существа из бездны

намекали на такое, и Трэла говорила, что Кипта почти полностью подготовился к бегству.

То, что сделал Кипта, могли сделать и мы, если позволит время. Одна часть моего мозга была занята проблемой бегства, а другая перебирала минуты, когда мы с Трэлой нашли радость у врат смерти. Я вспомнил, какой она была тогда, и не мог понять, почему она избегает меня теперь. Она держалась в стороне и не отпускала от себя Аналию, а я в это время вынужден был отвечать Трэну, засыпавшему меня вопросами.

Проверка боковой ветви Путей привела его в странную, похожую на смертоносное болото лощину, где устрашающие и фантастические формы жизни прятались среди гигантских грибов. Один раз он и его спутники вынуждены были прожечь себе дорогу лучеметами. Но за условленное время они не нашли путеводной нити и вернулись, чтобы догнать нас. Они оказались у моста как раз вовремя, чтобы встретить Заката, собиравшегося прыгать через пролом.

Наконец мы дошли до ската, выводящего нас из этого места древних ужасов, поднялись по нему и прошли через зал танцовщиц Кора. Дворец удовольствий был пуст и молчалив. В каждой комнате остались следы поспешного бегства их обитателей, но ни одного человека мы не встретили.

Мы снова шли вслед за Аналией по тайным проходам, но на этот раз они вывели нас через подземный ход под городской улицей к королевским садам. Этот проход был сделан по приказу Трэлы, когда она подготавливала свой сумасшедший поход во дворец радостей.

Была уже ночь, когда мы вступили в свежую прохладу мокрой от росы травы. Я был рад снова вдохнуть умытый дождем воздух верхнего мира. Мы не могли определить, сколько времени мы провели в Путях.

Мы быстро прошли через сады, потому что по плану Трэна должны были сразу представиться Императору и рассказать ему все. Когда мы дошли до Дворца, Трэн, избегая ненужных встреч, повел нас обходным путем ко внутреннему помещению.

Он негромко постучал в дверь, открыл ее, и мы бесцеремонно ворвались на заседание Совета. Увидев Трэлу, Император с криком вскочил. Все сгрудились вокруг нас, задавая мириады вопросов и требуя немедленных ответов.

Я следил за Трэлой и поэтому не особенно внимательно слушал, как Трэн отрывисто передавал наш рассказ. Когда он закончил, Император глубоко вздохнул.

— Значит, шло к этому. Счастье Кипты, что он не стоит сейчас перед нами. Впрочем, если верить вам, его постигло худшее, что мы могли бы придумать для его. Кум больше не угрожает нам, но зато гибель, которую его Мастер навлек на нас, остается. Пусть ни одно слово на этот счет не вылетит из ваших уст: Кранд не должен впасть в панику. Внешне наша жизнь должна идти, как всегда, и мы будем тайно готовиться к концу. Сколько времени нам остается, дочка? — повернулся он к Трэле.

— Кипта говорил — три месяца до начала возмущения.

— Так мало? Значит, мы должны впрячься в работу. Десять часов на то, чтобы собраться с силами — и затем мы снова собираемся здесь.

Так он отпустил нас. Трэла и Аналия ускользнули в дальнюю дверь, даже не оглянувшись. Закат, Анатан и я прошли как можно незаметнее в мою штаб-квартиру. Трэн остался с Императором.

Достигнув своей квартиры, я принял ванну, бросился в постель и мысленно перебрал все проблемы, терзавшие меня. Наконец, я задремал и забылся.

* * *

На этом втором чрезвычайном Совете мы встретились с теми Учеными, которым Император доверял, и с некоторыми членами других каст, считающихся надежными. Добрых четыре часа, если не больше, ведущий астроном Кранда говорил о бедствии, грозящем нам и соседним мирам.

В прошлом было доказано, что жизнь, как мы ее понимаем, не может существовать на двух других планетах нашего Солнца. Но есть другие солнечные системы; одна находится в нескольких сотнях световых лет, в ней девять планет, одна из которых родилась недавно. Эта дикая планета может быть нашей целью.

Это решение временно приняли и повернулись ко мне за советом относительно космического корабля.

Я выложил им то небольшое, что знал:

— Ускорение, способное преодолеть силу притяжения

Кранда, может убить людей, прежде чем корабль пробьется через плотные слои атмосферы. Нужно построить звездолет совершенно иного типа, чем мы себе представляем, и гораздо более мощный, чем те, что есть сейчас.

Трэн кивнул.

— Сейчас у нас энергии сколько угодно, — мрачно сказал он.

— Что ты имеешь в виду?

— Источники Кипты открыты для нас. Энергия Солнца.

Члены Совета отшатнулись:

— Ты нарушишь древний запрет? — спокойно спросил Император.

Трэн оглядел нас:

— Мы должны просто смотреть на то, что перед нами: у Кранда и большей части его жителей нет будущего. Для горсточки его жителей, тех, кто будет представлять нашу расу и заново воссоздаст ее — и лучше, чем сделали мы — для них есть надежда. Особый корабль, о котором говорил Лорд Гаран, снабженный неистощимой солнечной энергией, сможет вырваться отсюда. Теперь вопрос о том, что мы заставим планету и людей напряженно и мучительно работать для того, чтобы крошечная часть нас могла лететь через космос к безопасности. Осмелимся ли мы считать себя достойными такой жертвы со стороны наших товарищей?

Император повернулся к человеку в белой мантии, стоявшему направо от него — Первосвященнику Храма Знания. Тот погладил свою мантию морщинистой ладонью, и его старые-старые глаза, казалось, видели будущее.

— Оун открыл нам этот путь; убоимся ли мы идти по тропе, которую он указал нам? — протяжно спросил он. — Если пойдут достойные, значит, мы выполнили задачу, поставленную перед нами. Но я думаю, люди Кранда, что дни Ученых прошли. Мы согрешили, возвысив их над нашим миром, и поэтому теперь, в эти последние остающиеся нам дни, не должно быть ни Ученых, ни простых людей, но только братья, сражающиеся плечом к плечу за общее благо!

Слабое бормотанье провожало его слова, а мое сердце забилося сильнее: значит, барьеры падут и Трэла будет полностью моей. Я смогу открыто потребовать того, что она отдала мне тайно, когда смерть стояла над нами в Путиях.

— Лорд Гаран!

Я с усилием собрал свои разбежавшиеся мысли и посмотрел на Императора.

— Лорд Гаран, тебе более чем кому-либо из нас известны тайны летающих конструкций. В твоём распоряжении все наши специалисты. Что ты нам предложишь?

— Есть один человек, некий Хей-Лин из Кемпта; он занимался межпланетными кораблями два года назад. Он удачно посадил ракету недалеко отсюда, в Сойе. Но его надо будет посвятить во все.

— Ты доверяешь ему?

Я заколебался.

— Я мало знаю Хей-Лина, я только встретился с ним во времена его работы. Он сообщал мне об успехах своих экспериментов каждый месяц в прошлом году. О нём самом я ничего не знаю. Но сегодня это единственный человек на Кранде, кто способен решить нашу задачу.

— Хм... — Император погладил подбородок. — Лорд Закат, как твои руанские рудники? Сможешь ли ты увеличивать их выработку вдвое в течение следующего месяца?

— Дай мне свободу действий, и я попытаюсь, — сказал офицер с мрачной осторожностью, но его ответ, видимо, понравился Императору.

— Тогда остается выбрать какое-нибудь свободное место, достаточное для строительства звездолета, и приниматься за работу. Лорд Гаран, освободи своего инженера от его обязанностей и прикажи ему рапортовать мне. Лорд Закат получит новые погрузочные правила для Ру. И, если Оун будет милостив к нам, мы сохраним наш Совет до конца. Вы согласны, Милорды?

Лорды один за другим дали свое согласие. Все было решено.

Следующий месяц был периодом кошмарной изнуряющей работы для всех нас. В то же время смута Кипты была так искусно засеяна, росла и цвела, что постоянная угроза восстаний и бунтов делала мою службу очень нелегкой. Если бы не Анатан, на которого я с каждым днем все больше и больше полагался, я не смог бы держать в порядке свой корпус.

Юный холианец стал как бы намного лет старше и в любое время был готов явиться по моему зову.

Кроме того, что я нуждался в его помощи и вообще был привязан к нему, у меня была еще одна причина иметь его рядом: только через него я мог что-нибудь узнать о Трэле.

Аналия, его сестра, по-прежнему была фрейлиной Трэлы и постоянно сопровождала ее. За всё это время я ни разу не встретился с Трэлой лицом к лицу.

Однажды вечером я сидел у себя в комнате, просматривая рапорты из Ру, содержавшие комментарии персонала Заката по поводу тамошней ситуации. Вошел Анатан и положил передо мной маленький металлический ящичек для письма. Рулончик шелка, находившийся в нем, содержал всего одну строчку:

«У грота на восходе луны».

Подписи не было. Я в растерянности разглаживал шелк.

— От кого ты получил это?

— От Аналии, — коротко ответил Анатан.

Тогда я понял, из чьих рук вышло это письмо, и поспешно сунул его в карман. Анатан медлил уходить; на его лице ясно читалась нерешительность.

— В чем дело?

Он бессильным жестом опустил руки.

— Это несправедливо! — вырвалось у него, он повернулся и бросился бежать, как будто я был ночным демоном.

Страшно удивленный его вспышкой, я подошел к окну. Луна скоро должна была взойти. Мое сердце дико билось. Я схватил длинный темный плащ, который хорошо скрывал мою униформу, и вышел.

Мой личный флайер сел на дворцовой стоянке, и я затопил вниз по скату, на ходу пробормотав часовому пароль. В саду дул прохладный ветерок, и никогда обреченный Кранд не казался мне столь прекрасным, как в ту ночь, когда я шел по Императорскому саду, отыскивая грот, в котором мы с Трэлой однажды задержались.

Я пришел рано. Никто не ждал меня под деревьями. Сгорая от нетерпения, я ходил взад и вперед по темной ложбинке, поросшей лесом. Долго ждать мне не пришлось: в темноте появилась белая фигура, которую я сразу узнал.

— Трэла!

Мои руки обвились вокруг ее упругого тела, мои губы почувствовали прохладу ее лица. Но она вырвалась из моих объятий и, прижав руки ко рту, отступила.

— В чем я провинился, любимая? Я испугал тебя?

Она покачала головой, и в полусе лунного света я увидел слезы, катившиеся по ее побелевшим щекам.

— Это я виновата, Гаран...

— Может быть, ты устала? — нетерпеливо прервал её я. — Тогда я не стану докучать тебе, милая.

— Нет, нет! — резко воскликнула она. — Могу ли я думать об усталости!

Она стиснула тонкие пальцы, а слезы все лились и смачивали манишку ее платья. Наконец, она как будто овладела собой.

— Ты ни в чем не виноват, Гаран, ты всегда поступал хорошо и правильно. У нас с тобой будет что вспоминать, когда... — Ее голос прервался.

Я вздрогнул, холод пронизал меня — я понял, что счастье ускользает от меня.

— Что ты хочешь сказать мне, Трэла? — ласково спросил я. — Не пугай меня, возлюбленная.

— Я несвободна в жизни и любви, Гаран. Несвободна выбирать радости жизни. Было решено, что для блага Кранда я буду принадлежать Трэну. И теперь я сознаю глубину своего греха, потому что я уже была отдана Трэну, когда стояла в Путиях и просила твоей любви. Я была предназначена ему, когда вернулась из Храма Света. Отвернись теперь от меня, Гаран, ты имеешь на это право. Я по своей слабости предала нашу любовь.

Смертельный холод заползал в мое сердце.

— Ты жена Трэна? — спросил я, стиснув зубы.

Она вскинула голову.

— Нет, и думаю даже, что не буду. Когда я впервые увидела тебя в кабине управления отцовского флагмана, когда наши глаза встретились и открыли друг другу тайну наших сердец, я поняла, что никого другого не смогу честно взять в мужья, потому что ты мой Гаран, и я твоя, хотя между нами лежат миры. Так было с нами раньше, так будет и впредь. Когда требовали, чтобы я была с Трэном, я медлила и оттягивала, не давала своего согласия, надеясь, что судьба окажется милостивой ко мне. И когда мы остановились в Путиях, я думала, что смерть разрешит нашу задачу, и заговорила о любви. Но мы спаслись тогда, и теперь наступил конец всем моим планам. В тот день, когда Трэн возглавит бегство с Кранда, я полечу с ним. Мои обязанности спланированы до жестокости четко. Я должна отказаться от любви. Отказаться, Гаран...

Ее голос слабел и, наконец, совсем оборвался. Она упала на скамью и пристально вглядывалась в деревья, скрывавшие наше убежище. Я грубо засмеялся, и жестокость этого смеха резко отозвалась даже в моих собственных ушах.

— Итак, солдат должен отойти в сторону. Вы, каста Ученых, решили так. А если солдат не пожелает, Трэла? Что, если я заявлю, что ты моя по праву?

Мои слова придали ей новую силу.

— Гаран, я поступила жестоко, но не заставляй меня вспоминать этот час с еще большей горечью. Я запятнала нашу любовь, а ты хочешь разбить ее.

— Прости, я больше не возмущаюсь, Королевская Леди. Гаран пойдет на свое место, чтобы принести пользу Кранду.

С этими словами я повернулся и пошел, не обращая внимания на ее плач. Ярость душила меня, и все передо мной плавало в багровом тумане.

Когда я снова оказался в своей комнате, я тупо смотрел невидящими глазами на стены и всю ночь проходил по комнате. В эти горькие часы что-то во мне умерло навсегда — может быть, тень моей жаждущей и обманутой юности...

Я прожил оставшиеся мне дни достаточно спокойно, механически выполняя свою работу. Мои специалисты работали в дебрях Кора, где звездолет медленно формировался в своей колыбели. Закат совершал чудеса в Ру, откуда доносились слухи о его безжалостном правлении. Анатан слонялся поблизости, не сводя с меня опечаленных глаз. Я одиноко шел своим путем.

Решено было послать вперед сконденсированный энергетический луч, направленный к планете, которую мы избрали для нашей дальнейшей жизни. В этом гигантском туннеле чистой энергии шарообразный звездолет надежно отправится по назначению. Невидимые стены предохранят его от блуждающих метеоритов, сэберегут пассажиров. Но проверить нашу теорию уже не было времени. Грядущая гибель уже сейчас тяжело нависла над нами — пылающий оранжевый шар в ночном небе.

За три недели до конца создали последнюю конференцию на Ю-Лаке. Нельзя было дольше хранить тайну судьбы Кранда: конец уже наступал: были извержения, две приливные волны, ряд землетрясений, с каждым разом все более сильных.

В ту ночь мы собрались, чтобы выбрать тех, кто рискнет

выйти в космос, как часть нашего мира, и, может быть, спасется.

Трэн и Трэла сидели рядом, и перед Лордом Гурла лежал список имен. Ясно, что эти смельчаки — будущие пассажиры звездолета — должны быть молодыми и сильными, способными выжить в космическом путешествии и сохранить род. Некоторые были выбраны как специалисты. Далеко не все из собравшихся здесь отвечали этим требованиям, однако, даже тени недовольства не было на их лицах, пока они слушали.

Одно за другим читались имена. Я обрадовался, услышав, что Анатан и Аналия включены в список. Когда Трэн кончил читать, я встал:

— Милорды, вычеркните меня.

— Но ты нужен нам... — начал Трэн.

— Вряд ли вам в вашем диком новом мире понадобится солдат, — возразил я. — Я останусь здесь и, может быть, буду полезен, наводя порядок в эти последние дни. Нет, я не уйду. Я принадлежу Кранду и останусь на Кранде до конца.

Я взглянул на Трэлу. Вся злоба и ненависть ушли из моего сердца, когда я увидел ее улыбавшееся лицо и воздушный поцелуй, который она мне послала. Я был удовлетворен.

Несмотря на всеобщие настояния, я не изменил своего решения. И Анатан остался бы со мной, если бы я силой не сунул его в транспортный самолет, который доставит их в Кор, на звездолет. В последнюю минуту Трэла подошла ко мне.

— Любимый, — сказала она отчетливо, — сейчас ты дал мне память более драгоценную, чем сокровища тысячи королей. До свидания, до будущей нашей встречи! — И на виду у всех она поцеловала меня в губы.

Они улетели, а мы остались на стоянке, глядя на черное пятнышко, быстро исчезающее вдаль. Закат первым нарушил молчание. Он повернулся ко мне и протянул руку. Былая широкая усмешка расщепила его плоское лицо.

— Ты был хорошим товарищем, Гаран. Когда мы встретимся по ту сторону звезд, нам будет что рассказать друг другу. А теперь прощай.

— Куда ты? — спросил я.

— Обратно в Ру. Я еще пока солдат и хочу остаться на своем посту до конца.

Его флайер исчез в туманном небе.

Я остался один.

Глава 10

Мрак

Мы стояли на гребне самой высокой сторожевой башни Ю-Лака. Я прислонился к камню и чувствовал его холод сквозь плащ. А внутри меня был холод смерти.

— Начинается!

Сказал ли это Император, или бьющаяся в жилах кровь вызвала в мозгу эти слова?

За далекими горами полыхало пламя. Отдаленный рев... Яростное бормотанье города исчезло, поглощенное этим грохотом. С поверхности нашего гибнущего мира поднималось копьё света, поднималось все выше и выше, как копьё протеста против богов.

Судорожный всхлип вырвался у меня помимо воли. Рука Императора легла на мои плечи.

— Это выходит сердце Кранда. Разве это не стоит своей цены, сынок?

«Нет!» — кричала кровь в моих жилах, но я взглянул в его прекрасные глаза, и мои губы сказали то, чего не чувствовало мое сердце.

— Да.

Я смотрел, как огненное копьё поднималось вверх. Небо было темным и мрачным. Снизу доносились крики обезумевшего мира, наполненные страхом и ненавистью.

— До конца, сынок?

— До конца, — скрепил я договор между нами.

Мы повернулись и бок о бок спустились со сторожевой башни на улицу. Здесь мы расстались; его ждали дела, меня тоже.

Как солдат, я знал, что должен до конца поддерживать порядок с помощью своей власти и людей под моей командой. Я отлично понимал, что это бессмысленная задача. Я представил себе всю огромность ее и поспешил в казармы через бесчинствующие толпы, заполнившие улицы. Не было такой силы под солнцем Кранда, которая могла бы навести порядок в этом хаосе, но я был обязан пытаться.

Везде толпился народ в безнадежном смятении. Некоторые совершали бессмысленные акты насилия, дрались среди улицы, грабили дома. С чувством гордости, поддерживаю-

щей меня даже сейчас, я увидел блестящую униформу моих солдат, когда они буквально сражались за то малое, что они могли сделать для наведения хоть какого-то порядка. На каждом углу возникали оракулы: одни молились, другие выкрикивали проклятия Ученым, призывая к их уничтожению и подстрекая слушателей к убийствам в мире, скатывающемся в безумие.

Я пробивал себе путь, благословляя физические действия, которые помогали мне не думать. Тяжко было сознавать, что моя Леди Трэла, если планы не пошли наперекос, на пути через космическое пространство к другому миру и другой жизни, в которой мне нет места. Но я не принял эту потерю кротко и покорно; наоборот, я поклялся Оуну, что если он дарует мне другое существование где-нибудь в другом мире, как верили некоторые, и я еще раз встречу Трэлу, то никакая сила, ни человеческая, ни божественная не разлучит нас.

Поддерживаемый этой клятвой, как захваченный штормом моряк хватается за спасательный плотик, я дошел до казарм. Отряды тщетно боролись с хаосом — так Ана попыталась бы удержать грифона. На каждый акт насилия, который они предупреждали, приходилась тысяча других, ведущих к кровавому концу.

Следующие несколько дней были кошмаром бессмысленной, непрекращающейся активности. Не было по-настоящему ни дня, ни ночи — только выполнение долга и страшная умственная и физическая усталость.

Вся нормальная жизнь на Кранде, по-видимому, остановилась. Дворцы удовольствий были заполнены ищущими забвения. Половина домов в городе была разграблена и разрушена. Мы не производили арестов — для этого не было ни времени, ни тюрем, — я осуществлял быстрое правосудие прямо на месте преступления. Лишь немногие продолжали вести нормальную жизнь и выполняли обычные обязанности: мои люди — к моей гордости — полиция, большинство Ученых. Тому, кто нуждался в доказательствах зла, содеянного Киптой в его безумии, достаточно было открыть глаза и посмотреть вокруг.

В эти последние дни я проделал столько работы, что у меня почти не было времени думать о Трэле или о судьбе звездолета.

После трех дней без отдыха и без сна я решил найти какое-то забвение, иначе свалился бы с ног. Мне захотелось пройти по Дворцу. Я устало потащился на крышу, где стоял мой флайер, и вышел на холодный ветер кроваво-красной зари. Надо мной нависла вторгающаяся планета — молот, занимающий четверть неба. Если наши Ученые рассчитали правильно, то приближался миг, когда весь Кранд должен был разлететься на куски.

Я стоял над опустевшим городом и видел, что появился еще один безжалостный враг: громадные волны разбивали вековые стены, неся смерть всякому, кто задержался на пути.

Охваченный внезапным предчувствием, я на полной скорости полетел ко Дворцу. Ведь мы с Императором заключили пакт, и я был уверен, что он предпочтет встретить свой конец в чистом Божьем небе. Мы ничего уже не могли сделать для нашего родного Мира.

Я летел против страшного ветра с той же необходимостью подчиняться порядку, которая держала меня на моем посту в течение этих ужасных дней. Ветер вырывал у меня управление машиной, и я изо всех сил боролся с этим своим врагом. Подо мной дрожали и качались здания, как вырванные бурей деревья, и слышался глухой рев. Скоро моя машина совсем перестала меня слушаться и закружилась; я то поднимался к небу, то спускался до земли. Разрушающиеся здания падали обломками на бегущие существа моей породы. Волны откатывались назад, унося то, что осталось от разбитых камнями тел.

Темнота — и с ней паника, как бы взрывающая тело. Я ожидал всего, но это, несущее с собой весь древний человеческий страх, было много хуже, чем я мог себе представить. В самый последний миг что-то такое огромное, что не охватить взглядом, прошло мимо и исчезло в пространстве. И я понял: Кранд раскололся пополам и добавил новую луну — а может быть, Кранд исчез, столкнув и свою луну?

Мою машину, полностью потерявшую управление, бил и разламывал воюющий и визжащий ветер. Только плетеное кресло пилота еще оберегало меня от ударов. Но дыхание — я не мог дышать. Теперь, когда на меня спустилась тьма, я увидел — не хаос мира, который человек не может видеть и остаться живым — а Трэлу, Трэлу, какой она была и всегда будет для меня!

Мы долго молчали — моя Леди и я — теперь Гаран Пламени в пещерном мире Тэйва. Сцены, которые мы только что видели, все еще жили в нашей памяти и пугали даже сейчас.

И — кто же я? Гаран Ю-Лака из безмерно далекого времени или тот Гаран, что сейчас сидит здесь и может протянуть руку тому, далекому Гарану, и почувствовать связь между ними?

Я поднял Трэлу, стряхивая с себя это изумительное прошлое. Она тут, в моих объятиях, и мы никогда не расстанемся — никогда!

Забыта была комната, в которой мы стояли, и магические зеркала были чистыми.

Восстановление памяти было закончено — и конец стал началом.

Оглавление

КРИСТАЛЛ С ГРИФОНОМ

3

ГОД ЕДИНОРОГА	181
Глава 1	182
Глава 2	190
Глава 3	199
Глава 4	208
Глава 5	217
Глава 6	227
Глава 7	233
Глава 8	236
Глава 9	244
Глава 10	252
Глава 11	261
Глава 12	265
Глава 13	272
Глава 14	279
Глава 15	282
Глава 16	292
Глава 17	298

ГАРАН ВЕЧНЫЙ

303

Часть первая

304

Глава 1 Через голубой туман	304
Глава 2 Гарайн узнает о Темных Существах	311
Глава 3 В Подземельях Мрака	321
Глава 4 Исход из Подземелий	329
Глава 5 Битва в Пещерах	337

Часть вторая

344

Глава 1 Лорд Ю-Лака	344
Глава 2 Мастер Кума	351
Глава 3 Дворец удовольствий в Сотане	358
Глава 4 Айна и Лания	366
Глава 5 Похищение Трэлы	373
Глава 6 Пути Мрака	380
Глава 7 Существа из Бездны	388
Глава 8 Обреченный мир	395
Глава 9 Исход	401
Глава 10 Мрак	410

**Издательство
«Зеленоградская
книга»
издает собрание
сочи-
нений
Андрэ
Нортон**

**Книги
Андрэ
Нортон**

**ЭТО ПРОСТО
ФАНТАСТИКА!**

**По вопросам реализации
обращайтесь по тел. (095) 536-50-94**

Андрэ Нортон
КРИСТАЛЛ С ГРИФОНОМ

литературно-художественное издание

Ответственный редактор
Голованев М. В.

Художественный редактор
Прилико К. В.

Технический редактор
Казачек В. Н.

Сдано в набор 01.05.92г. Подписано в печать 07.12.92г.
Формат 84 × 108/32. Бумага типографская.
Печать высокая. Гарнитура „Таймс”. Уч.-изд. л. 24,8.
Физ. п. л. 13. Тираж 100 000 экз. Заказ № 292. С 5.

Набор и верстка АО „Музыка сфер”
ОДИГО ВФО. Одинцово, Можайское ш., 77

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
ПО „Детская книга” Мининформпечати РФ.
127018, Москва, Суцевский вал, 49

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

